

СНИКОВЪ

РЕВО

Виктор Петрович Ключников

Марево

Ключников, Виктор Петрович (1841–1892) — беллетрист. Родом из дворян Гжатского уезда. В детстве находился под влиянием дяди своего, Ивана Петровича К. (см. соотв. статью). Учился в 4-й московской гимназии, где преподаватель русского языка, поэт В. И. Крассов, развил в нем вкус к литературным занятиям, и на естественном факультете московского университета. Недолго послужив в сенате, К. обратил на себя внимание напечатанным в 1864 г. в "Русском Вестнике" романом "Марево". Это — одно из наиболее резких "антинигилистических" произведений того времени. Движение 60-х гг. казалось К. полным противоречий, дрянных и низменных деяний, а его герои — честолюбцами, ищущими лишь личной славы и выгоды. Роман вызвал ряд резких отзывов, из которых особенной едкостью отличалась статья Писарева, называвшего автора "с позволения сказать г-н Ключников". Кроме "Русского Вестника", К. сотрудничал в "Московских Ведомостях", "Литературной Библиотеке" Богусевича и "Заре" Кашпирева. В 1870 г. он был приглашен в редакторы только что основанной "Нивы". В 1876 г. он оставил "Ниву" и затеял собственный иллюстрированный журнал "Кругозор", на издании которого разорился; позже заведовал одним из отделов "Московских Ведомостей", а затем перешел в "Русский Вест-

ник", который и редактировал до 1887 г., когда снова стал редактором "Нивы". Из беллетристических его произведений выдаются еще "Немая", "Большие корабли", "Цыгане", "Немарево", "Барышни и барыни", "Danse macabre", а также повести для юношества "Другая жизнь" и "Государь Отрок". Он же редактировал трехтомный "Всенаучный (энциклопедический) словарь", составлявший приложение к "Кругозору" (СПб., 1876 г. и сл.).

Роман В.П.Ключникова "Марево" - одно из наиболее резких противонигилистических произведений 60-х годов XIX века. Его герои - честолюбцы, ищущие лишь личной славы и выгоды. Роман вызвал ряд резких отзывов, из которых особенной едкостью отличалась статья Писарева.

Содержание

Часть первая ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ	0008
I. Тишь да гладь	0008
II. Туземцы	0025
III. Родникъ замутился	0047
IV. Товарищи	0063
V. Нежданный гость	0079
VI. Заказъ	0100
VII. Наслѣдство	0114
VIII. Отсталые	0131
IX. Передовые	0145
XI. Интрига	0176
XII. Бродячая трупша	0189
XIII. Публичная библіотека	0203
XIV. Жаръ крови	0209
XV. Посредникъ	0221
XVI. Тость	0235
XVII. Рѣшительный шагъ	0246
XVIII. Инна	0256
Часть вторая НА РАСПУТЬИ	0268
I. Совѣтъ педагоговъ	0268
II. Учебные предметы	0285
III. Странныя метаморфозы	0299
IV. Запутанное дѣло	0318
V. Еще болѣе запутанное дѣло	0330
VI. Безъ маски	0344

VII. Осенніе дни	0356
VIII. Портретъ	0366
IX. Переписка	0378
X. Дневникъ	0396
XI. Поколебался	0406
XII. Послѣдній порывъ	0415
XIII. Чего никто не ожидалъ	0428
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПЕРЕЛОМЪ	0435
I. Въ морѣ	0435
II. Революціонная сорока	0442
III. Самый новый складъ ума	0453
IV. I Ugonotti	0466
V. Д о м а	0474
VI. Травленый волкъ	0484
VII. Пропаганда	0493
VIII. Земля обѣтованная	0505
IX. Завялый букетъ	0515
X. Что-то тамъ?	0526
XI. Пожаръ	0535
Часть четвертая ГОЛАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.	0548
I. Проблескъ сознанія	0548
II. Une réfugiée	0555
III. Толки	0561
IV. Добрыя души	0567
V. Проводы	0576
VI. Немезида	0584
VII. Неизбѣжное слѣдствіе	0589

VIII. Столкновение	0596
IX. Старые знакомцы	0604
X. Карусель	0613
XI. Развязка	0620
XII. Домашний очагъ	0626
Клюшников В. П.: Библиографическая справка	0632

**МАРЕВО
РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ
ЧАСТЯХЪ. [1]**

Часть первая ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ

I. Тишь да гладь

Будто въ панорамѣ стелется волнообразная, зеленая равнина, мѣстами прорѣзанная полосами чернозема, со всѣми пригорками, рощами, водой и осѣвшими по ней хуторками. Приземистыя, бѣлыя хатки съ соломенными крышами выглядываютъ изъ темной зелени вишневыхъ садовъ; желтые скирды пестрѣютъ за плетнями; яры каймятъ берега прудовъ съ нависшими ветлами и очеретомъ: {Камышъ.} кое-гдѣ за околицей одиноко торчитъ вѣтрякъ; {Вѣтреная мельница.} а тамъ опять пошла разнотѣнная зелень овса, пшеницы, жита и проса, колыхаясь отъ вѣтра и переливаясь на солнцѣ до слѣдующаго хутора. И тянется безконечная степь, далеко уходя изъ глазъ, теряя всякую перспективу въ прозрачномъ, струящемся воздухѣ. Ясное, синее небо охватило кругозоръ и такъ низко пришло по краямъ, будто хочетъ закрыть этотъ

тихий уголокъ отъ дурнаго глаза...

По степи ъхаль видный молодой человекъ, любуясь вечернею картавой. Полевая стежка слегка пылилась подъ дробными шажками малорослой лошаденки, и косые лучи солнца бросали длинный до уродливости силуэтъ ихъ по скошенной травѣ. Путникъ почти не правилъ лошадыю; онъ какъ-то лѣниво протянулъ ноги на рогульки бѣговыхъ дрожекъ и самъ мѣшковато согнулся. Вѣтеръ относилъ назадъ изъ-подъ кожаной фуражки русые волосы; на румяномъ лицѣ такъ и сквозило, что окрестные виды не успѣли еще приглядѣться этимъ сѣрымъ глазамъ, весело перебѣгавшимъ съ одного предмета на другой. Подъѣхавъ къ хутору, онъ стадъ погонять коня; спустился съ покатаго берега пруда на хворостяную гать, распугавъ и столкнувъ въ воду крикливую семью утокъ, миновалъ два ряда хатъ и плетней, сопровождаемый неистовымъ лаемъ кудлатыхъ псовъ и криками мальчишекъ, засѣдавшихъ верхомъ на плетнѣ, и остановился у калитки панскаго двора.

Панскій домъ, впрочемъ, лишь съ боль-

шою натяжкой могъ удержать за собой такое громкое имя. Правда, это было длинное строеніе съ двумя выступавшими крыльцами по бокамъ и низенькою террасой межъ нихъ, уставленною цвѣтами въ горшкахъ, но тѣмъ и ограничивались его претензіи на барство; кругомъ обильно произросталъ клоповникъ, употребляющійся на вѣнички; маленькія окна подслѣповато глядѣли на террасу; деревянныя стѣны каждый праздникъ бѣлилась крейдою {Мѣль.}; а высокая, соломенная крыша сообщала ему до того сельскую фізіономію, что съ приходской колокольни домъ казался прошлогоднимъ стогомъ сѣва. На террасѣ сидѣли всѣ владѣльцы хуторка, пользуясь вечернею прохладой. Анна Михайловна Горобецъ, толстая барынька, лѣтъ сорока пяти, съ полнымъ безцвѣтнымъ лицомъ, одѣляла чаемъ семью. Сынъ ея, Авениръ Николаевичъ, глядѣлъ англійскимъ юношей хорошаго тона; на его худощавое лицо набѣгали рѣденыіе свѣтлые волосы, пестрый лѣтній пиджакъ свободно охватывалъ его жиденькую фигурку, комфортабельно развалившуюся у кресла сестры. Подлѣ хорошенькой

Юленьки вертѣлся молодой сосѣдъ-помѣщикъ, и что-то съ жаромъ ей разсказывалъ. Юленька, улыбалась всѣмъ розовенькимъ личикомъ, выставляя два ряда крошечныхъ бѣленькихъ зубковъ, шумѣла голубымъ шелковымъ платьемъ, поправляла каштановые волосы. Съ своей стороны, помѣщикъ, по видимому, имѣлъ самага разрушительнаго свойства намѣренія насчетъ ея сердечка. Не безъ умысла принарядился онъ въ одноцвѣтную лѣтнюю пару *planché*, и такъ лихо закрутилъ усы и эспаньолку....

— Владиміръ Иванычъ! радостно крикнула хозяйка: — я думаю, что это словно кого-то не достааетъ, а оно вонъ кого... Да, идите скорѣе! Экой увалень!

Пріѣхавшій въ самомъ дѣлѣ шелъ по двору развалистою походкой, и еще издали началъ улыбаться...

— Мусье Русановъ, племянничекъ майора, а это Акиндинъ Павловичъ Ишимовъ, сосѣдъ вашъ, представила хозяйка другъ другу гостей: — ну, какъ ваше здоровье? Нечего и спрашивать; по лицу видно...

— Что ему дѣлается! Онъ самъ все сломать

радъ, засмѣялась Юленька, когда Русановъ опустился въ кресло, такъ что оно хрустнуло.

— Такъ я не кончилъ, заговорилъ Ишимовъ: — какъ только она долетѣла до зайца, а это былъ не заяцъ, а зайчиха, такъ объ отъ напора... такъ, pardon, и оценилась....

— Ah, quelle horreur! крикнула Юленька.

— Что жъ за horreur, вмѣшался Авениръ: — все это такъ естественно, въ порядкѣ вещей.

— Такъ что значитъ кровь-то! Щенята-то такъ зайчатъ-то и хватаютъ, такъ и хватаютъ!

— Слѣпые-то? спросилъ Русановъ.

Ишимовъ холодно отвѣтилъ ему, что чистокровные не родятся слѣпыми.

— Что жъ Инны Николаевны не видать? обратился Владиміръ къ Юленькѣ.

— Да когда жъ ее видать? Съ самага обѣда пропала; таскается гдѣ-нибудь съ своимъ Ларой...

Наступила минута молчанія. Хозяйка замѣтила, что должно быть, тихій ангелъ пролетѣлъ, а Ишимовъ даже поглядѣлъ въ небо....

— Ну, что, какъ у васъ идутъ уставныя гра-

моты? спросилъ Русановъ.

— Э, охота вамъ, ей Богу! сказала хозяйка: — ничего не подѣлаешь съ этимъ народомъ; а тутъ еще посредникъ въ отставку хочеть, просто и не глядѣла бы ни на что!...

— Говорять, у васъ саранча появилась?

— Кто ее знаетъ, говорятъ...

— Слышали новость? Въ Ильцы молодой графъ приѣхалъ, сказалъ Ишимовъ, закуривая сигару.

— Какже! Вотъ веселье-то поидеть! Совсѣмъ жизнь перемѣнится? Богатѣйшій, вѣдь, аристократъ; балы станеть давать, пикники, катанья...

— А я слышалъ, Бронскій гордецъ; до сихъ поръ носу ни къ кому не показываетъ, перебилъ Ишимовъ.

— Бронскій? Владиславъ? спросилъ Русановъ. — А я и не звалъ, что у него и въ этихъ краяхъ имѣнье; мы вмѣстѣ кончили курсъ въ университетѣ...

— А вы надолго въ ваши палестины?

— Не знаю, право; дядя уговариваетъ остаться съ нимъ... А кстати, Анна Михайловна: онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ роза-

новъ для варенья...

— Да кто жь у него варить? Неужто самъ? Это вѣдь надо умѣючи...

— Вонъ непосѣда-то идетъ! объявила Юленька.

Изъ саду шла высокая, стройная дѣвушка въ черномъ платьѣ и мускетеркѣ, бравурно надвинутой на задумчивое, немного блѣдное лицо. Черные глаза смѣло глядѣли изъ-подъ рѣзко очерченныхъ бровей, черные волосы густыми локонами разсыпались по плечамъ. Рядомъ съ ней громадный черный водолазъ, величаво выступая, несъ во рту корзинку съ цвѣтами....

— Вотъ онъ, Аня! Наконецъ-то нашла! крикнула она, обращаясь къ Авениру и показывая ему какой-то цвѣтокъ; но вдругъ словно осѣклась, сухо поклонилась собесѣдникамъ и прошла въ комнату.

— Кладъ нашла, усмѣхнулась Анна Михайловна, — только и дѣда. Словно принцесса какая, и словечка не кинула!

Собесѣдники продолжали заниматься чаемъ, только Русановъ началъ выказывать признаки безпокойства, повертывался на стулѣ,

поправлялъ воротнички, безъ всякой надобности глядѣлъ въ сторону, и наконецъ всталъ.

— Я тутъ... привезъ книги Иннѣ Николаевнѣ, проговорилъ онъ торопливо и, не докончивъ, отворилъ дверь въ домъ. Онъ проворно прошелъ залу съ круглымъ столомъ, фортепіано и плетеными стульями, гостиную съ мягкой мебелью, картинами, кивотомъ до потолка, полнымъ образомъ, и остановился у боковой двери.

— Можно войти?

— Это что за китайскія церемоніи? отвѣтили извнутри.

Русановъ вступилъ въ маленькую комнатку, рѣзко отличавшуюся отъ прочихъ. Обоевъ не было; надъ желѣзною кроватью висѣли портреты Жоржа Санда и Женни д'Эрикуръ; надъ ними старинная сабля, отдѣланная золотомъ и камнями. Письменный столъ, комодъ, на которомъ стояли книги, два стула и стѣнные часы составляли все убранство.

— Ну, здравствуйте, сказала Инна, надѣвая голубую туфлю вмѣсто промоченныхъ насквозь ботинокъ. — Какъ въ васъ столич-

ныя-то замашки вѣѣлись!

— Развѣ и пуритане сердятся, шутливо спросилъ Русановъ.

— Еще бы! Ужъ если докладывать, такъ впередъ извольте такъ: *sa majesté la reine des fleurs veut-elle recevoir son humble serviteur?* Въ городъ ѣздили? Въ библіотекѣ были? Регó привезли?

— И Регó привезъ, и, кромѣ того, два новые романа...

— Ну, вотъ это напрасно! Я не стану читать...

— Отчего?

— Да я никогда ихъ не читаю; зачѣмъ? Смотрите по сторонамъ, вотъ вамъ и романы!

— И никакихъ?

— Диккенса кое-какъ осиливаю на сонъ грядущій... Да вы, кажется, сибаритничать тутъ располагаетесь? спросила она, замѣтивъ, что Русановъ, закуривъ папироску, съ наслажденіемъ потянулся на стулѣ.

— А что?

— А что? Хорошъ! Впервыхъ, я буду переодѣваться; пожалуй оставайтесь, если вамъ это занятно... Вовторыхъ, что скажетъ

княгиня Анна Михайловна? Ну положимъ и это вздоръ. Втретыхъ, втретыхъ... Неужели надо сказать правду?...

— Валяйте!

— Вѣдь вы у насъ вовсе не такое рѣдкое явленіе, чтобы занять меня больше Рего́. Я его ждала цѣлый мѣсяць...

— Покоряюсь, сказалъ Русановъ, смѣясь и отвѣшивая ей поклонъ...

Онъ пошелъ въ заду. Тамъ Юленька пѣла съ аккомпаниментомъ Вартовской рояли, а Ишимовъ, облокотясь на инструментъ, такъ и пожиралъ ее взглядомъ. Она закидывала головку, и еще громче выводила: "когда бъ онъ зналъ, что горькою тоскою" "Отравлена младая жизнь моя!" А тутъ же Авениръ молодъ кофе на ручной машинѣ, нисколько не женируясь пѣніемъ сестры.

— Вотъ оцѣните, сказалъ онъ Русанову, а тотчасъ же прибавилъ: — пятьдесятъ рублей даль.

— Помилуйте, за мельницу-то?

— Да вы посмотрите, James, Manchester настоящій! она муку мелеть...

И Авениръ принялся высчитывать, сколь-

ко она мелеть и сколько мелеть вѣтрякъ, что стоитъ ремонтъ его и во сколько обойдутся рабочіе чтобы вертѣть рукоятку: вышло почти вдвое дешевле.

Озадаченный потокомъ политической экономіи, Русановъ не нашелся возразить.

"Когда бъ онъ зналъ, какъ пламенно, какъ нѣжно", выводила Юленька.

Кончили тѣмъ, что четверо усѣлись въ ерлашъ по пятаку сотня, а политико-экономъ принялся читать *Биржевыя Вѣдомости*, посмѣиваясь надъ ренонсами Русанова. Анна Михайловна спорила и горячилась, когда ей случалось дѣлать ошибку; Ишимовъ отпускалъ доморощенные каламбуры насчетъ керовыхъ и пиковыхъ дамъ.

Въ десять часовъ Грицько съ Горпиной подали настоящій деревенскій ужинъ. Тутъ былъ супъ съ баклажанами, фаршъ изъ гуся, караси въ сметанѣ, чиненныя тыквы, вареные раки, вареники и туземный кавунъ. Московскаго студента сначала покорило при видѣ несмѣтнаго количества "стравы"; но, самъ того не замѣчая, онъ отдалъ вполне заслуженную честь каждому блюду, не отсталъ даже

отъ Авенира, который выказаль вовсе не экономическія способности своего желудка. Инна тоже вышла къ ужину; впрочемъ она болѣе занималась плодами земными. По окончаніи трапезы, Авениръ и Юленька подходили къ ручкѣ Анны Михайловны, говоря каждый по своему: mercі, maman; thank you, my mother.

— Что это за цвѣтокъ нашла вы, Инна Николаевна? любопытствовалъ Ишимовъ.

— *Surgrædium*.

— И не слыхивала, отозвалась Анна Михайловна.

— Пустоцвѣтъ, объяснила Инна.

— Скажите! На что жь онъ годенъ?

— Да на на что...

— А растетъ, удивлялся Ишимовъ. — Подлинно непостижимы цѣли Творца!

— Да, ужь подлинно, что непостижимы, сказала Инна. — Покойной ночи, господа! — И пошла къ себѣ.

Что-то сладкое, спокойное охватило Русанова, когда онъ выѣхаль въ поле. Наступала свѣтлая, сыроватая ночь; душистые пары вол-

новались по лугамъ, даль ступшевывалась въ темномъ небѣ, а надъ головой искрились и переливались звѣздные узоры. Шаги лошади звучно отдавались по полю, перепела били запуски, кузнечики трещали безъ умолку, съ болота подавали голосъ лягушки, съ улицы неслась пѣсни, скрипка и дружный топоть башмаковъ. Русановъ придержалъ лошадь, и сталъ прислушиваться; десятка два деревенскихъ пѣвцовъ сливались въ хоръ, напоминая звуки органа, задумчиво отхватывали припѣвъ, затихали, и вдругъ, какъ будто изъ середины ихъ, выплывалъ одинокій, чистый голосъ женщины, затягивая новую строфу... Русановъ пустилъ лошадь, хоръ все глуше и глуше подхватывалъ припѣвы, а соло, казалось, ничуть не теряло силы. "Вотъ какъ гложутъ артисты-то на Руси, подумалъ Русановъ, да впрочемъ имъ и горюшка мало. Легко имъ живется, не то что тамъ... И Анна Михайловна!... Въдь есть же время отъ скуки играть на двѣ руки въ пьяницы... И совершенно убѣждена, что правою рукой управляетъ ангель-хранитель, а когда лѣвая начинаетъ забирать взятки, то это сатана одолеваетъ... И

Ишимовъ — непостижимый... А какъ время летитъ у нихъ! Или ужъ это домою такъ бываетъ, что и молчать-то у нихъ весело? Не запановать ли ужъ и мнѣ?"

Онъ бросилъ вожжи, и лошадь пошла сама по знакомой тропинкѣ межъ двухъ полосъ серебрившейся рѣки.

Дядя Владиміра Ивановича въ 1849 году вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ маленькомъ наслѣдственномъ хуторкѣ, нераздѣльномъ съ братомъ; этотъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ качествѣ вольнопрактикующаго медика. Одна изъ сосѣднихъ панночекъ не на шутку затронула военное сердце, старый воинъ былъ уже обрученъ, какъ вдругъ его невѣста простудилась на балу, заболѣла, захирѣла и умерла. Майоръ остался старымъ холостякомъ. Нажитая грусть съ природно-веселымъ нравомъ сдѣлали его душою окольнаго общества. Гдѣ бы ни собрались помѣщики, чуюлось, что чего-то нѣтъ, если старый майоръ не сидѣлъ въ углу, съ своимъ черешневымъ чубукомъ и пенковою трубочкой. За то если онъ сидѣлъ тамъ, все толпилось вокругъ него; старое и малое хохо-

тало, а онъ, пуская мелкими кольцами дымъ, рассказывалъ имъ, какъ онъ выхватилъ разъ своего товарища изъ-подъ коней венгерскихъ гусаръ, взвалилъ на спину и бѣжалъ, бѣжалъ до самаго перевязочнаго пункта, задавая ему всю дорогу разные вопросы и удивляясь его молчаливости. Только тутъ открылась причина: у пріятеля была дырочка на груди противъ самаго сердца; докторъ не счелъ нужнымъ и пулю вынимать. Рассказывалъ майоръ, какъ и самъ онъ былъ равенъ въ такую часть тѣла, за которую, по собственному сознанию его, не подобало бы награждать знаками отличія.

— А нуте, майоръ, какъ вы въ Турка не попали?

Въ сотый разъ принимался майоръ за этотъ необыкновенный случай, и немногихъ анекдотовъ вполне хватало на увеселеніе неприхотливой компаніи. Такъ шли годы за годами, а старый майоръ, казалось, заколдовалъ себя отъ нападковъ времени. На стриженной головѣ его не убавилось ни одного изъ сѣдыхъ волосъ, на красивомъ лицѣ не прибавилось на одной морщины, и сизые усы

оттѣняли ту же самую полугрустную улыбку, какъ вдругъ онъ получилъ письмо изъ Москвы. Племянникъ извѣщалъ, что отецъ его, а его, майора, братъ, волею Божьею скончался, а самъ онъ кончаетъ курсъ и думаетъ устраиваться въ Москвѣ. Майоръ, прочитавъ письмо, задумался, выкурилъ три трубки залпомъ, и цѣлый день проходилъ будто самъ не свои. Потомъ съ военною аккуратностью сталъ отвѣчать на письмо.

"Конечно, писалъ майоръ, кандидату университета открыты всѣ пути въ міръ и блескъ столицъ; но инаша сторонка не клиномъ сошлась. Найдутся добрые люди, помогутъ просвѣщенному человѣку устроить свою судьбу. Нашъ хуторокъ будетъ со временемъ твоею собственностью, и самъ я не прочь имѣть въ тебѣ утѣшеніе на старости лѣтъ."

Во всякомъ случаѣ, старикъ звалъ племянника погостить лѣто въ деревнѣ и отдохнуть отъ многотрудныхъ ученыхъ занятій. Онъ запечаталъ письмо старинною печатью съ изображеніемъ глаза въ трехугольникъ и надписью вокругъ: "сія есть моя надежда", самъ отвезъ его на почту и стадъ поджидать го-

стя.

Владиміръ Ивановичъ три недѣли уже проживалъ на хуторѣ. Сперва онъ подтрунивалъ надъ выбѣленными стѣнами, къ которымъ нельзя было прислониться, надъ дубовыми съ потрескавшеюся кожей креслами, что обѣими руками не поднимешь, надъ обѣденнымъ столомъ, который составлялся изъ двухъ ломберныхъ съ ложбинками для марокъ. Когда они покрывались скатертью, и непосвященный ставилъ стаканъ на ложбинку, тотъ немедленно опрокидывался и обдавалъ профана содержимымъ. Существовало преданіе, что нѣкогда кирасирскій офицеръ вызывалъ майора на поединокъ, обливъ такимъ образомъ свои лосинные рейтузы краснымъ виномъ; чѣмъ кончилось сіе достопамятное происшествіе, слухи не доходятъ.

Мало по малу Владиміръ Ивановичъ приглядѣлся къ домашнему обиходу, потомъ полюбилъ его.

Подѣхавъ къ дому, онъ киуль вожжи Іоськѣ, и постучался въ свѣтившееся окно. Іоська принялъ бразды со всею неповоротливостью Малоросса за сорокъ лѣтъ, и ведя ло-

шадь въ конюшню зафилософствовалъ на свой ладь.

— Ще сего не було... о півночи до дому не идуть... Хиба в васъ нема що повечерять, — и, пнувъ не распряженную лошадь въ стойло, завалился на боковую.

II. Туземцы

— Ну, дяденька, я рѣшительно остаюсь, говорилъ Русановъ на другой день, кончая съ майоромъ утренній чай.

— Вотъ спасибо, дружочекъ! — И майоръ обнялъ племянника, широко распахнувъ полы бухарскаго халата съ разводами.

— Да, дяденька, и знаете что? очень не дурно бы попасть въ мировые посредники.

Дядя прочилъ племянника во что-то до того высокое, что и самому себѣ не могъ отдать отчета, во что именно, а потому такъ и обрадовался.

— Какъ, ты дѣлаешь намъ честь быть нашимъ посредникомъ? Ну, молодець, Володя! Позволь же выразить тебѣ....

И бухарскій халатъ опять соткровенничалъ.

— Да захочетъ ли дворянство?

— Сосѣди-то? Помилуй, да они за счастье почтуть!...

— Въ такомъ случаѣ надо съѣздить къ нимъ съ визитомъ...

— Что жь! Вотъ послѣ чаю и поѣзжай! Вели заложить пѣгашку въ дрожки, да и съ Богомъ...

— Вы мнѣ скажите, кто тутъ повліятельнѣй!...

— Какихъ тебѣ вліятельныхъ? Такъ кругомъ хутора по ранжиру и валяй. Тутъ всѣ вліятельные...

— Ну, видно я въ самомъ дѣлѣ попалъ въ Эльдорадо, сказалъ Русановъ, улыбаясь.

— А ты, Володичка, поменьше мудреныхъ словъ то говори; у насъ этого не долюбливаютъ....

И майоръ самъ пошелъ наставлять Юську. Сей деревенскій философъ занималъ почетную должность возницы и глубоко пропитанъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства. "Не моѣ дѣло", важно обрѣзывалъ онъ бабу, когда та просила его принести воды или о чемъ подобномъ: "моѣ дѣло съ паномъ іиз-

дить, а не зъ жінками возиться." На кликъ барина онъ явился въ утреннемъ неглиже съ нечесаною бородой.

— Іоська, дрожки вычищены?

— Эге, чого жъ ихъ чистить? Щобъ упьяты у грязь лѣзти? Се такъ!

— Ну, и шлея не починена?

— Та коли жъ и було чинить? Ще тілько недѣля минула, якъ вона порвалася...

— О, чортъ тебя дери! Запрягай, какъ есть.

— И я жъ кажу, запрягти, якъ воно е.

И довольный, что оставилъ за собой послѣднее слово, Іоська проворно заложилъ пѣгашку. Владиміръ принарядился въличный торжественному выѣзду костюмъ и явился передъ дядей въ полномъ блескѣ столичной пары.

— Счастливой удачи! крикнулъ майоръ вслѣдъ удалявшемуся экипажу.

Свѣжее утро возбuditельно дѣйствовало на молодого искателя приключеній; ласточки съ пискомъ, прихотливыми извивами, снова ли мимо дрожекъ...

— Чей хуторъ? спросилъ онъ, подѣзжая къ воротамъ.

— Якій? отъ сей? Бобырца Игнатъ Васильича...

И Юська съ шикомъ разогналъ было пѣгашку къ крыльцу, но къ прискорбію пришлось осадить его на всемъ скаку. Мѣсто было занято. Самъ Игнатъ Васильичъ красовался въ казацкомъ казакинѣ на какомъ-то чортѣ въ видѣ коня; вокругъ него прыгала стая гончихъ и борзыхъ всѣхъ мастей и голосовъ; человѣкъ пять доѣзжачихъ составляли фонъ картины. Сообразивъ, что подъѣздъ неприступенъ, Юська взялъ бокомъ и поровнялся со всадниками. Русановъ отрекомендовался.

— А очень радъ, очень радъ! забасилъ Бобырець: — я съ вашимъ дядюшкой другъ-пріятель... Эй, Хома, сѣдай барину безпардонную! живо!

— Что это, Игнатъ Васильичъ, зачѣмъ?

— А какже? На охоту-то пѣшкомъ?

— Въ другой разъ съ удовольствіемъ...

— Полноте кобениться! Вы не Иванъ Ивановичъ! Тотъ все отказывается; что жъ ты, говорю, за подлець, душа моя, вѣдь я тебя нагайками отлуплю...

— Право, въ другой разъ лучше...

— Да что за церемоніи! Я вѣдь и не зову васъ въ домъ: у меня тамъ Содомъ и Гоморрь, битва Русскихъ съ Кабардинцами... А я васъ такомъ бѣлякомъ угощу! Нате, Налета вамъ уступаю, продолжалъ неистовый Мелеагръ, суя Русанову свору...

— Да, какже, возразилъ Русановъ, — теперь и поля еще не убраны...

— Мои поля — вѣдь не ваша забота! Такъ не хотите? Ну чортъ съ вами! Трогай!

Вся ватага, щелкая арапниками, съ визгомъ, лаемъ и топотомъ понеслась по двору и скоро исчезла изъ глазъ изумленнаго Русанова. Онъ опомнился только на другомъ хуторѣ.

— Дома баринъ?

— Ни, отвѣтила бойкая дѣвка въ красномъ намистѣ, - пожалуйста: пани дома, воны рады будутъ, — и уже отворила дверь и ввела гостя въ переднюю.

— Доложи: Русановъ, сказалъ онъ, оправляясь.

Дѣвка поглядѣла на него и отворила дверь въ заду.

— Онъ пани, говорила она, тыкая пальце-

мъ, — у куточку {Въ углу.} сидятъ...

На встрѣчу Русанову поднялась съ дивана дебелая красавица лѣтъ тридцати и Ртомно пригласила садиться.

— Вамъ вѣроятно необычайно скучно въ нашемъ захолустьи, начала она послѣ первыхъ привѣтствій.

— Я нахожу здѣсь такой радушный пріемъ...

— Это у Горобцевъ-то? Васъ удивляетъ, что намъ извѣстны ваши посѣщенія? Чѣмъ же заниматься въ деревнѣ, кромѣ комеражей! Такъ вамъ не знакомо это чувство? Счастливецъ! Поживите въ глуши безвыѣздно, когда сердцу доступны высшія потребности...

— Сударыня... началъ было Русановъ.

— Помните, что говоритъ философъ? "И скучно мнѣ, и грустно мнѣ, и некому мнѣ руку подать въ минуту сердечной тревоги..."

— Сударыня, надѣюсь вашъ супругъ...

— Мой супругъ овецъ стрижетъ, это такой жалкій матеріалистъ! Скажите, что можетъ быть завиднѣй, сказала она, наклонивъ головку и разбирая кружево мантильи: — *qu'est ce qu'il y a de plus beau, que d'être comprise!*

— Сударыня, я желалъ бы....

— Говорите, почти прошептала она, — я стою на сторонѣ чувства... "Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ..."

— Я желалъ бы переговорить съ вашимъ супругомъ.... я желалъ бы быть посредникомъ...

— О, шалунъ! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ?

— Какъ-съ?

— Между замужнею женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ...

— А-а-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, мужа нѣтъ дома. Это не по моей части...

Послѣдовала пауза.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, проговорилъ Русановъ, отклаиваясь.

"Плохо", подумалъ онъ, усаживаясь на дрожки и удерживаясь отъ смѣха при дѣвкѣ. "Эта барынька не проститъ мнѣ..."

— Дома?

Ишимовъ показался у окна въ бархатномъ шлафрокѣ, съ сигарой въ зубахъ.

— Милости просимъ; слышали новость?

встрѣтилъ онъ Русанова. — Гарибальди бунтуетъ. — И подалъ ему номеръ *Сына Отечества*.

— Да это не новость уже...

— Слава Богу, насилу-то порѣшили обратиться на него вниманіе, то-есть правительство-то; ужъ онъ меня такъ беспокоилъ...

— Васъ?

— Да, помилуйте, что это такое. Нельзя, нельзя! Я въ этомъ отношеніи солидаренъ съ Наполеономъ III, говорилъ Ишимовъ, закручивая усики.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой...

— Все что угодно!

Эта готовность къ услугамъ замѣтно охладилась, когда онъ узналъ чего добивался Русановъ.

— Знаете ли? Эта должность требуетъ многихъ условій....

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, надо имѣть 500 десятинъ земли. Да впрочемъ вы кандидатъ; вамъ довольно 200...

— Но вѣдь это улаживается на бумагѣ.

— Конечно, конечно; но на это мѣсто

мѣтитъ одно вліятельное лицо.

Онъ стадъ уговаривать Русанова отказаться отъ своего плана, говоря, что у него есть пріятель, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты, который можетъ доставить ему болѣе выгодный постъ. И тутъ же показывалъ купленный у жида стереоскопъ съ разными картинками чрезвычайно игриваго содержанія.

— Ну, вотъ эту еще посмотрите... А? какво?

— Хорошо, говорилъ Русановъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, объдаете у меня?

Русановъ посмотрѣлъ на часы и согласился. За столомъ хозяинъ былъ необыкновенно любезенъ и за десертомъ, когда вино развязало откровенность, или можетъ забывшись, просилъ Русанова подать голосъ за него на мѣсто посредника.

— Поѣдемте рысаковъ смотрѣть, приста-валъ онъ къ Русанову за кофе:— отличные рысаки! превосходные рысаки!

Русановъ уже садился на дрожки, а Иши-мовъ, провожая его, все трубилъ въ уши: "Madame Capelle говоритъ, смотрите Мосье

Ишимовъ, не удержите; а я ей: *soyez tranquille madame...* А она мнѣ"... Часовъ въ 7 вечера добрался Владиміръ Ивановичъ до хутора Конона Терентьича Горобца, деверя Анны Михайловны: онъ объѣхалъ еще хуторовъ пять. Въ одномъ домѣ прислуга озабоченно допытывалась, не чиновникъ ли онъ, и только послѣ усиленныхъ отрицаній впустила въ комнаты; а хозяинъ сообщилъ, что на немъ большія взысканія, и такъ какъ садъ его лежитъ на границѣ двухъ губерній, то когда становой пріѣдетъ, онъ сейчасъ на другой конецъ сада и пишетъ оттуда: "выѣхалъ въ такую-то губернію". Очевидно такая личность не могла имѣть никакого вѣса. Въ другомъ имѣніи, отставной генераль даже, раскричался на Русанова за то, что тотъ непочтительно сѣлъ, не дожидаясь приглашенія. Прочихъ онъ не засталъ дома. Конона Терентьича всегда можно было застать дома; онъ страдалъ ипохондріей, и былъ извѣстенъ въ околоткѣ подъ именемъ ученаго чудилы-мученика. Онъ принялъ Русанова, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ у окна съ двойными рамами, хотя на дворѣ было слишкомъ 20° Реомюра.

Лицо его могло бы назваться красивымъ, еслибы глаза не разбѣгались во всѣ страны свѣта, да еще еслибы не было какой-то полусладенькой, полупрезрительной улыбочки.

— И что это за непонятная страсть у нынѣшней молодежи лѣзть въ омутъ, говорить онъ, слизывая съ ложечки рябиновое варенье. — Что вы за публичныя женщины, господа?

— Вотъ тебѣ разъ! Надобно жъ кому-нибудь служить, возражалъ Русановъ.

— Ну пусть кто-нибудь и служить, а вы-то что? Да а почему это надобно мѣшаться въ чужія дѣда? жили бы сами по себѣ, благо дураки за воротъ не тянуть...

"Начало невмѣшательства!" подумалъ Русановъ. — Скажите-ко, Гизо, что это вы домъ-то сами по себѣ не строите? Который годъ у васъ лѣсъ подъ окнами лежитъ?

— Да какъ его строить? еще жалобнѣй занылъ ипохондрикъ:- архитектора надо, рабочихъ! возня! Такіе люди, какъ я, не способны ни къ чему матеріальному.

— На что жъ вы лѣсъ покупали?

— Какъ на что? Домъ строить... Право я от-

носително этого вопроса нахожусь въ переходномъ моментѣ; все не придумаю, какъ бы побезопаснѣй...

— Отъ пожара что ли? Кройте толемъ...

— Да, да, вотъ хоть и отъ пожара, заговорилъ торопливо ипохондрикъ, и воспаленные глазки его забѣгали:— теперь въ два этажа не стану строить; случись пожаръ, изъ окна скакать — ноги переломаешь...

— А кто жь вамъ велитъ жить во второмъ этажѣ?

— А внизу воры заберутся, задушатъ...

— Ну, пока вы будете рѣшать, въ какомъ этажѣ жить, вашъ лѣсъ абсолютно сгніетъ.

Въ комнату вбѣжалъ гимназистъ лѣтъ пятнадцати; бѣлые, курчавые волосы его растрепались, онъ едва переводилъ духъ...

— Дяденька, Незамайкины на васъ хотятъ въ судъ жаловаться.

— Что такое? спросилъ тотъ, поблѣднѣвъ.

— Я, видите, купилъ шарманку; ну и хотѣлъ попробовать, взялъ ее съ собой на дрожки и ружье захватилъ. Только поравнялся съ ихъ домомъ, заигралъ. Со двора на меня собакъ девять. Я, баць! баць! Двухъ на по-

валь, одной хвостъ отшибъ. Они говорятъ, что вы подучаете... вѣдь это ужь подло!

— Ну будетъ по сумашедшимъ домамъ шляться. Пошелъ къ Горобцамъ, крикнулъ Русановъ Іоськѣ, выйдя отъ чудилы-мученика.

Но Іоськѣ не безъ пользы прошло пребываніе въ сумашедшихъ домахъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ: аккуратно на каждой станціи выпрашивалъ стаканчикъ потереть у лошади ссадину, и теперь, видимо отыскивая центръ тяжести, находился въ неустойчивомъ равновѣсіи. Прицѣливался, прицѣливался въ ворота, и таки нагналъ пѣгашку на заборъ. Раздосадованный Русановъ самъ сѣлъ къ вожжамъ и скоро подкатилъ къ гостепріимному крылечку. Грицько объявилъ ему, что панны всѣ уѣхали въ городъ, а панночка Инна въ саду.

Во время оно, генераль-аншефъ Горобецъ разбилъ здѣсь англійскій паркъ, выстроилъ на пруду бельведеръ, держалъ ялики, роговую музыку и хоръ крестьянокъ въ пунцовыхъ сарафанахъ и соломенныхъ шляпахъ. Ни-

чего не уцѣлѣло отъ барскихъ затѣй при слѣдующемъ поколѣнїи; за то теперь и растительность одичала. То тамъ, то сямъ, изъ кустовъ бѣлой акаціи поднималась готическая стрѣлка пирамидальнаго тополя; тутъ, волошскій орѣхъ блестѣлъ на солнцѣ пепельнымъ стволомъ; тамъ, раскидистая шелковица прїютила въ тѣни мелкую листву глода, а дальше за молодыми каштанами сплошная стѣна вишенъ отгородила поляну съ пчелиными ульями и подсолнечниками. Межъ темныхъ дубовъ мелькали березы, груши, яблони, и все сливалось надъ годовой въ прозрачную сѣтку зелени на голубомъ подбоѣ, бросая на траву и на дорожки золотистыя пятна, голубоватыя тѣни...

Русановъ шелъ по заросшей тропинкѣ мимо плетня, увитаго хмѣлемъ и отдѣлявшаго бакшу съ красными и желтыми гарбузами, турецкими огурцами и прочими, насаженными Авениромъ, овощами. "Какой ни на есть огурецъ, все жъ онъ огурецъ, говорилъ экономъ, хвастаясь передъ сестрами; а вы что?" Русановъ спускался къ пруду; солнце въ туманно-красномъ разливѣ, будто комокъ

расплавленного стекла, пряталось за высокой берегъ, оставляя въ глазахъ зеленоватыя пятна; лиловыя облака разсѣялись по небу, и отражаемыя въ пруду деревья выступали темнѣе, какъ на старинныхъ картинахъ, крытыхъ зеленымъ лакомъ. Надъ водой сидѣла Инна, облокотясь на гнилой пень липы и лаская водолаза.

— Лара, Лара! говорила дѣвушка. Собака протянула морду на колѣни хозяйки и слезливо смотрѣла ей въ глаза.

— Ты одинъ у меня! продолжала Инна, поглаживая бѣдую полоску на лбу водолаза. Тотъ завилялъ хвостомъ. — Ты думаешь онъ придетъ? Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного, прибавила она, задумчиво опуская голову.

Русановъ остановился: это было такъ ново для него, такъ непохоже на все что ему удавалось видѣть. Собака заворчала было, но взглянувъ въ него, махнула раза два волнистымъ хвостомъ и улеглась.

— Кого это вы ждали? спросилъ Русановъ, подойдя.

— Хоть бы и васъ...

— Ну, люди въ здѣшной сторонѣ! сказали онъ, опускаясь возлѣ нея на траву:— А я-то думалъ, что это Аркадія какая-то, да и дяденька хорошъ... — Онъ началъ описывать ей свои странствія.

— Будетъ, перебила она, — вѣдь это вамъ въ диковинку, а за меня они почти всѣ сватались...

— Вы это такъ говорите, какъ будто вамъ ни разу не приходила мысль выйдти замужъ...

— Сбейте-ка мнѣ вонъ ту гливу!

Русановъ подалъ ей спѣлую, сочную грушу.

— Вотъ это хорошая вещь въ вашихъ краяхъ!

— Да, вы правы; за кого тутъ выйдешь? проговорилъ Русановъ.

Она улыбноулась, а потомъ, лѣниво поднявшись, проговорила:

— Давайте ходить, роса падаетъ.

Они долго гуляли. Она шла впередъ, легко и свободно пробираясь въ чащѣ, подбирая цвѣтки для гербарія. Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все соби-

рался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянуль...

— Славный нынче день, сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны.

— Я не люблю такихъ...

— Какіе же вы любите?

— Съренькіе, осенніе; тѣ какъ-то подьладъ...

Русанова очень интересовалъ характеръ Инны. Онъ постоянно замѣчалъ, что она разсѣянна, задумчива, груститъ, а причины не могъ разгадать. Да и она никогда не заговаривала о себѣ. Во время его частыхъ посѣщеній случалось имъ говорить и о литературѣ, и о музыкѣ, и о современныхъ вопросахъ, и о домашнихъ дѣлахъ. Она очень бойко разсуждала, но все это, какъ будто, нисколько ее не затрогивало. Она, какъ будто, понимала, что все это есть, что всѣмъ этимъ люди могутъ заниматься, но у самой не вырывалось ни одного теплаго слова, ни одной задушевной мысли; точно она сама отояла въ сторонѣ и наблюдала жизнь отъ нечего дѣлать. Иногда, посреди горячей тирады Русанова о

значеніи современнаго движенія, она перебивала его вопросомъ: "А не хотите-ли вы подсолнуховъ: у насъ поспѣли..."

На югѣ послѣ заката солнца, очень скоро смеркается; сумерки почти замѣтно глазу надвигаются на окрестность. Вмѣстѣ съ наступавшею темнотою Русановъ становился смѣлѣе...

— Инна Николаевна, хотѣдось бы вамъ побывать въ Москвѣ?

— Къ чему это вы такой вопросъ задаете? точно Подколесинъ....

— Вѣдь вамъ здѣсь скучно, неправда ли?

— Вотъ что!... Нѣтъ не хотѣлось бы... Гдѣ намъ провинціаламъ конфеты ѣсть!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Тамъ развлечения, театръ, общество....

— Вотъ этого-то я и не люблю.

— То-есть чего же?

— Да вообще многолюдства, а въ частности того что называется обществомъ.

— И то сказать, приспособишься къ средѣ, привыкнешь и самъ.

— Ну, эта тема напередки годится; а пока я думаю, что все-таки я такая не отъ того, что

здѣсь; а скорѣе здѣсь, потому что такая.

— Ну, еще одинъ нескромный вопросъ, простите... Кто это *они*?

Инна оставовилась...

— Они, кого "нѣтъ больше на свѣтѣ", пояснилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да какъ же вы смѣете подслушивать? Вотъ я васъ Ларой затравлю.

— Вы такъ громко говорили съ собакой...

— А вы бы сами погромче крикнули и дали мнѣ знать, что я не одна. Вотъ и сконфузились! Какой вы тихоня! Такъ и ждешь, не сказали бы вы, извините, что я родился. Ну, зачѣмъ вамъ зеать, кто такіе *они*? Я живу здѣсь слишкомъ двадцать лѣтъ, вамъ надо разказывать все сначала; многое я сама забыла, а оно во мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и скажется; мы не поймемъ другъ друга...

— Я думаль.... Я разчитываль на вашу дружбу....

— Вы вѣрите въ дружбу? Я отъ васъ, впрочемъ, всегда этого ожидала.

— А вы не вѣрите? У васъ есть, однако, родные.

— Кто это? Мачиха? Она меня только что

не ненавидить; Юля совершенно равнодушна къ моему существованію; Аня — славный малый, но.... вы видите, и тутъ даже *но!*

— Ну, Богъ съ вашими *но!*

— Хорошо, извольте. Они тѣ, которые сумѣли стать выше земли.

— Романтики? Идеалисты?

— Они тѣ, перебила она съ досадой, — чья душа и темна и свѣтла, какъ эта ночь; они тѣ, что не продадутъ своей совѣсти ни за какія... коврижки, рѣшила она, расхохотавшпсь, а Русанова покоробило отъ этого смѣха.

— Только то? сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Вы думаете это легко? Вотъ могила моего отца, сказала она, указывая на заросшій цвѣтами холмикъ подъ самымъ домомъ. Онъ цѣлую жизнь промаялся одинъ и завѣщаль похоронить себя въ саду; онъ боялся сосѣдей даже на кладбищѣ.

Русановъ не могъ видѣть ея лица; они стояли въ тѣни дома, но голосъ сталъ до того грустенъ, до того симпатиченъ, ему было такъ хорошо, что онъ невольно подвинулся къ ней. Золотистыя верхушки деревьевъ давно

потемнѣли; облака задымились, оставляя жемчужныя окраины. Изъ-за большой группы ихъ медленно выдвинулся мѣсяцъ; темными призраками выступали кусты, по землѣ ложились черныя тѣни. Все темнѣй становилось въ чащѣ, осыпанной серебристыми блестками тополей; кое-гдѣ ярко бѣлѣлъ стволъ березы, а тамъ опять черныя тѣни, темныя массы.

— Прощайте, вдругъ сказала Инна, — я лучше уйду, а то я буду несносна.

— Этому причиной я?

— Вы! Вы! Вамъ удалось вызвать меня на откровенность, а это рѣдко со мною случается. Я пробовала сходиться со многими... Какъ только они меня узнавали, тотчасъ начинали издѣваться. Прежде это меня огорчало. Если и вашъ вкрадчивый голосъ — притворство, я васъ возненавижу.

— Инна Николаевна, сказалъ Русановъ, взявъ ее за руку, — не думайте такъ обо мнѣ.... Я тоже круглый сирота...

— Ну, до свиданія, круглый сирота. А кстати, сантиментальный сирота, что это вамъ вздумалось сегодня по сосѣдямъ шляться?

— Я ищу мирового посредничества.

— Вы? Ха! ха! ха! — И она порхнула въ дверь.

Русановъ постоялъ еще немного, тряхнулъ головою и прыгнулъ на дрожки. Задремавшій Юська закричалъ съ испугу не своимъ голосомъ, принявъ его за *вивкулаку*, и погналъ лошадь во весь духъ.

— Ну, дружочекъ, съ чѣмъ поздравить? встрѣтилъ его майоръ на крыльцѣ.

— Да ни съ чѣмъ.

— Какъ ни съ чѣмъ? Отказъ?

— Почти, разсѣянно отвѣтилъ племянникъ.

— Свињи эдакія! выругался майоръ.

"Странная дѣвушка," думалъ Русановъ, входя за нимъ въ комнаты.

III. Родникъ замутился

Инна проснулась, по обыкновенію, очень рано. "Горобцы пробудутъ сегодня въ городѣ, я сама себѣ панна", подумала она еще въ просонкахъ. Наскоро одѣвшись, кликнула она Лару и пошла въ садъ. У калитки Грицько остановилъ ее вопросомъ, что ей готовить къ обѣду?

— Ничего!

Грицька это поразило до такой степени, что онъ только проводилъ ее глазами и пошелъ въ глубокомъ раздумьи сообщить Горпинѣ, что панночка день ото дня чуднѣй дѣлается.

А панночка пробѣжала въ садъ и спустилась къ пруду. Тутъ съ досадою замѣтила она, что въ торопяхъ забыла ключъ отъ купальни. Дѣлать нечего, не ворочаться же назадъ! Она пошла вдоль по берегу.

Прудъ, начинавшійся въ саду, былъ однимъ изъ тѣхъ прудовъ, которые въ маловодныхъ губерніяхъ замѣняютъ рѣки, тянутся на, версту, на двѣ, обросшіе ольшанникомъ, вербою и осокой. Берега то песчаные, то гряз-

но-тинистые на одномъ концѣ обыкновенно переходятъ въ топкое болото, притонъ всевозможной дичи. Въ сплошномъ очерету постоянно хныкаютъ лыски {Водяная курица.}. Вода съ весны цвѣтетъ ряской и мелкими зелеными крупинками; за то къ осени, отстоявшись, становится прозрачнѣй хрусталя. Водолазь вдругъ повернулъ въ кусты, взобрался на спрятанную тамъ лодку и съ подобающею важностію улегся на дно. Инна сѣла къ весламъ и задумчиво глядѣла, какъ вѣтеръ качаетъ черные султаны аира, пошлепываетъ листьями кувшинокъ и вдругъ подернетъ воду серебристою зыбью. Рѣзвья камышевки чирикаютъ, стрекозы съ трескомъ путаются въ мелкой листвѣ ольхи. Солнце печетъ, вода дышитъ прохладой на раскаленный берегъ и прянымъ ароматомъ водяныхъ растений. Это было любимое мѣсто Инны; часто просиживала она тутъ обѣдъ, чай, съ книгою въ рукахъ. Съ нею бранились домашніе. Анна Михайловна находила, что гораздо лучше вязать чулокъ чѣмъ думать Богъ вѣсть о чемъ. Потомъ привыкли и оставили Инну въ покоѣ.

Инна взяла весла; лодка выплыла изъ оче-

рета и, описавъ дугу, пошла къ дубовой рошѣ, разросшейся на концѣ пруда вдоль по болоту. Инна разсѣянно сдѣдила за парюю нырковъ, которые, завидѣвъ ея, заныряли въ запуски къ очерету. Выйдя на берегъ, странники пошли по опушкѣ. Инна собирала красные грибы, а Лара нашель ежа и остановилсь въ недоумѣніи, вытянувъ морду. Онъ попробоваль было кинуться на страннаго звѣрка, но тотчасъ укололся и отступилъ съ негодованіемъ. Инна увидала эту предѣлку и поощряла своего друта ко вторичному нападенію; тотъ только зѣвнулъ во всю ширину рта и длину языка. Справились и съ ежомъ. Инна посадила его въ платокъ. У самаго начала болота выдалось песчаное мѣстечко съ чистою, прозрачною водою. Инна соблазнилась, раздѣлась въ кустахъ и погрузилась въ хододную утреннюю воду. Лара сталъ порывисто плавать во всѣ стороны.

По болоту глухо раскатилсь выстрѣлъ.

Инна посмотрѣла въ ту сторону. Шагахъ во ста отъ нея, по кочкамъ, шель молодой охотникъ и кричалъ что-то пестрой польской собакѣ. Онъ пробиралсь прямо къ Иннѣ, и она

поспѣшила присѣсть по гордо.

— Послушай, милая, сказалъ онъ, подошедъ къ берегу, — чей это хуторъ?

— Мой, отвѣтила она съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Pardou, проговорилъ онъ, приподнимая сѣрую шляпу: — извините, пожалуста.

— Ничего, потрудитесь войдти вонъ въ шалашъ, пока я одѣнусь. Въ водѣ неудобно вести разговоры.

Тотъ пошелъ, посмѣиваясь, и сталъ заряжать ружье. Скоро и она присоединилась къ нему. Пока собаки знакомились съ свойственнымъ ихъ роду рачеаіемъ, онъ еще разъ извинился, что обезпокоилъ ее.

— Вашъ сосѣдъ, Владиславъ Бронскій.

— Очень пріятно, проговорила она, закусивъ губку.

— Заблудился; мѣста эти мнѣ еще совершенно незнакомы. Далеко ладо Ильцовъ?

— Версть пять....

— Экая досада! Я голоденъ какъ волкъ.

Инна не то робѣла, не то сердилась сама на себя. Она отвыкла отъ незнакомыхъ людей и, не желая выказать этого молодому аристо-

крату, рѣшилась на отчаянную выходку. Она сообразила, что Бронскій, по своему положенію въ свѣтъ, никогда не будетъ знакомъ съ Горобцами; куда ни шло одинъ разъ подурачиться.

— Хотите продолжить оригинальное знакомство? Обѣдайте со мной.

— Еще бы не хотѣть!

— Слѣдуйте за мной, важно проговорила она.

Собаки, окончательно подружившіяся, побѣжали впередъ, помахивая хвостами. Бронскій, озадаченный ея серіозностію, не заговаривалъ, дожидаясь вызова. Она привела его къ лодкѣ и молча указала на корму. Къ удивленію ея, онъ поплевалъ на руки, взялъ весла и заработалъ ими такъ что лодка полетѣла стрѣлой.

"Такъ вотъ онъ, этотъ салонный левъ," думала проказница взглядываясь въ своего гондольера. Лицо его отличалось типическою красотой польской аристократіи; темный загаръ кожи, тонкіе морщины на высокомъ лбѣ, обрисованномъ курчавыми волосами, надменно сдвинутыя брови и длинные усы

придавали ему отънокъ суровости и силы.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе?...

— Я фея здѣшнихъ водъ.

— Очень пріятно познакомиться. Что жь это у васъ въ платочкѣ?

— Нашъ обѣдъ.

— Чортъ возьми, зачѣмъ же вы?... Впрочемъ, виноватъ, это ужъ черезчуръ кажется....

— Ничего, будьте какъ дома.

— Такъ съѣдимте его здѣсь.

— Какъ, въ этомъ видѣ?

Она показала ему сырые грибы и живаго ежа, и оба расхохотались. Послѣдніе остатки натянутости исчезли.

— Въ самомъ дѣлѣ, чтобы не остаться при этомъ, дайте-ка ваше ружье.

Бронскій съ удивленіемъ видѣлъ, какъ она очень ловко приложилась и ударила въ самую середину кучи беззаботно плескавшихся домашнихъ утокъ. Собаки тотчасъ подали три жертвы. Графъ шелъ по саду рядомъ съ ней, помахивая ружьемъ на плечами и тяжело ступая, будто пробуя, сдержитъ ли его земля. Инна наблюдала его манеры косыми

взглядами; ей не понравилось, что онъ прикусилъ шею одной подстрѣленной уткѣ.

Войдя въ гостиную, она кликнула Грицька, велѣла ему немедленно содрать шкуру съ ежа; сама принялась щипать утокъ; гостя же, повидимому, рѣшилась озадачить во что бы то ни стадо.

— Что жъ вы ничего не убили?

— А еще бы вы ваше болото все въ торфъ изрѣзали... Совсѣмъ плохо охотникамъ на свѣтъ жить стало.

— Ну, ступайте въ кухню, велите Горпинѣ зажарить эти грибы.

Онъ взялъ узелъ и понесъ его надъ головой.

— Ясновельможная Горпино! сказалъ онъ изумленной дѣвкѣ, потомокъ графовъ Bronскихъ просить васъ зажарить эти грибы въ возможно лучшей сметанѣ. — Вернувшись въ комнаты, Bronскій закурилъ надъ лампадкой сигару и, открывъ фортепiano, попросилъ Инну что-нибудь сыграть.

— Я не играю, а такъ иногда вою.

Она съла, и звучнымъ, богатымъ контральто съла ему застольную пѣсенку Орсино.

Спокойно, игриво до самозабвенія, вылилась у нея первая половина: "Если весело жить вы хотите", пѣла она, и слушателю казалось, что только такъ и можно весело жить, настоящими лишь днемъ наслаждаясь. Потомъ стала протягивать окочаніе пѣсни, будто нехотя разставаясь съ мотивомъ; въ голосъ послышалось дрожаніе. Она взяла странный, рѣзкій аккордъ; быстро модулируя, проворными пальцами, перешла въ мольный тонъ, и запѣла *le désir* Бетговена, съ такою неподдѣльною, страстною грустью, что Бронскій не могъ надивиться, та ли это беззаботная рѣзвуха, что сейчасъ чуть не на головѣ ходила.

— Хорошо? опросила она, остановясь.

— Вы поете не дурно....

— Это я и безъ васъ знаю. Я спрашивала, нравятся ли вамъ эти вещи?

— Не люблю я этихъ медоточивыхъ....

— Стоять же для васъ нѣтъ, сказала она, и хотѣла захлопнуть крышку, когда Бронскій самъ сѣлъ на табуретъ.

— Вотъ моя музыка, сказалъ онъ, и мастерскя сыгралъ *caprice héroïque* Контскаго: *le*

réveil du lion....

Явилось импровизованное жаркое, просто-кваша и дыня. Инна усълась противъ графа и засадила себѣ въ ротъ огромный кусокъ ежа. Бронскій поглядываль на нее, улыбаясь.

— Послушайте, вы всегда такая?

— Всегда. День прошелъ, и слава Богу; приходи скорѣй другой....

— И не вадѣсть это вамъ?

— Э нѣтъ, не по той дорогѣ, ваше сіятельство! "Все вѣдомо, и только повторенье грядущее судить".... продождала она декламировать.

— Вѣдь это отъ бездѣлья....

Она скроила уморительную рожицу, пропѣла изъ какого-то водевидя: "скучно за дѣломъ, скучно безъ дѣла, но безъ продѣлокъ скучнѣй!"

— Что жь ты не остановишь меня, обратилась она къ Грицьку, бессмысленно на нихъ глядѣвшему; вѣдь я за обѣдомъ пою.... Понимаете? Нѣтъ, вижу, что не понимаете... Вы вотъ находите, что я не дурно пою, а я и ботанику хорошо знаю. Грицько! хочешь, я прочту тебѣ лекцію, а впрочемъ свари лучше ко-

фе, коль хватить способностей....

Бронскій все посмѣивался, да поглядывалъ на нее умными, проницательными глазами.

— Здѣшнія барышни выписываютъ собраніе романовъ и повѣстей, находя, что тутъ никакой критики пропускать не надо, все сподрядъ читается....

Бронскій разсмѣялся.

— Ну, а я именно то и читаю чего онѣ не разрѣзываютъ; да къ чему все это?... скучно, графъ, очень скучно, а дѣлать нечего.

— Что жь будетъ лѣтъ черезъ двадцать?

— Что вы это, почти воякнула она:- а я еще не въ комплиментъ вамъ, считала васъ паенькой. Развѣ въ наше время, когда и проч. и проч... люди живутъ по стольку?

— Позвольте, вы напрасно разыгрываете безнадежную; а это что за кольцо у васъ?

— Кольцо, какъ кольцо!

— Нѣтъ-съ, это намъ знакомо.

Онѣ подавилъ шпенекъ, кольцо открылось; въ перстнѣ былъ миниатюрный портретъ мущины съ зачесанными назадъ волосами, бородой и сложенными на груди руками.

— А что?

— Это-то? Памятникъ прошлой вѣры....

— Будто бы?

— Гласъ вопіющаго въ пустывѣ.

— И съ этимъ покончили? жаль мнѣ васъ!

— Что вы? Я опять ждала чего-нибудь поумнѣй....

— Но вотъ что странно: глядя на васъ, никто бы не догадался, какія бури играли въ вашей головѣ. Лицо такъ спокойно, такъ даже.... не желто....

— Я никогда не загораю, это плохой знакъ.

— Вы думаете это у меня загаръ? сказалъ графъ. — Этотъ загаръ и зимой не сходитъ. Иногда я встаю совершенно зеленый отъ злости.

— Вы стало-быть злитесь?

— А вы?

— Нѣтъ. Я только... пожалуйста не смѣйтесь, этого нельзя иначе выразить.... я сковчу {Мѣстное названіе визга щенятъ.}, какъ.... — Она вдругъ оборвалась и выглянула въ окно.

Бронскій увидадъ подѣзжавшій тарантасъ....

— Кто это съ Инной? крикнулъ Авениръ, соскакивая съ подножки.

— Человѣкъ отъ графовъ Бронскихъ, сказала Горпина, по своему понявшая слово потомокъ.

— И она посадила его съ собой? Я его, каналью!

Инна выбѣжала на крыльцо, а графъ сталъ кормить ообакъ остатками трапезы. Черезъ нѣсколько времени ввалились Горобцы. Бронскій представился и, немного погодя, несмотря на усиленные просьбы остаться, поблагодарилъ за угощеніе, сѣлъ въ предложенный тарантасъ и, обѣщаль какъ-нибудь вернуть, уѣхаль.

"Это какой-то уродъ," думаль онъ дорогой: "я бы на ея мѣстѣ давно отравился, или замужь вышелъ *par dépit*, что ли!"

— Какже онъ? самъ пришелъ? какъ онъ представился? закидала Анна Михайловна падчерицу вопросами:- каковъ онъ?

— Онъ мнѣ понравился, только у него какая-то пленка на мозгу....

— Что ты, Богъ съ тобой, можно ли такъ отзываться! Слышите, онъ ей понравился! Еще бы не понравиться!

— А зачѣмъ же онъ такія штуки выкидываетъ?

— Что жъ онъ выкинулъ?

— Перелѣзъ чрезъ заборъ въ саду, и выстрѣлилъ прямо въ трубу. Пять утокъ съѣлъ!

— Bravo! крикнулъ Авениръ:- откуда жъ они взялись?

— Онъ говорятъ, настрѣлялъ; купилъ должно-быть....

— А ты позволила ему въ вашемъ домѣ тратить свою провизию?

— А что жъ съ нимъ было дѣлать, коли онъ пошелъ на кухню, да еще поругался съ Горпиной.

— То-то ты, я думаю, съ нимъ любезничала, проговорила Юленька, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Что жъ, я развѣ неумѣлая!

— Чьи жъ это косточки? спрашивалъ Авениръ.

— А это онъ своего ежа съѣлъ. Ахъ Юля, если бы ты видѣла, что это за ежъ былъ! Ученый! Графъ игралъ, а ежъ танцевалъ, прелесть!

Послѣднѣе извѣстіе показалось до того невѣроятнымъ, что Горпина была призвана къ допросу; но показанія ея какъ нельзя болѣе подтвердили разказъ. Вслѣдствіе того, на домашнемъ совѣщаніи порѣшено было, что молодой графъ съ придурью.

— Да развѣ мало такихъ, распространялась Анна Михайловна:— вонъ Ишимовъ который годъ ѣздитъ, а до сихъ поръ не знаетъ, понимаю ли я его французскую брехню; такъ и норовить: неспа мадамъ? Се вре? И пошелъ: та-та-та, чи-чи-чи!

— Все жъ онъ первый женихъ, кончила Юленька.

— Однако, пора обѣдать, мы не ѣмши, сказала Анна Михайловна.

— Що жъ обѣдать? ничего нема, объявила Горпина:— панночка казала ничего не треба....

— Вотъ оно чтооо! такъ вотъ, отчего графъ и велъ себя такъ странно! рѣшила Анна Михайловна:— осрамила ты насъ на весь уѣздъ!

Инна отошла и сѣла къ окну.

— Когда ты будешь сколько-нибудь похожа на людей? продолжала Анна Михайловна патетическимъ тономъ.

Инна молчала.

— Когда ты будешь видѣть что-нибудь у себя подъ носомъ? Когда ты сумѣешь принять гостя? А? когда?

— Никогда, обрѣзала падчерица.

— Господи, хоть бы васъ-то пожалѣла! Что теперь графъ скажетъ! Возьмешься-ли ты за разумъ?

— За вашъ? Ни за что!

— Инна, вмѣшалась Юленька:- можно ли такъ выходить изъ себя?

— Это фраза!

— Ты хочешь быть выше всѣхъ?

— Опять фраза!

— А глаза-то какіе сдѣлаетъ, горячилась Анна Михайловна:- вся въ отца, какъ есть, вся въ отца!

— Вѣчно всѣмъ недовольна! говорила Юленька:- чего жъ тебѣ хочется?

— Чтобы меня оставили въ покоѣ!

— Безчувственная! безчувственная! стонала Анна Михайловна.

Инна поблѣднѣла, и выпрямилась.

— Анна Михайловна! сказала она:- вы одному человѣку отравили жизнь, удоволь-

стуйте! меня вамъ не свалить. И пошла изъ комнаты.

На порогъ ея кабинета, встрѣтилъ ее Авениръ, забившійся туда отъ сцены.

— Инночка! отъ тебя то ужъ я этого не ожидалъ.

— Чего? Что эти бури въ стаканъ воды меня когда-нибудь взбѣсятъ?

— Не то, Богъ съ ними! Ты и меня забыла съ этимъ проклятымъ графомъ! Ёсть хочется!

— Пойдемъ, я тебѣ сдѣлаю вареники....

— Душечка, прикажи Горпинѣ!

— Нѣтъ, я сама, сама!

— Инночка, вѣдь.... какже....

— Ну?

— Вѣдь ихъ въ ротъ нельзя будетъ взять!

— Лага, ісі! крикнула Инна, схватила шляпу и выбѣжала въ садъ.

IV. Товарищи

На одной изъ лучшихъ улицъ уѣзднаго городка стоялъ домъ дворянскаго предводителя. Выстроилъ онъ его по поводу новой должности и давалъ балъ по случаю своихъ именинъ. Это и было причиной скорого возвращенія Горобцовъ: имъ надо было готовить наряды.

Громадное трехъ-этажное зданіе, въ глубинѣ двора-не-двора, сада-не-сада, глядѣло на улицу сквозь вызолоченную рѣшетку. Широкія плитныя дорожки шли полукругомъ отъ подъѣзда къ двумъ воротамъ. Надъ антре, украшенномъ колоннами и капителями іонійскаго ордена, поднималось нѣчто въ родѣ индійской пагоды съ чернымъ циферблатомъ, а еще выше шпиць съ гербовымъ флагомъ. Справа, ни къ селу, ни къ городу, прилѣпилась хрустальная оранжерея. Кирпичнаго цвѣта стѣны пестрѣли бѣлыми лѣпными украшеніями. На ступенькахъ крыльца лежали два льва съ черными гривами, а по куртинамъ двора, межъ кустовъ сирени, торчали деревянныя статуи тѣлеснаго

цвѣта съ зелеными листочками. Вечеромъ, подъѣздъ и дворъ освѣтились площадками, а деревья разноцвѣтными фонариками.

— Magnifique! magnifique! восхищалась губернаторша, выпархивая изъ кареты и щурясь передъ фронтономъ.

— Шестьдесятъ тысячъ серебромъ сталъ, ваше превосходительство, сообщалъ хозяинъ, ведя ее подъ руку на крыльцо. Кареты то и дѣло мелькали свѣтлыми полосами фонарей.

Дамы спѣшили черезъ освѣщенные, окуренные залы въ уборную, шумя шелковыми платьями. Небольшая кучка офицеровъ и львовъ губернскаго общества, съѣхавшаяся на праздникъ, держалась въ сторонѣ отъ прочихъ. Военные горделиво натягивали лайковые перчатки и прищелкивали шпорами. Но когда вошелъ весь въ золотъ гродненскій гусарь, и они посторонились.

— Что, видно прогрессъ прогрессомъ, а гусарь гусаромъ, острился гимназистъ, племянникъ Конона Терентьича, извѣстный въ свѣтъ, къ крайнему его прискорбію, подъ именемъ нигилиста Коли.

— Ужь вы до чего-нибудь договоритесь,

замѣтилъ ему другой острякъ посолиднѣе.

Въ уборкой происходила конференція о томъ, кому открыть балъ.

— Конечно гусару, съ твердымъ убѣжденіемъ высказалась одна дама, отряхая пышное глясе.

— Qu'est ce que c'est qu'un гусаръ? возразила другая:— c'est pour ainsi dire метеоръ, мелькнулъ и нѣтъ его; а графъ здѣшній...

— Конечно, конечно! живо заговорила третья, отвертываясь отъ зеркала:— изъ графа легко сдѣлать гусара, а изъ гусара графа не сдѣлаешь...

— А какой онъ оригиналь! Вообразите, силою врывается въ дома!

— Э, полноте, отъ кого вы это слышали?

— Мнѣ говорила Дарья Дмитріевна, а ей по секрету сказывала Анна Михайловна...

— Ну, куда жъ вы годитесь съ вашею Дарьей Дмитріевной; мнѣ сама Анна Михайловна...

— Уйдемъ, та chère, ради Бога уйдемъ, говорила одна молоденькая дама другой: — а то пожалуй опоздаемъ...

Мущины тоже находили, что графъ заяви-

ль себя нѣсколько страннымъ образомъ. Всѣ ожидали, что онъ сформируетъ вокругъ себя партію въ чаявіи будущихъ выборовъ.

— Подобно тому, какъ ни одно порядочное свѣтило не обходится безъ спутниковъ, говорилъ мѣстный философъ:— я не говорю о сволочи въ родѣ Меркурія. И что же? Вдругъ такое равнодушіе! До сихъ поръ ни у кого не было.

Вотъ почему, какъ только появился графъ, во всѣхъ кружкахъ поднялись толки о его наружности. Въ его костюмѣ не было ничего лишняго, ни одного брилліанта, ни одной брелоки; только бѣлье необыкновенной бѣлизны и атласистое сукно бросались въ глаза. Вошелъ онъ какъ будто въ свой кабинетъ, отыскалъ глазами хозяйку, и представясь ей довольно холодно, отошедъ къ окну поставить шляпу. Нѣсколько минутъ спустя, хозяинъ, съ подобострастною улыбкой, просилъ его открыть балъ.

Сколько сердце забилось въ ту роковую минуту, когда Бронскій пристегнулъ на одну пуговицу свой фракъ, медленно пошедъ къ хору, отыскивая достойную жертву.

Русановъ пріѣхаль съ дядей. Старика тотчасъ завербовали въ ералашъ, а Русановъ, остановясь у дверей, обвелъ залу взглядомъ, подошелъ къ Юленькѣ и столкнулся съ Бронскимъ.

— Владиславъ! Здравствуйте! вскрикнулъ онъ.

Бронскій поклонился и протянулъ руку. Русановъ пошелъ дальше.

— Что жъ вы хотѣли представить меня Доминову, сказалъ онъ, столкнувшись съ Ишимовымъ: — онъ, говорятъ, здѣсь.

Они пошли въ дальнія комнаты къ зеленому столу, за которымъ предсѣдательствовалъ молодой человекъ, очень красивой наружности, съ живыми карими глазками, крошечнымъ крестикомъ въ петличкѣ и бакенбардами en côtelettes.

Ишимовъ почему-то оробѣлъ передъ своимъ пріятелемъ и пробормоталъ что-то о государственной службѣ.

— Не понимаю, локонически отвѣтилъ тотъ.

— Я желалъ бы съ вами служить, вмѣшался Русановъ:— Акиндинъ Павловичъ

далъ мнѣ надежду, что вамъ это не будетъ не пріятно.... Кандидатъ Русановъ, поспѣшилъ онъ прибавить, видя, что Ишимовъ вкатилъ его въ не совсѣмъ красивое положеніе.

— Charmé, сказалъ Доминовъ:- Король самъ другъ и не беретъ!.. У меня есть вакансія... Я запишу за вами три взятки... Пріѣзжайте послѣзавтра ко мнѣ; очень радъ!

Русановъ подсѣлъ къ дядѣ и сталъ смотрѣть на игру.

— Голова онъ у меня, хвастался старикъ, — административная! Въ министры мѣтитъ, бестія! Нечего на ноги-то ступать, вѣдь мѣтишь?

Русановъ сталъ бродить по залѣ, прислушиваясь къ толкамъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ графа. Губернатору онъ помогъ счесть выигрышъ; въ мужскомъ кружкѣ разсказалъ самый свѣженькій скандальчикъ; ни одной дамы не оставилъ своимъ вниманіемъ. Наконецъ Русановъ ушелъ отъ нестерпимой духоты въ боскетную. Тамъ, въ глубинѣ трельяжа изъ тропическихъ растеній, стояло маленькое голубое пате, слабо освѣщенное малиновымъ фоанрикомъ. Онъ помѣстился на немъ

и сталь отмахиваться платкомъ. Сперва онъ думаль объ Иннѣ. Потомъ его заинтересовала мысль, что ему какъ будто скучно безъ нея; онъ искаль, на комъ-бы изъ присутствующихъ остановиться, есть ли тутъ хоть одна сродная ему личность; и все глубже давало себя чувствовать одиночество. Даже Бронскій, старый товарищъ, и тотъ не выказываль особенной радости при свиданіи. "Иночка помѣшалась," пролетѣдо въ ухахъ Русанова. Онъ вздрогнулъ и сталь прислушиваться. Ишимовъ усаживаль Анну Михайловну такъ близко отъ Русанова, что между ними оставался только трельяжъ.

— Неужели? говорилъ Ишимовъ:- а впрочемъ она ведетъ такую странную, созерцательную жизнь, долго ли до бѣды...

— Именно. Не говоря ужъ объ огорченія видѣть ее въ такомъ положеніи, съ ней жить опасно! У ней раздражительность какая-то стала показываться.

— О, въ такомъ случаѣ, ее слѣдуетъ удалить, нельзя же жертвовать своимъ спокойствіемъ!

— Да, какъ же это сдѣлать? Что скажутъ?

имѣніе это вѣдь ея, материнское; она скоро выходитъ изъ-подъ опека.

— Надѣюсь, дружескія отношенія дають мнѣ право быть вамъ полезнымъ. Позвольте мнѣ за это взяться. Я приглашу доктора, мы побесѣдуемъ съ ней, и если окажется серіозное поврежденіе...

— Ну-те?

— Можно представить предводителю о неспособности ея управлять имѣніемъ, освидѣтельствовать на законномъ основаніи.

Русановъ торопливо прошелъ залу, сказалъ дядѣ, чтобы тотъ о немъ не беспокоился и сталъ пробираться сквозь хитрѣйшій гонд, который выдѣлывали пары подъ предводительствомъ графа.

— Ахъ! крикнула одна дама, замотавшись. Русановъ подхватилъ ее, думая что съ ней обморокъ. Она глядѣла черезъ плечо; весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлыя юпки.

— Извините, бормоталъ сконфуженный Коля.

— Медвѣженокъ!

Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было.

— Что такое? сказала та, поднявъ носикъ.

— Я говорю, вольно жь вамъ такіе шлейфы
отращивать, что ходить нельзя...

— Да какъ вы смѣете? Дерзкій мальчишка!

— А вы синица долгохвостая!

— Г. Горобецъ, извольте отправиться въ
гимназію и объявить дежурному надзирате-
лю, что вы мною арестованы въ карцеръ, ска-
заль подошедшій инспекторъ губернской
гимназіи.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ
Егоровъ, отвѣтилъ нисколько не смутившись
юноша, — что вы мой начальникъ только въ
зданіи гимназіи, а здѣсь такой же граждан-
инъ, какъ и я.

Разстроившійся гонд собрался вокругъ спор-
ившихъ.

— Что такое? Что такое? раздавались голо-
са.

— Ну всѣ на одного, кричалъ
разгорячившійся питомецъ гимназіи:— мило-
сти просимъ, я давно до васъ добирался.

— А вотъ я тебѣ уши выдеру, не стерпѣлъ
инспекторъ.

— Прошу рукавъ воли не давать, отвѣтилъ

Тотъ, взявшись за стулъ: сами прозвали нигилистомъ!

— Вотъ они вредоносные-то плоды литературы, вмѣшался старый чиновникъ.

— Это вы говорите потому что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ?

— Il est poli ce petit bonhomme! Нечего сказать, слышались женскіе голоса.

— Это вы говорите оттого что я не хочу съ вами ногъ вывертывать какъ ученая собачка, или оттого что у васъ подъ шляпками вмѣсто мозговъ цвѣты на сажень торчатъ?

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались? сказалъ Бронскій подходя въ свою очередь.

— Оставьте его, шепнулъ Доминовъ:- это забавно.

— Нѣтъ, онъ можетъ повредить... также полушепотомъ отвѣчалъ Бронскій.

— Наше поколѣніе само себя воспитывало, продолжалъ Колли

— И съ перваго раза пореть дичь, спокойно возразилъ Бронскій. — Что это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди рождаются?

— Bravo! Bravo! раздалось вокругъ.

— Что тутъ значать лѣта? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія...

— Значить, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія...

— А да чортъ васъ побралъ бы, крикнулъ гимназистъ и улизнулъ изъ зады.

— Молодецъ, графъ, не нынѣшнимъ чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ...

— Знай нашихъ! восхищался Ишимовъ.

Между тѣмъ хозяинъ подошелъ къ Bronскому и подалъ ему записку.

— Къ вамъ изъ Ильцовъ съ нарочнымъ, сказалъ онъ.

Графъ, болтая съ Юленькой, хотѣлъ положить ее въ карманъ, взглянулъ на печать, чуть примѣтно сдвинулъ брови и отошелъ къ карсели. Между тѣмъ предводительша, велѣвъ музыкантамъ дать сигналъ мазурки, слѣдила за своимъ кавалеромъ. Bronскій разсѣянно подошелъ къ окну, взялъ шляпу, и съ письмомъ въ рукѣ вышелъ изъ залы, какъ человекъ, у котораго одна мысль поглотила

всѣ другія.

Собравшіеся въ кружокъ зрители съ нетерпѣніемъ дожидались мазурки; всѣмъ хотѣлось видѣть настоящаго мазуриста. Предводительша послала Ишимова узнать, что же наконецъ сдѣлалось съ графомъ. Тотъ вернулся и объявилъ, что графъ уѣхалъ.

— Какъ? не извинившись? Должно быть какой-нибудь несчастный случай.

— Да вѣдь у отца подагра, что жъ мудренаго!

На крыльцѣ Бровскому попался разстроенный Русановъ.

— Я ищу, не ѣдетъ ли кто домой. Нельзя ли вамъ взять меня?

— Къ себѣ?

— Нѣтъ только до Нечуй-Вѣтера; это по дорогѣ.

— Поѣдемте.

Погода стояла сырая, ночь темная; бывшіе товарищи прижались каждый въ свой уголь и коляска покатилаь.

— А вѣдь эта Юленька очень не дурна, скажь графъ

— Да, глупа только больно.

— Это-то и хорошо; залежь, новинка; что посьешь, то и вырастетъ.

— Пожалуй чертополохъ вырастетъ...

— И то добре, нехотя отвѣтилъ Бронскій.

Русановъ сталь закуривать папироску и освѣтилъ лицо графа. Брови сдвинуты, губы стиснуты, глаза глядятъ жестко.

— Вы все такой же, Владиславъ! Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите!

— А вы свои приложили?

— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили ваше вступленіе въ жизнь? Съ завтрашняго дня я столоначальникъ гражданской палаты.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ графъ, отодвигаясь. Русановъ расхохотался. — А дорого вы заплатили за это мѣстечко? прибавилъ Бронскій.

— Мнѣ его далъ Доминовъ.

— Протекція, понимаю. Ну вамъ не поздоровится съ такимъ начальникомъ!

— Это отчего?

— Да такъ, видна птица по полету. Онъ, должно-быть, изъ нашихъ.

— Нѣтъ, Бронскій, давайте намъ побольше такихъ нашихъ.

— Да вы разсмотрѣли чѣмъ у него шарфъ заколотъ? Какъ вы думаете, что значитъ этотъ золотой топорикъ?

— Ахъ, Бронскій, Бронскій!

— Ахъ, Русановъ! Русановъ!

У околицы хуторка товарищи разстались. Графъ велѣлъ кучеру не щадить лошадей и скоро остановился у подъѣзда великолѣпнаго замка. Онъ проворно выскочилъ изъ экипажа и взбѣжалъ по чугунной лѣстницѣ.

— Если отецъ спросить, сказалъ онъ встрѣтившему его лакею:- я легъ спать.

Въ кабинетѣ у затопленнаго камина сидѣлъ человекъ въ дорожномъ платьѣ. На полу валялись плащъ, войлочная шляпа и сѣдло. Рѣдкіе длинные волосы съ серебристыми нитями сѣдинъ на вискахъ, пыльное, помятое лицо и густая борода странно противорѣчили блестящимъ чернымъ глазамъ и почти пѣвучему голосу. Подъ вѣками рѣзко выступали отеки, широкія морщины прорѣзывали лобъ, но все лицо имѣло въ себѣ что-то привлекательное. Такъ и хотѣлось ска-

зять, взглянувъ на него: "Ухъ, братъ! да какъ же ты здорово покутилъ на своемъ вѣку! Ну да былъ молодцу не укоръ: не дешево оно и досталось тебѣ сердечному."

Онъ приподнялся было на встрѣчу графу, но тотчасъ опустился опять и только протянулъ руку.

— Я совсѣмъ разбитъ, сказалъ онъ:- такая варварская дорога!

— Какъ вы провезли такую кучу, спрашивалъ Бронскій, разбирая на столѣ бумаги.

Тотъ указалъ на распоронное сѣдло, протянулъ ноги на рѣшетку догоравшаго камина и впалъ въ какую-то истому, тупо глядя на красненькіе и синенькіе огоньки, перебѣгавшіе по головешкамъ.

Графъ снялъ со стѣны географическую карту, углубился въ бумаги, чертя карандашемъ, справляясь съ картою и ворочая листы.

— Чудная сторона, Леонъ, сказалъ графъ, отрываясь отъ занятій:- и все это наша земля...

— Пожалуй, что и наша; я по крайней мѣрѣ знаю здѣсь каждый кустикъ.

— Вы развѣ здѣсь бывали?

— Я здѣсь родился. Было время весь этотъ край на два дня ѣзды собирался подѣ бунчуки моего пращура. Много воды утекло съ тѣхъ воръ. Пращуръ мой захохоталъ бы и плюнулъ, глядя на щедушнаго потомка. А что въ свѣтъ дѣлается?

— Ничего, пока все обстоитъ благополучно. Намъ не мѣшаютъ. Я теперь у нихъ божкомъ.

— Хорошо у васъ, графъ, говорилъ Леонъ, съ наслажденіемъ потягиваясь въ креслѣ: — давно я не бывалъ въ такомъ пріютѣ... Вспоминаются дѣтскіе года. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что зачастую придется ночевать то въ грязной корчмѣ, то въ пустой ригѣ, а то и въ степи подѣ дождемъ.

— Однако вы вдаетесь въ элегію, а тутъ вотъ новости поинтереснѣй: работы предстоитъ порядочно...

— Хорошо вамъ и работать-то!

Часовая стрѣлка показывала уже четыре по полуночи. Леонъ спалъ, тяжело дыша и вздрагивая во снѣ; а графъ все сидѣлъ за бумагами; онъ налилъ себѣ стаканъ вина, оставшагося отъ ужина, и опять углубился въ

свои занятія.

V. Нежданный гость

Грицько, краснощекий парень, никогда не звалъ что за штука сапоги; ходилъ онъ въ цвѣтной жилеткѣ съ мѣдными пуговками по-верхъ бѣлыхъ портъ и рубахи. Онъ отличался самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ: лицо всегда гладко, какъ только что выстроганная доска; сообразить что-нибудь для него было труднѣй всякаго дѣда. Напримѣръ: у Горобцевъ было заведено, чтобы дрова лежали въ сѣняхъ, вотъ и говоритъ Анна Михайловна: "Принеси дровъ..." — "Дровъ?" — "Да, дровъ..." — "Изъ сѣней?" — "Изъ сѣней" — "Заразъ", тянетъ Грицько, точно родитъ свое слово. Ему, какъ и панночкѣ, очень пріятны были тѣ дни, которые Горобцы проводили въ городѣ: онъ могъ спать сколько угодно.

"Отъ коли-бъ ще и вченья не було," думалъ онъ, доѣдая остатки панночкина обѣда. Однако дѣлать нечего: собралъ онъ свои книги, и вышелъ на крыльцо.

— Эге, се жъ вы и пріихали! сказалъ онъ, увидавъ Русанова.

— А гдѣ панночка? спрашивалъ тотъ.

— У школь, дѣтей учатъ.

— А у васъ есть школа? Гдѣ жъ она?

— А озь де.

Русановъ пошелъ за нимъ въ садъ и невольно залюбовался. На порогѣ старой, полуразвалившейся бесѣдки сидѣла Инна съ аспидною доской на колѣняхъ. Вокругъ нея крестьянскіе ребяташки въ рубашонкахъ, въ плахтахъ, иной въ отцовскихъ чоботахъ, кто стоя, кто сидя на травѣ, всѣ съ дешевыми букварями Золотова. Одинъ мальчуганъ, лежа на брюхѣ, старательно выводилъ грифелемъ оники, при чемъ помогалъ себѣ языкомъ, высовывая его на сторону. Передъ панночкой стояла дѣвочка лѣтъ десяти, и опершись одною рукою на голову тутъ же засѣдавшего Лары, повторяла склады: "кри-ни-ця", "кре-сало", "ка-га-нецъ" писанные на доскѣ.

— Вотъ совершенно своеобразная школа, сказалъ Русановъ, подходя.

— Надѣюсь не то что ваша воскресныя, гдѣ учителя на вы съ учениками! За то какъ они у меня читаютъ! Ты лѣнтяй, обратилась Инна къ Грицько, — вѣчно къ самому началу

поспѣтъ! Ну, армія въ походъ, веселѣй, сказала она, одѣляя дѣтей вишнями:- завтра хорошенько уроки готовить.

Армія не ударила лицомъ въ грязь, и выступила въ разсыпную съ пѣснями, криками, какъ было приказано. Лара кинулся со всѣхъ ногъ въ догонки.

— Что жъ васъ вчера не было?

— А демократія-то эта съ кѣмъ бы осталась? Намъ здѣсь веселѣй!

— Я вѣдь къ вамъ по дѣлу...

— А вотъ не хотите ли прежде сдѣлать со мной обходъ по деревнѣ?

— Куда угодно.

— Ну, и прекрасно.

Она привела его въ свою комнату, достала изъ коммода баночку съ мазью, какую-то стклянку, нѣсколько тряпокъ.

— Держите, передавала она Русанову все это; потомъ отворила кранъ Либиховскаго аппарата, гдѣ готовился лимонадъ, наполнила графинъ и также передала ему.

— Несите за мной и постарайтесь не пускать въ ходъ извѣстной вашей ловкости...

— Посѣщеніе болящихъ?

— Да; чему же улыбаться-то? строго спросила она, накинула шляпку и пошла по улицѣ.

Вошли они въ грязную, темную хату; нестерпимая духота и вонь, какъ въ хлѣву, сразу сшибли Русанова, такъ что онъ пріостановился на порогѣ. При всемъ томъ стѣны были чисто выбѣлены, въ печи виднѣлось нѣсколько горшковъ, и даже надъ божницей висѣло ожерелье изъ маленькихъ красныхъ тыквъ. На пологѣ подъ овчиннымъ тулупомъ охалъ старикъ.

— Що вінъ? спросила Инна у старухи, вѣроятно жены больного.

— Та же нездужае, {Боленъ.} зовсѣмъ смерзъ...

— Замерзъ, подумалъ Русановъ съ удивленіемъ.

Инна пощупала пульсъ у больного, передала старухѣ стклянку и проговорила со вздохомъ: "давай, какъ прежде".

— Ничего нельзя сдѣлать, грустно говорила она Русанову на улицѣ,- старику скоро девяносто лѣтъ, это просто дряхлость; а все не хочется умирать! Удивительно!

— Это ужасно, говорилъ Русановъ, гдѣ жь она хваленая опрятность Малоросса? Надо во что бы то ни стало развить эстетическія наклонности въ народѣ...

Проговоривъ это, Русановъ засмѣялся. Инна такъ свистнула, что хоть любому ямщику.

— Каково жь это! Эстетику проповѣдуетъ... Да у васъ бабки повивальной нѣтъ во воемъ околоткѣ! Эстетику! Вы бы хоть Ивана Купалу изъ головы ихъ выбили, и то большое спасибо можно сказать; а то вотъ не угодно ли полюбопытствовать, какъ у васъ слушаются запрещенія начальства прыгать черезъ огонь? {Обычай прыгать черезъ костры въ ночь на Ивана Купалу, не смотря на запрещеніе, сохраняется во всей первобытной чистотѣ.} сказала Инна, отворяя дверь въ другую хату.

На соломѣ лежала молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати двухъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, большіе на выкатѣ голубые глаза ея съ безпредѣльнымъ изумленіемъ окинули вошедшихъ, и остановились на Иннѣ. Странная улыбка скользнула по губамъ, и лицо спряталось въ подушку.

— Не бійсь, Посмитюха; это я, а се братікъ мій, говорила Инна.

Дѣвушка тихо подняла голову и улыбнулась подсѣвшей къ ней Иннѣ, поглядѣла ей въ глаза, погладила по головѣ.

— Я тебе люблю, проговорила она тихимъ протяжнымъ голосомъ, достала изъ-за пазухи два яблока и подала Иннѣ. — Тото кисляя; я знаю, ты любишь кисляя... Что жь ты долго не приходила? Гдѣ была? Тамъ?

Дѣвушка махнула рукой на окно и улыбнулась.

Лѣтъ пять назадъ, позднею осенью, пошли крестьяне обмолачивать хлѣбъ и нашли забившуюся въ скирду дѣвочку. Она дрожала въ одномъ поношенномъ сарафанишкѣ и на всѣ ихъ разспросы только отмахивалась руками, да улыбалась, потомъ вскочила и пропала въ садахъ. На другое утро опять въ скирдѣ. "Возьмите її, тетко Маруся, въ васъ нема дѣтокъ," порѣшили люди. Вдова взяла ее къ себѣ, отогрѣла, накормила и вечеромъ, присѣвъ къ постели новой питомицы, стала ей шить плахту. На утро постель оказалась пустою; потолковали люди, погоревала тетка

Маруся "ну, знать така її доля". Глядь! къ ночи идетъ бѣгдяжа къ Марусѣ, сѣла за столъ, вечеряетъ. Такъ и прижилась на хуторѣ; помѣщики выхлопотали ей видѣ, и люди всѣ къ ней привыкли. Бывало, мужикъ рубить дрова въ лѣсу, начинаютъ на него сыпаться жолуди; онъ такъ и знаетъ, что это "Посмитюхо" взлѣзла на дерево, и только крикнетъ: "а ну, кажи ліку {Лицо.}, не ховайсь". Изъ зелени покажется смѣющеся личико и опять спрячется. Часто мельникъ, неся кули по лѣстницѣ, заставлялъ ея на самомъ верху. Она выскакивала изъ темнаго угла и съ хохотомъ пробѣгала мимо его. "Бачъ бѣсѣвска дѣвчина, якъ злякала {Съ польскаго — испугала.}, говорилъ онъ, выглядывая въ окно; и бѣсѣвска дѣвчина съ ловкостью бѣлки проскакивала взадъ и впередъ межъ вертѣвшихся крыльевъ вѣтряка. А тамъ опять пропадетъ дня на два, на три. Такъ и не добились люди, "чья вона така, віткіля". Говорила она какимъ-то смѣшаннымъ нарѣчіемъ: и русскія, и малорусскія, и вовсе непонятныя слова. Пытались учить ее хозяйству. Старая Маруся подзоветъ ее бывало, и долго толкуетъ какъ

хлѣбы мѣсить; та стоитъ, смотритъ, поворачивая голову съ боку на бокъ, улыбаясь, — вдругъ щелкнетъ пальцами, прыгнетъ на порогъ; только ее и видѣли. А какъ осенью налетаютъ маленькія пичужки, называемыя въ народѣ "посмитюхами", и бѣгаютъ по грязи съ маленькимъ пискомъ, кивая на ходу бѣленькими головками, то хуторъ такъ и прозвалъ ее "Посмитюхой".

— Ну теперь покажи ногу, говорила Инна, — что, небого, небось упрыгалась.

Посмитюха выставила изъ-подъ одѣяла обернутую въ холстъ ногу. Инна стала ее, разбинтовывать. Русановъ тоже подошелъ, но не могъ удержать конвульсивную гримасу, увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога.

— Дайте мазь; да не падайте въ обморокъ, сказала Инна, замѣтивъ его отвращеніе, и принялась намазывать на тряпки.

— Вотъ это ей питье, передала она Маруся графиня: — да не давайте ей вставать; разбередить, такъ и безъ ноги останется... Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ, обратилась она къ Русанову, и взявъ его подъ руку, вышла на улицу.

— Однако, сказалъ тотъ, — нужно много смѣлости, чтобы братъ на себя отвѣтственность въ такихъ важныхъ, случаяхъ, гдѣ и докторъ не всегда успѣшно дѣйствуетъ...

— Впервыхъ народъ докторамъ не вѣрять, а я еще и не на такія штуки поднимаюсь. Какъ-то тутъ обварила мальчика кипяткомъ; вся кожа со спины слѣзла; докторъ приказалъ обложить ватой; стали прикладывать — кричить просить холодной воды. Я его посадила въ ванну — боль унялась; какъ только вышелъ, опять кричить. Такъ я его цѣлую недѣлю въ ваннѣ и продержала, а потомъ *ceratum simplex*, и какъ рукой сняло.

— Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты, восторженно сказалъ Русановъ, пожимая ея руку.

— Вы думаете? задумчиво проговорила она, и вдругъ, что всегда поражало Русанова, голосъ ее зазвучалъ нотой, близкою къ отчаянію. — Все бесполезно! Все напрасно! Ни къ чему не ведетъ...

— Ну, сказалъ Русановъ, — такъ вотъ о чемъ я пріѣхалъ говорить; я вчера подслушалъ

заговоръ...

— Вотъ какъ! Я замѣчаю, это у васъ обращается въ привычку...

— И прекрасно, сказалъ онъ, — это касается васъ...

— Тѣмъ хуже, я и слушать не хочу; если вы заговорите, я убѣгу; а вамъ меня не догнать...

— Но, послушайте, сказалъ Русановъ, засмѣявшись этому тревожному потоку словъ:- если вамъ будетъ бѣда, или по крайней мѣрѣ большая неприятность...

— Вамъ-то какое дѣло?

Онъ потупился было, но тотчасъ же поднялъ глаза.

— Не смотрите на меня такъ пристально, проговорилъ онъ:- я не могу привыкнуть къ вашему взгляду.

— Ага, то-то!

— Да вѣдь больно, коли ни на что, ни про что не довѣряютъ...

— Ну, миръ, сказала Инна, подавая ему руку:- это у меня тоже дурная привычка; теперь мнѣ ужь трудно отстать, не обращайтесь вниманія. Одно только скажите, кто это злоумышляетъ противъ меня?

Русановъ назвалъ мачиху и Ишимову.

— Достойные союзники! желала бы я знать что я имъ сдѣлала?

Они шли нѣсколько времени молча.

— Когда-то и я жила въ вашемъ свѣтѣ; опротивѣло мнѣ, заперлась дома; и тутъ страхи да ужаси! Куда жь бѣжать? На какой благодатный островъ? Впрочемъ, чтожъ это я васъ поучаю... Вамъ еще жить хочется.

— Я думаю, возразилъ Русановъ.

— А все хотя изъ любопытства желательно бы знать, это васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Развѣ у меня не можетъ быть привязанности?

— У васъ? Полноте!

— Вы думаете, я не способенъ?

— Вы? Полноте!

— Инна Николаевна! Вы вотъ смотрите на меня, да только и говорите, что полноте; а есть ли какая-нибудь возможность выдаваться такъ чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же я виноватъ, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ что Бѣлинскій велитъ Ванькѣ по субботамъ читать...

— Не горячитесь, подите! Какое у васъ смѣшное лицо! вотъ видите!

— Что видѣть-то? Вовсе не то. И теперь можно; только это труднѣй чѣмъ боксомъ дѣйствовать...

— Мы когда-нибудь поговоримъ объ этомъ, а теперь....

Онъ началъ отвязывать отъ крыльца свою лошадь;- я завтра уѣзжаю въ губернію...

— Что у васъ служба, что ли?

— Служба. Прощайте, сказалъ онъ, взявъ ее руку, — вспоминайте иногда, а я....

Она посмотрѣла на него серьезно.

— Я все-таки лучше объ васъ думала, тихо проговорила она.

— Какъ такъ? озадачился онъ.

— Я не думала, чтобъ и вы пошли по избитой колеѣ. Неужели нельзя пробить свою тропинку?

— Вотъ что! Ну это точно, какъ вамъ оказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говоритъ, что живетъ, точно читаетъ дурной переводъ книги, послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ во мѣчты, а намъ и того хуже; мы опытни....

— То-есть?

— То-есть, у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, нечѣмъ и въ молодости-то было скрасить дѣйствительность.

— А лазѣйку нашли, гдѣ можно ничего не дѣлать? Странно!

— Инна Николаевна, да кто жъ мнѣ мѣшалъ жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что-нибудь сдѣлать; все остальное бессильно....

— Ну, помогите мнѣ написать въ *Искру* стихи. Начнемъ такъ:

*Не хочу я служить Аполлону,
Навѣваетъ онъ дикую чушь,*

а окончимъ:

*И въ объятія слѣпья Θεמידы
Отдаюся горячей душой.*

— Некогда, некогда, говорилъ Русановъ, усаживаясь на дрожки.

— Пхе! подумала Инна, глядя ему вслѣдъ. — И у этихъ добровольныхъ бываютъ вспышки! Тоже, поди, чай и любвишка есть, и честишка водится; и проживетъ, не пропа-

детъ.

Вечеръ былъ душный, солнце садилось въ сухомъ туманѣ, называемомъ у мѣстныхъ жителей вьюгой. Черное облако мошкары вилось высоко надъ деревьями. Инна подсѣла къ окну и развернула книгу, но ей не читалось. Мысли, одна другой безотраднѣй, шли водоворотомъ въ головѣ. Наканунѣ уней опять была стычка съ Анной Михайловной. Той почему то хотѣлось, чтобы падчерица ѣхала на балъ. Стали одѣваться; то не такъ, другое не такъ, ничего ты не умѣешь сдѣлать. Принесли раскаленные щипцы, и хотѣли припекать ей волосы. Она вскочила со стула и наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки. Зачѣмъ чужой хлѣбъ отбивать? Безъ меня много найдется тряпичницъ. Анна Михайловна не замедлила принять это на свой счетъ, и пошла потѣха. Все это было очень смѣшно, но тѣмъ не менѣе невыносимо; цѣлая жизнь впереди съ періодическими грибными дождями. Продать имѣніе? Уѣхать? Но куда же? Будетъ ли она кому-нибудь нужна? А здѣсь все-таки что-нибудь есть, да и привыкла она.... Утомлен-

ная безконечною вереницей предположений, она задремала и погрузилась въ то полусладкое, полуапатическое забытье, которое всегда слѣдуетъ за головною бурей. Часы мѣрно постукивали маятникомъ, сверчокъ уныло покракивалъ въ печкѣ. Лара протяжно храпѣлъ, влаивая во снѣ и перебирая лапами по ковру. Вдругъ ей почудилось, кто-то пробѣжалъ подъ окномъ и что-то упало ей на колѣни. Она открыла глаза и удивилась, что такъ долго проспала. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, на платѣ у нея лежала записка.

"Что за нѣжности въ деревнѣ?" подумала она, зажигая свѣчу, и пробѣгая начерченные карандашемъ строки. Вдругъ она поблѣднѣла, схватила свѣчу, проворно обѣжала комнаты и опроретью пустилась назадъ. "Онъ! Онъ!" шептала она, прислонясь къ окну и колеблясь, какъ бы собирая силы; потомъ три раза хлопнула въ ладоши.

Въ темныхъ кустахъ слышалась торопливые шаги; человекъ, закутанный въ плащъ, перелѣзъ подоконникъ и подошелъ къ ней. Она кинулась къ нему на шею, несвязно лепеча: "Леня!.. Ты!.. Милый ты мой!" Онъ

поцѣловаль ея съ нѣжностію; по щекѣ его ка- тилась слеза. Водолазъ поднялся съ ковра, съ недоумѣніемъ поглядѣль на нихъ, и глухо за- рычалъ, не зная, на что рѣшиться.

— Лара! окликнулъ Леонъ.

Собака насторожила уши, скосила голову на бокъ и вглядывалась.

— Лара, Лара! убѣждалъ тотъ.

Водолазъ обнюхаль его, кинулся лапами на плеча и лизнулъ его въ лицо, махая хво- стомъ. Потомъ, будто дѣло сдѣлалъ, улегся у ногъ и сталъ глядѣть въ глаза.

Леонъ обернулся къ Иннѣ; тихая радость разлилась во его лицу. Она усадила гостя и об- вила его шею руками.

— Живъ? Здоровъ? заглядывала она ему въ глаза.

— Какъ видишь....

— Негодный, въ два года ни строчки.... Я даже завираюсь отъ радости, а право я дума- ла, ты умеръ....

— Нѣтъ, не умеръ, да что толку....

— Леня, ты все также несчастливъ? Надо чего-нибудь? Денегъ?

— Не нужно ли тебѣ....

— Такъ ты разжился? Милый мой, я все не опомнюсь... Какъ много рассказывать!.. Ну, скорѣй.... Какъ живешь, можешь? Гдѣ? Помирился ли? Ну, хоть немного?

— А совѣсть?

— Ну, и славно, Леня, славно! И я не мируюсь.

— Все-таки лучше!

— Ластовка ты моя! Какъ же долго я тебя не видала! И она опять поцѣловала его.

— Какъ ты похудѣла! Они тебя замучаютъ.

— Какже не такъ! Ахъ, Леня, Леня! Гдѣ жъ они ти люде, дѣ ти добри, що хотѣлось зъ ними жити, ихъ любити? Какъ это они непримѣтно закутались?

— Милый ты мой сумасбродъ!

— Нѣтъ, давай поговоримъ, какъ въ стари-ну, въ счастливые дни, помнишь? Ты теперь одинъ только и поймешь меня.... Его нѣту....

— Слышалъ, проговорилъ Леонъ опавшимъ голосомъ, — и можетъ-быть.... передъ смертью онъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, быстро перебила она:- онъ простилъ тебя.

— Простилъ? вскрикнулъ Леонъ, и глаза

его засверкали:— онъ простилъ меня и за себя, и за тебя?

— Я рыдала передъ нимъ, я умоляла его, не уносить ненависти, хоть къ тебѣ; я ему говорила, что видно ужъ не судьба сбыться вашимъ надеждамъ. Я заклинала его смириться передъ этимъ непостижимымъ, чѣмъ-то страшнымъ что все по своему ломаетъ. Отецъ.... Нѣтъ, не могу...

Голосъ ея оборвался, она зарыдала и спрятала голову на груди Леоза.

— Ну, полно, полно, говорилъ онъ съ испугомъ, лаская ее.

— Ничего.... оставь.... улыбалась она сквозь слезы. — Мнѣ хорошо. Ты не знаешь, какъ этого давно не было со мной.... Пройдетъ....

— Спасибо тебѣ, говорилъ Леонъ, — и мнѣ теперь легче; лучше о себѣ расскажи; ты вѣдь съ нимъ въ Петербургѣ жила послѣднее время....

— Онъ не могъ выносить этого чистилища. Я съ нимъ уѣзжала, я и привезла его оттуда въ засмоленномъ гробу. Вотъ онъ тутъ подъ окномъ и похороненъ.

— Ну, будетъ объ этомъ. А твоя комнатка

ничуть не измѣнилась, проговорилъ Леонъ, подходя къ комоду, — только вотъ это что-то новое.

Онъ снялъ полотняный чехоль, подъ нимъ сказался фантомъ чловѣка изъ папье-маше, съ красными, синими жилками, бѣлыми нервами.

— Да, это новое, усмѣхнулась она:- это я тоже изъ Петербурга вывезла; тутъ вся ихъ и мудрость! Смотри, отойди лучше, того и гляди обругаетъ да еще ударить.

Леонъ засмѣялся.

— Да ты не шути этимъ... Я еще и не тому тамъ, въ Петербургѣ, выучилась... Ты можеть-быть думаешь, что ты свободное существо, а ты просто физико-химическая машина. Что? Небось языкъ хочешь мнѣ высунуть? Какъ же не такъ. Это вонъ электричество изъ той тучи подѣйствовало на твой мозгъ, и онъ передалъ языко-глочному нерву....

— Инна, что у тебя за порывы? Это меня беспокоить, право.

— Ничего, мнѣ давно такъ хорошо не было.... Ты думаешь, я вру? Это не ты думаешь, это фосфоръ въ твоёмъ мозгу отдѣляетъ

мысль. Что за безобразіе! вскрикнула она, толкнувъ фантомъ.

Тотъ закачался, тяжело стукнулся на комодъ, нѣсколько кусочковъ свалилось на подъ.

— Зачѣмъ же ломать? Вѣдь это, я думаю, дорого?

— Два семейства цѣлый годъ сыты будутъ этою дрянью. Нѣтъ, слушай Леня: въ самомъ дѣлѣ, ѣсть, пить, расти, дряхлѣть, разсыпаться, тутъ и все?

— Да будетъ тебѣ....

— Нѣтъ, это трусость, это остатки глупыхъ надеждъ. Стоитъ рѣшиться, да и кинуться.

— Вотъ я и кинулся! Пока ты тутъ съ книгами, да съ этою дрянью возилась, я перебивалъ и въ раскольничьихъ скитахъ, и въ цыганскихъ таборахъ, корчемничалъ, у контрабандистовъ на Прутѣ годъ прожилъ. Что жъ ты думаешь, есть въ этомъ хоть капля поэзіи? Сволочь!

— Нѣтъ, Леня, люди правы! Съ нами имъ житья не было бы. Вспомни ты, кто въ вашей семьѣ кончилъ путнымъ? То энергія безъ удержу, точно нефть горитъ въ жилахъ то

апатія до самоубійства, или до сумашествія....

— Не кощунствуй, смѣясь говорилъ Леонъ:- ты и меня въ отчаяніе приведешь.

— О, о! Я еще тебя твоимъ любимымъ вареньемъ угощу. Она достала банку и, откупоривая, шутливо продекламировала ему: "о, ваша жизнь, гдѣ сладко лишь варенье", "Гдѣ вечеромъ опасно такъ ходить". Ну, а теперь гдѣ жь ты живешь? "Птичка Божія не знаетъ"...

— Нѣтъ, я почти осѣдлымъ сталъ.

— По какому виду? Или ты ихъ самъ выдаешь?

— Мало ли насъ безвидныхъ-то! Всѣхъ не переловишь; кто поумнѣй и самъ не попадаетъ.

Они стали говорить такъ тихо, что въ комнатѣ стало слышно какъ шелестилъ вѣтеръ въ темной листьѣ сада и тамъ, гдѣ-то въ глуши, перекликались сычи.

VI. Заказъ

Невесело глядитъ уѣздный городишка южной полосы, — особенно подальше отъ центра его, гдѣ на двухъ, трехъ улицахъ, да на грязной площади сбились присутственныя мѣста, давки, двѣ церкви, а иногда и одна, и каменные дома зажиточныхъ обывателей. Чѣмъ ближе къ чертѣ города, тѣмъ кривѣй и тѣснѣй становятся улицы; въ дождливую погоду немощеный черноземъ растворяется въ жидкое мѣсиво съ заплывшими колеями воевъ. Раздолье цѣлымъ стадамъ свиней, которыя публично занимаютъ своими дѣлами; хаты покривились, крыши почернѣли, людей не видишь. Если невзначай вѣдешь въ предмѣстье, такъ и не узнаешь что городъ. Гремить столичная печать противъ татарщины и лѣни провинціаловъ, поучаетъ ихъ дѣятельности, мощенію мостовыхъ, освѣщенію газомъ, посыпанію тротуаровъ пескомъ и разнымъ хорошимъ вещамъ. Сидятъ провинціалы по темнымъ угламъ, охотятся по праздникамъ на дикихъ утокъ въ чертѣ роднаго города, въ темныя ночи пробу-

ють относительную плотность лбовъ и столбовъ, изрѣдка утонетъ какой-нибудь пьяница въ невылазной грязи. И нѣтъ имъ дѣла до столичной печати, что такъ краснорѣчиво сулитъ журавля въ небѣ.

По одному изъ переулковъ, выходявшихъ на живописную природную набережную узенькой рѣчонки, пробиралась старуха, тяжело шлепая по липкой грязи развалившимися башмаками. Крехтя наклонилась она къ землѣ, подняла чурку и морщинистое лицо просіяло. Она положила находку въ фартукъ, юркнула, сторбившись, въ калитку и вошла въ небольшую комнату, перегородженную еще пополамъ. Молодой парень прилежно строгаль доску у единственнаго окна и загораживалъ свѣтъ. Старуха завозилась въ печкѣ, шаря по холодному полу. Парень взглянулъ на нее, тряхнулъ подстриженными въ скобку волосами и еще проворнѣе заработалъ фуганкомъ.

— Что жь, матушка? не выгораетъ? спросилъ онъ немного погодя, словно нехотя.

— Эко горе, эко горе, зашамшила старуха; всю улицу избѣгала.... Просила ужь хоть дву-

гривеннаго всего на два дня до получки. Ни у кого нѣтъ. Арсениха вчера и курицу свою на базаръ снесла....

— Ну не бѣда, пока есть лебеда, похлебнемъ и ее, молодцовато сострилъ парень.

— То-то не бѣда! Изморилась я на тебя гляючи; шутка-ль другая недѣля, все квасъ да квасъ! Какая тутъ работа на умъ пойдетъ?...

Парень сильно пустилъ фуганокъ, вырвалъ длинную стружку, бросилъ ее на подъ и сѣлъ за столъ подгорюнившись. Худощавый овалъ лица его съ темными глазами носилъ отпечатокъ той думы, которую сплошь и рядомъ встрѣчаешь у рабочаго люда. Чувалась въ этомъ взглядѣ живая русская сметка, туманился онъ слегка дѣйствительнымъ горемъ, нуждой безысходною; да и не безъ гордости глянулъ бы онъ въ глаза вамъ, готовясь отпустить мѣткое словцо, не то на вашъ счетъ, не то въ пику усиленной судьбѣ. Онъ засучилъ рукава засаленной ситцевой рубахи, утеръ капли пота на лбу, перетянутомъ ремешкомъ, и принялся хлебать приготовленную матерью тюрю съ лукомъ и квасомъ. Старуха покачивала головой, да приговаривала впол-

голоса.

— Да полножь, матушка! былобъ о чемъ! дасть Богъ поправимся... Вотъ братишка под-ростеть, изъ ученья выйдеть, вмѣстѣ захозяйничаемъ; знамо, одному не сподручно....

— Охъ, дитятко! Гляди-ко-сь выйдеть ли еще твой Алешка-то.... Заколотить его этотъ людоѣдъ, прости Господи....

— Этого нынче не велятъ....

— Не велятъ, да бьютъ, родимый....

— Нѣтъ, нынче строже стало, а безъ этого нельзя. Меня небось не заколотиль....

— То-то ты и жирный такой!

— Ну, что объ этомъ толковать! Откроемъ тогда по маленьку свое заведеніе. И тебѣ матушка помощница будетъ.... Право, заживемъ....

— Гдѣжь ты ее возьмешь-то? говорила старуха внезапно веселѣя и лукаво поглядывая на сына.

Тотъ молчалъ, глядя въ чашку.

— Нынче невѣсты-то больно спѣсивы стали, продолжала старуха:- развѣ на селѣ какую возьмешь.

— Мало ихъ что ли! возразилъ сынъ съ

легкимъ оттънкомъ досады въ голосъ:- вонъ хоть Аленку взять, опять же можно и другую.

— Какую жь такую другую-то?

— Да чѣмъ же тебѣ Аленка-то не любя? говорилъ парень, наклоняясь къ краюхѣ.

— Люди говорятъ, не пойдетъ она на тебя, Аленка-то, трунила старуха.

— Говорятъ, гдѣ наварятъ, а у насъ съ тобой вонъ какое варево-то!

Видно было, что мать и сынъ совершенно понимали другъ друга; это было своего рода кокетство, заигрыванье.

Подъ окномъ застучали колеса и легкая коляска, пробираясь въ колеяхъ, остановилась у калитки.

— Эва! Неужто къ намъ? удивлялась старуха.

— Эва! Какую ворону занесло! ухмыльнулся сынъ.

Вошелъ Бронскій. Хозяева переглянулись и поклонились.

— На силу, братъ Григорій, нашель тебя, заговорилъ графъ, опускаясь на давку.— Хлѣбъ да соль!

— Нешто вы меня знаете, баринъ?

— А ты говори: "хлѣба кушать!" Я не откажусь....

— Пожалуйте, баринъ, да ужь не судите, ѣда у васъ самая такая, конфузилась старуха.

— Ничего, мы не брезгнемъ, не чиновные....

Онъ хлѣбнулъ раза два предложенною ложкой, но такой ѣды видно не ожидалъ, поморщился....

— Что жь ты сталъ, Григорій, садись! А то и я встану вѣдь...

— Ничего-съ, постоимъ.

— Садись, знай!

Мастеровой присѣлъ на лавку, какъ-то неловко крякнувъ. Ему почему-то казалось, что баринъ надъ нимъ подтруниваетъ.

— Вотъ что, заговорилъ Бронскій, доставая бумажникъ:- можешь ты мнѣ сдѣлать станокъ вотъ по этому рисунку?

Онъ вынулъ бумажку съ чертежомъ литографнаго станка.

Рабочій окинулъ взглядомъ чертежъ.

— Можно-съ, отчего не сдѣлать? былъ бы рисунокъ да размѣръ....

— Ну такъ вотъ такихъ три станка, хоро-

шаго дубоваго дерева.... Не спѣши дѣлать, чтобы послѣ ни чинить. За цѣной я не постою.

Глаза у рабочаго заискрились.

— Это все можно. Зачѣмъ же намъ охулку на руку класть. Будетъ въ лучшемъ видѣ-сь.

— Какой у тебя взглядъ славный!

— Взглядъ-сь? усмѣхнулся рабочій.

— Ну, такъ дѣлай.

— Это точно-сь, заговорилъ тотъ въ смущеньи: — то-есть теперь матеріялу много пойдетъ, а пора трудная...

— Денегъ нужно? Ты такъ и говори, сказалъ графъ, вынимая красненькую:— вотъ покупай что нужно; послѣ сочтемся.

— Благодарители вы ваши! Какъ вамъ на васъ Бога молить? заговорила старуха.

И парень повеселѣлъ.

— Не надо, сказалъ Бронскій. — Мы попросту, мы за васъ стоимъ, а не за сильныхъ; и вы за васъ держитесь...

— Кого жъ вамъ и держаться, какъ не давальцевъ, вступился парень:— извѣстно, кто честно расплатился, тому и мы всею душой....

— Дѣла-то твои, я вижу, не больно хорошо идутъ, ласково говорилъ графъ.

— Гдѣ хорошо идти! Такъ кое-какъ перебиваемся. Гдѣ большой хозяинъ, да много работниковъ, всѣ туда и даютъ... Опять же машины эти....

— А я вотъ видишь къ тебѣ; ты только васъ держись, мы друзья народу, мы и отъ богатыхъ васъ избавимъ.... Всѣмъ будетъ хорошо....

— Такъ-съ, нашелся отвѣтить мастеровой. — Вотъ этой штуки я не понимаю: въ колесѣ этомъ значить ободка не надеть? Однѣ спицы во втулкѣ?

— Однѣ, однѣ; и покрѣпче ихъ надосдѣлать; ихъ во всѣ стороны вертѣтъ будутъ....

— Это, примѣрно, машина такая?

— Да, если кто спросить, такъ и скажи: машина, моль, масло жать. У тебя она скоро поспѣетъ?

— Да черезъ недѣльку, не ближе.

— Ну, ладно, я заѣду. А лучше ты побереги ее отъ чужаго глаза-то, а то сосѣди переймутъ, она привилегированная....

— Не извольте беспокоиться, никто не увидитъ.

— Вижу, ты малый смышленный. Ты изъ ка-

кихъ?

— Господина Ишимова человекъ былъ, въ Москвѣ обучался, теперь извѣстно.... свобода-съ.

— Мнѣ бы съ тобой покорооче хотѣлось сойдтись! Ты мнѣ жизнь свою расскажешь...

— Жизнь-съ? усмѣхнулся Григорій:- какая жь наша жизнь....

Послѣдовало молчаніе. Графъ вертѣлъ шляпу, взглядывая на Григорья изъ подлѣбья. Тотъ ломалъ голову, чего баринъ не уѣзжаетъ? Можетъ тутъ что-нибудь сдѣлать надо... А кто его знаетъ! Извѣстно, кабы свой братъ, въ трактиръ свести, чайкомъ попоить, хоть и на его жь деньги...

— Да, такъ мы еще поговоримъ, торопливо заговорилъ графъ:- ты такъ и другимъ скажи, коли кому нужна будетъ, пусть ко мнѣ идутъ; у меня работа найдется....

— Зачѣмъ же-съ? если ужь вашей милости моя работа понравится, такъ не оставьте....

— Ну, все-таки.... Я васъ всѣхъ люблю.... Вы труженики... А эти что обираютъ васъ, не долго напануютъ....

Хозяева съ низкими поклонами проводи-

ли богатаго барина до коляски.

— Не надо, не надо, говорилъ онъ:- не студи-тесь....

Колядка покати-лась.

— Чудной баринъ! проговорилъ Григорій.

— Такъ-то, соколикъ, радовалась старуха:- голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ....

— Это кто говоритъ! А баринъ чудной! Взглядъ вишь пондравился? Совсѣмъ на бари-на не похожъ, равно онъ къ тебѣ подлащива-ется....

— А-а-ахъ! Свѣтики! Глянько, это онъ свой бумажникъ забылъ... Какъ же такъ, надо бы добѣжать, воротить надо; гляди, како дѣло! всхлопоталась старуха.

— Гдѣ жъ его теперь искать? Самъ пріѣдетъ... Какая штучка! Работа, надо быть, нѣмецкая! Поди рублей двадцать одна сто-ить... А денегъ-то въ ней, я чай...

— Не тронь, Гриша, еще вернется неравно.

— Ничего, поглядѣть можно; чай онъ имъ счетъ знаетъ! И не сочтешь, все красненькія, да сѣренькія.... Эхъ, хоть бы чет-вертушку, сейчасъ бы захозяйничали, и вывѣску повѣсили бъ золотыми литерами:

столяръ Григорій Орудный! На, матушка, уברי подь божницу, ажъ глядѣть противно. Отъ богатыхъ, говоритъ, избавлю, а самъ-то что!

Онъ сѣлъ за столъ и принялся разсматривать рисунокъ. Вошла дѣвушка въ полугородскомъ нарядѣ, въ шубейкѣ, съ платочкомъ на головѣ, помолилась и обратилась къ хозяйкѣ.

— Я, тетушка Ѳедосьевна, по сосѣдству зашла... Вамъ денегъ нужво было?

— И что ты, красавица, нѣтъ!... Такъ я говорила, примѣрно... У мово сына деньги водятся, онъ не шалопутный какой!

— То-то, а то у меня возьмите.

Парень ужъ чертилъ рисунокъ въ большомъ размѣрѣ, и, будто тутъ только слышавъ приходъ гости, поднялъ голову...

— Аленѣ Тимоѳеевнѣ наше почтенье! проговорилъ онъ, — садитесь, гости будете...

— Здравствуйте, Григорій Сидорычъ, отвѣтила та, потупившись и прикрываясь рукавомъ.

Подошла къ столу и заглянула въ бумагу.

— Работу получили? спросила она просто.

— Получилъ, благодареніе Богу. Ваши всѣ ли здоровы?

— Живуть помаленьку. Что жь это будеть?

— Кто ее знаетъ, не женское дѣло. Матушка, надо бы самоварчикъ поставить...

— Нѣтъ, заговорила дѣвушка:- коли для меня, не надо; я на минуту...

— Куда, мать моя, сама-то я больно охоча, не могу ужь безъ этого зѣлья теперь, прилыгнула старуха.

— Вотъ, матушка, размѣняй, сказалъ Григорій, вынимая изъ-за пазухи красненькую. — Кажется чай-то весь у насъ...

Кто бы подумалъ, глядя на степенно-важныя лица молодыхъ людей, что у нихъ все полжено ужь межъ собою и ждутъ они только поправки въ дѣдахъ, чтобы завестись своимъ домкомъ!

Какъ только старуха мелькнула мимо окна, Григорій подвинулся къ стоявшей возлѣ него дѣвушкѣ и обнялъ ее талию. Она глядѣла въ окно, покраснѣвши; чуть замѣтная усмѣшка блуждала на губахъ. Онъ сталъ притягивать ее къ себѣ, она защищалась локтемъ.

— Не трожьте не балуйте, шептала она.

— Любовь я тебѣ, Леня? Любовь что ли?

Она повернула къ нему запылавшее лицо и такъ и впилась въ губы....

Въ ту же минуту дверь сильно распахнулась и вошелъ Бронскій, блѣдный, съ встревоженнымъ лицомъ. Дѣвушка, какъ испуганная птичка, отскочила въ сторону; Григорій смѣшался, во графъ ничего не замѣчалъ.

— Не обронилъ ли я тутъ бумажника? растерянно говорилъ онъ:- тамъ деньги... деньги...

— Здѣсь-съ, оправился рабочій:- цѣлы всѣ...- И вынесъ ему бумажникъ.

Графъ торопливо открылъ его дрожавшими руками, еще проворнѣй пересмотрѣлъ всѣ отдѣленія, и насилу успокоился...

— Ты честный человѣкъ, Гриша, проговорилъ онъ:- я не ожидалъ...

— То-есть какъ-съ?

Графъ выложилъ всѣ деньги изъ бумажника и подалъ ему.

— Это тебѣ на разживу; смотри, никому не сказывай!

Григорій глядѣлъ на него, выпучивъ глаза.

— Ты тутъ ничего не читалъ? спросилъ графъ, пытливо на него посматривая...

— Зачѣмъ же-съ? За что же это баринъ?

— Ну, прощай! Прощай! крикнулъ Бронскій, уходя.

Все это произошло такъ скоро, что мастеровой рѣшительно не могъ придти въ себя. Дѣвушка даже и не поняла ничего съ испугу.

— Матушки, денегъ-то сколько! говорила она, опомнившись: — рублей триста будетъ...

— Рехнулся онъ что ли? засмѣялся мастеровой: - то деньги подай, то ужъ и не надо стало. Ну, матушка, крикнулъ онъ входившей старухѣ, - знать мы съ тобой въ сорочкѣ родились... Спрашивай скорѣй, пойдетъ ли за меня. Такую заведенію открою! И машины будутъ!

Старуха стала креститься.

VII. Наслѣдство

— Богъ съ тобой, говорилъ старый майоръ племяннику:— тебѣ видно скучно со мной, старикомъ...

Русановъ намекнулъ ему, что не хочетъ быть ему въ тягость, особенно въ такое время, когда доходы и безъ того уменьшились.

— А вотъ видишь, вотъ ужъ и не хорошо, Володичка! Гордость смертный грѣхъ! На вашу вѣкъ съ тобой хватить, дружочекъ.

— Да не въ томъ дѣло, дяденька...

— А я было какъ привыкъ-то къ тебѣ! Сына роднаго такъ не любилъ! говорилъ майоръ, забывая, что у него такого предмета и въ заводѣ не бывало.

— Дяденька, говорятъ, люди нужны, упрекаютъ, что никто не хочетъ служить.

— Да, послушай, дружочекъ, попробоваль еще возразить майоръ, — съ какими ты еще людьми сойдешься, оцѣнять ли?

— Точно я красный товаръ! смѣялся Русановъ.

И майоръ захотѣлъ поѣхать съ племянникомъ. Увязали въ чемоданы всю движимость

Русанова. Толстая Стеха, ключница, сама укладывала на дорогу пироги, цыплятъ. Обывательскія живо помчали родичей. Тряская жидовская бричка скоро укачала майора. Онъ долго киваль головой, наконецъ, опустился на подушки и заснулъ, а Русановъ глядѣль на окрестности, медленно уплывавшія за бричку. Напомнили онъ ему движущуюся картину Миссиссипи, видѣнную въ Москвѣ почти ребенкомъ, и мало-по-малу, не званое не прошеное, стало ему приходить на память прошлое. Вотъ онъ кудрявый, краснощекій бутузъ бѣгаетъ по двору въ красной рубашонкѣ, и съ любопытствомъ разглядываетъ старый, обросшій мохомъ заборъ. "Это няня, что?" — "Это паукъ-коси-съно, оторвать ему ногу, онъ все будетъ косить." И ребенокъ спѣшитъ оторвать ногу, и долго носить ее на ладони, любуясь странными движеніями. Вотъ красный мундиръ гимназиста, шапка на затылкѣ, отважно шлепаетъ по лужамъ съ портфелемъ подъ мышкой, а уличные ребята никакъ не хотятъ призвать мужа науки и выражаютъ плебейское негодованіе громкими криками: "красная го-

вядина!" До нихъ ли ему, когда въ головѣ рѣшается Пифагорова теорема! Вотъ университетскій садъ, шумитъ кружокъ синихъ воротниковъ. Господинъ Пшиндишкевичъ, носящій бакенбарды и потому считающійся отчасти передовымъ, становится на дерновую скамью, опирается на суковатую палку, и громко читаетъ адресъ попечителю: "Мы нижеподписавшіеся обязываемся заставить начальство дать отчетъ, за что оно погубило будущность Лжемпиковскаго, исключивъ его изъ студентовъ..." — "Господинъ Русановъ, говоритъ Вшисцинскій, вы, конечно, не подпишетесь?" — "Развѣ медалисты подписываются? Ихъ дѣло въ передней ректора торчатъ", говоритъ Лжемпиковскій. — "О, если такъ, господа! чтобъ доказать вамъ, я готовъ", говоритъ герой, и подписываетъ адресъ. Большинство благоразумныхъ разрываетъ его. — "Господа," говоритъ Русановъ, "вы играли моею фамиліей, моею будущностью, слишкомъ безцеремонно; позвольте же выразить мое презрѣніе къ этой комедіи!" — "Господинъ Русановъ," говоритъ Пшиндишкевичъ, заходя къ нему въ домъ: "вы должны

мнѣ дать удовлетвореніе!" Обнажаются студентскія шпаги, господинъ Русановъ получаетъ уколъ въ плечо, господинъ Пшиндишкевичъ въ бокъ, и оба довольны на другой день своими ранами, возбуждающими любопытство товарищей. А милая Зиночка встрѣчаетъ своего героя кузена чуть не со слезами: "не стыдно ли, Вольдемаръ, рисковать дорогою жизнью?" А тамъ смерть отца, отъѣздъ... Все это далеко, далеко позади. Теперь надо цѣпляться за новыя снасти, держаться на шаткой палубѣ...

— Довезите, просилъ женскій голосъ.

Русановъ выглянулъ изъ брички. На пригоркѣ сидѣла дѣвушка въ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная платочкомъ; возлѣ нея лежалъ бѣлый узелъ.

— Довезите, баринъ, говорила она, — смерть устала.

Русановъ велѣлъ остановиться. Дѣвушка взобралась на облучокъ, и опустила глаза.

— Вы куда же идете? спрашивалъ Русановъ.

— Въ городъ-съ, искать работы, не смѣло отвѣтила та.

— Много вы прошли?

— Версть десять; я сегодня съ зорькой вышла...

— У васъ тамъ знакомые въ городѣ?

— Нѣтъ-съ, никого нѣтъ...

— Какъ же это? Дали ль вамъ, по крайней мѣрѣ, на дорогу?

Дѣвушка покраснѣла и пробормотала, что это очень не далеко. Русановъ, спустя нѣсколько времени, развернулъ пирожки и предложилъ ей закусить вмѣстѣ. Она поблагодарила, не отказывая. Тутъ только онъ разглядѣлъ ее. Дѣвушка была очень миловидна. Свѣженькое румяное личико, съ ямочками и легкимъ пушкомъ на щекахъ, бойкіе, каріе глаза, съ немного опухшими вѣками, словно недавно пережили какое-то горе: руки бѣды и нѣжны, волосы причесаны по-городски.

— Вы что жъ на фабрику хотите?

— Нѣтъ, я бы куда-нибудь въ горничныя, или какъ это, Haushälterin...

— Вы по-нѣмецки говорите?

— Дѣдушка былъ нѣмецъ, я еще маленькая съ нимъ въ Россію пріѣхала; онъ тутъ у бога-

таго барина служилъ, въ садовникахъ занимался...

— А теперь?

— Померъ. Никто этимъ нынче не занимается, а дѣдушка богатая оранжереи разводитъ; но потомъ все меньше было достатку; вмѣсто того чтобы накопить денегъ, да ѣхать на родину, сталъ проживать... Потомъ заболѣлъ, и корову вашу продали... А потомъ и меня не стали держать, теперь въ чужихъ людяхъ надо жить.

— Но зачѣмъ же въ горничныя? Лучше шить на какой-нибудь магазинъ...

— Я къ этому не приучена, не умѣю... Вотъ бы какой-нибудь старой барынѣ книжки читать. Я дѣдушкѣ все газеты читала!

— Кто это съ тобой разговариваетъ? отозвался майоръ въ подудремотѣ.

— Тутъ, дяденька, дѣвушка одна... Въ городъ идетъ!

— А, ну, ну, ну! Пусть ее...

Ночью въѣхали они въ заставу губернскаго города. Мостовая задрезжала, каменные дома тихо двигались мимо, по окнамъ свѣтились огни. Экипажъ остановился у го-

стиницы.

Майоръ тотчасъ отправился хлопотать о номеръ и переноскѣ вещей. Русановъ присѣлъ съ дѣвушкой на крыльцо. Полный мѣсяць ярко освѣщаль бѣлый домъ, обливая голубоватымъ отливомъ выступы и карнизы, бросая тѣни на земь, золотя крестъ какой-то церкви. Подъ навѣсомъ храпѣли кони; по двору расхаживали ямщики; кто-то наигрываль на гармоникѣ "барыню".

— Ну, вотъ мы съ вами и доѣхали, Ниночка. Вы теперь куда думаете идти?

— Куда-нибудь на постоянный дворъ, тамъ не дорого, у меня есть два рубля....

— Живали вы когда въ городахъ?

— Ни разу еще. Какъ не хорошо пахнетъ! что-то страшно: много такъ народу, я совсѣмъ здѣсь чужая...

— Еще бы, такая чистая, свѣжая! Хотите, я вамъ дамъ совѣтъ?

Дѣвушка простодушно глянула на него.

— Берите первое попавшееся мѣсто, принимайтесь скорѣй за работу; а то васъ какъ разъ испортятъ! Ниночка, вѣдь вы не поддадитесь дурному, неправда ли?

— Ни за что на свѣтъ! вскрикнула она съ жаромъ, схвативъ его руку.

— А пока возьмите это на память отъ меня, на случай, пока прищете себѣ мѣсто...

Дѣвушка развернула ассигнацію и нерѣшалась.....

— Куда ее столько! Какой вы добрый!

— Берите, берите, это отъ друга...

— Какъ васъ звать? Чтобы звать, за кого молиться?

— Вы часто молитесь, Ниночка?

— И утромъ, и вечеромъ...

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ... Инну, попросите ей счастья... Иду, иду! крикнулъ онъ дядѣ, звавшему его съ лѣстницы. — Будетъ нужда, спросите въ гражданской палатѣ Русанова, упомните?

Онъ пожалъ ей руку и сталъ подниматься по грязнымъ ступенькамъ. Вошедши въ номеръ, онъ тотчасъ улегся на тюфякъ, и майоръ погасилъ свѣчку.

"Бѣдная", думалось ему: "одна, совершенно одна, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, безъ средствъ, безъ знанья... Въ этомъ омутѣ... Что еслибы та гордая душа была на ея мѣстѣ? Вы-

несла ли бы она?"

Глаза стали слипаться, приятная усталость охватила все тѣло. Русановъ сталъ забывать-ся. Казалось ему, что онъ ѣдетъ по степи на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ и серебристый ковыль волнуется, волнуется, наводя на него усыпленіе... Довезите, доведите, раздаются серебристые голоски... Сколько Нилочекъ! На каждомъ пригоркѣ, у cadaго ручейка, все Ниночки... Онъ беретъ одну на руки, привозитъ въ какой-то мраморный храмъ; портики, колонада, розовый занавѣсъ, и все освѣщено голубымъ свѣтомъ... А Ниночка ужъ не Ниночка, а гордая красавица въ черномъ платьѣ, съ пышными черными кудрями, и онъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ. Инна Николаевна, говоритъ онъ, — вы извините меня, пожалуста; я никакъ не могу влюбиться въ васъ... Не потому что у меня только тысяча рублей наслѣдства, да домъ на Пречистенкѣ; я не боюсь смерти, я дрался на шагахъ съ господиномъ Пшиндшикевичемъ... Да отчего же, грустно? говоритъ Инна Николаевна: вѣдь только за васъ я и могу выйдти, вы одинъ изъ нихъ... Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ Руса-

новъ, — и слезы подступаютъ къ горлу: Мальвина мнѣ не позволитъ, я долженъ посвятить себя для высшихъ цѣлей... Ха, ха, ха! раздаётся смѣхъ Инны: я и забыла, что вы мировой посредникъ, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! раздаётся явственнѣй.

— Что такое? вскакиваетъ Русановъ.

— Какже, помилуй, говоритъ майоръ, — одиннадцать часовъ ужъ, я и къ обѣднѣ сходилъ, смотрю, а онъ тутъ цѣлуетъ подушку... Что это ты видѣлъ во снѣ?

— Мало ли что во снѣ привидится?

— Я дружокъ поѣду; къ губернатору надо, еще кой-куда, ты меня не жди.... Сходи, городъ, осмотри достопамятности.

— Куда спѣшить? жить буду, все узнаю.

Владиміръ Ивановичъ, проводивъ дядю, одѣлся и сошелъ въ билліардную, народу набралось порядкомъ. Онъ велѣлъ дать себѣ чаю и усѣлся на диванчикъ.

— Сыграть что ли? предлагала одна личность съ багровымъ носомъ и щетинистыми усами въ военномъ пальто.

— Да вѣдь ты объегоришь, голова, возражала другая въ долгополомъ сюртукѣ, съ

небритою фізіономіей.

— Ну, наладилъ, на четвертакъ идетъ?

— Что, ай завелся? Гдѣ Богъ послалъ?

— Что я, жуликъ что ли?

— Много ль впередъ-то?

— Впередъ сколько угодно нынче такъ и такъ.

— Ну ставъ, маркель, пять шаровъ.

— Съ нашимъ почтеньемъ-съ. На чай будетъ съ кого получать?

— Ладно, заговаривай зубы-то!

— Партія съ того кто выиграетъ, что ли?

— Извѣстно, съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Пальто прицѣлилось, поерзало кіемъ и съ трескомъ влѣпило желтаго въ уголъ.

— Упаль? крикнуло оно носовымъ акцентомъ.

— На себя! крикнулъ другой.

— Не нашель лучше на кого упасть! проворчалъ пьяный горбунъ, облокотившись на бортъ и слѣдя за игрой.

Особа прекраснаго пола влетѣла въ заду въ необъятномъ кринолинѣ, напѣвая сирымъ голосомъ разудалую пѣсню; за ней купчикъ

съ французскою бородкой.

— Люблю, крикнулъ горбунъ, — никто не смѣй моему ндраву препятствовать.

— Кто это такой? спросилъ купчикъ половаго.

— Это горбатый-то-съ? отвѣтилъ тотъ, молодцовато тряхнувъ головою и перекинувъ полотенце на другое плечо:- учитель какой-то былъ, на музыкѣ что-ли; да больно ужъ изъ себя-то не удались; опять же и жена бросила; таперича третій мѣсяцъ кутятъ. Это они еще въ своемъ видѣ, а къ вечеру не хороши бывають; зачнутъ это все бить, совсѣмъ не годится!

— Тридцать шесть и очень досадно! покрикивалъ маркеръ. — Не разойдтись ли вамъ? сказало пальто, положивъ кій.

— Тридцать шесть и никого-то?

— Не разойдтись ли?

— Катай, катай знай!

— Отходу не даешь? Ну, держись же!

Пальто съ удару кончило партію. Долгопый пустилъ ругательство; разряженная особа взвизгнула; всѣ хохотали, натягивали носы, стучали ногами; посуда звенѣла.

— Молодой человекъ, сыграемте, предложилъ побѣдитель, подсаживаясь къ Русанову:— отставной поручикъ Кондачковъ!

Отставной поручикъ произнесъ все это очень быстро въ носъ и нагло глядя въ лицо Русанову.

— Я не играю, отодвинулся Русановъ.

— Можетъ ли быть? Молодой чэзакъ не играетъ на биддліардъ? Ну, на китайскомъ, по пирожку партія?

— И на китайскомъ не умѣю, сказалъ Русановъ улыбаясь. Собесѣдникъ начиналъ интересоваться его.

— Ну, кто дальше плюнетъ — по рюмкѣ коньяку плевокъ!

И поручикъ, какъ пулю, влѣпилъ плевокъ черезъ всю комнату въ аспидную доску.

— Неискусенъ и въ этомъ, расхохотался Русановъ.

— Ну, хорошо! На порцію котлетъ.... Сколько въ комнатѣ шаговъ? Двадцать три — считайте!

— Постойте, я лучше такъ закажу. Не знаете ли, не отдаются ли тутъ квартиры?

— Вамъ велику ли надо? Вонъ у Пудъ Савв-

ча комнаты три есть. — Почтеннѣйшій, пожалуйте сюда!

Небритый Пудъ Савичъ подошелъ и сталъ описывать Русанову удобства своихъ квартиръ. Потомъ замѣтилъ, что дѣло-то вести въ сухомятку какъ-то не приходится; надо бы, по русскому обычаю, чайку испить и малую толику пропустить.

Русановъ велѣлъ подать чаю, водки; подоспѣлъ завтракъ и новые пріятели усѣлись къ столику.

Отставной поручикъ, почувствовавъ себя окончательно въ своей сферѣ, развеселился.

— Я вамъ расскажу случай, молодой человекъ, заговорилъ онъ, кладя въ ротъ поль-соленого огурца. Игрнемъ разъ въ банкъ! Я, майоръ Бурзюкъ, помѣщикъ Бобырецъ, еще кто-то. Вдругъ входитъ въ енотовой шубѣ. Позвольте поставить карту? извольте. Ставить — беретъ; другую ставить — беретъ; третью — опять беретъ. Я, говорю, господа! шулеръ! Терпѣть не могу шулеровъ! Взяли его за ноги, окно отворили, до половины высунули.... Хочешь? говоримъ.... Такъ это онъ откровенно и говоритъ: не хочу!

— Скажите, какая странность!

— Ну, взяли мы его дегтемъ вымазали, въ пуху обваляли и съ лѣстницы въ три шеи! Такъ вѣдь это недоволенъ остался!

Пудъ Савичъ упрекаль Русанова неумнѣемъ усидѣть графинчикъ.

— Вы не сумлѣвайтесь, говорилъ онъ, — только первая рюмка коломъ, вторая соколomъ, а тамъ ужъ пошли мелкія *птушки!*

Отдавъ должное русскому обычаю, пріатели отправились въ домъ мѣщанина Растравилова (онъ же и Пудъ Савичъ), и порѣшили тамъ три чистенькія комнаты за сто рублей въ годъ. За столъ Русановъ будетъ платить пять съ полтиною въ мѣсяць; ему въ придачу будутъ сапоги чистить.

Потомъ они отправились по мебельнымъ лавкамъ, по магазинамъ, и цѣлый день прошелъ въ торгахъ и переторжкахъ. Только къ вечеру вернулись домой съ тремя возами, къ великому соблазну сосѣдей, которые пораскрывали окна и слѣдили за перетаскиваніемъ мебели съ такимъ участіемъ, какого не у всякаго историка заслуживаетъ великое переселеніе народовъ.

Такъ и оставались до тѣхъ поръ, пока растворенныя на обѣ половинки двери не поглотили послѣдняго стула. И тутъ все еще чего-то ждали; въ окнахъ двигалась свѣча, изъ чего они заключили, что мебель разставляютъ; когда же свѣтъ сталъ неподвиженъ, успокоились на томъ что все въ порядкѣ и имъ тутъ больше нечего дѣлать.

— Такъ вотъ гдѣ ты устроился, дружокъ, говорилъ дядя, входя къ племяннику.

Старикъ дивилося комфортабельной обстановкѣ, радовался каждой мелочи какъ ребенокъ. Въ кабинетъ онъ пришедъ въ совершенный восторгъ.

— Вѣдь это дорого? спрашивалъ онъ.

— Я, дяденька, порѣшилъ наслѣдство-то....

— Володя, ты геній!

И майоръ шагнулъ къ третьей комнатѣ, но геній шагнулъ еще проворнѣй и загородилъ дорогу, заперевъ дверь на ключъ.

— Это что жъ за комната?

— Тутъ всякій хламъ....

— Ничего, покажи и хламъ, у тебя и хламъ-то долженъ быть губернаторскій.

— Да это спальня.... Право, дяденька, не ин-

интересно.

— Ну, ну, не безпокойся; ты, братъ, не обзавелся ли ужь канареечкой какой, вишь ты какъ прытко!

Русановъ увѣрилъ дядю, что онъ вообще до пѣвчихъ птицъ не охотникъ, а до канареекъ въ особенности.

— Ой ли? сказалъ майоръ.

Уѣзжая и прощаясь, майоръ остановился въ раздумьи на крыльцѣ.

— Володя, комнатка-то? а?

— Что же?

— Кавуръ! сказалъ дядя, погрозивъ пальцемъ. — Ну, дай Богъ жать поживать, да добра наживать; пиши же хоть разъ въ недѣльку.

Въ послѣдствіи въ сосѣдствѣ распространился слухъ, что новый жилецъ — черно-книжникъ. Старухи даже подсмотрѣли съ соседняго чердака, въ чемъ заключается его спеціальность. Оказывалось, что онъ по ночамъ не спитъ часовъ до двухъ. И все что-то пишетъ, пишетъ, а потомъ погаситъ свѣчку, и не видать, какъ онъ въ трубу вылетаетъ.

— Не русскій, матушка, челоуѣкъ, не

русскій, сообщала хозяйка на рывкѣ какой-то старушкѣ-просвирнѣ. — Ни молебна не отслужилъ на новой квартирѣ, ни въ баню не ходитъ, ни что....

— Вотъ они жильцы-то, поди пушай ихъ, соболѣзновала та.

— А пожаловаться грѣхъ; за полгода впередъ деньги отдашь; и такъ простъ, такъ простъ, что ни!... точно и не чиновникъ.

— Кто его знаетъ, родимая? Чужая душа потемки!

VIII. Отсталые

На другой день, часовъ въ десять поутру, Русановъ снималъ пальто въ приѣмной гражданской палаты.

— Тутотка не вѣшайте, ваше благородіе, флегматически замѣтилъ ему сторожъ:- это для начальства мѣсто.

— Такъ куда же?

— Вы къ вамъ на службу, что ли? Вотъ съ чиновниками извольте....

— Не все равно?

— Нѣтъ-съ, ужъ это у насъ порядокъ такой. Съ монаршею милостью честь имѣю поздра-

вить, прибавилъ онъ, протягивая руку.

Русановъ далъ ему что-то и вошелъ въ канцелярію, поправляя волосы.

— Позвольте спросить, гдѣ тутъ вакантный столъ? обратился онъ къ одному чиновнику, усердно строчившему опредѣленіе.

— Не знаю, грубо отвѣтилъ тотъ и уткнулся въ бумаги.

Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ былъ этотъ столъ, котораго онъ ждалъ цѣлыхъ три года, и радъ былъ хоть чѣмъ-нибудь кольнуть студентика, сѣвшаго ему на шею по протекціи.

— Пожалуйте, Владиміръ Ивановичъ, пожалуйста, подскочилъ къ нему маленькій, худенькій человекъ въ потертомъ вицъ-мундирѣ въ обтяжку. — Позвольте рекомендоваться, коллежскій регистраторъ Чижиковъ, помощникъ вашъ!

Что-то пришибенное, покорное свѣтилось въ его прищуренныхъ глазкахъ.

— Очень пріятно, проговорилъ Русановъ, садясь къ столу, покрытому изрѣзаннымъ, закапаннымъ чернилами, зеленымъ сукномъ. — Присутствіе собралось?

— Нѣтъ-съ, раньше одиннадцати у васъ

рѣдко кто прїѣзжаетъ, развѣ когда докладъ. Позвольте, торопливо проговорилъ онъ, замѣтивъ, что Русановъ положилъ локти на столъ:- тутъ пыльно!

И въ самомъ дѣдѣ локти и обшлага были всѣ въ пыли.

— Развѣ у васъ только одинъ писецъ? спросилъ Русановъ, рассматривая молодаго человѣка съ бессмысленными, оловянными глазами и желтымъ, гемороидальнымъ лицомъ, навалившася всею грудью на столъ.

— Нѣтъ-съ, да тѣ на телеграфъ пошли....

— Это зачѣмъ же?

— Вы не извольте удивляться; это у васъ погребокъ такъ прозывается; по лѣстницѣ-то вмѣсто перилъ веревочка протянута; ну, они и выражаются такъ, что мордомоченіе, дескать, совершаемъ по телеграфу.

— А-а-а! И часто это бываетъ?

— Какъ случится, наивно отвѣтилъ Чижи-ковъ

— Ну-съ, указы сегодня есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Русановъ подошелъ къ шкафу.

— Что это? Ревизія была?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да что жь это, и апелляціонныя, и частныя, и доклады, и рѣшенныя, и мелкія бумаги, все какъ попало?

— Это у васъ всегда такъ, чтобы подъ рукой ближе было.

— Нѣтъ, ужь сдѣлайте одолженіе.... Это какой-то хаосъ; тутъ чортъ ногу переломить.... Давайте разберемъ.

Стали разбирать. Русанову попалась купчая, помѣченная вступавшею за два мѣсяца.

— Почему жь это до сихъ поръ не доложено, спросилъ онъ, уже нахмурясь.

Помощникъ мгновенно струсиль и съежился.

— Завалилось какъ-нибудь.

— Это ужь и новое не хорошо, сказалъ Русановъ, откладывая ее въ сторону.

Тутъ къ нимъ подошелъ другой столоначальникъ, старичокъ. Стриженные, бѣлые съ желтизной волосы торчали вверхъ, плутоватые глазки такъ и бѣгали; онъ все помаргивалъ, да подергивалъ губами...

— Занялись горяченько, сказалъ онъ съ сладенькою улыбочкой:- извѣстно, новая мет-

да чисто мететь...

— Вы развѣ находите, что я похожъ на метлу? спросилъ Русановъ, которому эта личность почему-то сразу не понравилась.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Это такъ пословица...

— Ну тутъ, кажется, никакія пословицы не помогутъ, говорилъ Русановъ, отыскавъ просроченный указъ.

— Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ! увѣщеваль старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣніемъ и до взятокъ не далеко, рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе, хе!.. Молода еще...

— Что?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человекъ! Кто же беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки же: благодарность за труды! Если вы, примѣрно, ночь просидите за какимъ-нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу,

какая же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ...

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, высморкался съ полнымъ сознаниемъ неотразимаго аргумента...

— Да почтеннѣйшій collega, перебилъ Русановъ, — если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно не на очередное: то и безъ того доложится... Стало-быть взятка!

— Погодите, послужите; попривыкаете къ нашему порядку...

— Ну, ужъ это дудки! Это вамъ придется къ нашему порядку-то приглядываться...

— Какъ вы находите новенькаго-то? спрашивалъ пріѣхавшій между тѣмъ секретарь, солидный мущина въ золотыхъ очкахъ у отошедшаго старичка.

— Это... это революціонеръ какой-то.

— Экъ вы вѣдь хватите-то всегда, словно чортъ въ лужу...

— Да, помилуйте, я думалъ, онъ на новоселье позоветъ; а онъ чуть не ругается...

— Ничего, умается! Видали мы слетковъ-то и почище! сказалъ секретарь, и оба

засмѣялись.

Такъ и прошелъ день въ переборкѣ бумагъ. На слѣдующіе пошла спѣшная работа, и Русановъ пожалѣлъ, что ухлопалъ на первыхъ порахъ свои капиталы на омеблированіе своей квартиры. Оказывалось, что штатныхъ писцовъ не хватаетъ на переписку докладныхъ записокъ; онъ долженъ быть принанять своего и значительно урѣзалъ у себя жалованье. Мало-по-малу косо стали посматривать на него сослуживцы.

— Что-жъ это, говорили пожилые:- просителей на домъ не принимаетъ, даже бумагой казенною не пользуется? Чѣмъ онъ жить будетъ?

— Говорятъ, пишетъ по ночамъ, должно-быть въ *Колоколъ*...

Съ своей стороны Русановъ сталъ открыто въ разрѣзъ съ канцелярскою братіей.

Однажды послѣ присутствія подошелъ къ нему Чижиковъ.

— Позвольте надѣяться, Владиміръ Ивановичъ, что вы не откажете мнѣ въ покорнѣйшей просьбѣ откушать у меня сегодня....

Проговоривъ эту очевидно приготовленную фразу, помощникъ столоначальника совсѣмъ сконфузился....

Они пошли, разговаривая, на самый конецъ города. Чижиговъ заботливо обходилъ лужи и рытвины, стараясь при этомъ уступать Русанову лучшую дорогу.

— Вотъ моя обитель, проговорилъ онъ, переходя черезъ улицу къ крошечному деревянному домику съ мезониномъ. Въ открытыя окна свѣсились вѣтки герани, бальзамина, слышалось разбитое фортепіано; хлопнула низенькая калитка, со двора пахнуло сырими дровами, фортепіано замолкло...

— Кто жъ это у васъ играетъ?

— А вотъ сейчасъ познакомитесь, отвѣчалъ хозяинъ, вводя Русанова въ низенькую гостиную.

Мебель была обтянута коленкоровыми чехлами; пестрыя занавѣски по окнамъ; по стѣнамъ обиліе литографій въ домодѣльныхъ рамкахъ. На столѣ лежали разобранные стѣнные часы и прошлогодній номеръ *Отечественныхъ Записокъ*. Каковы были прочіе апартаменты, предоставлялось фантазіи го-

стя, такъ какъ хозяинъ, вошедши въ нихъ, старательно притворилъ дверь. Русановъ заглядѣлся на гравюру Татьяны, чертящей завѣтный вензель на стеклѣ, когда Чижиковъ снова вошелъ, облеченный въ покойное пальто, расправляя спину и потягиваясь; за нимъ вышла молодая особа лѣтъ двадцати, подстриженная въ скобку, въ черномъ фартукѣ сверхъ шерстянаго платья.

— Прошу любить, да жаловать... Ну-ка угости насъ, чѣмъ Богъ послалъ...

— Я насъ ждала, Владиміръ Ивановичъ, я была увѣрена...

— Это ваша сестрица? спросилъ Русановъ. Молодые люди переглянулись, улыбаясь.

— Это жена моя, Катерина Васильевна, урожденная Ишимова. Такъ дѣвчонкой и осталась: стрижка! Вы мнѣ позвольте съ вами здѣсь запросто?

— Какъ вамъ не совѣстно...

" Фууу! Отлегло! Ну, значить "громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ!" Не хотите ли папирось, прибавилъ хозяинъ, развеселившись и подвигая Русанову пачку жиденько набитыхъ патроновъ. — Табакъ не

взыщите незавидный, что называется самъ-пань-тре.

Катерина Васильевна принесла суповую чашку, и горячій варъ борща пріятно защеко-талъ обоняніе проголодавшихся служакъ.

— Милости просимъ! Опять таки не взыщите. За моею женой три су, а за мной и тѣхъ нѣтъ. Какъ намъ жить съ тобою въ мірѣ, а?

— Ну, ну, какъ нибудь проживемъ... Вѣчно у него шуточки! обратилась она къ Русанову.

— Нѣтъ, не вѣрьте, ничто не вѣчно подъ луною. Небось, какъ хворала-то, досталось ему и отъ меня на орѣхи...

— Кому это?

— Да вотъ братцу-то любезному...

— Ну, полно; Богъ съ нимъ...

— Вина у насъ не водится, говорилъ Чижи-ковъ, подвигая графинъ:- а вотъ наливкой я васъ угощу такой, какую только Катенька и умѣетъ готовить.

Обѣдъ пролетѣлъ какъ на рельсахъ. Служаки закурили самъ-пань-тре и расположились на диванѣ. Катенька понесла куда-то хлѣбныя крошки въ фартукъ.

— Скажите, какъ это вы въ самомъ дѣлѣ

живете?!..

— Да такъ?

— Сколько, бишь, вы получаете жалованья?

— Четыре рубля въ мѣсяцъ.... что не дурно? Да вотъ къ слову, посмотрите!

Русановъ выглянулъ въ окно, выходившее на палисадникъ съ клумбами малины, крыжовнику и нѣсколькими яблонями. Катенька сидѣла на самомъ припекѣ и бросала крошки тремъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, королькамъ; пѣтушка можно было узнать только по гребешку. Они путались мохнатыми ножками и, кудахтая, подбирали крошки.

— Такъ-то, сказалъ Чижиковъ, — курочка по зернышку...

— Нѣтъ, серіозно?

Чижиковъ задумался на минуту.

— По правдѣ сказать, Владиміръ Иванычъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ, сказалъ Чижиковъ, посмѣиваясь:- а я... лучше

ужь разомъ покаяться... я беру взятки.... А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяць; ну мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этимъ бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобъ являлись въ своемъ видѣ, не оборвышемъ; ну и сапоги... хотя съ высшей точки зрѣнія, казалось бы, что такое сапоги! А тутъ благодарятъ двумя, тремя рубликами... Не бралъ-съ, ей-Богу не бралъ, пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышение, а вышло вотъ что...

Чижиговъ пустилъ густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухъ...

— Скажите пожалуста, началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе: неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрой?

— Какже, раззорился! По закону четырнадцатую часть отсыпалъ. Вотъ домикъ этотъ и купили. И то вѣдь я Катеньку почти похитилъ. И думать у меня, говоритъ, не смѣй за нищаго выходить. Ну, она, русская душа, и говоритъ ему: думать-то я, братецъ, не

намѣрена, — а выйдти выду. Съ тѣхъ поръ у васъ онъ ни ногой....

— Такъ она у васъ бой!

— Да, вотъ тутъ и подумай! Конечно въ видахъ современныхъ потребностей, можно на меня смотрѣть какъ на гадину, пожалуй и раздавить можно; да вотъ какъ у меня на рукахъ этотъ бой, а пожалуй и боята пойдуть, такъ я и самъ, того-съ, право!

Русановъ засмѣялся.

— Идетъ! Вы при ней пожалуста...

— Что жъ ты, Митя, ничего не сыграешь Владиміру Ивавичу, сказала Катенька, садясь къ нимъ и отряхая фартукъ.

— Если ихъ благородіе прикажутъ, не смѣю отговариваться. Да что! Все играю-то я такое....

Онъ развязно сѣдъ за фортепіано и бойко заигралъ польку-foliehon.

"А, каковъ? Еще и польки на умѣ!" думалъ Русановъ.

— Хотите? подошла къ нему Катенька, подставляя руку на плечо.

Русановъ отъ души сдѣлалъ съ ней тура три.

— Не хорошо, что дѣлать! говорилъ Чижи-ковъ:- пристрастился къ бальнымъ танцамъ; переписывалъ когда-то ноты, какъ Руссо!.. Вотъ и пристрастился...

— Слушайте вы его; пристрастился къ бальнымъ танцамъ, передразнила Катенька:- у купцовъ иногда вечера бываютъ, понимаете? А ты лучше свое-то сыграй...

Чижиговъ немного смѣшался.

— Я, Владиміръ Иванычъ, написалъ вальсикъ... Совѣтовали напечатать, да что! русская фамилія туго идетъ.

Онъ махнулъ рукой и заигралъ свой вальсикъ.

И это былъ вальсъ для танцевъ, но какъ будто въ немъ вертѣлись и "Лучинушка" и "Матушка голубушка" и "Борода ль моя бородушка". Что-то широкое, русское слышалось въ беглыхъ звукахъ...

"Откуда эта сила берется?" думалъ Русановъ, невольно приближаясь къ фортепіано; а Катенька стояла, облокотясь, противъ играющаго, и когда вальсикъ замеръ на послѣдней пѣвучей ноткѣ, она взяла его за голову, и притянувъ къ себѣ, звонко чмокнула.

— О чемъ это вы задумались, Владиміръ Ивановичъ?

— Ахъ, еслибы вы звали, какъ я васъ понимаю!

— А что? спросилъ Чижиковъ.

— Нѣтъ, такъ! спохватился Русановъ.

— Нѣтъ не такъ!

И Катенька лукаво погрозила ему пальчикомъ.

Отець-командиръ покраснѣлъ и перемѣнилъ разговоръ.

ІХ. Передовые

Наступили два дня табельные. Еще наканунѣ Русановъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи ходилъ по своимъ комнатамъ; поглядѣлъ въ окно: шарманщикъ вертитъ свой органъ — скучно! Снялъ со стѣны скрипку, сталъ вспоминать недавно слышанный *désir* — скучно!

"А что если поѣхать? Отчего жъ и не поѣхать? Что за бѣда? Мнѣ просто весело тамъ; съ ней пріятно время провести...."

По утру онъ ужъ вылѣзалъ изъ брички у крыльца Конона Терентьевича, владѣльца

перваго знакомаго хутора по пути.

— Покорми тутъ, сказалъ онъ Жиду, входя въ переднюю.

Слышались голоса дяди и племянника въ горячемъ спорѣ.

— Я удивляюсь, говорилъ Кононъ Терентьевичъ, — какъ это тебя можетъ занимать!

— А я вотъ удивляюсь, какъ это васъ занимаетъ, что меня это занимаетъ....

Русановъ увидалъ Конона Терентьевича, умывавшагося въ двухъ тазахъ; сперва съ мыломъ, а потомъ набѣло въ чистой водѣ; племянникъ стоялъ на стулѣ и курилъ въ душникъ, такъ-какъ дядя терпѣть не могъ табачнаго воздуха, увѣряя, что дышать имъ гораздо вреднѣе чѣмъ самому курить.

— Хвала Аллаху, насилу-то путное сказалъ.... Ахъ, здравствуйте!.... Извините пожалуйста....

— Продолжайте, продолжайте.... Въ чемъ дѣло?

— Да, вотъ юноша воюетъ....

— Но, послушайте, дяденька, надобно же что-нибудь дѣлать...

— Кто жь тебѣ сказалъ, что есть на свѣтѣ

дѣло? Никакого дѣла нѣтъ, все это фантазмагорія!

Русановъ поглядѣлъ на оратора, а племянникъ даже и курить пересталъ.

— Ну будешь служить, вотъ спроси у него: изъ чего? жалованье получать! Будешь литераторомъ — гонорарій; купцомъ — барышъ; а результатъ одинъ: пить, ѣсть, наслаждаться жизнью... Дураки хлопочутъ, изъ кожи вонъ лѣзутъ, а умный человекъ и такъ проживетъ....

— Да какже, по вашему, и цѣли въ жизни нѣтъ?

— Да что ты лошакъ что ли испанскій? Тѣмъ вотъ, когда на гору ѣдутъ, клочокъ сѣна передъ мордой. вѣшаютъ; ну они и идутъ, все хотятъ дойти.... И ты туда же?

— Послѣ этого и призванія никакого нѣтъ?

— Отставь, надоѣлъ.... Ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, дяденька! Вы сами себѣ противорѣчите.... На той недѣлѣ вы читали Искандера и восхищались; вчера перечитывали *Переписку* Гоголя, и опять восхищались, а нынче опять другое говорите....

— Да ты глупъ! Ну смотришь ты на розу —

тебѣ нравится; нюхаешь жасминъ — опять нравится....

— Да? Такъ это все цвѣточки?

— А ты въ самомъ дѣлѣ думалъ ягодки?

Русановъ прислушивался къ литературному каруселю не безъ любопытства. Онъ ждалъ какого-нибудь рѣшительнаго удара, когда вошелъ мужикъ съ глуповатымъ лицомъ и остановился у притолки.

— Что ты Хведько?... Да, я за тобой послалъ, заговорилъ Кононъ Терентьевичъ. — Поѣдешь въ городъ, купи ты мнѣ сала...

— Чую, протянулъ мужикъ.

— Ну, что чую? Ничего не чуешь! Сало бываетъ двухъ сортовъ: одно бѣлое, другое желтое....

— Се я понимаю....

— Такъ ты мнѣ самага желтаго привези: это самое лучшее, оно на заграничный рынокъ идетъ.... въ Лондонъ. Когда спросъ увеличился, такъ ваши купцы стали бѣлое подкрашивать орлеаномъ и гуммигутомъ, чтобы показистѣй было... Понялъ?

— Эге! почесывался мужикъ, оглядывая всѣхъ изподлобья. Русановъ улыбался.

— Такъ смотри жь самага желтаго! Да еще вотъ что попробуй; сало вѣдь состоитъ изъ трехъ кислотъ: олеиновой, маргариновой и стеариновой, да еще органическое основаніе — глицеринъ. Такъ это дурное сало, коли въ немъ много олеину!

Мужикъ переминался съ ноги на ногу и съ ожесточеніемъ глядѣлъ на сапоги.

— Ты его пожми сквозь тряпку!

— Звольте! согласился мужикъ.

— Коли олеинъ потечеть — не бери!

— Коли олея пидеть, не бери! повторилъ мужикъ.

— Ну такъ ступай, да помни; сдѣлай это не въ службу, а въ дружбу; я вѣдь не панъ теперь....

— Якъ же не панъ? возражалъ мужикъ.

— Мы теперъ сосѣди, объяснялъ Кононъ Терентьевичъ.

— Спасибѣ вамъ, кланялся мужикъ;- дозвольте мини вже и сынку взять зъ собой; вони тамъ на стану {На пруду.} карасей ловятъ...

— Карасей ловятъ? Ребятишки? Какъ же они смѣютъ? Коля, дай-ка мнѣ тубу!

— Помилуйте, дяденька, жара такая!

— Давай, давай, проворно одѣвался Кононъ Терентьевичъ: — извините на минутку....

— Ничего, и я съ вами, оказалъ Русановъ.

Коля послѣдовалъ за ними въ сопровожденіи мужика. На пруду ребяташекъ не застали. Пошли по хатамъ.

— Съ чѣмъ у васъ борщъ? спрашивалъ Кононъ Терентьевичъ, входя въ комнату:— съ карасями?

— Зъ якими карасями? Виткиля? огрызлась бабуся, закрывая заслонкой печь.

— А вотъ я погляжу виткиля.... — И Кононъ Терентьевичъ, какъ былъ въ шубѣ, полѣзъ въ печь и сталъ вытаскивать ухватомъ горшки....

— Это что, не караси? кричалъ онъ вытаскивая деревянною ложкой рыбу изъ горшка и швыряя въ лохань: — это не караси?

— Та хай вамъ бѣсъ, панъ, кричала баба, — увись борщъ замутили!

— А изъ панскаго пруда таскать умѣете! Чтобы впередъ не было! Въ судъ отправлю!

— Съ чѣмъ борщъ, спрашивалъ онъ въ

другой хатѣ.

— Та не ма въ насъ, паночку, весело обрадовалась молодуха: — може каши поснидаете: е и чорна, и била!

— Съ карасями?

— Отъ се такъ! Яка жъ така каша съ карасями?

Русановъ взялъ подъ руку Колю и пошелъ съ нимъ по деревнѣ, предоставляя на волю Конону Терентьевичу продолжать свои странствія.

— Это ужасно! горячился гимназистъ: — до какой пошлости можетъ дойти челоуѣкъ! Сколько лѣтъ владѣеть здѣсь, а ни одного грамотнаго на всемъ хуторѣ нѣтъ! Это какой-то феодальный баронъ!

— Это Кононъ Терентьичъ-то? усмѣхнулся Русановъ. — А у васъ славный черноземъ, почти на три четверти аршина, продолжалъ онъ, осматривая оврагъ.

— Да, вѣдь вся эта полоса была покрыта моремъ....

— Что такое?

— Я говорю про допотопный періодъ: тутъ море было, рыбы громадныя плавали,

звѣри.... А потомъ, вымирая, гнили вмѣстѣ съ растеніями, образовали черноземъ; море стекало, появились рѣки, и прорыли эти овраги....

— Куда жь оно стекало?

— Оно стекало.... разумѣется куда? Съ земли.... Дяденька ничему этому не вѣритъ.... Онъ даже въ микроскопъ не вѣритъ! съ грустью говорилъ юноша.

— А! соболѣзноваль Русановъ:- нуте?

— Конечно, тутъ много правды! вѣдь мы съ вами призраки?

— Нѣтъ, неужели?

— Да какъ же? Что такое вѣсь? Давленіе на вашу руку — ощущеніе! Цвѣтъ — раздраженіе вашего глаза — ощущеніе! Кто жь поручится, что ощущенія ваши вѣрны? И что такое мы сами? Призракъ!

— Какъ же вы это мирите геологію и Канта?

— Мирить не надо, воскликнулъ юноша: — это подлецы умѣренные выдумали! Мы принадлежимъ къ краснымъ; мы должны слѣдовать Руссо! Еслибы воѣ читали *Contrát Social*, весь міръ передѣлался бы самъ со-

бою....

— Ну, весь запасъ свѣдѣній выложили? Или еще что есть? Экого сумбура вамъ дяденька въ голову набиль...

— Какъ дяденька? Я самостоятельныя изслѣдованія произвожу.... конечно, онъ мнѣ много помогъ въ развитіи...

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Акклиматизаціей. Вѣдь мы съ вами отъ обезьянъ произошли, такъ?

— Такъ, говорилъ Русановъ.

— Ну, точно такимъ же рядомъ постепеннаго совершенствованія, можно довести ворона, сороку до того, что они будутъ свободно выражаться на человѣчьемъ языкѣ....

Русановъ улыбался, но юноша, замѣтивъ это, нахмурился.

— Вы не вѣрите? Вы стало-быть принадлежите къ партіи ретроградовъ?

— Я ни къ какой партіи не принадлежу, говорилъ Русановъ. — Ну, что вы будете дѣлать съ вашими сороками?

— Какъ не видѣть пользы! Дѣло говоритъ само за себя; тогда можно будетъ замѣнить ими разсылныхъ съ эстафетами....

Хведько въ это время поровнялся съ ними, выѣзжая на околицу.

— Ну что, крикнулъ Русановъ:- понялъ какого сала барину надо?

— Эге, самага билійшаго, крикнулъ тотъ, снимая шапку.

Русановъ окончательно расхохотался.

— Господа, пойдѣмте скорѣй домой, подошелъ къ нимъ Кононъ Терентьевичъ, — со мной несчастье!

— Что такое? тревожно спросилъ Русановъ.

— Да вотъ съ этими проклятыми хамами! Полѣзъ на лавку, хотѣлъ осмотрѣть посуду, да объ полку носомъ и стукнулся.... что-нибудь вскочить.... Оподельдоку приложить иди аглицкаго пластыря?

— Нѣтъ, задумчиво говорилъ Коля, — это невозможно, тутъ нужны радикальныя средства....

— Ты полагаешь?

Кононъ Терентьевичъ уже поблѣднѣлъ.

— Да, какже, посудите сами; мы гибнемъ и никому до этого дѣла нѣтъ! Лучшіе люди, напримѣръ графъ, вотъ онъ, и мало ли ихъ,

всѣ они не обращаютъ....

— Что ты за чепуху несешь?

— Я все про Россію, дяденька.

— Тьфу, чортъ побери! Я думалъ про уши-
бъ....

— Нѣтъ, это невыносимо! Это возмутительно. На что жь вы учились? На что вамъ вся эта философія?...

— Прощайте-ка, господа, мнѣ пора, сказаль Русановъ, и ооѣхаль.

"Гниль проклятая!" думалъ онъ, выѣзжая со двора. "Мало того, что самъ до сумашествія зарапоровался, еще и молокососа этого на свою дорожку тянетъ...."

А вечеромъ онъ уже подѣзжалъ къ Горобцевскому хутору, несмотря на просьбы дяди остаться у него.

— Вотъ вы какимъ букой сдѣлались! встрѣтила его Инна на крыльцѣ:- по двѣ недѣли глазъ не кажете!

— Неужели это замѣтно? — И Русановъ просіялъ.

— Нѣтъ! *Qui va à la chasse, perd sa place*, весело говорила она, таща его въ гостиную. —

Теперь насъ веселить графъ: повадился каждый день....

Владиміръ Ивановичъ не узналъ было своего товарища. Бронскій сидѣлъ съ Юленькой на диванѣ въ какой-то красивой, шитой золотомъ венгеркѣ и блестящихъ ботфортахъ.

— Ба! Машина! сказалъ онъ, протягивая руку Русанову.

Всѣ, и Анна Михайловна, и Авениръ, несказанно обрадовались гостю.

— Нуте, Владиміръ Иванычъ, умильно расспрашивала Анна Михайловна:— вступили въ должность? Дѣда у васъ есть?

— Есть, отвѣчалъ Русановъ.

— Идутъ?

— Идутъ.

— Ну, какъ же у васъ тамъ?

Русановъ началъ описывать чиновный міръ. Онъ привыкъ овладѣвать разговоромъ въ маленькомъ кружкѣ, и пошелъ по своей колеѣ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ.

Бронскій слушалъ съ саркастическою улыбкой, покачивая ногой. Его замѣтно подмывало....

— Да, да, заговорилъ онъ вдругъ:- я самъ былъ вчера въ судѣ и видѣлъ тамъ судью... Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю! Какъ не пожалѣть въ самомъ дѣлѣ! жена, дѣти et caetera, et caetera.... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе? Неужели по этой причинѣ вашъ убѣленный сѣдинами, угобзившійся въ Сводѣ секретарь достоинъ снисхожденія? Да чортъ съ нимъ! Дурную траву изъ поля вонъ, и конецъ! А вотъ, пока не переведутся такіе молодцы какъ ваша милость, и того нельзя будетъ сдѣлать!

— За что меня-то въ опалу?

— А вотъ за то, что вы этимъ самымъ тономъ говорите и съ ними, и со мной, со всякимъ! По моему, ужъ лучше быть отъявленными плутомъ; по крайней мѣрѣ знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Но аще будете ни теплы, ни холодны.... такъ что да это по вашему?... изблюю васъ изъ устъ моихъ.

И Бронскій принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ. Бронскій громилъ все сплеча, говорилъ съ жаромъ; въ голосъ слышалась правда. Онъ

далъ полную волю негодованію и накопившейся желчи. Отъ чиновничества перешель къ обществу, что такъ равнодушно смотритъ на продѣлки служилыхъ; досталось и литературѣ.

— Куда мы идемъ! восклицалъ онъ:- есть ли у насъ просвѣщенные вожаки? Какая у насъ наука? Понюхаетъ того, другаго, заглянетъ въ двѣ-три книжонки и пошелъ благовѣстить съ кафедръ!

А Владиміръ наблюдалъ издали за впечатлѣніями слушателей. Анна Михайловна сидѣла, сложа руки, не спуская глазъ съ сіятельнаго гостя, и только изрѣдка съ улыбкой поглядывала на другихъ: дескать, вотъ какіе люди къ намъ ѣздятъ! Авениръ копался въ журналахъ и поднималъ голову только при высокихъ нотахъ. Юленька, къ которой Бронскій чаще всѣхъ обращался, дѣйствовала мимикой, стараясь выказать сочувствіе красотѣ слога. Инна лежала на козеткѣ, погложивая усѣвшася подлѣ Лару; но глаза ея свѣтились, вспыхивали при неожиданныхъ оборотахъ рѣчи, и по этимъ взглядамъ, по неожиданному жесту, Русановъ видѣлъ, что

она не пропускаетъ ни одной сколько-нибудь замѣчательной мысли. Онъ очень хорошо зналъ привычки Бронскаго, понималъ, что тотъ не даромъ это дѣлаетъ. "Которая же изъ двухъ?" Вотъ въ чемъ вопросъ!

— Ни на чемъ нельзя остановиться, кончилъ Бронскій:- нѣтъ ни одного отраднаго явленія!

— Въ чемъ же спасенье? сказалъ Русановъ, подходя и облакачиваясь на столъ.

— Спасенье? — Бронскій тоже всталъ и прямо смотрѣлъ ему въ лицо. — Ага! Вотъ что! Доктрину имъ подавай! Формулы для жизни!

— Да, твердо сказалъ Русановъ, — и хорошую доктрину! Дѣльные формулы!

— Дайте срокъ, дадутъ вамъ и доктрину, и дѣйствовать научатъ, а теперь пока мы можемъ высказаться только такой душѣ, которая совмѣстила бы въ себѣ жаръ расплавленнаго желѣза съ молчаніемъ гробовой плиты....

— Помилуй Богъ, какіе страхи! съ улыбкою сказалъ Русановъ. — Скажите, графъ, что это за охота.... — Онъ чуть не сказалъ: "дурачить себя...." — Что это за охота дѣлать изъ себя ка-

кого-то сфинкса?

Бронскій сдвинулъ брови, и, кто знаетъ, чѣмъ кончился бы споръ, еслибы не вмѣшалась Инна.

— А я вотъ разгадала этого сфинкса, сказала она поднимаясь. — Что такое значить dowódca?

Бронскій вспыхнулъ, и обвелъ всѣхъ безпокойнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется... началъ было онъ.

— Мнѣ кажется, перебила Юленька, — завтра все-таки надо устроить кавалькаду, графъ.

Русановъ расхохотался, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Послѣ ужина, всѣ вышли провожать гостей. Двое дворовыхъ съ трудомъ удерживали графскаго коня, покрытаго тигровымъ вальтрапомъ: бѣлая пѣна капала съ мундштука: онъ рылъ землю ногой, и, храпя, косился на дрожащее пламя свѣчи. Графъ, чуть коснувшись чолки, сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, а конь, почувствовавъ себя на свободѣ, взвился было на дыбы, но тотчасъ сталъ какъ вкопанный подъ сильнымъ цукомъ. Владиміръ усѣлся на

свои дрожки.

— Вы не злитесь на меня? говорилъ графъ, выѣзжая изъ воротъ.

— Ничуть: вы испортили мнѣ вечеръ, вотъ и все!

— Фу, какъ вы поэтически выражаетесь!

— У васъ научился.... Вамъ нальво?

— Да, не по пути. До завтра?

— До завтра.

Владиміръ, пріѣхавъ домой, тотчасъ кинулся на приготовленное ему ложе, и погасилъ свѣчу. Мухи озадаченныя внезапною темнотою, подняли неистовое жужжанье, бились въ потолокъ, лѣзли въ глаза и насилу, насилу успокоились. А онъ все не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и освобождалъ себя вздохомъ какъ изъ бочки. Старый майоръ слушалъ, слушалъ; наконецъ потерялъ терпѣнье....

— Да что съ тобою?

— Мухи, дяденька, жалобно отвѣтилъ племянникъ.

— Кавуръ! сказалъ дядя.

— Ну, Юльчикъ, говорила Анна Михайлов-

на, сидя у постели дочери, — поцѣлуй меня, такихъ успѣховъ я отъ тебя и не ожидала! Ты просто обворожила графа!

— Что вы, тата! Мнѣ стыдно! Сказала та, потупивъ глазки и позируя въ живописномъ дезабилье, охватывавшемъ ея роскошныя формы.

— Да какъ и не обворожить! Какъ и не обворожить этакой красавицѣ! Только ты ужь больно проста, надо посмѣлѣй, да понѣжнѣй.

— Какъ это можно, тата! При всѣхъ-то? Наединѣ съ нимъ я могу быть понѣжнѣе, а при другихъ нельзя и виду показать...

— Графинюшка ты моя! Гдѣ мнѣ учить? Ты умнѣй меня!

— Не правда ли, тата, какое громкое имя: графиня Юлія Бронская? Я непременно упрошу его провести медовый мѣсяцъ въ Парижѣ...

— Развѣ я тебѣ наскучила? Говорила Анна Михайловна:— мнѣ бы только порадоваться на васъ...

— Мы скоро вернемся, тата, право скоро... Какъ вы думаете, можетъ онъ къ вѣнцу сдѣлать мнѣ головной уборъ изъ золотыхъ

розъ съ брилліантами вмѣсто росы? Недурно вѣдь?

— Какое-жь въ этомъ сомнѣніе!

— То-то. Я не хочу его раззорять...

Онѣ распрощались, но на порогѣ Анна Михайловна остановилась въ раздумьи.

— А ты, душечка, вотъ что еще. Ты напрасно Ишимова-то совсѣмъ отпихнула. Хорошо, какъ Богъ дастъ графа, а то не ровень случай. Да и графъ приревнуетъ, и это лучше.

— *Fi, maman!*... Ишимовъ! сказала дочка, выставивъ губку. Она это переняла у Бронскаго.

На другой день графъ Бронскій и Русановъ опять встрѣтились на хуторѣ Горобцовъ. Только спала жара, графскіе берейторы подвели лошадей къ крылечку. Графъ хлопоталь около Юленьки, и усаживаль ее на сѣдло.

Русановъ подошелъ къ Иннѣ.

— Не трудитесь, *beau chevalier*, я сама сажусь на лошадь.

Она стала горячить воронаго коня, и по скакала впередъ.

Русановъ за ней, любуясь ловкостью и

непринужденностью, съ какою она держалась на сѣдлѣ: точно она всю жизнь ничего другаго и не дѣлала....

— Васъ узнать нельзя, говорилъ онъ, едва поспѣвая за ней:- вы сегодня такъ веселы, такъ оживлены!

— Забудьте мою брюзгливость, которая, я думаю, порядкомъ надоѣла вамъ! Вы ея больше не увидите...

— И давно такая перемѣна?

— Да какъ вамъ сказать? съ того дня какъ мы съ вами распрощались....

— Какъ это понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте!

И, поднявъ лошадь въ галопъ, она запѣла:

*Полно прѣсть, о, cara mia,
Брось свое веретено!
Въ San Luigi прозвонили
Ave Maria давно!*

— Будемъ жить и веселиться! крикнула она вдругъ, повертывая лошадь къ кавалькадѣ.

Они обогнули прудъ и, остановились у довольно широкой. канавы. Юленька проворно обскакала ее и стала вызывать графа обо-

гнать ее до рожи, рисуясь и шая, какъ дитя. Голубая амазонка такъ и волновалась въ кокетливыхъ движеніяхъ, раскраснѣвшееся лицо дышало веселымъ лукавствомъ, расширенныя ноздри и плутовскіе глазки такъ и поддразнивали....

— Усидите ли вы? говорилъ графъ, не спуская съ нея глазъ.

— Ловите жь! крикнула она, и, ударивъ лошадь хлыстомъ, съ хохотомъ понеслась по полю....

Графъ нагнулся, далъ шпоры, и перескочивъ канаву, пустился въ карьеръ за ней.

Инна хотѣла послѣдовать его примѣру, но, обернувшись, увидала Русанова, объѣзжавшаго канаву съ опущенною головой!..

— Что это вы такую пѣночкой? сказала она, подѣхавъ къ нему.

— Я думалъ объ васъ, встрепенулся онъ.

— Можно узнать эту думу?

— Я боюсь, что вы попадете подъ вліяніе Бронскаго.

— А что? Развѣ онъ брыкается?

— Вы не знаете что это за человѣкъ....

— Нѣтъ это вы не знаете! Развѣ не правду говорилъ онъ вчера? поправились она.

— Правду!

Она поглядѣла на Русанова сбоку.

— Вы, стало-быть, сознаетесь? Все на что онъ нападалъ дурно?

— Стало-быть.

Она подняла брови.

— Да вѣдь это все одни слова, заговорилъ было Русанов...

— А чего жъ вамъ еще? Неужели вы не видите, что пока возможны только слова, слова и слова! можно впрочемъ еще ждать....

— Чего-же?

— Пришествія того времени, когда первые будутъ послѣдними....

— Вы этому вѣрите?

— О, какой вы глупый! Не пеняйте, сами напросились на дружбу!

— А онъ, я вамъ доложу, бѣдовый! Онъ ужъ не одну молодую голову вскружилъ, онъ на это мастеръ.....

— Да вѣдь тутъ есть цѣль!

— Какая жъ цѣль? — Русановъ сорвалъ кленовый листь, положилъ на ладонь и хлоп-

нуль. — Вотъ какъ дѣти забавляются: хлопнулъ одинъ, давай другой, это его тѣшитъ....

— И вы съ нимъ росли, учились, были пріятелями.... Какъ вы его славно поняли!

— Мы никогда не были задушевными пріятелями: развѣ вы не знаете, что поляки даже и въ университетѣ отдѣльнымъ кружкомъ. Онъ, правда, былъ общительнѣй, любилъ ходить ко мнѣ поспорить... Есть вещи, до которыхъ если дойдетъ, мы съ нимъ хоть на ножи... Что жъ онъ по вашему?

— Баричъ, мечтатель! Признаться, я за то и люблю его, что онъ не такъ страшенъ, какъ самъ себя размалевываетъ. Поглядите-ка его въ обществѣ: тамъ онъ и властямъ угождаетъ, и на всѣ руки...

— Онъ другое дѣло!

— Это какъ же?

— Ишь какой любопытный. Ау! крикнула она на опушкѣ.

Изъ роуци не откликались.

— Я его прозвалъ изжогой...

— Что-о-о?

— Изжога послѣ тридцатилѣтняго поста.

— Говорите проще, я терпѣть не могу мета-

форъ.

— Ну вотъ какъ изъ темной комнаты выйдешь на свѣтъ, долго еще щуришься; такъ и эти господа воображаютъ, что фронта ихъ современна...

— Хорошо, да вѣдь до сихъ поръ и вы только отрицаете. Какой же вашъ-то идеаль? Обрисуйте...

— Что за идеаль? Хорошее встрѣчается и въ дѣйствительности.

— Кто жь это? спросила она насмѣшливо, ожидая, что онъ или скажетъ ей комплиментъ, или замнется и тонко намекнетъ на себя. Въ послѣднемъ случаѣ она рѣшилась взбѣсить его.

— Вотъ на примѣръ Доминовъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Доминовъ? Я и не подозрѣвала.

— Да, заговорилъ Русановъ съ увлеченіемъ:— вотъ умный-то человѣкъ. Свѣтлый взглядъ, знанье дѣла...

Инна слушала съ улыбкой.

— А его юморъ? Я помню, недавно мы съ нимъ бродили въ городскомъ саду; онъ остановился у штамба георгинъ, наблюдая тлю...

Вы никогда не видали? Это прелюбопытно! Кучка этой мелюзги облѣпить стебель и сеть соки, и два три муравья суетятся и хлопчуть около нихъ. Я, профанъ въ зоологіи, думаль, что они ѣдятъ тлю. Доминовъ обратилъ мое вниманіе на ихъ занятія и разъяснилъ фактъ. Муравей подбѣжитъ къ букашкѣ, и пощекочетъ ее щупальцами; она поднимется на переднія ножки, выпуститъ каплю переработаннаго, прозрачнаго, сахарнаго сока, а муравей проворно овладѣетъ ей. Какъ бы славно было, говоритъ Петръ Николаевичъ, кабы и мы такими же лишними соками питались!

— А мнѣ вотъ и не нравится въ немъ именно то, что онъ самымъ разнохарактернымъ людямъ умѣетъ понравиться. Не вѣрю я въ хамелеоновъ этихъ! Представьте, графъ поетъ ему почти такой же панегирикъ! Мы впрочемъ незамѣтно удалились отъ начала разговора: вы меня сегодня просто поразили, и потому объявляю вамъ, сэръ, разъ навсегда, что никогда ни подъ чьимъ вліяніемъ состоять не намѣрена...

Они въѣхали въ самую чащу рощи. Инна

бросила поводья, и пустила лошадь шагомъ по извиистой, перерѣзанной, корнями лѣсной тропинкѣ. Вечерѣло, посвистывали малиновки, гдѣ-то невдалекѣ журчалъ ручеекъ. Инна вдругъ откинула съ лица локоны, и проговорила: "бѣдный, бѣдный мой Леонъ!"

— Какъ? спросилъ Русановъ измѣнившимся голосомъ. Ему было такъ хорошо въ эту минуту ѣхать съ ней рядомъ, будто они вмѣстѣ переживали какую-то тихую мелодію, и вдругъ такой рѣзкій диссонансъ....

— Хотите я вамъ на ночь расскажу страшную сказку? Вы хорошо знаете дядю Конона Терентьича...

— Кролика-то? Имѣлъ счастье познакомиться.

— Это нисколько не мѣшало ему быть въ свое время волтеріанцемъ, гегелистомъ, байронистомъ, чѣмъ угодно. Это его послѣднія реформы такъ ошеломили, что у него все спуталось... Ну-съ, такъ года три тому назадъ, здѣсь былъ одинъ молодой человекъ, красавецъ, благородный, смѣлый, умный... Да впрочемъ, благо вамъ знакомъ одинъ изъ нихъ.... Мы жили съ нимъ душа въ душу.

— Вы?

— Да, не перебивайте, если хотите дослушать. Дяденька тогда часто ѳздилъ къ намъ и бесѳдовалъ все больше о матерьяхъ важныхъ... Ну вотъ онъ и принялся просвѳщать насъ: училъ "на жизнь насмѳшливо глядѳть".

— И вы уцѳлѳли?

— Я? Я и не поддавалась. Когда онъ пріѳхалъ сюда изъ столицы, мнѳ было пятнадцать лѳтъ. Онъ не догадался, что я почти ребенкомъ покончила съ его проповѳдями. Чтѳбъ это васъ не сбило съ толку, смотрите: отъ меня двѳ тѳни...

Русановъ въ самомъ дѳлѳ увидѳлъ на землѳ двѳ тѳни, одну рѳзкую черную, другую свѳтлѳе, туманнѳе...

— Не примите меня за сверхъестественное существо!

Она, смѳясь, показала ему солнце отраженное въ болотной лужѳ.

— Такъ вотъ эта рѳзкая тѳнь — это я, какъ вы меня знаете; а эта я же, если заглянуть въ меня попристальнѳй. Меня уберегъ отцовскій закалъ, а Леонъ благоговѳлъ предъ столичнымъ ученымъ и вѳрилъ въ него, какъ Турокъ

въ Коранъ. Мнѣ тяжело объ етомъ говорить, хоть и сама вызвалась...

Не легко было и Русанову; но на его лицѣ, всегда спокойномъ, какъ въ стоячей водѣ, никогда не было зыби...

— Онъ скоро превзошелъ учителя, собралъ уѣздную молодежь: пасквили, попойки, развратъ перессорили ихъ со всѣми сосѣдями. Это они звали отсутствіемъ предразсудковъ, оппозиціей застою, и еще сколько названій! Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вошелъ въ долги, а за все это платилась я.

Лошадь Русанова кашлянула, и попробовала укусить его шенкель.

— Сижу, бывало, и плачу цѣлую ночь напролетъ, чтобы двери ему отворить, чтобъ отецъ не зналъ. Онъ придетъ пьяный, а на другой день рветъ на себѣ волосы, клянется оставить безпорядочную жизнь.

— Чѣмъ же это кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Да надо еще придумать, вѣдь это сказка... Продолжаю фантазировать. Онъ увлекъ жену одного изъ сосѣдей, мужу шепнули; онъ подкараулилъ ихъ съ дворовыми и хотѣлъ попросту на конюшнѣ

отодрать. А у Леона всегда съ собой былъ тульскій ножъ, мой подарокъ. Онъ ударилъ супруга рукояткой въ високъ, и тотъ отправился къ предкамъ.

— Что жъ случилось съ тѣмъ несчастнымъ?

— Онъ бѣжалъ, и съ тѣхъ поръ я такъ и не имѣла объ немъ извѣстiя; только очень недавно....

Невдалекѣ слышались голоса графа и Юленьки, топотъ лошадей...

— Я надѣюсь, эта дикая фантазія останется между нами, сказала Инна, повертывая лошадь навстрѣчу имъ.

— Гдѣ вы были милыя дѣти? Мы васъ цѣлый часъ ищемъ, кричала Юленька.

— Гдѣ жъ часъ? Не можетъ быть, говорилъ графъ. Онъ принялся болтать и выдѣлывать равныя эволюціи на лошади, пока кавалькада выбиралась изъ лѣсу.

— Пройдемтесь пѣшкомъ, сказала Юленька, остановивъ лошадь:- я устала.

Бронскій вспыхнулъ и заботливо снялъ ее съ сѣдла.

— Возьмите мою руку, если устали.

Онъ повелъ ее, держа въ другой рукѣ пово-

дья.

— Нѣтъ лучше ѣхать, рѣшила она, — только не шибко; я отвыкла отъ сѣдла.

Совсѣмъ стемнѣло, когда они подѣзжали къ дому. Русановъ взялъ Иннину лошадь подъ уздцы и удержалъ назади.

— Что же, чѣмъ кончилось?

— Я его недавно видѣла.

— Но, ради Бога, кто онъ? Что онъ вамъ такое?

— Нѣтъ, проговорила Инна, взявъ его за руку:— обдумали вы, чего вы добиваетесь? Малѣйшая промолвка, и вся сказка, — прибавила она смѣясь, — погибла...

— Не мучьте же меня!

— Что такое? — Она отдернула руку.

— Я привыкъ почти молиться на васъ. Ради вашей дружбы, зачѣмъ вы бросили на себя тѣнь?

— А-а-а! Вотъ пусть это и будетъ вашей дружбѣ испытаніемъ!

Она ударила лошадь хлыстомъ и присоединилась къ другой парѣ. Анна Михайловна дожидалась ихъ на террасѣ, боясь, чтобы не приключилось чего любимой дочкѣ. Юлень-

ка, сойдя съ лошади, бросилась въ ея объятія, смѣясь и плача въ одно и то же время. Бронскій стоялъ, кусая усы.

— Что ты, голубчикъ, что съ тобой? всхлипоталась Анна Михайловна.

— Устала, проговорила Юленька и торопливо, путаясь въ шлейфъ, побѣжала въ комнаты.

— Пора гостямъ ко дворамъ, сказалъ графъ. — Вы завтра въ городъ? обратился онъ къ Русанову.

— Да.

— Приѣзжайте ко мнѣ; вмѣстѣ отправимся.

XI. Интрига

Леонъ сидѣлъ въ кабинетѣ графа за письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ матовымъ свѣтомъ лампы. Передъ нимъ лежали бумаги, счета, ландкарты; онъ машинально чертилъ по нимъ перочиннымъ ножомъ, безцѣльно глядя въ темное окно. Лицо его всегда серьезное, почти мрачное въ людяхъ, имѣло какое-то страдальческое выраженіе когда онъ оставался съ самимъ собою. Прошло еще нѣсколько времени; въ домъ послышалась бѣготня прислуги. Бронскій весело вошелъ и бросилъ на столъ хлысть.

— Ужинъ! Лучшаго вина! Мы сегодня кути-
мъ, Леонъ! Проворнѣй! приказывалъ онъ лакею.

— Позволено ли мнѣ спросить что мы здѣсь дѣлаешь, графъ? сурово проговорилъ Леонъ.

— Пока тонемъ въ роскоши Капуи, милѣйшій! говорилъ графъ, трепля его по плечу.

— А наши?

— Что жъ? Мы не теряемъ времени, мы

вербуемъ хорошенькихъ прозелитокъ.

— Ужъ не женитесь ли вы, чего добраго?

— Я женюсь? У васъ бѣлая горячка?

Леонъ нахмурился.

— Такъ люблюсь. Просто вы озлоблены противъ женщинъ... Скажите-ка лучше какъ идетъ крестьянское дѣло? Развѣдали вы?

— Ходиль, угрюмо отвѣтилъ Леонъ.

— Ну, и какъ же они приняли наши грамоты?

— Въ Терешковской волости повѣрили, волнуются....

— За успѣхъ! крикнулъ Бронскій, поднимая бокаль.

— Погодите радоваться-то! Въ другихъ стоять на своемъ, а изъ одной нашъ посланецъ на силу ноги унесъ.

— Что на вздоръ! сказалъ графъ, стукнувъ бокаль объ столъ такъ неосторожно, что ножка отскочила и порѣзала ему руку. — Не умѣютъ взяться, продолжалъ онъ, слизывая кровь;- нужно добиться во что бы то ни стало. Я и не такимъ народомъ верчу какъ пѣшками, а тутъ чтобъ не сладить съ этимъ *быдломъ!*

— Попробуйте, говорилъ Леонъ.

Онъ сталъ опоражнивать стаканъ за стаканомъ, и все угрюмѣй дѣлалось красивое лицо.

— Вамъ не слѣдуетъ пить, сказалъ графъ, вставая изъ-за стола:— васъ вино не веселитъ!

— Старая мораль, замѣтилъ Леонъ, — и гораздо хуже вашего венгерскаго.

Спустя часъ графъ ужъ спалъ, беззаботно раскинувшись на постели; одна рука лежала на груди, будто прислушиваясь къ ровному біенію сердца. Курчавые волосы разметались на подушкѣ, на губахъ бродила улыбка. Леонъ, охмѣлѣвъ еще за ужиномъ, стоялъ надъ нимъ въ одной изъ тѣхъ думъ, которыя обыкновенно развязываетъ вино.

"Счастливецъ, думалось ему, можетъ-быть его завтра схватятъ; онъ гордо выйдетъ на судъ. Кто вы такой? Званіе, имя, фамилія? Графъ Владиславъ Бронскій. Какого вѣроисповѣданія? Никакого. Не дѣйствовали ли вы противъ правительства? дѣйствовали. Знаете ли вы, чему вы подвѣргаетесь? Знаетъ, и спитъ покойно. Онъ вѣритъ, вѣритъ!"

Леонъ спустился невѣрною походкой по витой лѣстницѣ въ нижній этажъ, и пошелъ

черезъ огромную залу, бѣлую подѣ мраморѣ, увѣшанную фамильными портретами. Мѣсяцъ слабо освѣщаль ея сквозь стеклянныя двери и окна оранжереи. Шаги его съ трескучимъ эхомъ отдавались въ залѣ. Онъ безцѣльно остановился передъ портретомъ какого-то рыцаря въ латахъ.

"Убійца!" проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: "убійца!" повторилъ онъ передъ другимъ портретомъ, вышелъ въ садъ и зашагалъ по темнымъ аллеямъ. На воздухѣ вино еще больше бросилось ему въ голову; онъ разстегнулъ воротъ рубашки и слонялся по песчанымъ дорожкамъ, шатаясь по сторонамъ, хватаясь руками за колючую акацію.

Онъ повалился на траву, и тяжело заснулъ.

Спустя два или три часа онъ проснулся и оглядѣлся съ изумленіемъ. На востокѣ краснѣли сумерки, будто уходили за сплоченную массу мелкихъ барашковъ; чешуйчатая броня ихъ зарумянилась по краямъ; золотистая полоска прорѣзала тучу; того и гляди выйдеть солнце.

Леонъ подошелъ къ берегу рѣчки, огибав-

шей садъ. Будто дымъ отъ выстрѣла въ сырую погоду, стлался туманъ по изливамъ воды. Куличокъ съ громкимъ свистомъ потянулъ изъ подъ ногъ Леона. Онъ сталъ освѣжать голову холодной водой. Стая утокъ просвистала рѣзвыми крыльями надъ нимъ; онъ проводилъ ее глазами и пошелъ въ поле разминать тѣло, утомленное возліаніями, безсонницей и разгоряченнымъ воображеніемъ. Когда онъ вернулся къ дому, солнце ужъ было высоко. На дворѣ графъ разговаривалъ съ незнакомымъ ему господиномъ, садясь въ коляску. Леонъ спрятался отъ нихъ за уголь.

— Экое утро! проговорилъ Русановъ, прищуриваясь отъ блеснувшихъ прямо въ лицо теплыхъ лучей.

— Да, восторженный бюрократъ: свѣжее какъ огурецъ, покойное какъ лежація рессоры!

— Такъ, такъ! проговорилъ Русановъ: вѣчное глумленье! Человѣкъ такъ устроенъ, что ему надо чему-нибудь кланяться, генераламъ совѣстно ужъ, такъ давай духу времени.

— Какой слогъ! Какая глубина! посмѣивался Бронскій. — Не будемъ ругаться,

давайте лучше говорить о Фейербахъ: это нѣчто нейтральное.

— Не надоѣль онъ вамъ еще, пока литографировали? А кстати, графъ, вамъ ничего, а тамъ вѣдь кое-кто посидѣль на эту продѣлку.

— Что, небось, жалко стало? Фарисеи всегда заботятся о мятѣ, рутѣ, а лѣса истребляютъ безъ зазрѣнія.

— Что это, ваше сіятельство, на церковный гласъ запѣли? Нѣтъ, Христось не проповѣдываль рѣзни. Онъ и плевель не велѣль дергать, чтобы пшеницы не сгубить.

— За то и привилось его ученье на кострахъ инквизиціи!

— Этакъ мы съ вами и на гордо другъ друга схватимъ, сказалъ Русановъ.

— Доказательство сильное! возразиль Бронскій, завертываясь въ плащъ.

Часовъ въ двѣнадцать доѣхали до города. Русановъ пошелъ прямо на службу, а графъ велѣль остановиться у губернаторскаго дома, проворно взобрался по коврамъ лѣстницы и вошелъ въ пріемную залу. Нѣсколько просителей ожидали выхода его превосходительства. Дежурный чиновникъ расхаживаль изъ

угла въ уголь, считая паркетныя клѣтки и стараясь попадать ногой въ темныя.

— Потрудитесь доложить его превосходительству: графъ Бронскій по дѣлу не терпящему отлагательства.

— Его превосходительство заняты, не смѣю взять на себя вашего порученія.

— А возьмете вы на себя отвѣтственность въ государственномъ преступленіи, если оно совершится, пока я буду ждать?

Чиновникъ поклонился, вошелъ въ кабинетъ и спустя нѣсколько минутъ попросилъ графа пожаловать.

— А, очень радъ, проговорилъ губернаторъ, протягивая руку.

— Ваше превосходительство, сказалъ Бронскій, раскланиваясь:— я никакъ не осмѣлился бы отвлекать васъ, еслибы не забота объ общественной безопасности.

— Что такое, графъ? Садитесь пожалуста!

— Мнѣ стало извѣстно, началъ Бронскій офиціальною тономъ:— что нѣкоторые неблагонамѣренныя люди смущаютъ крестьянъ, научаютъ ихъ неповиновенію властямъ и всѣми силами стараются произвести

смуту въ нашемъ краѣ.

— Скажите! Стало-быть правда? проговорилъ губернаторъ, блѣднѣя.

— Со дня на день должно вспыхнуть возмущеніе въ Терешковской волости. Не смѣю совѣтовать....

— Говорите, графъ, говорите!

— Я полагаю бы немедленно послать туда военную силу, для энергическаго вразумленія непокорныхъ.

— Разумѣется! большое вамъ спасибо, что вы вовремя пріѣхали; представьте, въ какое затрудненіе я былъ поставленъ; все это хотѣли на васъ свалить. Я вчера получилъ на васъ доносъ. Не угодно ли любопытствовать? — Онъ указалъ графу листъ почтовой бумага, и тотъ взволнованнымъ голосомъ прочелъ: "честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что графъ Бронскій, дѣйствуя постоянно во вредъ законному правительству, распространяетъ ложные слухи и пагубныя идеи въ народѣ. Не утруждая васъ изложеніемъ причинъ моего инкогнито, осмѣливаюсь просить, для блага ввѣренной вашему управленію губерніи, обратить осо-

бенное вниманіе ваше на возмутителя общественнаго спокойствія."

— И только, оказалъ графъ съ презрительною усмѣшкой, — но вѣдь это анонимное письмо, и я надѣюсь, ваше превосходительство цѣните его какъ должно. Какая гнусность! Какое холопство!

— Успокойтесь, графъ.

— Да, сказалъ Бронскій, вздохнувъ, — у меня много враговъ.

"Русановъ, непременно Русановъ," вертѣлось у него въ головѣ.

— Много враговъ слѣдятъ за мною, продолжалъ онъ съ грустью:— они знаютъ, что пока я живъ, ни одинъ бездѣльникъ....

— Но кто же эти бездѣльники? перебилъ губернаторъ.

— Настоящіе дѣятели въ здѣшнемъ краѣ неизвѣстны мнѣ; а эти свѣдѣнія получилъ отъ преданныхъ людей, но имѣю сильное подозрѣніе на нѣкоторыхъ....

— Здѣшнихъ?

— Ваше превосходительство, это дѣло очень щекотливое, пока подозрѣніе не оправдалось. По мѣрѣ подтвержденія, я не преми-

ну сообщить вамъ имена людей, которыхъ слѣдуетъ удалять. Пока я могу назвать только чиновника гражданской палаты, Русанова.

— Русановъ? переспросилъ губернаторъ, записывая въ памятную книжку.

— Точно такъ, человекъ очень вреднаго направленія.

— И все молодежь? А?

— Большею частію, ваше превосходительство. Вотъ они надежды нашего бѣднаго отечества! Безсмысленная болтовня, духъ отрицанія. Таковы ли истинные патріоты? Станутъ ли они попусту разглагольствовать тамъ, гдѣ нужны живыя силы, рабочія способности.

— Но если такъ, это еще не страшно.

— Нѣтъ, они опаснѣй чѣмъ вы изволите полагать; они рѣшились развращать народъ до послѣдней степени и произвести всеобщее возстаніе.

Долго еще бесѣдовалъ графъ съ губернаторомъ. Генераль проводилъ его до залы, и остановясь въ дверяхъ, обратился къ нему съ любезною улыбкой.

— Отчего вы не служите, графъ? Я поручи-

ль бы вамъ почетный постъ.

— Цѣню выше всего благосклонность вашего превосходительства, во предпочитаю служить интересамъ отечества, не стѣсня себя формальными обязанностями.

Губернаторъ подозвалъ дежурнаго чиновника.

— Потрудитесь передать вашимъ товарищамъ секретно: графъ Бронскій входитъ ко мнѣ во всякое время дня и ночи безъ доклада, сказалъ онъ, и началъ обходить просителей.

А графъ, въ сопровожденіи чиновника, спустился въ переднюю, далъ ассигнацію швейцару и сѣлъ въ коляску.

— Имѣю честь поручить себя вашему сіятельству, неизвѣстно для чего говорилъ дежурный, откланиваясь графу съ крыльца, безъ шляпы, съ заискивающею улыбкой.

Бронскій торопилъ кучера, развалясь на подушкахъ.

— Buona sera! Buona se-e-e-ra! напѣвалъ онъ, посмѣиваясь и покачиваясь въ экипажѣ. Прохожіе, останавливаясь, съ завистью любовались кровными сѣрыми рысаками.

Въ то же утро, едва Доминовъ увидалъ во-

пешаго Русанова, взявъ его подъ руку, и ото-
шеть въ сторону.

— Я не могу нахвалиться вами, началъ онъ: такой распорядительности, такой дѣятельности, я право не ожидалъ; нынѣшніе студенты... охъ!

Русановъ поклонился.

— Это заслуживаетъ особеннаго поощренія; не останавливайтесь на полдорогѣ. Я не доволенъ секретаремъ, это мѣсто будетъ ваше. Не обращайтесь вниманія на толки здѣшнихъ служакъ; это люди съ толкучаго рынка: они дотягиваютъ свою лямку. Найдутся другіе, которые отдадутъ вамъ справедливость... Постойте, есть еще частное дѣльце, объясните мнѣ, что это значитъ?

Доминовъ показалъ ему какую-то бумагу. Русановъ взглянулъ и покраснѣлъ.

— Какъ это... я... такъ? могъ онъ только проговорить. Въ концѣ бумаги вмѣсто его подписи значилось: Инночка.

— Ничего, ничего. Выскоблить и сандаракъ потереть, вотъ и все. Не въ томъ дѣло. Вы ужь не влюбились ли? говорилъ Доминовъ, слегка подтрунивая. — Смотрите

Владиміръ Иванычъ, не дайте маху! Передъ вами прекрасная карьера, у васъ отличныя способности... Положимъ, женитьба дѣло тоже хорошее. если вы возьмете за женой тысячь пятьдесятъ, шестьдесятъ, это не помѣшаетъ, даже выдвинетъ васъ. Но вотъ бѣда: въ ваши лѣта такъ не женятся.

Русановъ улыбался.

— Вы извините меня пожалуйста; я говорю по дружбѣ и по опыту. Это имя напомнило мнѣ одну госпожу, извѣстную своею эксцентричностью, и я такъ только предостерегаю васъ. Мы, новые люди, должны крѣпко стоять другъ за друга, прибавилъ онъ, пожимая руку Русанову.

XII. Бродячая труппа

Въ началѣ августа уѣздный городокъ замѣтно оживился, открылась ярмарка. Вдоль по главной улицѣ и на всей площади потянулись ряды палатокъ съ краснымъ товаромъ, возы со всевозможными фруктами, рядомъ съ деревянною и глиняною посудой. За городомъ въ полѣ пасся табунъ лошадей въ дощатой загороди. Покупатель на свое счастье и на потѣху зрителей забрасывалъ арканъ; поднималась бѣготня, ржанье, и пойманнаго степняка выводили при одобрительныхъ крикахъ толпы. Два ремонтера ругались съ барышниками. На перекресткахъ сидѣли бабы съ мѣшками вареныхъ раковъ; ихъ тутъ же поглощали мѣстные гастрономы на мѣдныя деньги. Губернская и уѣздная аристократія каталась въ разнообразныхъ экипажахъ; помѣщики толкались на торгу. Тамъ и сямъ расхаживали продавцы пряниковъ и прочей мелочи. Въ толпѣ любопытныхъ проворный Жидокъ предлагалъ испытать фортуны на попорченной астролябіи; кто поставитъ сразу алидаду на извѣстную черту —

тому карбованецъ; промахнется — давай гривну; и много гривенъ перешло въ карманъ хитреца. Хотѣли ужь побить его, но вмѣшалась полиція. Большой кружокъ народа собрался подлѣ фонарнаго столба съ длиною афишей; на ней было изображено крупными буквами:

"Съ дозволенія начальства, трупною путешествующихъ артистовъ представлено будетъ, съ участіемъ мѣстныхъ любителей, подѣ дирекціей Шураховскаго...." Потомъ шло исчисленіе піесъ, изъ которыхъ одна была малороссійская и въ заключеніе обѣщался дивертисементъ съ танцами, пѣніемъ, чтеніемъ стиховъ и чуть не фейерверкомъ.

— Cousin! кричала Юленька, высовываясь изъ кареты: - venez donc!

Коля подбѣжалъ къ дверцамъ.

— Что это вы покупаете?..

— Конфедератку, важно отвѣтилъ онъ, показывая ей четырехугольную шапку, съ мерлушковымъ околышемъ.

— Возьмите намъ ложу, поближе къ сценѣ. Вы будете, конечно?

— Непремѣнно, устраивается

демонстрація...

— Ну, то-то!

Карета покатилаь.

На дворѣ предводительскаго дома, въ просторномъ манежѣ устроили сцену. Наскоро отгородили полукругомъ рядъ ложъ, поставили стулья, а позади ихъ горкой возвышались скамьи для *галерки*, какъ называли студенты раекъ. Въ семь часовъ театръ наполнился. Въ ложахъ рисовались дамы *декольте*. Изъ послѣдней къ сценѣ, драпированной красными занавѣсками, предводительша слѣдила за Бронскимъ. Онъ стоялъ въ первомъ ряду кресель и фамиліарно разговаривалъ съ какимъ-то повидимому мѣщаниномъ, въ сѣрой поддевкѣ, въ очкахъ, съ длинною бородой. Тотъ явно важничалъ, поднималъ красивое лицо къ ложамъ, и отрывисто отвѣчалъ на вопросы. Цѣлая компанія молодежи въ бѣлыхъ свиткахъ окружала ихъ.

— Кто это? спросилъ Русановъ у прїѣхавшаго съ вамъ Доминова.

— Какъ! Вы не знакомы? Это извѣстный Лукошкинъ, всю Россію обошелъ...

— А, это онъ? Слыхалъ, сказалъ Русановъ и

обернулся къ ложамя, отыскивая Горобцевъ. Онъ увидалъ въ ихъ ложѣ Инну въ черномъ шелковомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ. Она смотрѣла на *галерку*, откуда раздавались нетерпѣливыя рукоплесканія.

Плохой оркестръ мѣдныхъ инструментовъ проигралъ что-то. Занавѣсъ съ изображеніемъ жертвенника раздвинулся на обѣ стороны. Шураховскій въ казацкомъ костюмѣ расхаживалъ по сценѣ, представлявшей внутренность хаты, ломаясь и размахивая руками. Жена его въ красномъ казакинѣ съ корабликомъ {Головной уборъ.} на головѣ, очень смазливенькая, уперла руки въ боки, и притопывая подковами черевиковъ, запѣла довольно пріятнымъ голосомъ:

И вчора пампушки!
И сегодня пампушки!

Графъ первый началъ хлопать, молодежь подхватила, за ней *галерка*, и вся зала затряслась отъ аплодисментовъ, Инна наклонилась черезъ барьеръ и бросила къ ногамъ артистки букетъ бѣлыхъ гарденій.

— Неужели это такъ хорошо? спрашивалъ

озадаченный Русановъ. Онъ съ самаго начала пробрался въ ложу и стоялъ на стуломъ Инны.

— Это такъ нужно; это льститъ національности, сказала она, обертываясь къ нему.

— Странно что-то! Отчего жъ эта жинка измѣняетъ мужу для москаля. Вотъ и москаль-чаривникъ, и тамъ тоже....

— Ну, вотъ вѣчно съ серіозными вопросами! говорила Инна, обмахиваясь вѣеромъ:— подите, не портите мнѣ *bien-aise*....

— Вы рѣшительно перемѣнились...

— Да, можетъ-быть оттого что частое удовольствіе не въ удовольствіе! Мнѣ хорошо въ толпѣ нынче... И какъ-то право весело... что-то такое во мнѣ...- И она такъ взглянула на Русанова, что у того все запрыгало въ глазахъ....

Шла нѣмая игра изумленнаго мужа при видѣ жены, преобразившейся въ солдата. Въ одной изъ ложъ шумно усаживались новопривышіе. Русановъ направилъ свой бинокль, и узналъ Ишимова съ разряженною молоденькою женщиной. Онъ бережно сни-

маль съ нея бархатную тальму, она кивнула ему хорошенькою головкой съ Васильковымъ вѣнкомъ на взбитыхъ волосахъ.

— Это онъ въ пику мнѣ! сказала Юленька сестрѣ, добродушно улыбаясь.

Въ партерѣ все любовалось красавицей.

— Это возмутительно! Въ три недѣли! проговорилъ Русановъ какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ, опуская бинокль.

Инна взглянула на него. Владиміръ Ивановичъ былъ блѣденъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она его знала.

Піеса кончилась при громкихъ рукоплесканіяхъ. Вызывали Шураховскаго.

— Всѣхъ! Всѣхъ! раздавались голоса.

— Что съ вами такое было? спросила Инна, обертываясь къ Русанову.

— Помните, я вамъ рассказывалъ про Ниночку?.. Это она, бѣдная Ниночка, въ золотыхъ браслетахъ, въ кружевахъ...

— А! Ну, подите, выпейте стаканъ лимонаду.... Послѣ! Послѣ!

Опять поднялся занавѣсъ. Пошла русская піеса: *Не мѣсто красить челоуѣка*. Актеры играли вяло, говорили заученнымъ голосомъ съ

сильнымъ польскимъ акцентомъ.

— Этого просто слушать нельзя, сказала Инна:— ну не отчаивайтесь же, можетъ-быть это такъ только...

— Что такое? спросилъ Русановъ.

— Да, Ниночка-то ваша...

— Инна Николаевна, мнѣ не слѣдовало объ этомъ и заговаривать...

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь; я не изъ московскихъ барышень, хоть можетъ-быть и меньше ихъ знаю. Что онъ перебилъ у васъ любовницу, это вы хотѣли оказать?

— У меня? Какъ у меня?

— Такъ это не ревность? Что жъ это?

— Неужели жъ вамъ не жалко бѣдной, развращенной дѣвушки?

— Это развѣ развратъ? Вотъ видите, какъ различны бываютъ взгляды! А я ее уважаю, она со крайней мѣрѣ живетъ...

"Я становой приставъ и не могу измѣнить моимъ убѣжденіямъ" трагически произнесъ молодой актеръ.

Графъ приподнялся и шикнулъ, въ партеръ опять подхватили...

— Насилу-то! сказала Инна и подала руку Русанову. — Пройдемтесь, здѣсь жарко.

Русановъ накинулъ ей бедуинку и повелъ по дорожкѣ, межъ двухъ рядовъ статуй, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ площадки.

— А все-таки она стояла не такой любви, говорилъ Русановъ. — Онъ ее бросить!

— Вы вѣрите въ неизмѣнную? насмѣшливо спросила Инна.

— Мнѣ неприятно это слышать отъ васъ; особенно послѣ грустныхъ извѣстій, которыя получены мной изъ Петербурга...

— Что жъ такое?

— Тамъ у меня пріятель есть: удивительныя новости сообщаетъ. Что вы скажете, напримѣръ, о семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая вскакиваетъ на столъ съ бокаломъ въ рукѣ и кричитъ: "крови! крови!"

— Ну, Петербургъ, это извѣстно.

— Только извѣстно?

— Нѣтъ, пожалуй съ одной стороны этому радоваться надо...

— Вотъ какъ! А мнѣ кажется, что это со всѣхъ сторонъ безобразіе. Вонъ мой пріятель,

пожалуй, восхищается, что выпущенные изъ крѣпости молодые люди хвастаются тѣмъ, будто они чему-то научились на предки... люди, значить, энергіи и дѣла!

— Что жь, и этому можно порадоваться!

— Да помилуйте, что жь тутъ хорошаго! Безсмысленными выходками добиться до безпощадной реакціи. Вонъ и воскресныя школы закрыли, потому что тамъ коммунизмъ проповѣдывался; и читальни закрыли: тамъ то же чортъ знаетъ что творилось... Ну и на здоровье имъ, за что жь народу-то въ чужомъ пиру похмѣлье? Послѣднія средства выйдти изъ невѣжества отнимаются.

Инна сѣла на скамейку, и прислонясь къ рѣшетчатой спинкѣ, смотрѣла на вьющіеся огоньки площадкѣ и шкаликовъ.

— Вспомнилось и наше студенчество, продолжалъ Русановъ. Сколько силъ потрачено! сколько времени убито! И для чего? Разграничивали, разграничивали Европу, а потомъ пошли на площадь и тамъ ихъ лавочники похватали! До чего дошло: своими ушами слышалъ въ Англійскомъ клубѣ господина. На что намъ, говоритъ, образованные люди?..

— Ну-съ, перебила Инна, наговорили вы много, къ какому результату вы пришли?

— Какой же тутъ результатъ?

— Очень простой: не остановить вамъ этого движенія никакими сентенціями. Пойдемте лучше русскую комедію дослушивать!

Между тѣмъ Бронскій отправился за кулисы. Тамъ Коля ухаживалъ за молоденькою танцовщицей; она сидѣла у одной изъ площадокъ, освѣщавшихъ боковыя декораціи и протягивала ножку поклоннику искусства. Окружавшіе молодые люди спорили за право надѣть ей башмачекъ.

— Мы живемъ *ан-сociетэ*, сообщалъ Колъ *jeune premier*:- большая часть выручки идетъ на великое дѣло, остальное мы дѣлимъ поровну...

— Вотъ жизнь! восхищался тотъ:- право еслибы *mademoiselle* поцѣловала меня, я бы пошелъ къ вамъ въ трупшу.

— Въ поцѣлуѣ нѣтъ грѣха, сострила Терпсихора, протягивая губки.

Начался дивертисементъ. Одинъ любитель пѣлъ малороссійскую пѣсню, въ которой излагались похождения, нравы и обычаи раз-

личныхъ птицъ, начиная съ синицы и кончая журавлемъ. Это особенно нравилось *галеркѣ*, которая въ простотѣ сердечной и не понимала политическаго смысла пѣсни. Оттуда слышались восклицанія въ родѣ: "швидче", "сучій сынку!"

— Голова! сообщалъ Кодѣ *jeune premier*, указывая на любителя: кандидатомъ курсъ кончилъ въ Кіевѣ, да замотался, запился въ этой затхлой средѣ; теперь къ намъ хочетъ.

— Рѣшительно иду въ труппу! восклицалъ Коля.

— Вы все еще сердитесь на меня? подошелъ къ нему Бронскій.

— Полноте, графъ, отвѣтилъ обрадованный юноша.

— Вспомните, что мы были въ обществѣ обскурантовъ. Зачѣмъ открывать игру? Высшая тактика: "скачи враже, якъ панъ каже"; надо брать людей, какъ они есть, чтобъ они на что-нибудь годились... А васъ я еще тогда замѣтилъ, вы одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ передовыхъ людей.

— Ахъ, графъ! могъ только проговорить юноша, захлебываясь отъ восторга.

Краковякъ прошелъ превосходно къ общему удовольствию публики. Танцовщица не скупилась на позы: видно было многое. Одинъ помѣщикъ выходилъ изъ себя, высывался изъ дожи, и отбилъ себѣ докрасна ладони. *Галерка* неистовствовала.

Наконецъ выступилъ московскій купецъ Заевъ, пріѣхавшій на ярмарку съ книгами. Онъ держалъ въ рукѣ томъ Лермонтова, и сталъ читать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ.

Прошли три, четыре строфы. Съ галерки, раздалось: "довольно". Купчикъ дрогнулъ, по лицу пробѣжала краска, но онъ все-таки продолжалъ.

Въ креслахъ послышался свистокъ, другой, третій. Заевъ опустилъ книгу и растерялся.

— Го! Га! Втикай! гремѣли свитки въ партерѣ....

— Чуешь? Отзывались на *галеркѣ*, може такъ и треба? — Галерка подхватила.

Шураховскій съ Колей выскочили на сцену.

— Кланяйтесь и благодарите! крикнулъ первый. Заевъ до того сконфузился, что кланялся волновавшейся и хохотавшей публикѣ,

и улыбался блѣдный, какъ мертвецъ.

— Надѣньте шапку, кричалъ Коля, нахлобучивая ему капелюхи.

— Занавѣсь! Занавѣсь! Кричалъ графъ изъ кресель, покрывая шумъ своимъ голосомъ.

У выхода поднялась давка. Зрители расходились и разѣзжались въ темнотѣ. Графъ и Русановъ усаживали въ карету Горобцевъ.

— Вы завтра у насъ, графъ? спрашивала Юленька, выставляя назадъ ручку.

— Непремѣнно, сказалъ Бронскій, украдкой прижимая ее къ губамъ.

— Счастливецъ, говорилъ Русановъ Иннѣ:— можетъ располагать своимъ временемъ.

— А вы опять на двѣ недѣли, и къ моему рожденію не приѣдете?..

— Во что бы то ни стало, говорилъ Русановъ, въ восторгъ. — Я и завтра еще пробуду здѣсь...

— Ну, такъ до свиданія — въ бібліотекѣ!

На сценѣ тушили плошки, подметали грязь; танцовщица безъ церемоніи облакалась въ обыденное, засаленное платье; *société* перепилось до вращенія земли и подралось при дѣлежѣ.

— Что жь это? думаль Русановъ, пробираясь по забору, это просто демонстрація; то-то порадуются противники искусства для искусства.

Графъ выѣхаль въ своемъ экипажѣ на уголъ улицы и дожидался кого-то, завернувшись въ плащъ. Подошелъ мущина въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

— Шураховскій, вы?

— Я.

— Садитесь. пошелъ! Выручка велика?

— Больше тысячи рублей; васъ вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ; третьяго дня вѣнокъ поднесли.

— Это хорошо; вы подучите отъ меня еще пять тысячъ. Сдайте кому-нибудь дирекцію и отправляйтесь завтра въ Литтихъ; я дамъ вамъ адресъ завода. Смотрите, чтобы всѣ ружья были съ моимъ клеймомъ: В и Б подъ короной; тамъ ихъ вамъ уложатъ, а провести ужь ваше дѣло.

— Лучше всего на границѣ контрабандистамъ поручить.

— Ужь тамъ какъ знаете. Кстати захватите экземпляръ двѣсти *Колокола*, ну и еще ка-

кой-нибудь дряни; это удивительный конформативъ на здѣшніе мозги!

— Что оказать отъ васъ варшавскимъ друзьямъ?

— Скоро самъ буду къ нимъ.

XIII. Публичная бібліотека

Проснувшись поздно, Русановъ тотчасъ подѣлся и отправился въ бібліотеку. Она помѣщалась на площади, въ небольшомъ, чистенькомъ домикѣ. Русановъ отворилъ обитую клеенкой дверь, колокольчикъ задрезжалъ на всѣ комнаты.

"Все какъ быть должно", подумалъ онъ, сбрасывая пальто, и вошелъ въ свѣтлую залу. По стѣнамъ висѣли портреты русскихъ писателей, по срединѣ стоялъ столъ, заваленный ежедневными газетами и окруженный стульями.

"И тутъ хорошо, рѣшительно мы цивилизуемся", думалъ Русановъ, проходя въ слѣдующую комнату. Тамъ даже мебель была мягкая, на столѣ въ порядкѣ разложены толстые журналы; сквозь отворенную дверь виднѣлась спина бібліотекаря за конторкою

въ третьей комнатѣ. Но все это только мелькнуло въ глазахъ молодаго человѣка. Облокотясь на одну руку и запустивъ ее въ роскошные волосы, Инна перелистывала журналъ; нѣсколько времени онъ любовался ею, пока она не подняла головы.

— Ну, васъ кошечка не съѣстъ, сказала она, показывая часы, — скоро и обѣдать пора.

— Вы однѣ здѣсь?

— А что? Васъ это поражаетъ? Не тужите безвременно... Ужо въ библіотекѣ будетъ цѣлый полкъ; у насъ аккуратно собираются по вечерамъ играть въ карты; недурно?

— Я и объ этомъ не тужу; изъ отчета видно, что карты доставляютъ половину всего дохода.

— Да, вотъ что! Утилитарность!

— А какъ же иначе? Эти господа и копѣйки бы не пожертвовали; играютъ они въ боковые комнаты, заниматься не мѣшаютъ. А вы что это почитывали?

— *Основу.*

— Скажите пожалуйста, вамъ ближе звать, какая это *Основа*? чего? Я, признаюсь, думалъ, что это *основа* небывалаго языка.

— Ну, да ужь вамъ стоить только подумать, непременно парадоксъ выйдесть.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣдѣ, для кого пишетъ хоть г. Кулишъ? Если для народа, такъ вѣдь мало написать *ындывыдуальность, цывылызація*, надо растолковать въ чемъ дѣло, а на это понадобятся цѣлые тома; а если для общества — такъ какъ вамъ это нравится?

— Да ужь что вамъ за дѣло! Нравится ли, нѣтъ ли, а вотъ наша молодежь начинаетъ таки говорить на родномъ языкѣ.

— Вы стало-быть раздѣляете надежды хохломановъ?

— Да, вы не ругайтесь, я вамъ опять окажу, духа времени вамъ по своему не перевернуть.

— Что такое духъ времени? Это ужь для меня и совсѣмъ непонятно.

— А вотъ оно что! Вы просто оригинальничать изволите... Ну, теперъ все понятно!

— Нѣтъ, не шутя, Инна Николаевна, что такое духъ времени? Вы вотъ, вѣроятно, представительница его; ну, а я какъ? Не во времени существую?

— А вы тормазъ его....

— И всё, кто также думает?

— Вы хотите сказать, что васъ больше? Тѣмъ стыднѣй!

— Да послушайте, еслибъ это было къ лучшему, я первый принялъ бы... Ну, скажите по совѣсти, какіе идеалы выработали эти господа? Шевченко, напримѣръ... Послѣднее слово? Максимъ *рѣже*, а Ярема, еще лучше — не *рѣже* — *лютуе* на пожарищахъ.

— А нуте-ка, я вамъ э&дамъ такой же вопросъ: порѣшили вы что лучше, то ли что вамъ кажется такимъ, или что мнѣ? Вамъ вотъ съ дѣтства говорили, что это зеленое сукно, вы его и называете такъ, и я тоже; а такъ ли глазъ вашъ видитъ его? Очень можетъ-быть, мы называемъ по привычкѣ однимъ именемъ разные цвѣта.

— Вотъ она, батюшка, вотъ она! еще въ залѣ кричалъ Коля, таща подъ руку Лукошкина.

Онъ сбросилъ свитку, надѣтую сверхъ красной рубашки, и подвелъ товарища къ Иннѣ.

— Позвольте вамъ представить русскую женщину: моя кузина!

Русановъ поглядѣлъ на нихъ съ усмѣшкою. Сама Инна сконфузилась.

— Я видала monsieur Лукошкина въ Петербургѣ, поспѣшно проговорила она, протягивая руку. — Вы теперь ваши края посѣщаете?

— Да, путешествую по великой и обильной землѣ нашей и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что порядка въ ней нѣтъ.

— Тутъ чортъ знаетъ что дѣлается! прорвало вдругъ гимназиста:— вотъ полюбуйтесь: *Русскіе Вѣстники, Домашнія Бесѣды, Сыны Отечества...* знаете на что все это пригодно?

— А на что? спросилъ Лукошкинъ, видимо ждавшій надлежащаго отвѣта.

— Запалить ихъ, да и подпалить вонъ то прекрасное зданіе, отвѣтилъ гимназистъ, показывая въ окно на стоявшій насупротивъ земскій судъ.

— Ого! Да вы дальше насъ пошли, сказалъ Лукошкинъ, совершенно довольный выходкой.

Русанова это, наконецъ, взорвало.

— А вамъ, значить, няня сказала, какъ оно называется?

— Какъ вы смѣете? Э, да что съ вами изъ

пустаго въ порожнее переливать; васъ всѣ отсталымъ называютъ.

— Господа, сказала Инна, — мы вчера съ графомъ разсуждали, какъ бы заохотить аборигеновъ къ чтенію, и рѣшили дать литературный вечеръ.... въ пользу бѣдныхъ студентовъ вашего края; вы, конечно, примете участіе?

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Лукошкинъ, — у меня кстати поспѣлъ уже очеркъ здѣшняго народнаго быта...

— Да что читать-то? возразилъ Коля, — скоро ли мы доживемъ до того времени, когда позволятъ Герцена...

— Да скоро ужъ и позволятъ, усмѣхнулся Русановъ: — больше опошлиться нельзя...

— Ну, а вы принесете свою лепту?..

— Нѣтъ, увольте; у меня отъ этой литературы ужъ голова трещить...

— Напрасно! подтрунивала Инна:— Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?..

— Такъ и порѣшилъ, отвѣтилъ съ неудовольствіемъ Русановъ, подавая ей накидку.

— И такъ до общаго свиданія, проговорила она, кивнувъ имъ головкой.

XIV. Жаръ крови

Съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся Русановъ за дѣла. "Чижииковъ, глядя на него, и самъ сталъ усердствовать и работать на славу. Старые служаки только переглядывались.

— Столичная штучка, а натка поди! говорилъ взъерошенный столоначальникъ.

Поручили Владиміру Ивановичу исправлять должность секретаря; предсѣдатель сталъ относиться къ нему съ уваженіемъ; молодые писцы въ клѣтчатыхъ невыразимыхъ, съ бородками и эспаньолками, души въ немъ не чаяли. А онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣй, да грустнѣй. Пока въ присутствіи, не даетъ себѣ ни минуты свободной, читаетъ указы, провѣряетъ докладныя записки; если своего дѣла нѣтъ, у другихъ возьметъ; а домой придетъ, сидитъ на диванѣ скучный, скрипку возьметъ, фантазируетъ.

— Что вы это, Владиміръ Иванычъ, все такое жалостное поигрываете? Али пора пришла? спросилъ разъ Пудъ Савичъ, внося ему

свѣчи на столъ.

— Какая пора?..

— Извѣстно-съ, пора молодцу жениться, пора ѣхать со двора...

— Н...да, вотъ какая! проговориль Русановъ какъ-то на двое.

Однажды, возвратясь изъ палаты, онъ на-шелъ на столъ оясьмо, только что пришедшее съ почты. Онъ тотчасъ же узналъ почеркъ.

"Если вы не прїѣдете къ 30-му августа, я со-чту всю вашу дружбу громкою фразой, и побѣда останется за мной. Побалуйте ново-рожденную Инну."

— Которое нынче число? спрашивалъ Ру-сановъ, входя къ хозяину.

— Двадцать седьмое-съ...

— Пожалуста, добрѣйшій Пудъ Савичъ, распорядитесь, чтобы завтра мнѣ были лоша-ди готовы.... Наймите, — и Русановъ обнялъ изумленнаго хозяина.

— Къ дядюшкѣ отправляетесь погостить?

— Погостить, погостить, весело отвѣтилъ Русановъ.

Вернувшись въ кабинетъ, онъ для чего-то старательно убралъ на столъ бездѣлушки, по-

томъ взялъ листъ почтовой бумаги, и сталъ писать.

"Помнится, я обѣщаль тебѣ, милый другъ, подробно писать тотчасъ по прїѣздѣ. И вотъ только теперь собрался. Читай, удивляйся, но не подражай! Я такъ счастливъ въ эту минуту, такъ счастливъ, что не подѣлиться не могу. Сейчасъ только получилъ очаровательное письмо... отъ нея. Перечитываю въ сотый разъ, и все новый смыслъ, новое значеніе! Испытывала ли ты то чувство, когда, говорятъ, камень сваливается съ плечъ? Но, такъ ты ничего не поймешь. На счастье или на бѣду, я нашель въ черноземной почвѣ Украины алмазь чистѣйшей воды (см. руководство къ минералогіи). Смѣйся, смѣйся, я и самъ смѣюсь, что въ угоду тебѣ пишу такимъ высокимъ слогомъ. Представь себѣ Грѣзовскую головку... Впрочемъ искони извѣстно, хоть ты и "живописица преславна," какъ ни представляй, ничего не выйдетъ! Каюсь, *veni, vidi, victus sum*...

"Вижу отсюда твое строгое лицо, въ которомъ одни глаза умѣютъ зло улыбнуться; вижу, какъ ты опускаешь руку съ письмомъ, за-

давая себѣ вопросъ: читать ли дальше... Какъ? А международное право? А далеко ли по-
двинулась ваша магистерская диссертация? Чортъ ихъ дери! Я буду однимъ изъ мно-
гихъ — вотъ и все! Ты и представить себѣ не
можешь какъ хорошо быть однимъ изъ мно-
гихъ...

"Бронскій здѣсь, чудить по прежнему. Что
это такое? Врожденная ли неспособность по-
нимать дѣйствительность, или упорное
проведеніе въ жизнь доктрины его во что бы
то ни стало? Это, вотъ, тебѣ задача!

"А знаешь что? Не придетъ ли тебѣ
фантазія къ осени-то, какъ бывало, эмигриро-
вать изъ Москвы? Несись сюда: край преин-
тересный по части ландшафта и жанра. Мо-
жетъ-быть палящіе лучи юга разогрѣютъ твоє
мраморное сердце! Пожелай успѣха въ пред-
стоящемъ рѣшительномъ объясненіи твоему
преданному другу Владиміру Русанову. 1862 г.
27 августа."

На конвертѣ Русановъ написалъ адресъ:
"ея высокоблагородію, Мальвинѣ Францовнѣ
Штейнфельсъ. Въ Москву. На Молчановкѣ, въ
приходѣ Николы что на Курьихъ Ножкахъ, въ

собственномъ домѣ. Весьма нужное."

Наконецъ, наступилъ день, котораго такъ томительно ожидалъ молодой человекъ, — день рожденія Инны. Какъ длинна казалась ему дорога! Какъ онъ ухаживалъ на станціяхъ за зрителями, старостами, боясь, чтобы какъ-нибудь не было задержки! Но вотъ наконецъ и дубовая роща, вотъ и покатый берегъ пруда, и соломенная крыша мелькаетъ въ саду. Какъ все это мило! словно и деревья обрадовались его прїѣзду, киваютъ вѣтвями и перешептываются. И воздухомъ-то этимъ вольнѣ дышится! Онъ остановилъ ямщика у плетня, далъ ему лишній полтинникъ, перелѣзъ черезъ загородъ, и пошелъ садомъ. На поворотѣ аллеи слышались веселые голоса; онъ остановился за кустомъ, чтобы перевести духъ. На встрѣчу ему шелъ графъ подъ руку съ Юленькой; на ними Инна, довольная, улыбающаяся, въ бѣдой вышитой шелками сорочкѣ, черной атласной юпкѣ и черевичкахъ. Черные волосы падали на спину двумя косами перевитыми лиловою лентой; на шеѣ блестяло коралловое ожерелье. У Русанова зарябило въ глазахъ, и онъ, какъ шаль-

ной, здоровался съ ними, перевирая имена...

— Ага, испугались! сказала Инна, грозя ему:— ну теперь рѣшительно не помѣстимся! Владиміръ Иванычъ непременно опрокинетъ лодку; поѣзжайте, отважные мореплаватели...

Графъ, поддерживая Юленьку, сталъ опускаться къ пруду.

— А вы извольте занимать новорожденную; сегодня я совершеннолѣтняя, и потому желаю капризничать....

Русановъ смутно чувствовалъ, что приготовленныя рѣчи испарились или по крайней мѣрѣ оказались такими же годными, какъ дѣловая бумага, которую изорвали на мелкія кусочки.

— Посмотрите что мнѣ графъ подарилъ! Она подала ему уютное, стереотипное изданіе Мицкевича и альбомъ фотографическихъ карточекъ. Русановъ прислонился къ дереву и перелистывалъ портреты, усиливаясь приобрѣсть обычный *contenance*.

— Все запрещенные? опросилъ онъ, улыбаясь.

— Всѣ до одного, также отвѣтила она.

— А это чей? Какое славное лицо!

— Еще бы: это другъ моего отца, Кошуть...

— Другъ вашего отца?

— Да, отецъ мой тамъ былъ въ 1848 году.

Здѣсь есть и портретъ моего отца.

Русановъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Да-съ, отецъ подальновиднѣй вашего дя-
дюшки понималъ бѣлые мундиры... Хотите, я
вамъ прочту что-нибудь.

Она начали поэму *Dziady*. Русановъ слу-
шалъ, а въ головѣ бродило другое. Солнце
такъ и палило, ярко просвѣчивая въ
разноцвѣтныхъ георгинахъ, красномъ макѣ,
опьяняющій запахъ цвѣтовъ доносился теп-
лымъ вѣтеркомъ, пчелы жуужали на пасѣкѣ,
по травѣ бѣжали тѣни облаковъ... Онъ
глядѣлъ на Инну и сердце въ немъ билось, би-
лось... Какъ она близко сидитъ! Спуститься
бы вотъ передъ ней на колѣни, спрятать голо-
ву въ складкахъ платья и ждать приговора! А
если все испортишь?... Вдругъ Инна прервала
чтеніе.

— Ну что я прочла? сказала она, инквизи-
торски смотря на него.

Русановъ совсѣмъ растерялся.

— Похвально! похвально! проговорила она.

— Да, вѣдь я не понимаю по-польски, силится оправдаться несчастный...

— Что жь вы не скажете?

— Чтобы вы замолчали-то?

— Да что вы такой юродивый нынче?

— Я получилъ мѣсто секретаря, отвѣтилъ онъ какъ нельзя болѣе впопадъ.

— Такъ скоро?

— Должно-быть отличился какъ-нибудь...

Инна расхохоталась.

— Пойдите, у меня до васъ большая просьба...

— Приказывайте...

— Вотъ видите, вы у насъ какъ свой, начала Инна, — и лицо ее приняло озабоченное выраженіе;— вы, я думаю, замѣтили, что графъ не равнодушенъ къ сестрѣ?

— А! удивился Русановъ.

— Возьмите на себя трудъ поговорить съ ней объ этомъ...

— Но почему же вы сама не хотите?

— Въ томъ и дѣло, что я ужь пробовала намекать, но тутъ поднялся такой гвалтъ, меня

заподозрили въ желаніи разстроить свадьбу...

— Что жъ я ей долженъ сказать?

— Вы постарайтесь ее увѣрять, что графъ и не думаетъ на ней жениться, что ей не слѣдуетъ такъ увлекаться, не узнавъ его намѣреній... вѣдь ей же, бѣдняжкѣ, плохо прядется! Въ этомъ случаѣ прямая обязанность наша остановить ее...

— Но почему жъ вы это знаете?

Инна помолчала.

— Послушайте, сказала она съ разстановкой, — замѣчали вы, чтобъ я когда-нибудь лгала?

— Никогда, съ жаромъ отвѣтилъ Русановъ.

— Повѣрьте же мнѣ на слово. Больше я ничего не могу сказать...

— Нѣтъ, какъ хотите, такого порученья я не беру на себя...

— Не хотите вѣрить?

— Не то, Инна Николаевна. Какъ мнѣ разбивать чужія надежды, когда я самъ...

— Что самъ?

— Когда я самъ вѣрю въ свою звѣзду... — Русановъ проклялъ свой языкъ.

— Что жъ, это хорошо надѣяться на

звѣзду... На какой лентѣ? На голубой, али хорошо и на красной?

— Эта звѣздочка даетъ мнѣ силу трудиться... льетъ живительные лучи, говорилъ онъ все болѣе и болѣе конфузясь, полушутливымъ, полусерьюзнымъ тономъ.

— Вотъ какая славная! Только отсталая, слѣдуетъ теоріи истеченія свѣта. Гдѣ жъ она, въ Москвѣ?

— Инна Николаевна...

— Какъ ее зовутъ?

— Инной, бухнулъ Русановъ.

Она вскочила, и смѣряла его взглядомъ.

— Признаюсь, такого сюрприза и въ день рожденья не ожидала. Что съ вами? говорила она, вглядываясь въ его лицо:— Такъ это правда? правда?

— Ложь?... При васъ? не помня себя, говорилъ Русановъ съ сіяющими глазами.

Инна измѣнилась въ лицѣ и подалась назадъ.

— Что я надѣлала? проговорила она, — уходите, оставьте меня на минуту....

— Инна, говорилъ Русановъ, — отдайте мнѣ вашу руку, вашу дорогую руку... — И, не

совладавъ съ собой, онъ схватилъ ея руку и прильнулъ горячими губами...

— Владиміръ... Иванычъ, успокойтесь... Въ какое положеніе вы меня ставите!...

— Инна!

— Поймите меня... Я не могу быть ничьей женой. Этого нельзя... нельзя, Владиміръ...

Она потянула руку, Русановъ еще крѣпче стиснулъ ее; онъ уже не робѣлъ, онъ чувствовалъ себя въ самой быстринѣ неодолимаго потока. Дыханіе у него занималось, онъ не могъ говорить...

— Этого нельзя, Владиміръ, говорила она, перерывающимся голосомъ, — вы не должны...

Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, вся кровь бросилась ей въ лицо, и почти шепотомъ dokonчила:

— Я не достойна васъ... Я принадлежала другому...

Онъ затрепеталъ, кровь хлынула ему въ голову. Она отвернулась и со слезами на глазахъ глядѣла въ сторону; грудь ея такъ и поднимала тонкій батистъ. Наконецъ страсть, бѣшенная страсть охватила его пожирающимъ

пламенемъ. Онъ схватилъ ее за талію и привлекъ къ себѣ. Она дрогнула, обернула къ нему блѣдное лицо и прижалась къ плечу... Садъ, мѣсто, время, все вылетѣло изъ головы Русанова.

— Владиміръ! Владиміръ! шептала она, вырываясь. — Владиміръ! крикнула она въ испугъ. — Ужо! ужо! черезъ силу проговорила она и убѣжала къ дому.

Русановъ опустился на траву. Долго не могъ онъ придти въ себя. Вокругъ была тишина, только какая-то птичка однообразно чирикала въ спокойной листвѣ. Онъ сталъ обмахиваться платкомъ...

"Мечты! мечты! гдѣ ваша сладость?" слышался насмѣшливый голосъ.

Русановъ увидалъ Юленьку, опиравшуюся на руку Бронскаго.

— Non, mais voyez sa figure, говорила она, смѣясь, — вдохновенное какое лицо!

Русановъ вспомнилъ, что еще не представлялся Аннѣ Михайловнѣ и послѣдовалъ за ними.

XV. Посредникъ

Не успѣли они взойдти на крыльцо, какъ къ нему подкатила старомодная пролетка парою разношеровыхъ лошадей. Съ нея соскочилъ Кононъ Терентьевичъ безъ шапки, съ блуждающими глазами, едва держась на ногахъ.

— Бѣда! бѣда! крикнулъ онъ, завидѣвъ ихъ, шагнулъ мимо ступенекъ и чуть не клюнулъся.

Бронскій прыснулъ со смѣху.

— Бунтъ!... Лапаки раззорятъ, бормоталъ Кононъ Терентьевичъ, — къ посреднику послалъ, надо пушки!

— Что такое? Владиміръ Иванычъ! Братецъ! кричала Анна Михайловна, выбѣгая на крыльцо и струсивъ при одномъ взглядѣ на Горобца. — Какъ меня напугали!

— Вы знаете народъ, говорилъ тотъ таинственно, но озираясь на кучера и на ухо Русанову:— это не возстаніе будетъ, а анатомическое препарированіе!

— Чортъ знаетъ что за чепуха! говорилъ Русановъ.

— Крестьяне взбунтовались, выговорилъ, наконецъ, Горобецъ.

— Пошлите въ городъ за военною силою, сказалъ Бронскій.

— Пойдите, я съѣзжу, поговорю съ ними, предложилъ Русановъ.

— Что вы съ ума сошли? вскрикнулъ Горобецъ:— да и Филька не поѣдетъ, убьютъ!

— Убьютъ, убьютъ, разбойники! подхватила Анна Михайловна. — Голубчикъ мой, не ѣздите, убьютъ.

— Дайте мнѣ вашу лошадь, сказалъ Русановъ Бронскому.

— Не дамъ, отвѣтилъ тотъ хмурясь.

— Что жъ вамъ жалко, что дли?

— Я самъ сейчасъ ѣду въ городъ за уланами. Этимъ шутить нельзя...

— Филька, отстегни пристяжную!...

Филька лѣниво началъ отстегивать постромки.

— Владиміръ, не ѣзди, проговорилъ Бронскій въ полголоса.

Русановъ удивился: такъ рѣдко случалось ему слышать дружеское *ты*.

— Я прошу, продолжалъ Бронскій, глядя

изъ подлобья.

Ему подведи лошадь.

— Вздоръ! отвѣтилъ Русановъ, перекидывая потникъ на спину лошади. — Къ чему это улановъ-то?

— Тебя жь спасти придется! отвѣтилъ Бронскій и птицей вылетѣлъ на ворота...

"Надурить непременно", думалъ Русановъ, изо всѣхъ силъ погоняя взмыленную пристяжную. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже подлѣ хутора Конона Терентьевича. У него начинало захватывать духъ, когда онъ проскакалъ околицу. На концѣ селенія стояла толпа крестьянъ, размахивая руками и крича во все гордо. Лошадь остановилась передъ народомъ, храпя и пятясь.

— Что у васъ тутъ, крикнулъ Русановъ.

Никто не отвѣчалъ. Въ громадѣ стоялъ Коля и съ жаромъ толковалъ что-то, не обращая вниманія на подѣхавшаго.

— Такъ и есть, вездѣ поспѣлъ! Что у васъ тутъ?

— А вамъ, пане, чого треба? отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Шапки долой! крикнулъ Русановъ.

Крестьяне стали переглядываться.

— Что вы тутъ дѣлаете? сурово крикнулъ Русановъ, поймавъ за руку Горобца...

— Революцію, отвѣчалъ тотъ, нахлобучивая свою конфедератку:- ваше царствіе конечно! Идите-ка, идите своею дорогой!

— А я вамъ вотъ что скажу: если вы сію минуту по добру, да поздорову не уберетесь отсюда, я васъ связать велю.... За военною силой послано! Долой шапки! настойчиво проговорилъ Русановъ, снова обращаясь къ толпѣ.

Крестьяне молча стали снимать шапки.

— Не слушайте подлеца, кричалъ гимназистъ, — что жъ такое военная сила? Такіе же люди. Вооружайся, кто чѣмъ можетъ!

— Хлопци, крикнулъ Русановъ, — противъ Государя идете? Кого слушаете?

— Ни, заговорили всѣ разомъ:- якъ же то можно? Чижъ мы дурни, або що!

Коля плюнулъ и пошелъ къ дому. Русановъ подмигнулъ на него старостѣ, тотъ подошелъ держа шапку въ рукахъ.

— Запри его въ комнату какую-нибудь, коли что еще вздумаетъ, а не то такъ покара-

уль... Не спускай его съ глазъ....

Тотъ пошелъ еще съ однимъ дворовымъ.

— Что жъ у васъ тутъ подѣялось?

Опять всѣ заговорили разомъ, замахали руками, ничего нельзя понять....

— Стой, говори кто-нибудь одинъ; выходи впередъ. Громада подвинулась.

— Та не всѣ разомъ. Ну, ты, обратился Русановъ къ одному паробку, который стоялъ въ шапкѣ, руки въ боки, и дерзко на него поглядываль. — Выходи со мной говорить!

— Эге, чого жъ я пиду? минѣ и ось де гарно, говорилъ тотъ, почесываясь и пятясь въ толпу.

— Ну стой тамъ, може тебе, якъ дрюкъ, у землю забили?

По толпѣ пронесся сдержанный хохоть.

— Ходи, Остапъ, ходи до охвицира, говорили нѣкоторые, подталкивая худенькаго, щедушнаго мужичонка. Тотъ вышелъ, переминаясь.

— Ну, чого тебѣ надо? говорилъ Русановъ.

— Та ничогисенько, говорилъ тотъ, потупясь и разводя, руками:- хай винъ намъ рибу ловить не заказуе...

— Кто такой?

— Та панъ.

— А этотъ что жь тутъ разсказываль?

— Та кто е знае? Катъ зна що. Каже, щобъ панамъ вѣры не давать, бо паны брешуть....

— А самъ-то онъ не панъ стало-быть? якъ же?

— Та звѣстно що панъ, слышались голоса.

— Какъ же вы его слушаете? Ще зовсѣмъ дитина...

— Та хиба мы що знаемо... Тилько бъ намъ отдали тїю волю, що царь давъ!

— Какую жь такую?

— Та тутъ чоловѣкъ, якійсь, приходивъ, то читавъ її, говорилъ Остапъ.

— Положеніе что ли?

— Ни, та не така, съ золотыми птыцями...

Подѣхали дрожки, Ишимовъ, въ роскошномъ пиджакѣ и голубомъ галстукѣ, расшаркался съ Русановымъ и накинулся на мужиковъ.

— Чего вы буяните?а? Бунтовать?а? Непокорство власти? Неповиновеніе законному правительству? а?

Толпа опять собралась и загудѣла.

— Ащо се за чоловѣкъ, началъ паробокъ, —
якій се чоловѣкъ?

— Какъ, ты не знаешь меня? меня? Я миро-
вой посредникъ!

— Хай насъ разумній панычъ разсудить,
волновалась громада.

— Будьте съ ними поласковѣе. Ну, какіе
они бунтовщики, сказалъ Русановъ по-фран-
цузски Ишимову.

Они оба принялись разспрашивать кре-
стьянъ, и вотъ что открылось. Хуторъ Конона
Терентьевича примыкалъ къ пруду, находив-
шемуся въ общемъ владѣніи съ двумя, тремя
смежными владѣльцами. Скупой и разчетли-
вый Горобецъ хотѣлъ заставить крестьянъ
гатить ему плотину, толкуя имъ съ
"положеніемъ" въ рукахъ, что это есть ихъ
священная обязанность. Они отвѣчали, что
мельница его, ему и гатить приходится, а ес-
ли онъ позволитъ имъ рыбу ловить, такъ
примутъ на себя работу. — Рыбы вамъ не ви-
дать! крикнулъ Кононъ Терентьевичъ:— А у
васъ латаковъ {Лопатки водянаго колеса.} не
будеть, сказалъ Остапъ, разумѣя, что ихъ во-
дой снесетъ, когда греблю предоставятъ са-

мой себѣ. Кононъ Терентьевичъ принялъ это за угрозу раззорить ихъ, погрозился высѣчь виновныхъ, и послалъ за посредникомъ. А панычъ Миколо прибѣжалъ на хуторъ, собралъ громаду, началъ говорить о полученной имъ грамотѣ съ "золотыми птыцами", совѣтовалъ настойчиво требовать права на рыбную ловлю, обѣщался не выдавать ихъ; сообщалъ, что помѣщики возстаютъ на царя за отмѣну крѣпостнаго права, а потомъ, являсь къ ничего-нечаявшему дядѣ, какъ громомъ поразилъ его вѣстью, что на хуторѣ возстаніе, и онъ по волѣ народной уполномоченъ объявить плантатору приговоръ изгнанія. Перепуганный философъ едва могъ велѣть закладывать лошадей и, проѣзжая по улицѣ, не осмѣлился даже поднять сорванной вѣтромъ шапки.

— Вѣдь не *plus ultra*, говорилъ Русановъ посреднику, — нечего сказать, подвизаются любезные соотечественники!

Ишимовъ почувствовалъ неловкость при видѣ смиренно стоявшей толпы народа. Ему стало совѣстно своего дебюта...

— Надѣюсь, продолжалъ Русановъ, — что

вы не допустите ни до какихъ серьезныхъ послѣдствій.

— Конечно, конечно! А это что жъ такое?

Къ селенію на полныхъ рысяхъ, пики въ руку, подѣзжалъ эскадронъ уланъ.

— Батько вашъ, взмолились крестьяне, — заступись! и повалились Ишимову въ ноги.

— Ступайте по домамъ, по хатамъ! крикнулъ онъ, весьма довольный исходомъ дѣла.

Въ нѣсколько минутъ улица опустѣла, и потомъ наполнилась вооруженными всадниками.

— Стой, равняйся! скомандовалъ начальникъ, и молодцовато подскакавъ къ слѣдователямъ, осадилъ коня.

— Здѣсь возстаніе? спросилъ онъ, осматриваясь.

— Никакого возстанія здѣсь не было, отвѣчалъ Ишимовъ, — недоразумѣніе!

— Позвольте, позвольте, говорилъ Бронскій, выльзая съ исправникомъ изъ тарантаса:— здѣсь были подсылаемы возмутительныя грамоты....

— Да? сказалъ военный, крутя усы.

— Это ужъ мое дѣло, ротмистръ, обратился

къ нему исправникъ, мущина среднихъ лѣтъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Густые русые усы намекали, что онъ былъ изъ отставныхъ военныхъ.

— Это изъ рукъ вонъ, ворчалъ графъ:- ряды все покрыть за деньги.

— Не нравится мнѣ этотъ господинъ, говорилъ исправникъ, взявъ подъ руку Русанова и отходя въ сторону:- прискакалъ ко мнѣ такой веселый, точно онъ въ театръ собирался смотрѣть, какъ мы по народу станемъ стрѣлять.... Какъ вы думаете, опасности не будетъ отпустить команду?

— Никакой, клянусь честью, говорилъ Русановъ, пожимая ему руку. — Вы-то что же будете дѣлать?

— Я жду судебнаго слѣдователя; тутъ подметные листы были, грустно усмѣхнулся исправникъ:- опять придется драть неповинныя спины! А все наши гуманные господчики кутятъ на чужія денежки!

— Слѣдовало бы угостить ребятушекъ водкой, подошелъ Ишимовъ, указывая на солдатъ. — Милости просимъ въ домъ, господа, за отсутствіемъ хозяина!

Исправникъ усмѣхнулся. А Русановъ шепнулъ Ишимову, что слѣдственная коммисія у истца не останавливается. Тотъ очень сконфузился...

Русановъ вошелъ въ комнаты и нашель паныча Миколу, беззаботно лежавшаго на диванѣ съ *Pucelle d'Orléans* въ рукахъ.

— Ну-съ, юный революціонеръ, пока вы замѣняете хозяина, распорядитесь дать солдатамъ вина. Слышишь? прибавилъ онъ дворцовому. Тотъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

— Какъ вы думаете, важно проговорилъ гимназистъ:- что для чего существуетъ: правительство для народа или народъ для правительства?...

— Рѣшить этого не берусь, посмѣивался Русановъ, — а нагляднымъ образомъ, такъ и быть, докажу.

— Ваше поведеніе было отвратительно, гадко, подло! кричалъ революціонеръ.

— И еще того хуже будетъ, невозмутимо проговорилъ Русановъ, запирая его на ключъ.

Между тѣмъ у Горобцевъ шель торжественный обѣдъ. Приѣхалъ майоръ, и узнавъ о

прибытіи племянника, предвкушалъ радость свиданія.

Кононъ Терентьевичъ, которому Анна Михайловна сообщала о предстоящей свадьбѣ, тоже развеселился и даже покусился на пирогъ съ цыплятами.

— Нѣтъ, боюсь, тотчасъ прибавилъ ипохондрикъ. — Пирогъ очень хорошъ, только ингредиенты не дожарены....

Инна покатила со смѣху, а фразеологъ обидѣлся и спросилъ о причинѣ веселости.

— Да какъ же, помилуйте, дяденька! цыплятъ ингредиентами звать, на что это похоже?

— Въ тридцатыхъ годахъ мыслили, что они отъ этого вкуснѣе бываютъ, объяснилъ Авениръ.

Докторъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ, съ лысою головкой и солиднымъ брюшкомъ, тоже посмѣивался. Двѣ его дочери строили Авениру глазки. Подали кофе, и уѣхавшіе гости все не возвращались. Наконецъ, часовъ въ шесть, подкатили дрожки Ишимова; за нимъ два всадника.

Всѣ такъ и бросились имъ на встрѣчу.

— Извините, говорилъ Ишимовъ, — опоз-

далъ.

— Опоздали? вскрикнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Да, то-есть поздравить новорожденную, говорилъ Ишимовъ, подходя къ Иннѣ.

— Возвращайтесь безъ боязни; крестьяне, пожалуй, и домъ вамъ выстроятъ, шутилъ Владиміръ Ивановичъ съ старымъ ребенкомъ:- а племянника вашего я въ гимназію отправилъ...

— Ну и спасибо! Да какъ же это?

— Чего какъ же? ученье давно началось! Исправникъ взялся доставить его директору.

— Ну, ужъ удружилъ мнѣ сегодня этотъ Русановъ, говорилъ Бронскій, отходя съ Инной къ окну:- какъ долбней по лбу! Все пропало во крайней мѣрѣ на полгода!

— А народъ-то знаетъ его, кажется, лучше васъ.... Вотъ-бы такого челоѵька подѣ наше знамя!

— Да, проговорилъ Бронскій, сдвигая брови:- я прежде васъ оцѣнилъ его; два года съ нимъ бился. Что прикажете дѣлать? на трехъ сваяхъ, какъ говорится сидитъ, въ четвертую уперся; никакихъ средствъ нѣтъ....

— Средство-то есть, задумчиво говорила Инна.

— Какое же? живо спросилъ Бронскій.

— Какого я никогда не пущу въ ходъ, потому что онъ... все-таки онъ честень....

— Честь понятіе условное, говорилъ Бронскій, пристально глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, графъ, и тысячу разъ нѣтъ!

— Матап, говорила Юленька, надувъ губки:- что жь это она съ нимъ шепчется?

— Этого надо было ожидать, рѣшила Анна Михайловна.

XVI. Тость

Хотя Ишимовъ на практикѣ совершенно Хуťшился Ниночкой, но тутъ почему-то счелъ долгомъ разыграть несчастнаго любовника. Напустивъ себѣ на лицо какой-то дѣланной грусти, онъ подперъ голову рукой, и сѣлъ къ сторонкѣ. Въ сущности страдало только самолюбіе, и ему ужасно хотѣлось сѣѣпиться съ графомъ, на котораго онъ и поглядывалъ травленнымъ волкомъ.

— Инночка, подите-ка сюда, говорилъ Кононъ Терентьевичъ:- что вы все съ молодыми людьми! Въ кои-то вѣка разокъ можно и намъ старичкамъ полюбоваться!

Инна сѣла подлѣ него на диванъ.

— Какое вы художественное произведение! продолжалъ онъ, играя ея локонами. — Психея, не правда ли? обратился онъ къ подошедшему Русанову.

Молодые люди быстро переглянулись. Русановъ вспыхнулъ.

— Помните, продолжалъ Горобецъ и задекламировалъ, ударяя на риѣмы:

*О, долго буду я во мракъ ночи
тайной.*

*Коварный шепотъ твой, улыбку,
взоръ случайный,
Твоихъ волосъ густую прядь....*

— Да, будетъ вамъ, дяденька! Вѣдь знаете, такихъ стиховъ желудокъ мой не варить....

— Ахъ, да, по сцѣпленію идей! На васъ жалоба.... Отъ Спортсмана...

— Ахъ, это Аня!... Онъ хочетъ лѣсъ продать; слышите, дяденька, нашъ чудный лѣсъ....

— Что лѣсъ? заговорилъ Авениръ, подходя къ нимъ:- я хочу, дяденька, сахарный заводъ строить; свекловица у васъ превосходная, торфъ заготовленъ; дѣло за деньгами....

— А я ему доказываю, что всѣ заводчики эксплуататоры, перебила Инна.

— И, вы совершенно правы, вмѣшался Бронскій:- какой порядочный человѣкъ станетъ этимъ заниматься? Ужъ лучше о чинахъ думать....

— Нѣтъ-съ, рѣзко замѣтилъ Авениръ:- по моему идеалы водой разводите и того хуже...

— Не надежны заводы-то у насъ, сказалъ

Русановъ.

— То-то и хорошо, говорилъ Авениръ съ разгорѣвшимися глазами:- большіе упали, обанкрутились, и если я съ толкомъ устрою небольшое хозяйство, такъ общее безденежье мнѣ прямой барышъ! Сообразили?

— Вотъ въ такія минуты онъ мнѣ рѣшительно противенъ! отвернулась Инна.

— Нѣтъ, Инночка, онъ дѣло говоритъ, вмѣшался Кононъ Терентьевичъ:- только не надо этому придавать такой важности, совѣтоваль онъ Авениру:- точно ужъ въ этомъ и суть вся; не надо, не надо ограничивать себя ничѣмъ внѣшнимъ... Нравственное и умственное развитіе выше всего!

— А вотъ у меня, дядя, совсѣмъ другой планъ...

— Ну-те, Инночка? любопытствовалъ дядя, продолжая играть ея волосами.

— Я думаю продать все имѣніе, вѣдь оно отсюда верстахъ во ста, и мы никогда тамъ не живемъ; только лѣсъ одинъ оставить, и выстроить подлѣ него большой домъ. У насъ въ городѣ такъ много нищихъ дѣвочекъ... Эта частная благотворительность только пло-

дить ихъ. А тутъ у каждой была бы комната, сытный столъ, простое платье....

— Ну? сказалъ Кононъ Терентьевичъ, выпуская изъ рукъ волосы.

— Ну, я стала бы ходить съ ними въ лѣсъ, учила бы ихъ различать травы, цвѣты; мы бъ ихъ сушили и сбывали въ аптеку...

— Но развѣ это окупится? возражалъ Авенирь.

— Что жъ за бѣда! Положимъ въ годъ пятьсотъ рублей убытку: тратимъ же мы и больше на тряпье... По вечерамъ въ общей залѣ музыка, чтеніе...

— Вѣдь это социализмъ! воскликнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Такъ что же? сказалъ Бронскій и нечаянно взглянулъ на Ишимова.

— Конечно, социализмъ, вскочилъ тотъ сейчасъ же.

— Почему жъ это дурно? обратилась къ нему Инна.

— Потому что... потому... parce que c'est du socialisme enfin!

— А вы-то, дяденька, восторженный поклонникъ Гёте, тоже испугались новаго сло-

ва? S'klingt so wunderbar? Не мерещится ли вамъ баррикада?

— Да, милый мой ученый, ну на что это женщины ботаника, музыка, чтеніе! Лучше бы выучили ихъ шить, стирать, стряпать...

— Voilà, сказалъ Ишимовъ.

— Когда это женщины подрядились вамъ въ чернорабочія, господа? сказала Инна, гордо закидывая голову:- не угодно ли вамъ самимъ попробовать этихъ занятій, мсье Ишимовъ? Стало-быть, всё противъ меня? Никто не скажетъ слова *pro*.

— Я, вступился Русановъ, улыбаясь.

— Ну, вы тутъ не имѣете голоса!

— Вотъ вы и разсердились Инночка, вы меня не понимаете, говорилъ Кононъ Терентьевичъ, — я вѣдь не договариваю послѣдней мысли.

— Потому что ея нѣтъ, дяденька!

— Полноте, господа, говорилъ докторъ съ сладенькою улыбочкой:- охота вамъ поднимать такіе жгучіе вопросы. Я всегда стараюсь сглаживать эти оттънки, примирять враждующія партіи...

— Примиренье — застой, сказалъ

Бронскій.

У Русанова голова начинала застилаться какимъ-то туманомъ отъ этой болтовни. Точно они пузыри мыльные пускаютъ: чей лучше? думалось ему.

— Вѣчно спорять, подошла Юленька, — хоть бы потанцовали. Графъ, составимте кадрили!

— Подъ сухую?

— Вонъ, таман, сыграетъ... Маман!

— И! душечка! Я что если играла, все забыла. Развѣ ужь для графа!

Анна Михайловна сѣда за фортепiano, и стала разбирать старинную "грацію".

— Надо потѣшить панночекъ, говорила Инна, подавая руку Русанову, и становясь противъ графа и Юленька. Авениръ ангажироваль одну изъ дочерей доктора. Ишимовъ сѣдъ въ уголь и надулся. Докторъ, посмѣиваясь надъ нимъ, взялъ другую дочь.

— Молодежь, говорилъ майоръ, подавая Конону Терентьевичу табатерку, — и мы когда-то бывало, въ старину-то, а?

— "Съ тобой, владычица, привыкъ я вспоминать И то чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,

И то чѣмъ нынѣ сталь, подѣ холодомъ годовъ", декламировалъ Кононъ Терентьевичъ.

За ужиномъ шла веселая болтовня; только Ишимовъ злобно мѣрлялъ графа глазами. Много пили. Стали подавать шампанское.

— Спичъ! требовалъ Кононъ Терентьевичъ.

— По всѣмъ правамъ и талантамъ Владиміру Иванычу, смѣялась Инна.

— Господа, сказалъ Русановъ, приподнимаясь съ бокаломъ въ рукахъ:- сегодня 30-е августа, и я предлагаю вамъ тостъ, который встрѣтитъ громкій отзывъ въ вашихъ сердцахъ. Здоровье дорогаго именинника! Здоровье общаго примирителя и освободителя, говорилъ Русановъ съ блистающими глазами и, возвысивъ голосъ, крикнулъ:- Здоровье Государя Императора!

— Ура! дружно подхватили всѣ, вставая съ шумомъ и чокаясь.

Бронскій расхохотался и расплескалъ вино.

— Vive l'adresse! отвѣтила ему Юленька самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Но Авениръ, доливавшій рюмки дамъ, та-

къ и остался съ бутылкой въ рукъ; докторъ за-суетился около Конона Терентьевича и принялся что-то шептать ему; тотъ вдругъ поблѣднѣлъ и машинально что-то повторилъ за нимъ. Майоръ рванулся было къ Бронскому, но Ишимовъ предупредилъ его.

Больше всѣхъ растерялся Русановъ; будто оглушенный, онъ смутно видѣлъ, какъ Анна Михайловна съ улыбкой поднесла графу свой бокаль, какъ Ишимовъ, почти вырвавъ его у ней изъ рукъ, подошелъ къ Бронскому, и рѣзко проговорилъ: "пейте!"

Бронскій презрительно взглянулъ на него и протянулъ руку, отстраняя бокаль.

— Пейте, заговорилъ Ишимовъ медленно и отчетливо, наступая на графа и словно высъкая каждое слово:- пейте, не сходя съ мѣста, или я отмѣчу васъ, какъ....

Бронскій, не помня себя, замахнулся на Акиндина Павловича. Докторъ и Русавомъ бросились между ними, Юлія вскрикнула, Анна Михайловна всплеснула руками, противники злобно глядѣли другъ на друга.

— Сестрица, сестрица, пожалуйста сюда, кричалъ Кононъ Терентьевичъ, какъ-то

незамѣтно очутившійся въ сосѣдней комнатѣ. Онъ охватилъ за руки Анну Михайловну и Юленьку и поспѣшилъ увести. Докторскія дочки послѣдовали за ними. Инна стояла у окна, насмѣшливо поглядывая то на того, то на другаго, и обрывая зубами кружево плотка.

— Господа, крикнулъ Ишимовъ, оборачиваясь къ прочимъ, — кто будетъ моимъ секундантомъ?

— Я, выступилъ Русановъ.

— Я! Я! крикнули Авениръ и докторъ.

— По праву стараго солдата, проговорилъ майоръ, отстраняя ихъ рукою.

— Такъ до свиданія! сказалъ Бронскій, взявъ шляпу.

— Вонъ! раздались голоса.

— Потихе, говорилъ Бронскій, взявши въ углу саблю майора, — иди я не отвѣчаю за себя. — Онъ быстро ушелъ.

— Господа, началъ Русановъ, — изъ благоговѣнія передъ тою особой, которая не можетъ быть оскорблена сумашедшимъ, мы должны сохранить происшедшее въ тайнѣ. Если вы будете убиты, обратился онъ къ Иши-

мову, — я дерусь съ нимъ и, надѣюсь, мной не кончится.

Всѣ молча разѣхались.

— Ну, поздравьте! озлобленно говорилъ Бронскій, входя въ кабинетъ:- таки влопался въ исторію!..

Леонъ вскочилъ изъ-за стола, взглянулъ въ лицо графу, и самъ измѣнился въ лицѣ, а Бронскій ходилъ большими шагами во комнату и рассказывалъ ему исторію.

— Этого нельзя такъ оставить! Дратся, такъ дратся! заключилъ онъ.

Леонъ презрительно тряхнулъ головой.

— Да, вамъ хорошо! Тряхнулъ, да и въ сторону!

— Онъ чортъ знаетъ что здѣсь распустить; скажутъ струсилъ... Тутъ плохія шутки; мнѣ еще на годъ по крайней мѣрѣ нужно общее поклоненіе...

— А что скажутъ наши, коли вы лобъ подставите?

— Вѣдь это и бѣситъ! Чортъ дернулъ пить! Нѣтъ, холопство-то какое! Пьянехонька была компанія, а тутъ и хмѣль куда дѣвался!..

— Вѣдь я говорилъ...

— Ну, что? говорилъ! Чѣмъ это теперь по-можетъ? закричалъ Бронскій внѣ себя:- вѣдь мозгля какая! И пистолета чай въ руки взять не умѣеть...

— Бросьте все, и ѣдемъ завтра въ ночь...

— Ёдемъ-то мы завтра во всякомъ случаѣ, проговорилъ Бронскій, внезапно стихая:- такъ или иначе надо вывернуться. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ жертвовать цѣлою страной какому-нибудь господину Ишимову...

— Помните, графъ, если вы рискнете, вы теряете мое уваженіе!

— А чортъ съ вами и съ уваженіемъ вашимъ; мнѣ и безъ того не легко! Пошлите сейчасъ же за почтовыми, я что-нибудь придумаю.

Леонъ ушелъ, а Бронскій сѣлъ въ кресло, ожесточенно похлестывая хлыстомъ по полу.

— Это непростительно, вскрикивалъ онъ изрѣдка:- до такой степени забыться! До такой степени потерять тактъ!.. E ben trovato!... Вдругъ онъ поднялся съ самодовольною улыбкой:- почему жь ему не остаться въ дуракахъ? Застрялъ же Твардовскій между небомъ и землей?

XVII. Рѣшительный шагъ

На разсвѣтъ Бронскій былъ уже въ губернскомъ городѣ. Остановясь у губернаторскаго дома, онъ послалъ кучера на почтовую станцію переѣхать лошадей и вошелъ въ приемную. Съ нахмуреннымъ лицомъ, не отвѣчая на поклоны чиновниковъ, прошелъ онъ въ кабинетъ губернатора и засталъ его еще въ утреннемъ дезабилье. Генераль просматривалъ какой-то сатирической листокъ.

— А! Вотъ кстати-то! проговорилъ онъ, протягивая руку Бронскому:— поглядите-ка, вѣдь это на меня! Самъ съ усамъ — собственною персоной.

И генераль добродушно смѣялся, показывая графу карриатуру. Тотъ молчалъ.

— Экіе разбойники! Отца роднаго на показъ выставляютъ!... И гдѣ это они мой портретъ откопали? Вѣдь какъ натурально! И лысину изобразили... А это вотъ предсѣдатель говоритъ: "эхъ, ваше превосходительство, какъ вы опростоволосились!" Ха, ха, ха! Простяка какого нашли! Смѣеть мнѣ это сказать предсѣдатель!

— А вотъ же смѣли! замѣтилъ Бронскій.

— Свистуны-то? Пускай ихъ? Что жъ? какой-нибудь тамъ Пальмерстовъ видитъ себя въ *Пуншѣ*, смѣется, а я-то чѣмъ же хуже его... Оно, если хотите, и полезно. Вотъ я сегодня всталъ что-то не въ духъ, а тутъ прочелъ. Ну, и расхохотался.

— Если вы въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, такъ я и мѣшать не стану.

— Что такое? развѣ опять что вышло?

— О, нѣтъ, ничего! отвѣтилъ Бронскій, взявшись за шляпу:- позвольте поблагодарить за лестное вниманіе, которымъ я постоянно у васъ пользовался. Къ величайшему моему прискорбію, я не могу болѣе сохранить его.

— Что съ вами, графъ? Вы взволнованы? Огорчены чѣмъ-то?

— Я долженъ ухъать отсюда ухъать заклеименнымъ, опозореннымъ въ глазахъ общества.

— Вы меня путаете, графъ! Объяснитесь. Вы всегда найдете во мнѣ защиту и... и....

— Противъ общества? Нѣтъ, ваше превосходительство, трудно вамъ будетъ взять мою

сторону противъ цѣлаго общества. Оно сильнѣй васъ.

— Ну-ну-ну! извините! Это еще посмотримъ, какъ оно тамъ.... посмотримъ. "Я ѣду-ѣду не свищу..."

— Нѣтъ, нѣтъ; никогда изъ-за личнаго оскорбленія не стану я противъ....

— Да какже я-то позволю, чтобъ у насъ безнаказанно оскорблялись такіе люди? началъ горячиться губернаторъ.

— Едва ли вы въ состояніи помочь тутъ! ихъ цѣлая партія, они имѣютъ сильное вліяніе.

— Но кто же? Укажите мнѣ ихъ.

— Это недовольные помѣщики, самые отсталые, самые закоснѣлые крѣпостники. Вамъ будетъ доложено о волненіи въ Терешковкѣ. Это они не допустили привести крестьянъ въ повиновеніе, они хотятъ задобрить народъ. Вчера мы сошлись на ужинѣ, вино развязало имъ языкъ... Еслибы вы слышали, ваше превосходительство, что тамъ говорилось!

— Что жъ такое говорилось?

— Ругали правительство, грозили терроро-

мъ. Пили за возвращеніе крѣпостнаго права. Я отказался отъ тоста. Одинъ меня подлецомъ назвалъ, пьянь до положенія ризъ, и лѣзеть съ бокаломъ. Я горячъ, замахнулся на него.... Поднялся гвалтъ. Обвинили меня: въ чемъ бы вы думали? Въ оскорбленіи Величества! Какова наглость? Я, признаюсь, такъ былъ пораженъ, что и оправдываться не сталъ.

— Кто же этотъ господинъ?

— Господинъ Ишимовъ.

— Ишимовъ? Ахъ, онъ.... Пстой же, я ему... Салонный подлипало, блюдолизъ.... А? Скажите на милость....

— Я никогда не прощу себѣ, если вы изъ-за меня потеряете популярность.... ихъ много; тамъ и Русановъ.

— Опять Русановъ? Да что вы толкуете о популярности? На что она мнѣ, эта популярность? Я имъ покажу какъ со мной шутить!

— Мнѣ очень больно, а все приходится ъхать. Честному человѣку оставаться здѣсь невозможно! Борьба слишкомъ неравна.... Я дѣлалъ все что могъ. Но я не донъ-Кихотъ; лѣзть на проломъ противъ общаго потока невозможно. Только поэтому я и прошу ваше

превосходительство не подвергать себя на-
праснымъ оскорбленіямъ.

— Что жь это, графъ? Шутите вы что ли
мною? Кто пойдетъ противъ меня? желалъ
бы я поглядѣть этого молодца.

— Эти люди ни передъ чѣмъ не останавли-
ваются. Для нихъ нѣтъ ничего святаго.

— Да они у меня носу не покажутъ въ об-
щество, проходу имъ не будетъ!

— Это мнѣ проходу-то не будетъ. Я отказал-
ся отъ вызова. Ишимовъ меня на дуэль вызы-
валъ.

— На дуэль? Въ моей губерніи? Mais c'est
un gredin comme il y en a peu!... Въ такомъ слу-
чаѣ, уѣзжайте графъ, уѣзжайте на время, а
этого господина я проучу... Вы и не хлопчите
объ общественномъ мнѣніи; я заставлю ихъ
думать, какъ я хочу... Я докажу имъ, что чест-
ный человѣкъ мараеть себя не отказомъ, а
принятіемъ вызова отъ бездѣльника... Онъ
его на одну доску съ собой ставитъ въ этомъ
разѣ...

— Ваше превосходительство, трудно выра-
зить, до какой степени я тронуть истинно
отеческою заботливостью вашей о

направленіи общественнаго мнѣнія.... Еще разъ благодарю васъ...

Часамъ къ десяти вечера, Бронскій подѣхалъ къ саду Горобцовъ и привязалъ лошадь у плетня. Ночь была темная хотъ глазъ выколи. Онъ пошелъ къ дому; проливной дождь шумно падалъ въ траву; молнія безпрестанно освѣщала тропинку; за вспышками гудѣли отдаленные раскаты. Графъ сталъ стучать въ окно кухни. Немного погодя, оно поднялось, выглянула Горпина.

— Ты, Грицько?

— Это я, моя ластовка, вызови мнѣ панночку. Горпина, не въ первый разъ исправлявшая должность наперсницы, скоро вернулась съ отвѣтомъ, что панночка боится грозы и просятъ графа пріѣхать завтра.

— Скажи ей, коли сейчасъ не выйдетъ, такъ можетъ-быть никогда и не увидимся...

— Та воны совсѣмъ було полягали, треба имъ одягаться, сказала Горпина, захлопнувъ окно.

Графъ отошедъ къ сиреневымъ кустамъ и сталъ глядѣть въ окно Инны. На столѣ

горѣла свѣча; она сама сидѣла въ ночной кофтѣ, облокотясь на бумагу, задумчиво глядя въ темный садъ, вздрагивая и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Лара лизаль ея руку, она не обращала на него вниманія; нѣсколько разъ она брала перо, бросала его, и начинала ходить по комнатѣ. Наконецъ, отворила окно, подышала воздухомъ, очищеннымъ грозою, полюбовалась нѣсколькими молніями, и опять сѣла писать. Бронскій сталъ расхаживать у калитки. Прошло съ четверть часа.

— Что жъ она румянится, что ли, для меня?

Не терпѣлось графу, и онъ опять подошелъ къ окну. На этотъ разъ окошко у Инны было заперто и опущена красная занавѣска; за ней просвѣчиваль огонь и двѣ тѣни. Сквозь не плотно притворенную раму слышался мужской голосъ.

— Дуэль..., послышалось ему. Затѣмъ шопотъ, вѣтеръ, ничего не слышать.

— Онъ здѣсь, говорилъ мужской голосъ, — онъ ничего не.... Такъ ослѣпленъ....

"Что за чортъ!" подумаль графъ: "это голосъ Леона. Такъ вотъ кто ей сказалъ обо мнѣ! Вотъ онъ куда ѣздиль-то по ночамъ! Ну да и

она молодецъ! Какова сила характера, ни разу не проговориться! Мастеръ же онъ выбирать людей! На такую можно положиться!"

— Мнѣ жаль его, заговорила Иана:- онъ такъ сильно привязанъ... — Опять шопоть.

— Можетъ, ты и сама его любишь? раздался мужской голосъ. Дождь забарабанилъ въ стекла и заглушилъ его. Яркая молнія, и рѣзкою дробью прокатился ударъ, отразившись глухимъ гудомъ въ далекѣ.

Хлопнула калитка, и Бронскій пошелъ на встрѣчу Юліи, и указалъ ей на бесѣдку. Та проворно пробѣжала тропинку и бросилась въ раскрытыя объятія Бронскаго.

— Ъдемъ, говорилъ онъ, прижимая ее къ груди, — Ъдемъ, собирайся.

— Куда? Что съ тобой?

— Туда, туда, гдѣ жизнь, борьба, гроза, шутиливо говорилъ онъ, награждая ее съ каждымъ словомъ поцѣлуемъ, — самая страшная гроза! передъ ней всѣ грозы небесныя ничто!

— Да, полно же, что съ тобой?

— Со мной? Полно скрывать! Я тебѣ вѣрю; вѣрю, что я тебѣ дороже всего на свѣтѣ.... не графъ я; это титулъ предковъ,

гниль, я его презираю....

Молнія кинула краснымъ свѣтомъ въ лицо Бронскаго и сверкнула въ черныхъ глазахъ.

— Владя! я боюсь тебя.

— Ничего, это гроза.... Я нервень. Слушай, скоро можетъ-быть я стану изгнанникомъ, голова моя будетъ оцѣнена.... Тебѣ вѣдь это все равно? Тебѣ, я все-таки....

— Я не пущу тебя.

— Вотъ-те на! Мы ѣдемъ вмѣстѣ, сейчасъ же. Мой кабриолетъ тамъ....

— Зачѣмъ же ты обмануль меня? Грѣхъ тебѣ....

— Да, пойми, нельзя же мнѣ оставаться.

Она была такъ поражена, что только проговорила:- Пожалѣй меня!

— Такъ это-то твоя любовь?

Бронскій толкнуль ее, рвануль дверь бесѣдки, такъ что она слетѣла съ ржавыхъ петель, и пошелъ.

— Владя, проговорила Юлія со слезами въ голосъ: — это ужасно! Минуту!

— Поди прочь, гербовая любовница!

— Честь моя! крикнула она въ отчаяніи, закрывая лицо руками.

— Ничего, не краснѣйте, въ потемкахъ не видать! презрительно сказалъ Бронскій:- а впередъ урокъ, не ловить жениховъ героическими средствами.

Онъ зашагалъ по саду; она ухватилась за его плащъ и бѣжала рядомъ съ нимъ, повторяя слабымъ голосомъ его имя. Добѣжавъ до плетня, онъ сбросилъ плащъ, прыгнулъ черезъ плетень и отвязалъ лошадь.

— Владиславъ, крикнула она, едва держась на ногахъ и протягивая къ нему руки:- ради Бога!

Голосъ ея оборвался рыданіями, она опустилась на колѣна.

Бронскій ударилъ по лошади и уѣхалъ.

Съ минуту она ничего не понимала, слезы застилали глаза, а она все смотрѣла въ темноту....

"За что же? За что?" ныло у ней въ головѣ: "за что онъ меня бросалъ?" Горловая спазма стѣснила ей дыханіе, она опустилась на сырую траву, и громко, истерически хохотала. Испуганная цапля съ пронзительнымъ крикомъ вылетѣла изъ камышей, галки отозвались въ роцѣ тревожною перекличкой.

Она оглядѣлась: кругомъ темно, куда и страхъ дѣвался? Логика отчаянія овладѣла ею; она вообразила, что Бронскій пошутилъ съ ней, что онъ гдѣ-нибудь притаился въ кустахъ и ждетъ.

— Владя! кричала она;— Владя! Будетъ! Я больше не боюсь!

Мертвая тишина стояла въ воздухѣ; только фосфорическая молнія трепетала въ синей тучѣ....

XVIII. Инна

Весь этотъ день Русановъ провелъ въ тревогѣ, ожидая вѣстей отъ Ишимова. Ночь ему не спалось; насилу дождавшись утра, онъ велѣлъ запречь бѣговыя дрожки и погналъ къ Горобцамъ; версты казались ему десятками верстъ, сомнѣніе смѣнялось надеждою, являлось недоброе предчувствіе — онъ спѣшилъ себя утѣшить, приписывая его дурно проведенной ночи; рисовались ему пламенные картины свиданія, и тотчасъ отзывалось пугающее воспоминаніе о странномъ поведеніи Инны наканунѣ. Измученный нравственною пыткой, въѣхалъ онъ на ху-

торъ.

Тутъ онъ встрѣтилъ Грицька, несшаго съ пруду ведра и суконный плащъ. Русановъ нагнулъ одно ведро, и жадно напившись холодной воды, вошелъ въ комнаты. Все пусто; въ залъ, въ гостиной никого. Въ дальнихъ комнатахъ слышалась какая-то возня, тревожные голоса. Сердце у него сжалось отъ знакомаго чувства: онъ вспомнилъ, что также пришелъ съ лекціи въ тотъ день какъ умеръ его отецъ. Машинально отворилъ онъ дверь въ Иннину комнату и прислонился къ притолкѣ, съ мутнымъ взглядомъ. Все въ комнатѣ перерыто, пораскидано, ящики комода выдвинуты. На несмятой постели сидѣла Анна Михайловна въ слезахъ. Юлія видимо старалась бодриться. Авениръ и того не дѣлалъ, онъ былъ убитъ на поваль.

— Уѣхала, едва выговорилъ онъ, взявъ Русанова за руку.

— Кто уѣхала? спрашивалъ тотъ дрожащимъ голосомъ.

— Иннушка, жаловалась Анна Михайловна, закрываясь платкомъ:- кинула насъ! Богъ ей судья! Прихожу я сегодня сюда, а ея ужъ и

слѣдъ простыль.

— Какъ вы блѣдны! сказала Юлія:- Я вамъ сейчасъ чаю сдѣлаю.

— Да... я.... графъ.... дуэль.... — Русановъ самъ не понималъ что говорить, и только отдернулъ ногу, почувствовавъ каблучокъ ботинки.

А Грицько хвастался передъ Горпиной находкой, сообщая ей, что ночью вмѣстѣ съ дождемъ падали свитки. Горпина сказала ему дурня и стала доказывать, что еслибы свитки падали съ хуторской тучи, то и былибъ якъ у людей, а якъ вона паньска, та ще нѣміцка, то и была занесена издалека вѣтромъ. Спорящіе скоро помирились на томъ, что свитку къ предстоящей свадьбѣ надо передѣлать, и пошли на зовъ Анны Михайловны.

— А, вотъ вы! Сказывайте: куда панночку дѣли? напустилась Анна Михайловна.

— Яку панночку? Ось вона! указывала Горпина на Юлію

— Не ту, другую....

— Чижъ її нема? схватился Грицько.

— Нема, отвѣчалъ Авенирьъ.

— Се ново й було, сообщалъ Грицько, глядя

на Горпину.

— Что жь такое було? Мурло твое поганое! кричала Анна Михайловна.

— Та тилько полягаль я спаты, ажъ чую, панночка до комоду пошла, и уже гомонить, гомонить, та щось перебирае... Отъ гадаю, що се таке? Отъ такъ бы и побачивъ що се таке... Та лънь встаты...

— Ну?

— Отъ тилько чую... Скрышь, скрышь, скрышь, вже записала... Що вона робить, гадаю, чомъ їй не спитца? Отъ такъ бы и вскочивъ, такъ бы и побъжавъ, та побачивъ.

— Дуракъ! крикнулъ Авенирь.

— Ажъ чую, челомкаются: "Прощайте панночка, бувайте здоровы! — Прощавай Горпино! прощавай моя ясочка."

— Такъ это ты собирала ее? вскрикнула Анна Михайловна.

— Та брешеть винъ, говорила смущенная Горпина, глядя на Грицька.

— А може и поравды пригрезилось; только чую.... Трррр... Поѣхали. Якъ були бь крылля, такъ и полетѣвъ бы, побачить, куды поѣхали.... Та лънь встаты; эге, гадаю, вони

мини писулечки оставили, може такъ и тре-
ба.

— Письма? Вскрикнулъ Русановъ, гдѣ жъ
они?

— Та я ихъ, якъ снѣдать ходивъ, то у бать-
ки и забувъ....

— Да иди, чортъ! толкнулъ его Авениръ.

Послали Грицька, а сами сидятъ, какъ по-
терянныя. Вдругъ Авениръ озадачиваетъ
всѣхъ вопросомъ: — А гдѣ жъ Инночка?

— Да вѣдь никогда не придутъ вовремя.
Какъ чай, какъ обѣдъ, такъ и дѣло.... начала
было Анна Михайловна. — Тѣфу! Никакъ я
очумѣла!

Юлія ушла къ себѣ въ комнату. Она не въ
силахъ была дольше крѣпиться. Авениръ сло-
нялся изъ угла въ уголь, наводя на всѣхъ еще
пущее уныніе. Онъ подошелъ къ фортепіано
и сталъ набирать однимъ пальцемъ Шопе-
новскую мазурку; вышло что-то въ родѣ похор-
оннаго марша. Наконецъ явился Грицько,
подалъ ему два немилосердо замасленные
письма и пояснилъ:— Ось вамъ писулечки.

— Это къ вамъ, сказалъ Авениръ, входя въ
залу и отдавая Русанову одно, а это мнѣ....

Русановъ, срывая печать, чувствовалъ возвращавшіяся силы. Съ первыхъ строкъ онъ снова упалъ духомъ.

"Еслибъ я хотѣла рисоваться, я бы начала такъ: Въ то время, какъ вы будете читать это письмо и т. д. — форма извѣстная. Будемъ говорить просто: я васъ узнала поздно, вы меня совсѣмъ не знаете. Я пробовала выльчить васъ, даже безстыдно налгала на себя... Едва вы сказали первое слово любви, едва я поглядѣла вамъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упорныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь. Вотъ отчего я позавидовала на минуту той женщинѣ, которая могла бы дать вамъ счастье, вполне васъ достойное. Чѣмъ больше мы съ вами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы превосходный человекъ, и, — да, Владиміръ, мнѣ это очень тяжело писать, — что намъ не понять другъ друга. Пожертвовать собою? Обмануть васъ? Я испугалась самой себя и убѣжала, какъ преступникъ замышлявшій убійство. Да какое еще убійство! — медленнымъ, непримѣтнымъ ядомъ. Я не способна къ тихой, семейной жизни. Меня тяготитъ всякая

забота о насущномъ. Это не остановило бы, еслибъ я могла вамъ отвѣтить такую же любовь. Знайте же все: тамъ, въ саду, я готова была уступить вамъ; но послѣ я бросила бы васъ при первой размолвкѣ и можетъ-быть отравила бы вамъ жизнь. А размолвки были бы непременно. Вы первый человѣкъ и не изъ нашихъ, и не похожій на другихъ; но все жъ мы идемъ разными дорогами! У васъ много связей со старымъ. Мы воздухоплаватели, говорилъ покойный отецъ мой, шаръ вашъ опустился ночью въ темномъ лѣсу. Мы видимъ, что оставаться тутъ нельзя, а дороги не знаемъ. Вдали брежжетъ огонекъ — это можетъ-быть пастухи въ ночномъ, можетъ-быть избушка лѣсника, а можетъ-быть разбойничій притонъ. Намъ надо идти туда, очертя голову, чтобы не умереть съ голоду и холоду. Кто въ свѣтлой области, протяни намъ руку, а не издѣвайся надъ нищими духомъ. Леонъ везетъ меня туда, гдѣ мнѣ видится слабый проблескъ зари. Прощайте, забудьте меня; вамъ еще возможно это. На первыхъ порахъ утѣшьте тѣмъ, что я связана клятвой и никого не могу любить.*

Русановъ поднялъ голову, странная усмѣшка скривила ему губы. Горобцы о чемъ-то перешептывались.

— Кто такой Леонъ? спросилъ Русановъ.

— Вотъ, посмотрите, что жъ это? Съ ума надо сойти! говорила Анна Михайловна, подавая ему записочку. Въ ней было всего нѣсколько строкъ:

"Любезный братъ! Не безпокойся объ участи Инны. Она будетъ счастлива по своему. Распоряжайся имѣніемъ; она вышлетъ тебѣ полную довѣренность. Левъ Горобецъ."

— Лошадь! говорилъ Русановъ:- велите мнѣ осѣдлатъ лошадь!

— Куда вы поѣдете. Поглядите вы на себя, говорила Анна Михайловна.

— Время бѣжить, умолялъ Русановъ:- ее надо спасти.... Это вѣдь ребячество! это Богъ знаетъ что! Я можетъ-быть застану ее на станціи....

— Да вы на дороги свалитесь, убѣждалъ Авениръ.

— Я совершенно здоровъ, сказалъ Русановъ, и побѣжалъ въ конюшню.

— Что жъ она ему пишетъ? всхлопоталась

Анна Михайловна:- отговори ты его, Аничка, нельзя ему ъхать!..

Они всѣ пошли за нимъ.

Русановъ съ Грицькомъ въ четыре руки сѣдлали лучшую лошадь.

— Пожалѣйте вы хоть себя-то! взмолилась Анна Михайловна.

— Анна Михайловна, намъ за нее придется отвѣтъ дать, рѣзко сказалъ Русановъ и поскакалъ.

Лошадь почти вытянулась въ струнку, а онъ все колотилъ ей бока каблуками. Одинъ за другимъ оставались позади его хутора, забѣлѣлись колокольни города, у лошади начала брякать селезенка, она поминутно опускала голову на грудь, отфыркиваясь изъ всей силы. Застучали подковы по мостовой: лошадь съ разбѣгу остановилась на дворѣ почтовой станціи.

— Кто у васъ проѣзжалъ? Есть ли кто-нибудь на станціи? спрашивалъ Русановъ, вбѣгая къ смотрителю.

— Никого нѣтъ-съ. Часу во второмъ этакъ ночью, его сѣятельство изволили проѣхать...

— Какой сѣтельство?

— Графъ Бронскій съ будущими, пожилой господинъ и дама, говорилъ смотритель, — молоденькая такая.

— Брюнетка? Высокая? Въ черномъ?

— Точно такъ-съ; вотъ извольте подорожную взглянуть, говорилъ смотритель, открывая книгу.

Подорожная была прописана въ Варшаву.

Долго не могъ придумать майоръ, что бы такое приключилось племяннику. Отъ Ишимова тоже не присылали. Чего добраго, не стрѣляются ли они; да, нѣтъ, они бы увѣломили его. Проснувшись поутру, первое чѣмъ встрѣтилъ онъ Стеху: "а что Володя поздно пріѣхалъ?" "Не ночували," отвѣтила та. Майоръ сталъ беспокоиться; вотъ пріѣдетъ, вотъ пріѣдетъ, думалъ онъ, откладывая розыски съ часу на часъ; такъ и другая ночь пришла. Онъ плотно поужиналъ, рѣшившись завтра поутру, какъ онъ выражался, сдѣлать рекогносцировку, и заснулъ; въ самомъ сладкомъ снѣ почувился ему стукъ въ дверь. "Какого тамъ лѣшаго носить!" подумалъ онъ, поворачиваясь на другой бокъ;

стукъ въ дверь усилился; кукушка, на стѣнныхъ часахъ, крикнула три раза.

— Вишь и спать не даютъ, проговорилъ онъ, зѣвая и отыскивая разбросанныя туфли и накидывая халатъ.

Въ дверь застучали такъ, какъ будто хотѣли разрушить до основанія жилище мирнаго гражданина.

— Иду, иду, говорилъ онъ, подходя къ двери со свѣчой въ рукѣ, отворилъ, и тотчасъ пятился въ испугѣ. Передъ крыльцомъ лежало что-то большое, черное, и страшно храпѣло. Прикрывъ глаза рукою, онъ разглядѣлъ палую лошадь и племянника, блѣднаго, всего въ грязи; онъ трясся всѣмъ тѣломъ и не могъ попасть зубъ на зубъ.

— Вотъ-те оказія! проговорилъ майоръ.

— Воды, дайте воды! хрипло говорилъ Русановъ, опускаясь на диванъ.

Майоръ испугался окончательно и побѣжалъ за водой; а Русановъ, чувствуя нестерпимый жаръ, рвалъ съ себя платье и бросалъ на подъ. Голова у него качалась, будто въ нее налили растопленнаго свинцу; мысли метались какъ испуганный птичникъ;

онъ тяжело дышалъ и безсмысленно глядѣлъ
впередъ; вдругъ, вспомнивъ о письмѣ, отыс-
калъ его въ сюртукѣ: буквы скакали въ ка-
кой-то чертовской сарабандѣ, онъ попалъ гла-
зами въ конецъ письма... "Ложь," крикнулъ
онъ, "отвратительная ложь!"

(До слѣд. No.) [2]

Часть вторая НА РАСПУТЬИ

I. Советъ педагоговъ

Замѣчательно-смѣшно велъ себя Коля въ слѣдственной комиссіи. Онъ самоувѣренно вошелъ въ присутствіе и свысока поглядѣлъ на сидѣвшихъ на столѣ. На приглашеніе одного изъ членовъ снять фуражку, онъ дерзко пожелалъ знать, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить....

— Я - дворянскій засѣдатель, отвѣчалъ тотъ.

— Кескесе засѣдатель? возразилъ агитаторъ: — намъ не нужно чиновниковъ, вамъ нужны выборные люди.

— Вотъ я къ вашимъ. Услугамъ и выбранъ отъ лица всего дворянства.

— Кескесе дворянство? Намъ не нужно этого гнилаго сословія...

— Я давно вяжу, что вамъ собственно ничего не нужно, перебилъ его исправникъ, при общемъ смѣхѣ: - но такъ какъ вы вообража-

ете, что явились сюда на парламентскія пренія, такъ позвольте вывести васъ изъ заблужденія....

— Ваши парламенты переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, не хуже слѣдователей съ исправниками, горячился Коля.

Судебный слѣдователь замѣтилъ ему, что онъ подобными выходками можетъ серьезно компрометтировать себя....

— Вотъ еще компрометтировать! перебилъ неутомонный нигилистъ:- не думаете ли вы, что я васъ боюсь? За меня все общество!

Члены окончательно не могли удержаться отъ смѣха. Исправникъ отвелъ Горобца къ окну и началъ увѣщевать.

— Счастье ваше, что формальнаго показанія отъ васъ еще не требовали... Ну что еслибы ваши олова занесли въ протоколъ! Не хотите-ли вотъ заглянуть въ законы?

— Да на что мнѣ ваши законы? теперь не то время... теперь надо разрушать своды, а не опираться на нихъ. Законъ только стѣсняетъ личность, говорилъ Коля, впрочемъ замѣтно спадая съ тона.

— Что вы заварили эту кашу во молодо-

сти лѣтъ и глупости, это не подлежитъ сомнѣнію. Но неужели же вы не видите, что вамъ помогаютъ оправдаться? Знаете ли вы что съ вами будетъ, если васъ уличать въ подученіи крестьянъ?

Кодя ничего не возражалъ и стоялъ, потупивъ голову; что-то непріятно съезживалось въ немъ....

— Такъ лучше ужъ распишитесь въ глупости-то, продолжалъ исправникъ, подводя его къ столу и, подавая листъ бумаги.

Опять что то шевельнулось въ Колѣ; онъ смутно сознавалъ, будто что-то не хорошее дѣлаетъ; но все-таки далъ подъ диктовку исправника довольно безграмотное показаніе о томъ, что и не думалъ волновать крестьянъ, а такъ себѣ, шелъ мимо, и просто остановился потолковать...

— Теперь можете идти! сказалъ слѣлователь.

— Это насиліе, ворчалъ гимназистъ, можно все заставить писать штыками!

— Вы сперва перомъ-то выучитесь, а то вонъ вы написали митежъ, вмѣсто мятежа, сказалъ засѣдатель.

Ѓдучи съ исправникомъ въ городъ, Коля всю дорогу поглядывалъ на него, словно собираясь вступить въ разговоръ; но тотъ упорно глядѣлъ на свою сторону, занятый своими мыслями.

Дѣло въ томъ, что Горобцу очень хотѣлось попросить исправника не рассказывать его продѣлки инспектору; а самолюбіе не допускало унизиться до просьбы. Станція миновала за станціей, а онъ нее не могъ рѣшиться; осталось верстъ десять до города; Коля, скрѣпя сердце, рѣшился попробовать...

— Я думаю совершенно измѣнить образъ жизни, хватилъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Что такъ? возразилъ исправникъ, улыбаясь.

— Да что жъ, помилуйте! желаешь всѣмъ добра, хочешь просвѣтить, и ни въ комъ не находишь сочувствія...

— А вы желайте какъ-нибудь иначе, можетъ и похвалятъ.

— Вотъ теперь и отъ инспектора гонка будутъ! Лучше не жить!

Исправникъ окончательно успокоилъ его, сказавъ, что въ надеждѣ на его

исправленіе, ни слова не окажетъ инспектору. Въ гимназіи Колю тотчасъ обступили товарищи.

— Новый инспекторъ! раздавались голоса.

— Кто такой? опрашивалъ Горобецъ, едва успѣвая отвѣчать на щипки и подзатыльники.

— Разгоняевъ, писатель, башка, прогрессистъ, слышалось вокругъ; — надо сразу его озадачить, проучить! Асаже!

Всѣ благія намѣренія Горобца разлетѣлись прахомъ.

— Полно вамъ съ глупостями, господа, важно говорилъ Горобецъ:— теперь есть дѣла поважнѣй; меня чуть не арестовали. Бумаги отобрали...

Отобранныя бумаги заключались въ увольнительномъ билетѣ на вакацію.

— О! о! молодецъ. Герой! шумѣли гимназисты.

— *Ruhig, stehen sie ruhig*, кричалъ надзиратель.

Михаиль Петровичъ Разгоняевъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, писалъ статьи о воспитаніи въ какомъ-то

спеціальному журналу. Правительственныя лица обратили вниманіе на даровитаго публициста-педагога; дали ему сначала гдѣ-то мѣсто учителя въ одной изъ столичныхъ гимназій, а затѣмъ, удовлетворивъ принципу постепенности въ служебной іерархіи, перевели его инспекторомъ въ провинцію. Его старались заманить обѣщаніями скорого повышенія, польстили самолюбію, представивъ умильную картину самоотверженія на пользу отечественнаго образованія.

Къ удивленію сослуживцевъ, онъ, не колеблясь, согласился ѣхать въ глушь.

Приѣхавъ на мѣсто назначенія, онъ на другой день пригласилъ всѣхъ учителей и надзирателей собраться къ нему вечеромъ на чашку чаю.

За учителями особыхъ примѣтъ не водилось; лица носили типическій отпечатокъ школьнаго педантизма; у нѣкоторыхъ бакенбарды были, по остроумному выраженію учителя русскаго языка, 84-й пробы. Человѣка два терпѣлись только потому что имъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до полнаго пенсіона. Все это были люди довольно бездарные; самые

добросовѣстные ограничивались небольшими рукописными добавленіями къ учебнику. Тѣмъ рѣзче выдѣлялись изъ нихъ двое молодыхъ людей, недавно кончившихъ курсы, учителя всеобщей исторіи и математики.

Надзиратели отличались болѣе врожденными склонностями нежели культурой. Одинъ изъ нихъ, очень пожилой человѣкъ, страстно любилъ гусиные бои, и почти все жалованье тратилъ на свою охоту. Къ должности же относился, какъ къ средству покупать гусаковъ.

Другой изъ Нѣмцевъ выдавалъ себя за доктора философіи, только по-русски разумѣлъ весьма плохо, и объяснялся съ воспитанниками посредствомъ ручнаго словаря Ольдекопа.

У француза Сосе были очень хорошіе фуляры.

Былъ еще одинъ надзиратель, который не принималъ почти никакого участія въ дѣлахъ заведенія; вставалъ за два часа до начала классовъ и, какъ онъ выражался, цапалъ стакашку; потомъ шелъ въ гимназію, и, отдежуривъ свое, отправлялся домой. Онъ

жилъ очень близко отъ мѣста служенія, но попадалъ домой только къ шести часамъ вечера: въ городѣ было до пятнадцати увеселительно-питейныхъ заведеній, какъ-то: погребковъ, распивочныхъ, ведерныхъ и проч. Онъ входилъ въ ближайшій по дорогѣ, цапаль стакашку, и закусивъ огурцомъ, отправлялся къ слѣдующему. Тамъ та же исторія съ рѣдечкой на закуску и такъ далѣе вплоть до квартиры. Пообѣдавъ, задавалъ *храповицкаго* до ужина, который состоялъ изъ различныхъ солений, моченій, сушеній собственного приготовленія на цѣлый годъ. За тѣмъ по утру, цапнувъ стакашку и закусивъ фіялковымъ корнемъ, гвоздичкой и жженымъ кофе, отправлялся въ гимназію, и такъ далѣе. Въ воскресенье, онъ съ самаго утра начиналъ свои походы и оканчивалъ ихъ въ полпивной полдюжиною бутылокъ пива. Никого къ себѣ не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ. Это былъ тотъ горбунъ, учитель музыки, котораго жена бросила и который къ вечеру обыкновенно *не годится*. Онъ совершенно запрятался межъ прочими и надѣялся, какъ-нибудь, не попасть на глаза новому на-

чальнику.

Наконецъ вышелъ новый начальникъ, въ сѣренькомъ сюртучкѣ, съ сигарой въ зубахъ. Начались рукожатія.

— Мнѣ очень совѣстно, господа, что я надѣлалъ вамъ такихъ хлопотъ.

Всѣ улыбались, всякій старался сказать что-нибудь пріятное новому начальнику.

— Милости просимъ, сказалъ Разгоняевъ, указывая на кабинетъ. Всѣ гурьбой пошли за нимъ. — Пожалуста, господа, безъ церемоніи, размѣщайтесь, продолжалъ онъ, подвигая кресла. — Я васъ просилъ, господа, собственно для того, чтобъ уговориться насчетъ образа дѣйствій, торопливо заговорилъ онъ нѣсколько офиціальнымъ тономъ, потирая руки: — правительство, господа, находитъ неудовлетворительною систему преподаванія и воспитанія; оно облекло меня довѣренностью на улучшение ввѣреннаго мнѣ заведенія. Я надѣюсь, господа, встрѣтитъ въ васъ ревностныхъ помощниковъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ образованіе будущихъ...

Послышалось разомъ нѣсколько отвѣтовъ; инспекторъ могъ разобрать: — Мы готовы...

по мѣръ силъ...

— Я, господа, здѣсь человекъ новый, продолжалъ Разгоняевъ, обращаясь къ старшимъ;— вамъ болѣе знакомы потребности заведенія, я я желалъ бы слышать мнѣніе людей опытныхъ... Какихъ принциповъ вы намѣрены держаться?

Послѣдовало неловкое молчаніе; кто сморкался, кто кашлялъ. Нѣмецъ сталъ рыться въ словарь.

— Надо усилить дисциплину, коротко сказалъ одинъ изъ учителей.

— Это такъ-съ, вмѣшался любитель гусей:— мальчишки у насъ до нельзя распущены, и все такой народъ — аховый!

— То-есть какъ же это?

— У насъ вѣдь всякій сбродъ; кто съ борку, кто съ сосенки.

— Но, хорошо, перебилъ Разгоняевъ, болѣе и болѣе приходя въ изумленіе:— какими же мѣрами поддерживать дисциплину....

Нѣмецъ что-то пробормоталъ.

— Какъ-съ?

— Нужно... розга, проговорилъ тотъ.

— Да-съ, да-съ, заговорили всѣ, словно об-

радовались, что вот наконец и до главного-то дошло:- мы всё хотѣли васъ объ этомъ просить...

— Это и ваше мнѣніе? обратился онъ къ молодому учителю математики, сначала слушавшему со вниманіемъ, а потомъ заглядѣвшемуся на шкафы съ книгами.

— Я полагаю, началъ молодой человекъ съ уклончивою улыбкой, — что упадокъ дисциплины происходитъ отъ разныхъ причинъ, которыя можно узнать всего лучше на дѣлѣ...

Прочіе всё переглянулись при такой дерзости, но къ удивленію ихъ, Разгоняевъ еще съ большею любезностью заговорилъ съ невѣжей.

— Вы стало-быть полагаете, что причина лежитъ не въ самихъ ученикахъ?

— И это я полагаю, отвѣтилъ тотъ съ тою же улыбкой. Прочіе стали на него коситься.

— Все это можно рассказывать, вмѣшался учитель русской грамматики, — я знаю только то, что въ классѣ невозможно объяснять урока, шумъ, гамъ, драки... Это отчего по вашему?

— Можетъ-быть это оттого, возразилъ мо-

лодой человекъ, — что у васъ во время класса учительская и надзирательская обязанности соединяются въ одномъ лицѣ. По неволѣ не знаешь что дѣлать; не то — излагать предметъ, не то — смотрѣть за порядкомъ; начинаешь замѣчать шалуновъ, время теряется; отвернулся къ доскѣ — тамъ ужъ и въ шашки играютъ, и ухо кому-нибудь откусили, и на головѣ кто-нибудь стоитъ... Можетъ-быть еслибы въ классѣ сидѣлъ надзиратель пошло бы лучше.

— Нишево эта не нужно.... Нужно розга, категорически объяснилъ Нѣмецъ.

Учитель исторіи ничего не говорилъ и только всматривался въ инспектора.

— Надо, надо усилить дисциплину, раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Разгоняевъ всталъ.

— Я попрошу васъ, господа, составить мнѣ небольшія записочки что кто изъ васъ найдетъ нужнымъ; а пока обходитесь, господа, съ воспитанниками, какъ можно мягче, и обо всякомъ наказаніи представляйте мнѣ немедленно....

Затѣмъ инспекторъ перешелъ къ

распредѣленію уроковъ и прочимъ мелочамъ, угостилъ сослуживцевъ чаемъ и отпустилъ съ миромъ.

— Господинъ Тонинъ! сказалъ Разгоняевъ, останавливая учителя математики на пару словъ. — Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами; я, признаюсь, просто пораженъ всѣмъ что слышалъ.... Я прошу васъ указать мнѣ причины....

— Нѣтъ, если я при всѣхъ не сказалъ, такъ съ глазу на глазъ увольте.... Да это и совершенно бесполезно, вы сами увидите.

— Но по крайней мѣрѣ вы увѣрены, что на воспитанниковъ можно дѣйствовать убѣжденіемъ?

— Совершенно, отвѣтилъ Тонинъ, раскланиваясь.

— Отдѣлались! говорилъ Бирюлевъ, выходя съ прочими: а каковъ Тонинъ-то, сразу раскусилъ, съ какой стороны подѣхать! Знаемъ мы эти кроткія мѣры. Этакъ и часу спокойнаго не будетъ на дню!

— Что говорить! согласился учитель исторіи:- я совѣтую вамъ, господа, не давать потачки Тонину. Что за выскочка такая!

Очень приятно имѣть шпіона въ нашемъ семейномъ кружкѣ!

Никто изъ нихъ не чаялъ того что случилось въ ту же ночь. Новый инспекторъ неслышными шагами пробрался къ дортуарамъ и въ непритворенную дверь увидалъ прелюбопытную сцену. Воспитанники спокойно лежали въ койкахъ, но посреди спящихъ играла табатерка съ музыкой. Надзиратель Нѣмецъ, въ ночномъ колпакѣ, съ словаремъ подъ мышкой, расхаживалъ по рядамъ коекъ и наклонялъ голову къ той постели, гдѣ чудилась ему музыка; звуки тотчасъ отзывались на другомъ концѣ спальни. Очевидно, табатерка ходила по рукамъ.

Нѣмецъ сталъ посреди комнаты, пожалъ плечами и трагически произнесъ:

— Пхе! Ни понимаааа-ю!

Воспитанники вскочили съ хохотомъ, плясали на кроватяхъ, высовывали ему языки....

— Шпекъ дубина! раздавались голоса.

Нѣмецъ подошелъ къ ночнику и порывшись въ словарь, произнесъ на распѣвъ:

— Пхе! Какой прикрасній словъ!

— Вотъ мы тебя выпоремъ!

— Будимъ позмодриль, кого прежде!

— Смотри! Смотри!

— Пхе! каки мили дѣти!

Новый инспекторъ, стоя за дверью, едва самъ удерживался отъ смѣха. Надо же было узнать достовѣрно, какъ вывернется Нѣмецъ, и можетъ ли онъ оставаться надзирателемъ напредки.

Прошло нѣсколько времени, воспитанники успокоились. Нѣмецъ задремалъ въ креслѣ. Вдругъ какая-то шельма кличетъ:

— Карлъ Иванычъ! Карлъ Иванычъ!

— Was ist's? Спрашиваетъ тотъ въ просонкахъ.

— Ein Teufel! Чортъ! кричитъ гимназистъ.

— И гдѣ онъ? вскакиваетъ Нѣмецъ.

— Въ шкапу, въ шкапу, раздаются голоса: мы сами видѣли, въ шкапъ полѣзъ.

Нѣмецъ, въ сопровожденіи гимназистовъ, храбро направляется къ шкафу. Herr Speck вовсе не вѣрилъ въ возможность явленія духа зла въ храмъ просвѣщенія, но, какъ нѣмецкій систематикъ, хотѣлъ наглядно убѣдить воспитанниковъ.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! За шинели прячет-

ся! Едва Нѣмецъ вступаетъ въ шкафъ, его запираютъ на ключъ и поднимаются завыванья. Инспекторъ входитъ съ суровымъ лицомъ; все утихаетъ.

— Кто сію минуту не ляжетъ въ постель, тотъ плохо зарекомендуетъ себя на первыхъ порахъ, говоритъ инспекторъ, освобождая заключеннаго. Пристыженные воспитанники окончательно стихаютъ.

— Schwernoth! говоритъ Нѣмецъ:- ich will keinen einzigen Tag mehr dienen!

— Самое лучшее, лаконически отвѣчаетъ инспекторъ, отправляясь въ старшее отдѣленіе. Тамъ все спокойно. На всю комнату храпитъ горбатый; нѣсколько коекъ пусты.

— Что это значитъ? говоритъ инспекторъ, расталкивая надзирателя.

— Марья Ивановна, душенька, отвѣчаетъ тотъ, — цапнемъ.

Инспекторъ болѣе не тревожитъ его. Онъ идетъ тихими шагами по корридору. Поднимать шумъ изъ-за того, что воспитанники уходятъ куда-то по ночамъ, нѣтъ никакой надобности; ушли — значитъ не въ первый разъ; вернутся — тамъ видно будетъ что

дѣлать. Болѣе серіозныя мысли занимають педагога.

"Гдѣ же взять людей? Гдѣ ихъ взять? думаетъ онъ, ходя изъ угла въ уголъ по своему кабинету. — Негдѣ взять, рѣшаетъ онъ къ утру. — А если есть, такъ на это жалованье не пойдутъ."

Инспекторъ рѣшился дожидаться возвращенія заблудшихъ питомцевъ и всю ночь просидѣлъ у окна. Наконецъ, часу въ четвертомъ, показались на дворѣ нѣсколько гимназистовъ. Онъ накинулъ шинель и встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ.

Произошло небольшое смятеніе.

— Гдѣ жъ это вы были, господа?

— Мы надѣемся, господинъ инспекторъ, что вы не станете оспаривать права учениковъ старшаго класса отлучиться безъ спроса изъ заведенія, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Не надѣйтесь. Позвольте, что это такое? продолжалъ Разгоняевъ, взявъ у одного толстую кипу бумаги.

Смятеніе стало общимъ. Въ кипѣ оказалось листовъ сто литографированнаго журнала съ возмутительными стихотвореніями и паскви-

ЛЯМИ....

— Такъ какже, господа?

Попавшіеся стояли опустивъ голову.

— Ну-съ, это мы разберемъ! Я никогда не могу допустить мысли, чтобы вы сами, безъ посторонняго вліянія, рѣшились на такую мерзость. Ступайте!

II. Учебные предметы

Директоръ гимназіи былъ маленькій, ще-душный человекъ, совершенно поглощенный хлопотами по хозяйственной части. Все вліяніе его на ходъ преподаванія ограничивалось тѣмъ, что передъ вакаціей и зимними праздниками онъ напутствовалъ своихъ питомцевъ рѣчами въ родѣ слѣдующихъ: "Ну, вотъ *ваканція* пришла! На травку! на травку!" Или: "теперь на Рождествѣ много времени! Тетрадочки приведите въ порядокъ, тетрадочки; поля оставляйте побольше." Къ выслушанію сихъ спичей воспитанники собирались въ рекреационную залу и строились въ три шеренги. Надъ спичами смѣялись даже въ первомъ классѣ.

Только что онъ проснулся, докладываютъ

о Разгоняевъ.

— Ахъ, милѣйшій Михаилъ Петровичъ, какъ я радъ! Какъ я радъ! говорилъ онъ, встрѣчая ранняго гостя.

— Я пришелъ сообщить вамъ мои предположенія относительно перемѣны въ составъ лицъ, занимающихъ надзирательскія должности.

— Очень радъ, очень радъ....

— Шпека и Бирюлева я просилъ подать въ отставку...

— Помилуйте, за что же? ужъ совершенно другимъ тономъ вскрикнулъ директоръ.

— Неспособны къ продолженію службы....

— Помилуйте, люди смирные. У Шпека большое семейство....

— Очень жаль, холодно сказалъ Разгоняевъ, — но согласитесь, что лучше господину Шпеку промаяться какъ-нибудь, чѣмъ позволять ему дѣлать изъ сотенъ вашихъ воспитанниковъ такихъ же, ни къ чему не способныхъ, господъ...

— Да нѣтъ, какъ хотите.... Какъ же это такъ вдругъ? Какъ хотите, я не могу согласиться....

— А не хотите, такъ ужъ извините меня.

Дружба дружбой, служба службой. Я буду писать въ Петербургъ...

Директоръ при этомъ совершенно потерялся. "Непремѣнно лѣвою ногой сегодня всталъ съ постели," смутно думалось ему.

— Такъ какъ же? опросилъ Разгоняевъ.

— Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчалъ директоръ, и махнулъ рукой.

— Я велю изготавить имъ прошенія объ увольненіи....

Отъ него Михаилъ Петровичъ пошелъ по классамъ. Онъ началъ съ старшаго и попалъ на урокъ исторіи. При входѣ онъ услышалъ слѣдующія слова:

— Нечего робѣть, господа, мы это дѣло обдѣлаемъ; свалить все на него... говорилъ учитель, и вдругъ заикнулся, увидавъ входящаго инспектора.

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ Разгоняевъ, усаживаясь. — О чемъ это вы бесѣдуете?

— Мы проходимъ французскую революцію, отвѣтилъ учитель, и сталъ говорить о янсенистахъ, якобинцахъ, о доктринѣ Руссо и философіи Вольтера, о жирондѣ; далъ

характеристику Робеспьера, Дантона, Мара; выдвинулъ личность Наполеона, и заключилъ необходимою подавленія революціи и популярностію людей, на долю которыхъ выпадаетъ этотъ подвигъ. Инспекторъ былъ очаровавъ даромъ слова и начитанностію преподавателя.

— Позвольте познакомиться, вы гдѣ воспитывались? спросилъ онъ.

— Кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Езинскій, отвѣчалъ тотъ.

Какъ только инспекторъ вышелъ, онъ обратился къ ученикамъ съ насмѣшливою улыбкой. Тѣ захохотали.

— Это я не вамъ читалъ, а начальству, сказалъ онъ:- теперь будемъ продолжать. На чемъ я остановился?

Въ шестомъ классѣ не было учителя; въ полуотворенную дверь слышался оживленный говоръ.

— Да послушай, Горобецъ, кричалъ одинъ голосъ съ заднихъ давокъ:- ну, положимъ, возстанетъ Венеція, развѣ Австрія допуститъ? Развѣ Франція допуститъ?

— Ты не понимаешь, горячился Горобецъ:-

одновременное возстаніе! Понимаешь, сразу во всей Европѣ. Противъ Австріи — Венеція, Галиція, Венгрія, противъ Пруссіи — Познань, противъ Англіи — Ирландія.

— Развѣ имъ управиться съ солдатами? раздавался другой голосъ.

— Свободный человекъ дерется съ пятью, возражалъ Горобецъ.

— Ну, а этого я все-таки не понимаю, говорилъ третій голосъ:— у всякаго человекъ собственность, земля; ну, а вдругъ другой захочетъ отнять?

— Что за дичь! При правильномъ социальномъ устройствѣ не захочетъ; всякій будетъ доволенъ своимъ.

— Ну, положимъ, захочетъ.... Положимъ.... Кто жь будетъ судить когда не будетъ правительства?

— Какой ты глупый! Изъ тебя никогда ничего не выйдетъ! Всякій можетъ судить!

— Какъ? Даже Хома, что за тобой ѣздитъ?

— А! Не по вкусу аристократу!

— Да кто жь его станетъ слушать?

— При ассоціаціи станутъ слушать.

— А если сосѣди войной пойдутъ?

— При асосіяціи не будетъ войны....

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю.... Какъ же финансы? Надо же министерство финансовъ.

— Зачѣмъ? какіе финансы? денегъ не надо, деньги только скопляются въ однѣхъ рукахъ; надо просто мѣнять продукты.

— Это какъ мнѣ купили сапоги, и я цѣлый возъ дровъ долженъ везти къ сапожнику?...

Разгоняевъ вошелъ въ классъ, Горобецъ торопливо сунуль что-то въ ящикъ.

— Зачѣмъ же прятать-то? сказалъ инспекторъ, приподнимая крышку парты. Все утихло. У Горобца нашелся первый номеръ *Колокола* за 1861 годъ, съ руководящею статьей Огарева, прокламація Михайлова, фотографическія картинки варшавской работы самага пикантнаго содержанія.

— Да вѣдь это придирки, господинъ инспекторъ. Кто жъ не читаетъ *Колокола*? Развѣ только допотопные? Вы сами прогрессистъ....

— Попросите ко мнѣ дежурнаго надзирателя, обратился инспекторъ къ ученикамъ.

Вошелъ надзиратель.

— Отведите этого господина въ карцеръ. Я даю ему недѣлю сроку подумать на свободѣ

что ему выгоднѣй, учиться или быть исключеннымъ....

— Что жъ это значить? Какой это прогрессистъ? толковали гимназисты по уходѣ инспектора.

— Горобца! воскликнулъ кто-то:- это изъ рукъ вонъ!

По корридору задребезжалъ звонокъ, ученики высыпали изъ классовъ. Разгоняевъ столкнулся съ Тонинымъ, выходящимъ съ урока физики, въ сопровожденіи гурьбы гимназистовъ.

— Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ! Прощайте, Александръ Иванычъ! кричали они, скача вокругъ него и дергая его синій фракъ.

Тонинъ торопливо шелъ по корридору, со спискомъ подъ мышкой, обращаясь то къ тому, то къ другому, и качая головой.

— Александръ Иванычъ, за что же вы мнѣ единицу поставили? Я не обязанъ слѣдовать именно вашей теоріи! говорилъ одинъ высокій юноша.

— Это вовсе не моя теорія, а научная истина, говорилъ Тонинъ.

— Помилуйте, говорятъ, въ Парижѣ были опыты, совершенно опровергающіе....

— Довольно, сказалъ Разгоняевъ, поднявъ брови, и взявъ подъ руку Тонина, пошелъ съ нимъ въ учительскую.

— Что это такое? говорилъ онъ:- помилуйте, что это такое? Они хотятъ учить, а не учиться! Что тутъ дѣлать?

— Вотъ теперь можно говорить, сказалъ Тонинъ. — Въ этой несчастной страсти перечить учителямъ виноваты сами учителя, поднимающіе мальчишекъ на ходули. Чѣмъ, напримѣръ занимаются въ классѣ исторіи? Читаютъ Бокля, котораго, конечно, не понимаютъ; въ классѣ естественной исторіи разсуждаютъ о теоріяхъ постепеннаго развитія существа отъ простѣйшихъ формъ и проч.

— Зайдите ко мнѣ сегодня вечеркомъ, надо серьезно поговорить....

— Нѣтъ, Михаилъ Петровичъ, объ этомъ завтра же узнаютъ всѣ учителя; противъ меня и безъ того всѣ вооружены; а вотъ если вы не откажетесь посѣтить меня....

— Съ удовольствіемъ.

Разгоняевъ записалъ его адресъ, вошелъ

въ учительскую, потолковалъ съ прочими учителями и началъ просматривать списки.

Вдругъ бѣжитъ надзиратель.

— Михаилъ Петровичъ, пожалуйста въ столовую! Гимназисты бунтуютъ....

— Что такое вы сказали?

— Ученики бунтуютъ, поправился тотъ.

— Если вы еще разъ позволите себѣ подобныя выраженія, я и васъ попрошу выйдти въ отставку, несмотря на ваши лѣта....

— За что же? оправдывался надзиратель.

— Если вы такъ... недальновидны, что не понимаете этого, какъ прикажете вамъ отвѣчать?

Онъ пошелъ въ столовую. Тамъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужасный гвалтъ, стукъ ножей, вилокъ, крики; воспитанники пускали въ эконома пирогами, кусками хлѣба, чѣмъ попало. Увидѣвъ инспектора, всѣ затихли.

— Что это такое?

— Помилуйте, ѣсть нельзя, масло тухлое, въ говядинѣ мочалки, раздавались голоса.

— Извольте разобрать, кто первый началъ, отнесся Разгоняевъ къ надзирателю;- наша же обязанность доносить мнѣ немедленно о

мальйшей небрежности эконома... Я самъ былъ гимназистомъ, и кое-что знаю....

Тонинъ занималь небольшую квартиру невдалекъ отъ гимназіи. Разгоняевъ вошелъ въ маленькую переднюю — ни души; сальная свѣчка нагорѣла на залавкѣ, въ комнатахъ тишина. Онъ насилу отыскаль въ стѣнѣ гвоздь, повѣсилъ шинель, наткнулся въ темной залѣ на что-то большое, и пошелъ на свѣтъ изъ слѣдующей комнаты. Опять никого нѣтъ. Экономическая лампочка тускло освѣщала запыленный, залитой чернилами письменный столъ съ разбросанными книгами, кресло съ торчавшею изъ сидѣнья мочалой, продавленный диванъ, шкафъ съ книгами и стеклянками.

Разгоняевъ постояль, постояль и хотѣль было идти назадъ...

— Кто тамъ? слышалось гдѣ-то внизу.

Онъ подошелъ ближе; въ углу за диваномъ сидѣла на корточкахъ молодая дѣвушка, наклонясь надъ корзиной, и разбирая покрытыя пылью старыя книги.

— Извините, началъ Разгоняевъ.

— Это вы извините, отвѣтила та поднимаясь:- вы вѣрно къ Александру? Садитесь пожалуйста!

Она встряхнула свое запыленное платье, бросилась въ кресло и закинула ногу на ногу.

— Его кажется дома нѣтъ? говорилъ Петръ Николаевичъ, снимая перчатки и выбирая на диванѣ мѣсто почище....

— Нѣтъ, онъ домохозяинъ, сейчасъ придетъ; пошелъ отдать деньга за квартиру.... Онъ нигдѣ не бываетъ, въ обществѣ смѣются надъ его застенчивостію; да притомъ онъ такъ много работаетъ.

— Да вѣдь я отъ уроковъ онъ порядочно устаеетъ, говорилъ Разгоняевъ, а самъ думалъ: "Кто бы могла быть эта особа: ни сама не рекомендуется, ни мной не интересуется..."

— Онъ никогда не устаеетъ, это его жизнь, продолжала та:- совершенно отдался наукѣ. Только, знаете, въ немъ нѣтъ творческаго импульса, жизненной инициативы нѣтъ... Онъ труженикъ....

— Неужели?

— Да, онъ никакъ не можетъ стать въ уровень съ современными требованіями. Я и не

ввиню его, онъ остановился въ развитіи, онъ se qu on appelle un homme fait... Я все прошу его посвятить себя дѣлу, въ которомъ теперь настоятельная необходимость...

— Что жъ это такое?

— Я говорю про религію природы. Съ его дарованіями онъ могъ бы очень популярно изложить это, знаете, сперва происхождение земли по Лапласу, потомъ произвольное зарожденіе первой клѣточки изъ неорганическихъ элементовъ: кислорода, водорода и углерода, потомъ какъ она осложнялась въ животныхъ организмахъ и наконецъ достигла высшаго развитія въ человѣкѣ, этомъ крайнемъ воплощеніи химіи и фізіологіи....

— Но вѣдь это все гипотезы, перебилъ Разгоняевъ. — "Неужели это Тонинъ такъ взбудоражилъ ее?" вертѣлось у него въ головѣ.

— Нужды нѣтъ, согласитесь, что это единственное средство создать новыхъ людей.

Разгоняевъ началъ улыбаться, но ученая дѣвица до того заинтересовала его, что онъ самымъ наивнымъ голосомъ просилъ ее объяснить свою мысль.

— Это такъ легко! Всякій человѣкъ, прохо-

дя эту книгу, оставить въ ней всѣ предразсудки, переродится и будетъ совершенно готовъ начать ломку старья... Я не говорю уже о тѣхъ, кто прямо съ нея начнетъ свое образованіе... Вотъ тебѣ гость, обратилась она къ вошедшему Тонину, — а я и такъ долго засидѣлась у тебя, пора!

— Да все равно, сказалъ Тонинъ, здороваясь:- ты бы Вѣрочка насъ чаемъ угостила.

— Нѣтъ, дѣло есть, надо терапіей заняться, да и отецъ ждетъ... Впрочемъ пожалуй...

Педагоги усѣлись. Разгоняевъ разсказывалъ про отобранные у гимназистовъ литографированные листки. Тонинъ ничего не зналъ объ этомъ. Вѣрочка слушала съ презрительною усмѣшкой, разставляя чашки.

— Что же вы сдѣлали съ этими листками? вдругъ спросила она.

— Что же можно было сдѣлать? отвѣтилъ Тонинъ:- конечно Михаилъ Петровичъ велѣлъ ихъ сжечь, а ребятишекъ....

— Стыдись, Александръ, стыдись! вспыльчиво перебила Вѣрочка:- тебѣ ли это говорить? Ребятишки!? эти ребятишки заслуживаютъ полнаго уваженія, они кладутъ основу

свободѣ печати...

Разгоняевъ поглядѣлъ на Тонина; тотъ улыбнулся, и просилъ продолжать...

— Горобца въ карцеръ? вторично перебила Вѣрочка:- и ты это одобряешь Александръ?

— А то какъ же?

— Послѣ этого нечего и говорить!

Она вскочила со стула и, не простясь, убѣжала въ переднюю.

Разгоняевъ пожалъ плечами.

— Ребенокъ! отвѣтилъ Тонинъ, смѣясь:- это ничего, она завтра же придетъ мириться... Я и не догадался познакомить васъ; вы можете Богъ знаетъ что подумать... Она моя невѣста, дочь нашего доктора; въ головѣ еще бродитъ; бредитъ медициной, эманципаціей и всесвѣтною революціей.

— Но, послушайте, все это было бы смѣшно....

— Знаю, знаю! То-то и дѣло, что только смѣшно! Развѣ это свое? это изъ подражанія! Тутъ была одна госпожа Горобецъ; вотъ та окончательна свихнулась и бѣжала съ кѣмъ-то, а Вѣрочка гостила у нихъ часто, вотъ и все...

III. Странная метаморфозы

Двѣнадцать дней Русановъ провелъ въ безпамятствѣ; въ горячешномъ жару. Онъ громко бредилъ Инной, Бронскимъ, припоминалъ мелочи прошлаго, такъ что майоръ, не отходявшій отъ его постели, узналъ почти всю его тайну. Онъ ничего не щадилъ для спасенія племянника; составлялся консиліумъ. Старый докторъ, отецъ оригинальной Вѣрочки, мало говорилъ и больше прописывалъ рецепты. Другой, изъ недавно кончившихъ курсъ, наговаривалъ обыкновенно цѣлую кучу премудрости о кристаллизаціи фосфорнокислыхъ солей въ костяхъ, объ измѣненіи ея отъ простуды, и отсюда необыкновенно хитрымъ путемъ выводилъ болѣзнь Русанова, а кончалъ тѣмъ же — прописывалъ рецептъ. Третій, тоже изъ молодыхъ, бралъ два совершенно различные рецепта и подносилъ майору.

— Коллеги мои — люди очень ученые, говорилъ онъ, — и опытные, и добросовѣстные практики. Что бы вы однако сдѣлали, еслибъ это прописали вамъ? Какой

рецептъ послали бы вы въ аптеку?

— А прахъ ихъ побери! Никакого не по-
слалъ бы! отвѣтилъ майоръ съ
откровенностію солдата.

— Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ я это испол-
няю, сказалъ докторъ:- такъ и сдѣлаемъ: ни-
какого не будемъ посылать. Вѣрьте, мы мо-
жемъ только предупредить болѣзни;
излѣчивать — никогда! Съ тѣхъ поръ какъ я
держусь этого правила, я честно смотрю въ
глаза собратьямъ, и не боюсь услышать хохота
римскаго авгура.

Майоръ не понялъ и половины сказаннаго
докторомъ, но сдѣлалъ по его. Когда Русановъ
пришелъ въ память и узналъ объ этомъ,
онъ тоже поблагодарилъ доктора за
предоставленіе исхода болѣзни самой при-
родѣ.

— Не стоитъ благодарности, отвѣчалъ
тотъ:- я знаю, что многіе злятся на меня за та-
кой образъ дѣйствій; особенно не по нутру
придется онъ редакторамъ медицинскихъ га-
зетъ... Но — пусть себѣ злятся!...

Славное чувство испытываетъ человѣкъ,
возвращаясь къ жизни; точно онъ начинаетъ

учиться ходить; все его занимаетъ, и лица окружающихъ, и каждая мелочь домашняго быта, все представляется въ розовомъ свѣтѣ. Едва ли есть такія потери, такія огорченія, которыя не забываются въ первое время выздоровленія. только мало-по-малу началъ Владиміръ Ивановичъ возвращаться къ прошлому. Что-то кольнуло его, когда онъ нашель письмо Инны; неокрѣпшій мозгъ не выдержалъ и половины его, голова закружилась, мысли начали разбѣгаться. Русановъ насильно заставилъ себя повторять таблицу умноженія, и нѣсколько дней не прикасался къ книгѣ. Онъ сидѣлъ у окна, любуясь яркимъ освѣщеніемъ осенняго солнца, тѣми особенными тонами зелени, неба, воды, которые пріобрѣтають они въ концѣ лѣта, когда еще не наступило полное замираніе природы, но замѣтно что-то идущее къ тому, что-то отцвѣтающее, трогательное, какъ чахоточный румянецъ молодой дѣвушки...

Такъ прошли недѣли двѣ. Владиміръ Ивановичъ сталъ выходить въ садъ, возвратился аппетитъ; наконецъ, онъ и объ отъѣздѣ сталъ поговаривать. Майоръ все еще удерживалъ

его.

Пришелъ и день отъѣзда. Дорогой Владиміръ нѣсколько разъ принимался перечитывать письмо, но лицо оставалось покойнымъ; отросшія за болѣзнь бакенбарды еще болѣе маскировали выраженіе. На одной станціи онъ закурилъ письмомъ сигару.

"Хуже чѣмъ у меня въ горячкѣ.... А если это напускъ?" приходили ему въ голову отрывочныя мысли. "Мы? Не нашъ? Что жъ такое мы? революціонная партія, что ли?"

Русановъ даже улыбнулся, и самъ сталъ напѣвать какую-то безсмыслицу:

*О Россія, о Россія, о Роосеюшка
моя!*

*Широко ты разыгралась, разудала
земля!*

А ямщикъ, слушая его, а себѣ затынулъ:

Офицерикъ молодой пушку заряжалъ,

*Пушку заряжалъ, въ Костро-
му-городъ стрѣлялъ....*

Такъ и до городу добрались. Пудъ Савичъ обрадовался возвращенію жильца. Сослужив-

цы обрадовались тому, что явился лихой помощникъ. Доминовъ обрадовался несказанно.

— Дѣла столько, что и не оберешься: на дняхъ докладъ, говорилъ онъ, — нате-ка вамъ для развлеченія, — и передалъ ему огромную кипу.

Русановъ взялъ ее съ собой на домъ; по дороге, онъ зашелъ въ гимназію, чтобъ исполнить порученіе Конона Терентьевича, который просилъ развѣдать о племянникѣ у Тонины.

Молодой надзиратель, къ которому обратился Русановъ, поглядѣлъ на него какъ-то странно.

— Вамъ господина Тонина надо? ихъ нѣтъ-съ.

— Вышелъ въ отставку?

— Да-съ, то-есть оно не то что вышелъ... Да вамъ зачѣмъ? таинственно проговорилъ тотъ.

Русановъ сказалъ.

— Пожалуйста къ главному надзирателю; теперь онъ всѣмъ завѣдуетъ...

— А кто у васъ главный?

— Езинскій, Іосифъ Казиміровичъ. Онъ теперь правая рука инспектора, въ такое довѣріе вошелъ, что не надивимся....

— Ну, что каковъ у васъ новый инспекторъ?

— Да какъ вамъ сказать? и ума не приложимъ, что это такое значитъ. На первыхъ-то порахъ такъ на всѣхъ накинудся, все это по своему вертитъ; такая дружба съ господиномъ Тонинымъ пошла, а тутъ вдругъ меньше, да меньше сталъ заглядывать въ классы; слышимъ-послышимъ, ужъ онъ и выговаривать Тонину-то сталъ: отъ васъ, дескать, что ни день то беспокойство; а вотъ Іосифъ Казиміровичъ ничего до меня не доводитъ, и въ классахъ у него тихо, и все такое.... А тутъ въ скоромъ времени Тонину и въ отставку велѣли подавать....

— А самого инспектора можно видѣть?

— Пожалуйте къ нимъ на квартиру; они нынѣ рѣдко бываютъ, кромѣ классовъ...

Русановъ засталъ Разгоняева въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ. Тотъ принялъ гостя и любезно, и немножко натянуто, какъ всегда бываетъ, когда гость помѣшаетъ инте-

ресному занятію.

Онъ сказалъ Русанову, что Горобецъ учится порядочно, что и въ поведеніи сталъ исправляться съ тѣхъ поръ какъ устранено изъ заведенія одно лицо, имѣвшее вредное вліяніе на нравственность воспитанниковъ; и разговорился вообще о преподаваніи, особенно когда Русановъ напомнилъ ему о его литературныхъ трудахъ.

Русановъ скоро откланялся....

А между тѣмъ сослуживцы стали замѣчать въ немъ перемѣну. Довѣрчивый, веселый Владиміръ Ивановичъ стушевался, его замѣнилъ холодный, сдержанный секретарь Русановъ, подозрительно глядѣвшій въ глаза каждому, кто съ нимъ заговаривалъ, словно онъ все хотѣлъ спросить: а не лжете ли, не притворяетесь ли вы, почтеннѣйшій? Два или три у него проявилась раздражительность въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ; разъ онъ съ холоднымъ достоинствомъ намекнулъ Доминову, что ему непріятенъ заведенный тѣмъ разговоръ о ходившихъ сплетняхъ про Горобцовъ. Отъ него стали сторониться...

Дома онъ проводилъ скучные вечера, чувствовалъ потребность въ обществѣ, а идти — никуда не шель. Повадился было къ нему отставной поручикъ Кондачковъ. На первыхъ порахъ Русановъ ему страхъ обрадовался. Ему нравился этотъ, какъ онъ воображалъ, простой человекъ, неиспорченный никакими отвлеченностями; но потомъ дѣло объяснилось. Поручикъ былъ отъсюду изгнанъ, какъ отъявленный шулеръ, и таскался во чужимъ домамъ, промышляя насчетъ обѣда.

Русановъ сталъ уже только терпѣть его присутствіе; да и поручикъ смекнулъ дѣло и болѣе не докучалъ ему бесѣдой. Сидятъ они, курятъ сигары, пьютъ чай, а Русанову рисуются картины, одна другой заманчивѣе, одна другой пламеннѣй....

Вотъ онъ приходитъ домой, измученный головою работой, истерзанный столкновеніями со всѣмъ, что есть грязнаго, тинистаго въ жизни, на встрѣчу ему выбѣгаетъ она... Но это ужъ не прежняя она.... Какою женственностью вѣетъ отъ нея! Какъ выразительны эти черные глаза! Какъ плавно опускаются черныя рѣсницы отъ его

страстнаго взгляда! Какъ жгутъ поцѣлуи этихъ пунцовыхъ губъ!

Русановъ вставалъ и въ волненіи ходилъ по комнатѣ. То ему казалось, что онъ не вынесетъ этихъ порывовъ, этой тоски, что у него голова развалится; то ему хотѣлось итти и сдѣлать что-нибудь необыкновенное, изъ ряду вонъ. Онъ бралъ фуражку, шелъ куда-нибудь на бульваръ, или безцѣльно бродилъ по улицамъ, словно думалъ уйдти отъ самого себя....

Усталый, онъ возвращался домой и начиналъ обсуждать свои поступки; теперь они казались ему смѣшнымъ, бесплоднымъ раздраженіемъ воображенія. Онъ спѣшилъ сѣсть за дѣло, и принимался внимательно читать разные акты и записки; не проходило четверти часа, строки уходили изъ глазъ, и мысли уносились такъ далеко, что онъ пугался себя, отворялъ окна, освѣжался осеннимъ воздухомъ, и долго смотрѣлъ на темную улицу....

На другой день онъ опять въ присутствіи сдержанъ, холоденъ, и та же исторія дома.

"Еслибы какое-нибудь живое дѣло! дума-

лось ему иногда; со всѣми препятствіями, со всѣми опасностями, лишь бы живое!"

"Хоть бы на медвѣдя съѣздить, медвѣдей-то здѣсь нѣтъ," пришло ему разъ въ голову.

Разъ онъ задумчиво шелъ со улицѣ, глядя себѣ подъ ноги, какъ вдругъ его окликнулъ веселый женскій голосъ. Онъ поднялъ голову и увидалъ Ниночку. Она ѣхала въ наемной пролеткѣ, шагомъ, равняясь съ нимъ, и громко хохотала.

— Это вы? сказалъ Русановъ.

— Хотите кататься? Садитесь....

Они поѣхали за городъ; Русановъ совершенно ее не узнавалъ; она глядѣла ему прямо въ глаза, хохотала, у заставы закурила сигару.

— Ахъ Ниночка, Ниночка, говорилъ Владиміръ Ивановичъ: — кто бы могъ подумать, что изъ васъ выйдетъ?

— А вольно жъ вамъ было вѣрить? сказала она и опять захохотала.

— Чему же? спросилъ Русановъ въ удивленіи.

— Да тому что я вамъ рассказывала... Ахъ, погодите! можетъ-быть вамъ жалко тѣхъ денегъ, что вы мнѣ дали... — И она торопливо

вынула дорогой портъ-моне.

— Нѣтъ, нѣтъ; это не дорого за урокъ, ска-
заль Русановъ, останавливая ее руку; — толь-
ко ужъ вы все рассказываете... Вы стало-быть
давно знали Ишимова?

— Еще бы! вѣдь онъ меня и взялъ отъ ма-
дамъ Кизель, а потомъ хотѣлъ жениться на
этой егозѣ; ну, я съ нимъ и разругалась, онъ
меня и выгналъ изъ дома; а потомъ опять
пришелъ, прощенья просилъ — такой
смѣшной!

— Ну, а теперь?...

— Что теперь? Да вѣдь онъ умеръ...

— Какъ умеръ? вскрикнулъ Русановъ.

— Развѣ вы не знали? Давно ужъ, мѣсяца
полтора; кто его знаетъ, что у нихъ вышло!
Даже на меня тоску нагналъ; почти какъ
помѣшанный ходилъ, пить сталъ; все гово-
рилъ, что чего-то не переживетъ, совсѣмъ
перемѣнился... Все жаловался, что его нигдѣ
не принимаютъ, никто съ нимъ не водится....

— Вотъ какія дѣла-то! разсѣянно говорилъ
Русановъ. — Гдѣ жъ вы теперь?

— А здѣсь въ городѣ, на квартирѣ, сказала
Ниночка, захохотавъ.

— Куда прикажете? спрашивалъ кучерьъ, придержавъ лошадь.

— Пошелъ домой! крикнула Ниночка.

Русановъ молчалъ всю дорогу.

— Зайдете ко мнѣ? оказала Ниночка, прищуриваясь.

Экипажъ остановился у большого двухъ-этажнаго дома. Русановъ подалъ руку своей дамѣ и повелъ ее по лѣстницѣ. Въ небольшой, со вкусомъ отдѣланной гостиной, носились цѣлыя облака табачнаго дыма. На широкой оттоманкѣ сидѣли развалясь три молодыя женщины, очень красивыя, въ богатыхъ платьяхъ декольте.

— Гдѣ ты пропадаешь? мы у тебя скоро часъ! защебетали они, обступая Ниночку.

— Кого я привела, mesdames! Вы не повѣрите, что это за диковинка! это невинность! кричала Ниночка, бросаясь на диванъ и хохоча, какъ сумашедшая.

Mesdames окружили Русанова, завторивъ ей съ полнымъ удовольствіемъ. Онъ съ минутой крѣпился, стараясь сохранять серіозный видъ, попробовалъ было нахмуриться, — вышла гримаса; онъ самъ расхохотался.

— Сегодня у меня праздникъ, говорила Ниночка:- сейчасъ отдается приказъ не пускать моего старика, если вздумаетъ пожаловать...

Русановъ пошелъ за ней и послалъ за шампанскимъ.

Пріѣхали еще двое молодыхъ людей.

— Нашего полка прибыло! оказалъ одинъ изъ нихъ, протягивая руку Русанову.

— Ну прибыло, такъ прибыло! отвѣтилъ онъ, наливая имъ стаканы.

— Мы привезли музыкантовъ, можно? обратился другой къ Ниночкѣ...

— Да не ломайтесь! отвѣтила та, опорожня стаканъ залпомъ.

Музыкантами управлялъ горбатый Бирюлевъ; онъ сильно огорчился по случаю лишенія надзирательской должности; но на ногахъ еще держался, и довольно бойко помахивалъ смычкомъ.

Русановъ много пилъ, бросалъ деньги музыкантамъ, чтобъ они веселѣй играли, и все-таки не могъ забыться; у него, какъ у всѣхъ здоровыхъ людей, вино падало на ноги, оставляя голову совершенно свѣжею. Пьяныя выходки гостей скоро ему опротивѣли, онъ

попробоваль встать изъ-за стола и не могъ; пришлось съ досадою покориться судьбѣ.

Прибыли новыя лица.

— Ого, го! Здравствуйте, басиль Игнатъ Васильевичъ Бобырецъ, вваливаясь подъ руку съ Горобцомъ.

— Ni non, кричалъ Коля, обращаясь къ Ниночкѣ, - смотрите сюда, какого я вамъ старикашку привезъ: премилый! А? какова? обращался онъ къ Бобырцу:- князь Нѣжинъ, въ Парижѣ былъ, избалованный мальчишка, понимаете? и тотъ ножки цѣловаль...

— А ужъ вы не въ гимназіи? Вышли? спрашивала Ниночка.

— Я отъ уроковъ отлыниваю, возразиль Коля, захохотавъ.

— Какъ я отъ долговъ, крикнуль другой помѣщикъ:- лихой гусаръ будетъ!

— Подите вы съ вашими мѣдными лбами! Вотъ наше призваніе, говорилъ Коля, вынимая тетрадку.

Всѣ его обступили.

— Сатирической журналъ? не печатный? новый? слышалось въ кружкѣ.

— Самородокъ, messieurs, самородокъ! Гдѣ

издается и какъ я его подучаю, этого я и самъ не знаю! Слушайте!

Онъ откашлялся и сталъ читать.

"Неуважаемые читатели! Открывая новую эру въ русской журналистикѣ, мы спѣшимъ заявить о числѣ, свойствахъ и качествахъ нашихъ сотрудниковъ. Страницы эти будутъ украшаться легкою поэзіей Madame...."

Невозможно было разслыхать фамиліи въ общемъ хохотѣ.

"Трансцедентально-казуистическими философскими системами нашего ученаго медвѣдя Конона Горобца...."

— Го! Го! смотрите! Это не въ бровь, а въ глазъ! гласиль Игнатъ Васильевичъ.

"Критико-историческими записками и мемуарами отставнаго майора Русанова...." Ба! моралистъ, мое почтеніе кивнулъ головой чтець, замѣтивъ движеніе Владиміра Ивановича, — и... Тутъ ужъ про васъ... "Трудами его племянника о сумасшествіи вообще и о бюрократахъ въ особенности. По части политической экономіи и штопанья старыхъ чулковъ статьи доставляются лордомъ Авениромъ Горобцомъ. Естественныя науки процвѣтають

при содѣйствіи почетнаго члена многихъ обществъ толченія воды, Александра Тонина, хотя онъ и принадлежитъ къ тѣмъ членамъ, которые не показываются въ порядочномъ обществѣ."

— Нѣтъ, будто ужъ такъ и написано? спрашивалъ кто-то.

— Не вѣрите? Ха! ха! ха!

— Ха! ха! ха! раздавалось кругомъ, — продолжай! продолжай!

"Но я вижу недовѣрчивыя улыбки на лицахъ читателей; вы сомнѣваетесь въ томъ, что это наши лучшіе люди. Сомнѣвайтесь! Плюйте на нихъ! Повергайте никуда не годные авторитеты! Ищите людей новыхъ, людей ищущихъ свободы, составляйте кружки и молчите до времени...."

— Да, вы оперились, крикнулъ Русановъ черезъ столъ, а я думалъ, вы дальше галчатъ не пойдете...

— Я васъ дурачилъ, а вы и повѣрили, сказалъ Коля, подходя къ нему.

— Такъ вы еще и лжете. Въ ловкія же руки вы попали.

— Я васъ выброшу въ окно! крикнулъ гим-

назистъ.

— Что у васъ тутъ? Подошли прочіе.

— Вотъ господинъ чиновникъ воображаетъ себя палатъ и позволяетъ себѣ дерзости...

— Въ окно! Дѣльно! Въ окно его! Здѣсь всѣ равны, шумела компанія, подступая къ Русанову.

— Вы слышали "Фенеллу"? крикнулъ Русановъ съ усмѣшкой, поднимая бутылку и замахиваясь, — кто первый подойдетъ, тому не сносить головы.....

— А чортъ съ нимъ! Продолжай Горобецъ! кричали гости.

— Надоѣло! отвѣтилъ тотъ, бросая на столъ литографированный листокъ:- нате, пользуйтесь просвѣщеніемъ! Музыканты! Рашель-канканъ!

Начались танцы, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстные. Особенно отличалась красивая Полька, которую Коля величалъ панной Лисевичъ. Ниночка сѣла возлѣ Русанова, разлегшагося на оттоманкѣ.

— Охота жъ вамъ позволять такія гадости! сказалъ онъ, показывая на танцоровъ.

— А что жъ съ ними дѣлать? Не гнать же

ихъ... Напрасно я васъ завезла сюда; вы одинъ, противъ васъ всѣ... Они тутъ все о чемъ-то совѣщаются... Я и не пойму... Намедни одного чиновника у паны Лисевичъ такъ поколотили....

"Да эта сторона кукушечьихъ гнѣздъ ускользала отъ меня," думаль Русановъ: "par où la politique va-t-elle se nicher!"

Хмѣль у него совсѣмъ прошелъ.

— Тонинъ бываетъ съ ними? спросилъ Русановъ, пораженный новою мыслью.

— Кто такой Тонинъ? Ахъ постойте! Да, да! Они злы на какого-то Тонина, хотѣли подкинуть ему что-то... Какой-то станокъ... Тутъ одинъ надзиратель съ ними ходитъ, Езинскій...

— Ну? говорилъ Русановъ, оживляясь.

— Ну такъ вотъ все имъ толкуеть, что Тонина надо проучить, что онъ тамъ какіе-то порядки заводитъ; только стѣсняетъ ихъ... Право не знаю....

— Вы мнѣ какъ-нибудь расскажете это, говорилъ Русановъ, — припомните все до мелочи....

— Да на что жъ вамъ? говорила она, взявъ его руку и начала его гладить другою рукой,

лукаво на него поглядывая.

Русановъ молчалъ и хотѣлъ освободить руку.

— Славная ручка, продолжала она, улыбаясь, — маленькая, бѣленькая, точно женская....

Русановъ нахмурился.

— Какой вы не любезный кавалеръ! сказала она, отвертываясь; потомъ, точно его равнодушіе дразнило начала играть его волосами, наклонилась и обожгла ему поцѣлуемъ глазъ, другой, и впила въ губы.....

— Оставьте меня, шепталъ Русановъ, чувствуя, что кровь бросается ему въ лицо....

— На вѣкъ? смѣялась она, обвиняя его руками:- отчего это щеки-то горять? А вѣдь въ тихомъ омутѣ черти водятся....

IV. Запутанное дѣло

На другой день утромъ, Русановъ съ озабоченнымъ лицомъ отправился къ Езинскому.

"Ну, этотъ баринъ живетъ не по средствамъ учителя и надзирателя," подумалъ онъ, осматривая комфортабельную пріемную, въ которую ввелъ его лакей.

Немного спустя вышедъ Езинскій, играя кистями шлафрока и осматривая измятый костюмъ Русанова. Тотъ въ свою очередь уставился на зеленоватое лицо хозяина с выдавшимися скулами и презрительною усмѣшкой.

— Ну-съ, что же вамъ угодно? проговорилъ Езинскій приглашая гостя садиться легкимъ движеніемъ руки.

— Я желалъ бы видѣть Тонина, отвѣтилъ тотъ, пристально взглянувъ въ глаза надзирателю. — Не знаете ливы его адреса?

— Онъ, кажется, имѣлъ несчастіе попасть въ острогъ, сказалъ Езинскій, стараясь сохранить равнодушный видъ.

— Неужели? И вамъ неизвѣстно за что

именно? спросилъ Русановъ, возможно спокойнымъ голосомъ.

Мускулы на лицѣ хозяина задержались было, но онъ тотчасъ вынулъ раздушенный платокъ, и поднеся его къ губамъ, небрежно сказалъ:

— Я ему не нянька!... Слышаль, что по распоряженію губернатора....

— Ахъ, слышаль, у него въ сараѣ нашли какую-то литографію, проговорилъ Русановъ иронически.

— Можетъ-быть, отвѣтилъ Езинскій, поднимаясь. — Виновать, если вы за этимъ только....

— Не торопитесь! Я вамъ хочу одѣлать маленькое предложеніе; вы разъ помѣнялись съ нимъ мѣстами, долгъ платежомъ красенъ! Неудобно ли вамъ и теперь помѣняться?

— Что это значитъ? дерзко спросилъ Езинскій, закидывая голову...

— А то, что это вы литографировали журналъ-то, за который...

— Позвольте...

— Нѣтъ-съ, не позволю; вы у меня въ рукахъ, я убѣжденъ, что и золотыя грамоты —

ваша же работа...

Езинскій началъ озираться...

— Да, вы не безпокойтесь! если вы только пикните, такъ я васъ, какъ щенка, сломаю! сказалъ поднимаясь Русановъ: хоть и недавно оправившійся отъ болѣзни, онъ былъ страшенъ такому щедушному противнику.

— Не погубите! я не виноватъ. По неопытности! Тутъ замѣшаны важныя лица... Не губите! стоналъ онъ.

— Освободите Тонина, а тамъ посмотримъ.

— Но какъ же? заговорилъ Езинскій, успокоиваясь немного:- не могу же я принять этого на себя?

— Это ужъ ваше дѣло!

— А вы мнѣ возвратите письма? заискивалъ Езинскій, цѣлуя въ плечо Русанова, и сѣлъ возлѣ него.

— Какія письма? отодвинулся тотъ.

Езинскій опять встревожился. Въ какіе-нибудь четверть часа лицо у него разъ двадцать мѣнялось.

— Какія жь у васъ доказательства? спросилъ онъ, поднимаясь.

— А вы забыли ту особу, у которой устраи-

вали литературные вечера вмѣстѣ съ своими учениками?

— Только-то? — Езинскій окончательно успокоился. — Ну, послушайте, нечего поднимать шумъ изъ пустяковъ. Я вамъ дамъ сто карбованцевъ, и мы — квитъ!

— Мы? проговорилъ Русановъ, блѣднѣя отъ негодованія:— мы?... ахъ ты гадина!

Онъ схватилъ шляпу, выбѣжалъ на улицу, и подозвавъ извозчика, поѣхалъ къ губернатору.

Генераль стоялъ въ толпѣ просителей и кого-то за что-то распекалъ, поминутно возвышая голосъ, порывисто жестикулируя.

— Знаете ли вы, что я съ вами сдѣлаю? горячился онъ:— знаете ли, куда вы у меня полетите? наступалъ онъ на свою жертву.

Распекаемый, очевидно, не зналъ, но радъ былъ не только улетѣть, а хоть и сквозь землю провалиться, какъ вдругъ подвернулся Русановъ.

— Вамъ что угодно? обратился къ нему губернаторъ тѣмъ же тономъ.

— Ваше превосходительство...

— Васъ и туда еще мало будетъ! крикнулъ

губернаторъ, выходя изъ себя.

— У меня есть дѣло, говорилъ озадаченный Русановъ.

— По службѣ?

— Нѣтъ... Я желалъ бы наединѣ передать... это... — Русановъ терялся.

— У меня съ подобными вамъ никакихъ дѣлъ быть не можетъ, отрѣзалъ губернаторъ, поворачиваясь къ нему спиной и принялся за прежнее занятіе.

— Генераль! сказалъ Русановъ, подходя снова...

— Я вѣдь сказалъ, перебилъ тотъ, — ступайте, и помните, что ни одно слово, ни одна выходка даромъ вамъ не пройдетъ...

Совершенно ошеломленный, Русановъ очутился на улицѣ; лѣстница, швейцаръ, мостовая какъ-то двигались сами собой у него въ глазахъ; онъ ничего не сознавалъ и только хватался на голову.

— Да что жъ это наконецъ, сплю я что ли? проговорилъ онъ въ воротахъ своей квартиры: — не пьянъ же я до сихъ поръ!

Онъ прошелъ прямо въ комнатку, которая нѣкогда смутила майора, и равнодушно

осматривалъ бѣлыя обои съ золотымъ багетомъ, низенькую мебель, желѣзную кровать... Будто цѣлая вѣчность отдѣлила его отъ недавняго прошлаго...

"Что жь это такое? думалось ему:- что васъ всѣхъ опутываетъ, давитъ, дышать не даетъ? Почему этого прежде не было? Иди я въ само-мъ дѣдѣ отсталъ? не знаю жизни?"

Онъ сталъ ходить со комнатѣ.

"Какъ бы то ни было, надо ѣхать къ Тонину, надо же добиться правды!"

"Талантъ растетъ въ тиши уединенья, характеръ въ шумѣ свѣтскихъ бурь, пришло ему въ голову дорогой. Хороши бури!"

Эпитетъ мрачнаго никакъ не шелъ бы къ безобразному зданію губернскаго острога, стоявшаго почти за чертой города. Русановъ на-силу отыскалъ квартиру смотрителя, и съ полчася слушалъ, какъ его будили. — Чуточку! раздавался его молящій голосъ. — Да ну, вставай, спрашиваютъ вѣдь, ворчала жена. — Ты бы сказала, пускай завтра поутру приѣдетъ... — Да слышишь ты, очень нужно ему. О, чортъ!

Выползъ толстенькій старичокъ, съ за-

спанною фізіономією, напоминая всю фігурою жука-карапузика. Русановъ объяснилъ просьбу. Смотритель сказалъ ему, что имъ не получено никакого распоряженія о допущеніи посѣтителей къ арестанту, и потому онъ затрудняется.... Русановъ просилъ его присутствовать при свиданіи; наконецъ кое-какъ уломалъ.

Тонинъ лежалъ на нарахъ, въ грязной, сырой каморкѣ, заложивъ руки подъ голову и глядя въ узенькое оконце.

— Извините, я васъ не знаю; слышалъ только вашу исторію. Чѣмъ я могу вамъ быть полезенъ? спрашивалъ Русановъ.

— Чѣмъ же вы можете быть мнѣ полезны? возражалъ Тонинъ:— я я самъ не знаю, за что сижусь. Я просто съ ума схожу...

— Не удивительно, когда я и не сижусь, да тоже схожу съ ума... Скажите, пожалуста, обморочили они, что ли, губернатора?

— Не знаю, отвѣтилъ Тонинъ:— вотъ что развѣ, съѣздите вы къ моей невѣстѣ; отецъ ея домашнимъ докторомъ у губернатора... Пусть похлопочетъ...

Тонинъ далъ адресъ.

— Еще вотъ что... Впрочемъ, нѣтъ...

— Да не церемоньтесь, убѣждалъ Русановъ.

— Пришлите мнѣ чаю и сахару, если это не затруднить васъ, сказалъ Тонинъ, покраснѣвъ. — Когда-нибудь возвращу... А то вотъ двѣ недѣли...

Разспросивъ его не нужно ли еще чего, Русановъ пожалъ ему руку и поѣхалъ къ доктору. Вѣрочка вышла къ нему такая веселая, что Русановъ подумалъ будто ей ни чего неизвѣстно и началъ готовить ее издалека.

— Что такое за непріятное извѣстіе? Пожалуста говорите прямо, перебила она, горделиво поднимая голову.

— Вашъ женихъ....

— Кто такой?

— Тонинъ...

— А! Ну, что же?

— Онъ... имѣлъ несчастіе попасть... въ тюрьму.

— Туда и дорога!

Русановъ вытаращилъ глаза.

— Такимъ господамъ некуда больше и

дѣваться, прибавила она, вставая.

— Какъ же это? Онъ просиль, онъ былъ такъ увѣренъ, что вы примете въ немъ участіе...

— Я? За кого жъ онъ меня считаетъ? За сообщницу въ его подлостяхъ?

— Извините, сказалъ Русановъ, поклонился и вышелъ.

"Да это просто арабскія сказки," думалось ему всю дорогу.

На другой день Русановъ сообщилъ все это Доминову и просиль его совѣта.

— Охота жъ вамъ ввязываться въ такія передряги, сказалъ тотъ. — Вотъ такъ-то вы и попадаетесь.... Ну, какъ это васъ угораздило?

— Что такое? спрашивалъ Русановъ.

— Да, вы и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаете; а мнѣ на дняхъ полицеймейстеръ со секрету такую штучку сообщилъ... Сказать развѣ? Честное слово, что это останется между нами?

— Честное слово.

— Вы подѣ присмотромъ полиціи, шепнулъ Доминовъ. У Русанова и руки опустились.

— Это ничего, успокоиваль Доминовъ, — узнають васъ и все кончится; я и самъ сдѣлалъ все что могъ, но будьте осторожны впередъ.

Въ головѣ Русанова царствовалъ полнѣйшій хаосъ, когда онъ возвратился изъ присутствія; но онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ выдумывалъ новыя гипотезы, терялся въ сотняхъ плановъ, и ни на одномъ не могъ остановиться. Задавъ себѣ задачу, во что бы то ни стало, добиться толку въ очевидной интригѣ, Русановъ остановился на той мысли, что тутъ не обошлось безъ Бронскаго. Припоминая студенческіе годы, онъ еще болѣе убѣждался въ справедливости своего предположенія: графъ всегда дѣлался коноводомъ всякаго безпорядка. Вліяніе Бронскаго на Колю было не безызвѣстно Русанову; литографія также не была ему новостью; онъ слышалъ лестные отзывы Бронскаго объ Езинскомъ; этотъ намекалъ ему на участіе важныхъ лицъ. Итакъ игра перешла въ серіозную ставку; эти люди раскидываютъ сѣмена смуть не на словахъ только, а пользуясь всѣми средствами, какія доставляли имъ

образование, богатство, положеніе въ обществѣ, служебныя связи. Но какая цѣль? Онъ рѣшительно терялся; высказывать же свои предположенія въ обществѣ онъ не рѣшался, не имѣя никакихъ доказательствъ.

Вечеромъ пріѣхала Ниночка и вспорхнула къ нему въ комнату, какъ всегда, беззаботная, беззабѣтная.

— За что жъ это вы дуетесь? прощепетала она, опускаясь въ кресло. — Экая важность! разсуждала она:— засадили человѣка; мало ли ихъ сидитъ по свѣту-то? Обо всѣхъ плакать, слезъ не хватить!

— Ниночка! Съ кѣмъ особенно близко былъ Езинскій?

— Съ Полькой Лисевичъ...

— Надо сдѣлать послѣднюю попытку. Побывай у ней, осмотри ее комнату.... И если найдешь какія-нибудь бумаги, сейчасъ ко мнѣ!

— Эва! Да она вчера еще уѣхала изъ города, даже никому не сказала; ее теперь съ собаками не сыщешь....

Русановъ повѣсилъ голову.

Ниночка положила ему руки на плечи и

глядѣла въ глаза.

— Да что ты и впрямь въ дураки записываться собрался? Прикажете васъ веселить?

Она схватила со стѣны скрипку, и перебирая по струнамъ, какъ на гитарѣ, запѣла:

*Эхъ, чибирики чокъ чибире,
Комарики, мухи, комары!
Жена мужу бай, говори!*

Русановъ поднялъ голову и улыбнулся. Она еще проворнѣй ударила по струнамъ...

*Я не робкаго десятка молода,
Не боюся я лихаго мужика,
А ужь на воды поѣду завсегда!
Ой ты Лоха, ты Лоха — мужикъ
Примѣчаешь ли, гдѣ плохо
лежитъ?*

Вскочила, прыгнула на диванъ, съ дивана на столъ, оттуда на комодъ и залилась звонкимъ смѣхомъ, надъ своими ли продѣлками или надъ Русановымъ, неизвѣстно. Онъ подошелъ и обнялъ ее.

— Спаси меня хоть ты! Спаси меня отъ сумашествія!

— Вотъ давно бы такъ! сказала она, спутывая ему волосы.

V. Еще болѣе запутанное дѣло

А дни все шли на днями. Владиміръ Ивановичъ каждый день ходилъ на службу, объѣдалъ, занимался дѣлами, и ходъ обычной жизни ничѣмъ замѣтно не нарушался. Точно также принимались въ регистратурѣ прошенія, жалобы, цѣлые томы дѣлъ сдавались въ столы, шли къ докладу. Точно также жаловалась хозяйка Русанову на дороговизну припасовъ; чаще стала заѣзжать къ нему Ничочка и болтовней отгоняла отъ него невеселыя думы.

Разъ Владиміръ Ивановичъ пришедъ въ присутствіе позднѣе обыкновеннаго. Чижикова не было. Онъ освѣдомился у писцовъ; тѣ, усмѣхаясь, сообщили, что была распеканка отъ начальства. Что между ними произошло, никто не зналъ; только Чижиковъ, не простясь ни съ кѣмъ, ушелъ домой.

Русановъ довольно вяло усѣлся за работу, какъ вдругъ одно дѣло обратило все его вниманіе; оно недавно было прислано тѣмъ

присутственнымъ мѣстомъ, куда посылалось за справками. Въ заголовкѣ значилось: дѣло о духовномъ завѣщаніи помѣщика * губерніи ** уѣзда Акиндина Ишимова. Русановъ сталъ разсматривать это какъ грибокъ выросшее дѣло и все болѣе приходилъ въ изумленіе. Тутъ было духовное завѣщаніе на благопріобрѣтенную часть имѣнія, составленное въ пользу его управляющаго Квитницкаго, представленное при прошеніи о введѣніи его во владѣніе. Русановъ взглянулъ на помѣтки, — оно было составлено недѣли двѣ спустя послѣ дня рожденія Инны. Начиналось оно обычными словами: "Находясь въ полной памяти и здравомъ разсудкѣ, и чувствуя приближеніе кончины..." Эпиграфомъ стояло: *quid potui feci, faciant meliora potentes*. Свидѣтелями подписались, между прочимъ, несостоятельный помѣщикъ, докторъ и отставной поручикъ. Затѣмъ въ объяснительныхъ рапортахъ нижнихъ инстанцій описывалось слѣдствіе, изъ коего оказывалось, что смерть Ишимова произошла отъ разрыва въ груди артеріи; медицинское свидѣтельство было за подписью того же доктора. Русановъ

чутьемъ юриста угадываль, что дѣло не совсѣмъ чистое.

Онъ взялъ его домой, и вечеромъ отправился къ Чижиковымъ. Въ маленькой гостиной было темно, только полный мѣсяцъ положилъ на полъ свѣтлые блики оконъ: въ комнатѣ кто-то тихо всхлипываль.

— Кто тамъ? послышался голосъ Чижикова.

Русановъ насилу разглядѣлъ хозяевъ; они сидѣли рядкомъ на диванѣ; Катенька плакала.

— Что это вы? сказалъ Русановъ.

— Ахъ, Владиміръ Ивановичъ, васъ Богъ послалъ! Вы хороши съ Доминовымъ! Митѣ вельно въ отставку подавать...

— Осерчалъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, говорилъ Чижиковъ. — Я, говоритъ, съ кляузниками служить не желаю... Это про Ишимовское дѣло, изводили слышать?...

— Да, я о немъ-то и пришелъ говорить. дѣло нечистое...

— Помилуйте! Чистое, святое дѣло!

— То-есть съ вашей стороны...

— Разумѣется, духовное завѣщаніе подлож-

НО...

— Какъ же это было?

— Тутъ, изводите видѣть, такая машина подведена, что и самъ чортъ концовъ не сыщеть. Въ день его смерти управляющій увѣдомилъ свидѣтелей; тутъ они наѣхали съ докторомъ и, вѣроятно, тутъ же и состряпали завѣщаніе-то. Какъ онъ хандрилъ послѣднее время, такъ управляющій почти что и не отходилъ отъ него... А послѣ ужъ судебный слѣдователь съ понятыми...

— Но, послушайте, завѣщаніе помѣчено двумя днями раньше смерти...

— Да онъ всю недѣлю гостилъ у Бобырца, пилъ безъ просыпу, да въ отъѣзжемъ полѣ гарцоваль. Ѳедька доѣзжачій видѣль, какъ онъ и съ лошади-то слетѣль головой въ пень; подбѣжалъ къ нему, а тотъ только бормочеть: ату его! ату его! Да тутъ Богу душу и отдалъ... Домой-то ужъ мертваго привезли, а людямъ сказали, что пьяный...

— Да вы почему знаете?

— А у Катеньки тамъ кормилица изъ прежнихъ дворовыхъ, старушка, она къ вамъ и прибѣжала: Ѳедосьевна, а Ѳедосьевна!

Чижииковъ зажегъ свѣчку, въ комнату вошла сторбленная старуха, мать столяра; теперь она ходила въ чепцѣ и платкѣ, и лицо еще больше сморщилось; она все перебирала губами и моргала желтыми глазками.

— Садись-ка, расскажи барину, какъ тебя тамъ допрашивали?

— Допрашивали, кормилецъ, допрашивали, говорила старуха разбитымъ голосомъ, покачивая головой. — Это генераль, что ли, молодой, да сердитый такой! Затаскаемъ тебя, говоритъ, совсѣмъ затаскаемъ...

— Ну, а ты что?

— Что жь я? Куда мнѣ на старости лѣтъ! Вся ваша воля, говорю, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Ну, такъ и писали все что-то... А это управляющій-то, жидовъ сынъ, посмѣивается, таково бойко отвѣчаетъ: еще кой-кого изъ дворовыхъ допрашивали... Гдѣ мнѣ? Не могу говорить, а вотъ передъ истиннымъ свѣтомъ видѣла, сама видѣла, какъ его, соколика-то моего, съ охоты привезли...

Старушка засморкалась и расплакалась.

— Вонъ оно чѣмъ пахнетъ-то? слышите? говорилъ Чижииковъ. — Ну, полно, Ѳедосьев-

ва, есть объ комъ убиваться!

— Родимый ты мой, я его эвоть какого еще на рукахъ носила, выходила, выкормила со-солика вонъ на како дѣло... Каково мнѣ!

— Такъ-то, говорилъ Чижиковъ, — маленькаго человѣка не долго обидѣть; кто за него заступится? Безъ всякаго суда, такъ, здорово живешь, ступай въ отставку!

— Будьте покойны, говоритъ Русановъ, — я все объясню Доминову...

— Вѣдь что обидно-то, пока нуженъ былъ человѣкъ, всякій заискивалъ: Митрій Митричъ, любезнѣйшій Митрій Митричъ, почтеннѣйшій Митрій Митричъ! А какъ бѣда надо мной стряслась, всѣ словно въ воду окунулись...

— Такія-то дѣла, и безъ того-то подѣ старость неможется, и болѣзнь-то, и силь-то нѣтъ, а тутъ еще горе-горюшко, говорила старуха Катенькѣ.

— Нельзя ли похлопотать, Владиміръ Ивановичъ? Сына у нея въ острогъ взяли.

— Въ острогъ? переспросилъ Русановъ.

— Изволишь видѣть, ваше благородіе, заговорила старуха, — дѣлалъ онъ каку-то, про-

сти Господи, машину что ли... Извѣстно молодость, нельзя не прихвастнуть; взялъ да свое имя-то на ней и вырѣзалъ; а тамъ этими машинами какія-то книги отпечатали, узнали про то, взяли его да въ острогъ....

— Опять станки...! вскрикнулъ Русановъ. — Кто жъ ихъ заказывалъ?

— Кто жъ его знаетъ, баринокъ пріѣзжалъ какой-то, только два раза и былъ, фамиліи не сказалъ. Хозяйка-то теперь какъ убивается, дѣло молодое, только бы пожить еще... — Опять заплакала старуха, вытирая глаза концомъ темнаго платка.

Русанову становилось невыносимо. Онъ еще успокоилъ Чижикова и пошелъ домой. Дома, хозяинъ Пудъ Савичъ подалъ ему пригласительный билетъ на сговоръ, имѣющій быть у купца Полозова; невѣстой была дочь его, женихомъ — Доминовъ. Русановъ поглядѣлъ на часы, еще только восемь; ему показалось, что не стоитъ обрекать себя на цѣлый вечеръ скукъ; часокъ, другой, можно заняться; онъ снова принялся за Ишимовское дѣло, и голова заработала. Ему вспомнился Ишимовъ, всегда довольный собой, молодой,

здоровый и такъ внезапно скошенный смер-
тью... отъ разрыва артеріи, точно и въ само-
мъ дѣлѣ это была жизнь кипучая, съ бурными
волненіями, съ симпатіями и ненавистью.
Осталась только злостная насмѣшка, писан-
ная вѣроятно рукою ученаго доктора: *quid
potui feci...* И вотъ на неприбранный трупъ
слетается воронье дѣлать мертвечину; это ду-
ховное завѣщаніе представлялось Русанову
чудовищнымъ актомъ святотатства, оскорб-
лявшимъ подложными печатями таинствен-
ную печать смерти; а тутъ еще семейство тру-
жениковъ, которое хотятъ ограбить....

"Въ чемъ же большее оскорбленіе величе-
ства, думалось ему, — въ глупой пѣснѣ недо-
учившагося мальчишки или въ этомъ
самоувѣренномъ по титулѣ прошеніи?"

Въ домѣ Полозова еще съ утра поднялась
возня. Въ парадныхъ комнатахъ натирали по-
лы, горничныя снимали чехлы съ мебели; ку-
черъ, стоя на подставной лѣстницѣ, обжигалъ
свѣчи въ огромной хрустальной люстрѣ.

— Что это у васъ нонѣ? спрашивали поло-
теры:— кажись у васъ эвти покои разъ въ годъ
отворяются?

— Хозяинъ, чу! дочку выдаетъ, говорили горничныя, развѣшивая по стѣнамъ салопы и платья; по столамъ раскладывались бѣлье, подушки, шитыя одѣяла, словомъ, все приданое невѣсты. Часовъ съ семи вечера стала съѣзжаться родня. Купцы входили, крестясь на три стороны и низко кланялись хозяевамъ; многіе крестились двуперстно. Сысой Абрамычъ Полозовъ, съ самодовольною улыбкой на лоснящемся лицѣ, поглаживалъ бороду и выправлялъ медаль на красной ленточкѣ. Хозяйка, повязанная платочкомъ, чествовала гостей, сложивъ руки подъ дорогою шалью. Мущины садились въ рядъ по одной сторонѣ залы; женщины, осмотрѣвъ приданое, чинно размѣщались со другой. Въ ожиданіи жениха, тишина была несказанно....

Офиціантъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ разносилъ чай, за нимъ ходилъ казачокъ, въ поддевкѣ, съ сухарями.

— Не обезсудьте, говорила хозяйка, кланяясь Авениру, пріѣхавшему къ Полозову по торговымъ дѣламъ: — у насъ по старинѣ....

Вышла невѣста, дѣвушка лѣтъ двадцати,

необыкновенной бѣлизны и румянца, вся въ брилліантахъ, въ кольцахъ, въ браслетахъ....

Пріѣхаль Русановъ и заговорилъ съ Авениромъ о предполагаемой покупкѣ желѣза на заводъ. Тому только того и надо было....

— Славный баринъ! молодъ еще, все больше по ученому говоритъ, а ужъ деньгу любить, коммерцію понимаетъ, говорилъ Полозовъ, подводя къ Русанову челоуѣка среднихъ лѣтъ, краснощекаго съ длинными усами; тотъ низко кланялся, юлилъ и такъ и напоминалъ поговорку: "тише воды, ниже травы...."

— Господина Ишимова бывшій управитель, сказалъ Полозовъ, — дѣльце у него есть....

— Позвольте имѣть счастье познакомиться, говорилъ управляющій, забирая руку Русанова въ обѣ свои и прижимая къ сердцу: — не оставьте вниманіемъ...

— Очень радъ, сказалъ Русановъ, стараясь поймать его взглядъ, но это не удалось; глаза управляющаго, масляные и глядѣвшіе слегка изподлобья, такъ и бѣгали, ни на секунду не позволяя себѣ остановиться...

— Если позволите, я изложу вамъ....

— Нѣтъ, вы прїѣзжайте въ присутствіе, тамъ и переговоримъ...

Тотъ униженно поклонился и отошелъ.

— Полякъ? обратился Русановъ къ Полозову.

— Да-съ, ласковый человѣкъ, хорошій...

— А вѣдь дѣльце-то нечистое, уклончиво отвѣтилъ Русановъ.

— Это что-съ! истецъ-то ужъ больно плохъ; почти не стоящій вниманія человѣкъ... Да оно такъ и надо: деньги къ деньгамъ...

— То-есть какже?

— Да то-есть: имѣющему дастся, а у неимущаго и послѣднее отнимется, значительно проговорилъ купецъ, поглаживая бороду.

Русановъ слушалъ его какъ-то разсѣяннo, сквозь свою мысль, которую и проговорилъ почти безсознательно...

— Ужъ если вы, человѣкъ обезпеченный, богатый, такъ дешевите правдой, кто жъ ее защищать станетъ?

Подозовъ ухмыльнулся въ бороду.

— А вы спросите, чѣмъ богатство-то наживается?

Русановъ поглядѣлъ на купца.

— Что? али мудрено? ну вотъ вамъ попроще загадка: чѣмъ бабы хлѣбы въ печь сажаютъ?

— Руками, усмѣхнулся Русановъ.

— Анъ нѣтъ-съ! тѣстомъ-съ; изъ бѣлаго-то черное и выходитъ....

— А кто жь виновать? Отчего это происходитъ?

— А отчего гуси плаваютъ?

Русанову это показалось не умно, и онъ пошелъ было прочь.

— Отъ берега, батюшка Владиміръ Ивановичъ, отъ берега, услыхаль онъ въ догонку.

Управляющій, завидѣвъ подходящаго Русанова, проворно вскочилъ съ кресла и подставилъ ему.

— Скажите, отчего жь Ишимовъ завѣщаль имѣніе вамъ, а не сестрѣ?

— За преданность, отвѣчаль тотъ со вздохомъ, — за покорность и неусыпные труды мои....

— Откуда у него благопріобрѣтенное имѣніе? перебилъ Русановъ, котораго позывало плюнуть ему въ рожу: — неужели онъ бы-

ль на что-нибудь способенъ?

— Въ Севастопольскую кампанію провіантъ ставиль-съ....

— А! безгрѣшные доходы....

— Именно безгрѣшные, можно сказать даже святые, согласился управляющій съ гаденькимъ хихиканьемъ.

— Женихъ! женихъ! пронеслось по залѣ торопливымъ шепотомъ.

Доминовъ вошелъ въ мундиръ, бѣломъ жилетъ, съ крестикомъ. Всѣ напряженно глядѣли на него, пока онъ здоровался съ хозяйками. Ему стало неловко, онъ взялъ Русанова подъ-руку и прошелъ въ другую комнату.

— Что дѣлать, mon cher, надоѣла холостая жизнь, говорилъ онъ, — а моя Аннушка такое золотое существо....

— Золотое? переспросилъ Русановъ.

— Tu m'a compris, Bayard! отвѣтилъ тотъ съ лукавою улыбкой...

— Я хотѣлъ попросить васъ о Чижииковѣ, началъ было Русановъ.

— Вотъ еще сокровище-то откопали... Воображаетъ, что коли служить, такъ ужъ и всякія гадости дѣлать позволительно.... Такіе

люди не могутъ быть терпимы....

— Но, послушайте, Петръ Николаевичъ, это дѣло...

— О дѣлахъ завтра, сегодня будемъ веселиться...

Дѣвушки затянули свадебную пѣсню, мать подошла къ невѣстѣ, и обѣ стали плакать.

Доминовъ стоялъ, кусая платокъ....

За ужиномъ говоръ, смѣхъ, стукъ ножей и вилокъ оживилъ и самыхъ степенныхъ матерей. Хозяйка ходила вокругъ стола, уговаривая гостей пить.

— Поневольтесь, говорила она, — ну хоть пригубьте только.

Хозяинъ затянулъ: "Во лузяхъ, лузяхъ...."

"Убраться по добру, по здорову," думалъ Руоявомъ надѣвая пальто: "а то пожалуй и шею намнутъ." На дворѣ онъ услыхалъ плачущій голосъ невѣсты.

VI. Безъ маски

Петръ Николаевичъ Доминовъ, какъ большая часть молодыхъ людей быстро двигающихся по служебной лѣстницѣ, началъ карьеру въ Петербургѣ. Въ провинцію пріѣхаль онъ налегкѣ; чемоданъ его былъ до крайности миниатюренъ. Онъ остановился въ номерѣ гостиницы, и долгое время не принималъ никого, отзываясь неустройствомъ. Старые чиновники не на шутку струхнули передъ новымъ начальникомъ; но скоро попривыкли и поуспокоились. Изгонялись только положительно выжившіе изъ силъ, да еще два, три сорванца имъ молодыхъ, неизвѣстно въ чемъ провинившіеся.

Однажды, наканунѣ какого-то торжественнаго дня, онъ отдалъ писцамъ у крѣпостныхъ дѣдлѣ приказъ собратъся къ нему. Тѣ пришли, не чуя земли подъ собою.

— Господа, сказалъ Доминовъ, — до меня дошла слухи, что въ *** товарищъ председателя получаетъ отъ крѣпостныхъ писцовъ четыре тысячи въ годъ. Такъ орощу принять это къ свѣдѣнію. Только-съ! прибави-

ль онъ, повернулся, и ушелъ въ кабинетъ.

Писцы остались очень довольны краткимъ нравоученіемъ, и повидимому нашли его достаточно вразумительнымъ, потому что, выйдя за двери, тотчасъ просіяли и воскликнули: — Ну, слава-те Господи! Наконецъ-то и на вашей улицѣ праздникъ!

Теперь Петръ Николаевичъ занималъ лучшій номеръ въ той же гостиницѣ; огромный письменный столъ, заставленный бронзой, заваленный дѣловыми бумагами, стоялъ по срединѣ кабинета; изящная мебель не полированного орѣха разбросана въ артистическомъ беспорядкѣ; два, три пейзажа Айвазовскаго наклонились съ французскихъ обоевъ; большіе бронзовые часы, фарфоровыя вазы поднимались на консоляхъ. Доминовъ сидѣлъ съ управляющимъ Ишимова за партіей шахматъ въ ожиданіи завтрака.

— Секретарь Русановъ, по дѣлу, доложилъ грумъ, пестрый, какъ попугай.

— Проси!... Ага! готово! Когда жъ это поумаетесь-то хоть немножко!

— Дѣло не шуточное, Петръ Николаевичъ, сказалъ Русановъ, садясь.

— Что же? спросилъ тотъ, небрежно по-
двигая пѣшку.

— Дѣло Ишимова нельзя докладывать въ
томъ видѣ какъ оно изготовлено...

— Отчего же? — Доминовъ взялъ со стола
маленькій гребешокъ и сталъ расчесывать
свои густыя бакенбарды.

— Оттого что оно подлежитъ, мо-
жетъ-быть, не нашему разсмотрѣнiю...

— А чьему же?

— Уголовной палаты.

Управляющаго передернуло, Доминовъ
расхохотался.

— Allons! vous divaguez, mon cher! Я читаль
это дѣло, посмотримъ, какъ вы объясните та-
кую дальновидность.

— Какъ? вы читали? сказалъ Русановъ,
пристально поглядѣвъ на него.

— Точно такъ съ, вѣжливо отвѣтилъ Доми-
новъ, въ свою очередь остановивъ глаза на
Русановѣ, и ожидая.

— А если Ишимовъ и не думаль состав-
лять духовной? если онъ умеръ не своею
смертью? сказалъ Русановъ съ разстановкой.

Управляющій завертѣлся на стулъ и сталъ

поправлять манишку.

— Откуда вы все это, mon cher, берете? Что говорить врачебное свидѣтельство. Вы посмотрите-ка хорошенько!

Русанова это хладнокровіе задѣло за живое.

— А если я настою на необходимости переслѣдованія? Если по вырытіи трупa, въ черепѣ найдется трещина?

Управляющій поблѣднѣль, какъ мертвецъ.

— Тогда врачъ пойдетъ подѣ судѣ, сказалъ Доминовъ.

— Если духовное завѣщаніе окажется подложнымъ?

— Тогда его нельзя утверждать.

— И вы хотите докладывать это дѣло?

— Непремѣнно, спокойно отвѣчалъ Доминовъ:— вѣдь это все голословныя предположенія...

— Я подамъ мнѣніе о переслѣдованіи, сказалъ Русановъ, вставая.

Доминовъ уже смѣрилъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, Владиміръ Ивановичъ? Мнѣ ваша недавняя болѣзнь вну-

шаетъ серіозныя опасенія. Позвольте узнать, на какомъ основаніи вы такъ поступите? Развѣ вы усмотрѣли что-нибудь подобное изъ дѣла? Иди вы нашли въ немъ какую-нибудь неполноту, чтобы послать за справками? Вотъ все что вы можете сдѣлать какъ докладчикъ...

— Полноте, Петръ Николаевичъ. Мнѣ извѣстны всѣ подробности кончины Ишимова...

— Да? Вамъ угодно дѣйствовать частнымъ лицомъ? Но для этого надо сперва выйти въ отставку. Чиновникамъ запрещается ходатайствовать со дѣламъ, въ мѣстахъ ихъ служенія.

— И выйду, разгорячился Русановъ.

— Извольте, кто же будетъ вашимъ свидѣтелемъ? Эти сами заинтересованы.

— Дворовые....

— Дворовые? Они дали уже показаніе...

Русановъ былъ уничтоженъ; какъ юристъ, онъ, хотя и поздно, вполнѣ видѣлъ ошибку челоуѣка.

"Шалишь, братъ, тебѣ-то я не опущу," подумалъ онъ, и прибавилъ въ слухъ: — Вы пра-

вы. Петръ Николаевичъ: формальности всѣ за васъ; но за то ужъ позвольте и полюбоваться вами....

— Вотъ это дѣло десятое, сказалъ Доминовъ, скрестивъ руки и глядя на Русанова съ злобною усмѣшкой: *j'aime quand on s'entend à demi-mot*; скажите вы мнѣ подобную штучку на людяхъ.... онъ кинулъ презрительный взглядъ на управляющаго, я можетъ-быть вызвалъ бы васъ, какъ тотъ межеумокъ; скажите вы мнѣ это въ присутствіи, я велѣлъ бы записать это въ протоколъ и уничтожилъ бы васъ.... Извольте завтра же подать въ отставку, или я сдѣлаю представленіе объ увольненіи васъ безъ прошенія за самовольную отлучку на цѣлый мѣсяцъ безъ свидѣтельства о болѣзни.... Ступайте!... *Ehес au roi!*....

— Пойдите, Петръ Николаевичъ, вы этими маневрами можете запугать какого-нибудь Чижикова, хоть онъ, къ слову сказать, далеко лучше васъ. Было бы вамъ извѣстно, что я службу покидать не намѣренъ; а такъ какъ одному изъ насъ надо слетѣть, такъ я покорнѣйше прошу васъ имѣть это въ виду....

Русановъ повернулся и вышелъ, а Домино-въ заходилъ изъ угла въ уголь, нахмурившись. Управляющимъ овладѣло непріятное чувство, которое всегда сжимаетъ сердце ничтожнаго плута въ виду гнѣва сильнаго. Онъ проворно убиралъ шахматы въ коробку.

— Вѣдь вотъ вы не понимаете, изъ чего я бѣснующь! Вы думаете, мнѣ въ самомъ дѣлѣ досадно, что онъ меня оскорбилъ?

— Помилуйте, стоитъ ли обижаться!

— Нѣтъ, вы рѣшительно глупы, а это при нашемъ.... дѣлѣ, бѣда!

— Да, вѣдь онъ помѣшался на прогрессъ....

— Эхма! Поймите, любезный, мнѣ-то ловко было его руками жаръ загребать.... Вѣдь только на него я можно было положиться.... Досадно, мочи нѣтъ, досадно! Вотъ какъ даже: знай я, что онъ такъ горячо приметъ это, совсѣмъ другое дѣло было бы....

— Какъ же, сказалъ управляющій, — вѣдь надо сегодня доложить непременно, а то ничего не успѣемъ сдѣлать.... Чижиковъ пожалуй нынче подастъ прошеніе, и тогда прощай....

— Доложимъ, нетерпѣливо отвѣчалъ До-

миновъ:- что вы думаете, ужь безъ Русанова и доложить некому?.... Этого добра довольно!

Русановъ отправился къ губернскому прокурору. Этотъ важный постъ занималъ сухой, желчный старичокъ, съ небольшими глазками, глядѣвшими изъ-подъ нависнувшихъ бровей такъ бойко, что не было человѣка во всей губерніи, который могъ бы долго вынести этотъ взглядъ. Во время недавней ломки, охватившей всѣ вѣдомства, многіе, чуявшіе у себя пушокъ на рыльцѣ, утѣшались хоть тѣмъ, что вотъ и этотъ ядовитый человѣкъ отправятся почивать на лаврахъ. Онъ только посмѣивался, и въ самомъ дѣлѣ, наперекоръ стихіямъ, удержался на мѣстѣ. Попасть къ нему на язычокъ пуще огня боялись; попасть ему подъ перо, значило быть въ уголовной.

И позволялъ же онъ себѣ такія вещи, которыя другимъ не легко съ рукъ сходятъ. Была у него, напримѣръ, любимая поговорка: "всякъ человѣкъ есть ложь, и нѣсть въ немъ правды ни единыя." Прежній губернаторъ вздумалъ однажды позабавиться надъ нимъ въ обществѣ.

— Какъ же такъ? говоритъ:- что это зна-

читать?

— А то, что всѣ люди мошенники ваше превосходительство....

— Но какъ же такъ однако! Стало-быть и я съ ними?

— Объ насъ съ вами, ваше превосходительство, и рѣчи нѣтъ; вы — генераль, я прокуроръ, а тутъ про людей говорятъ....

Онъ слушалъ Русанова съ большимъ вниманіемъ и вертѣлъ табатерку между пальцами.

— Кончили? спросилъ онъ.

— Кончилъ, сказалъ Русановъ.

— Ну, батенька, сказалъ бы я вамъ: поцѣлуемтесь, да не брился сегодня, вотъ бѣда-то какая! А впрочемъ съ вами вирши-то разводитъ нечего; рыбакъ рыбака, а чудакъ чудака насквозь видятъ. Вотъ что я вамъ скажу, отложите попеченіе....

Русановъ этого, по крайней мѣрѣ по началу, никакъ не ожидалъ.

— Знаете ли вы, съ какимъ лѣшимъ сцѣпились? У него, батенька, въ Питерѣ такая рука, что какъ прихлопнетъ насъ съ вами, такъ отъ насъ только мокренько останется, а

изъ меня дымъ пойдетъ....

Русановъ поклонился и вышелъ въ переднюю.

— Ну, вотъ ужъ и разсердился, сказалъ старикъ въ догонку:- ладно, тамъ посмотримъ!

Пріѣхавъ домой, Русановъ тотчасъ же сѣлъ писать прошеніе объ отставкѣ; почти машинально написалъ онъ казенную фразу: "Не будучи въ состояніи по разстроенному здоровью;" потомъ замѣнилъ вторую ея половину словами: "по домашнимъ обстоятельствамъ", зачеркнулъ и это, взялъ листъ гербовой бумаги и прямо на бѣло написалъ: "Не будучи въ состояніи продолжать службу" и т. д. Окончивъ прошеніе, отвезъ его въ присутствіе и подалъ Доминову самъ.

— Что это? Прошеніе? проговорилъ тотъ не совсѣмъ покойнымъ голосомъ:- къ чему торопиться? Послушайте, вы не хорошо со мной поступили....

— Что это, Петръ Николаевичъ? Вы меня не поняли.... Сколько мнѣ помнится, лично-стей между нами не было; вамъ не нравилась моя отлучка, мнѣ не нравился вашъ образъ дѣйствій; если вамъ что-нибудь оскорбитель-

но показалось, я готовъ удовлетворить васъ, чѣмъ угодно....

Доминовъ пожалъ плечами, Русановъ сдѣлалъ легкій поклонъ и вышелъ. На другой день онъ заѣхалъ къ Чижикову, рассказалъ ему свои неудачныя хлопоты, просилъ его взять на комиссію продажу его движимости съ извѣстнымъ процентомъ на труды. Чижикомъ объявилъ ему, что духовное завѣщаніе уже утверждено, и выдано управляющему, но что онъ намѣренъ не оставлять дѣла и вести процессъ до послѣдней инстанціи, и что на завѣщаніи даже плохо соблюдено сходство руки Ишимова. Дома Русановъ свелъ счеты съ Пудомъ Савичемъ, и отданныя впередъ за два мѣсяца деньги оставилъ ему въ вознагражденіе за потерю жильца; попросилъ его взять почтовыхъ лошадей къ тремъ часамъ утра; самъ уложилъ чемоданы; пообѣдалъ въ довольно безразличномъ состояніи духа, и отправился къ Ниночкѣ добить вечеръ. Послѣднее время Русановъ жилъ въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи силъ. Отчего собственно происходило это, онъ не только не сознавалъ, но ему и въ голо-

ву не приходило задать себѣ такой вопросъ. Какъ только онъ оставался съ самимъ собою безъ дѣла, его начинала давить тоска, гнала его куда бы то ни было, заставляла хвататься за что бы то ни было.

— Это очень жаль, говорила Ниночка, сидя съ нимъ на диванчикѣ:- но что жъ дѣлать? Ты должно-быть вовсе рехнулся.... Поѣду я съ нимъ въ деревню, чтобы меня тамъ волки съѣли.... Это мило!

— Нѣтъ, не рехнулся, и такъ это говорится, будто бы для успокоенія совѣсти, говорилъ Рузановъ, улыбаясь:- я очень хорошо знаю, что ты своихъ рысаковъ и свою дожу не промѣняешь ни на какого дурака; такъ?

— Я думаю, что такъ.

— Ну, значить, сошлись и разойдемся вновь; а вотъ это хорошо, что горечи у васъ другъ противъ друга нѣтъ....

— Куда намъ до такихъ премудростей! захотала Ниночка:- не въ первой!

Какъ же обрадовался майоръ пріѣзду племянника, и какъ удивился онъ, когда внесли его чемоданы!

— Что жъ это, Володя? проговорилъ онъ,

разводя руками.

— Послѣ, дяденька, послѣ! Все, расскажу; дайте уснуть: усталъ какъ собака.

Нѣсколько дней спустя въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатано было объявленіе о потерѣ духовнаго завѣщанія проѣздомъ отъ гражданской палаты до Ишимовскаго хутора.

VII. Осенніе дни

Въ половинѣ октября на югѣ Россіи продолжается еще то что у жителей средней полосы называется бабьимъ лѣтомъ. Русановъ чаще и чаще слышалъ голоса сосѣднихъ гончихъ. Онъ, по цѣлымъ днямъ просиживалъ у окна, глядя какъ старый Діодъ робитъ жбаны, бочонки изъ дуба, какъ везутъ на токъ снопы. Вотъ Охримъ съ Остапомъ поволокли бредень на *ставъ*; по грязной дорожкѣ идетъ откормленная свинья, похрюкивая, да повертывая мордой, а поросята съ визгомъ несутся впередъ неуклюжими скачками: птички-по-смитюхи бѣгають во двору. Все это было съ руки Русанову; эта незатѣйливая жизнь проходила передъ нимъ, какъ въ райкѣ, не тревожа его, не будя въ немъ никакихъ

воспоминаній. Если не на что было смотрѣть, онъ съ одинаковымъ безучастіемъ слѣдилъ за дымкомъ своей папиросы, уносившимся въ окно и исчезающимъ въ воздухъ.

Толстая Стеха подойдетъ къ нему и стоятъ, разбирая фартукъ, не зная, какъ за него приняться.

— Васъ, панъ, до чаю гукають, скажетъ она вполголоса.

Онъ поглядитъ на нее, будто странно ему, что она тутъ явилась.

— Чай готовъ, скажетъ она погромче.

Русановъ пойдетъ къ майору, и они толкуютъ о предстоявшемъ умолотѣ, о продажѣ хлѣба, испивая стаканъ за стаканомъ.

Вечеромъ, Владиміръ Ивановичъ выйдетъ въ садъ и пройдетъ имъ, глядя подъ ноги, на улицу. Толпа дѣвчатъ, паробковъ поютъ пѣсни, граютъ у скрипицю, пляшутъ. Онъ сядетъ на завалинку, смотритъ.

Сначала эти посѣщенія смущали деревенскую молодежь; ихъ стѣсняло присутствіе паныча, который ни съ кѣмъ не заговариваетъ, не заигрываетъ съ красивыми дѣвчатами, какъ другіе панычи.

— Чи винъ скаженный, чи що? говорили обиженныя красавицы.

— Та ни, такъ щось ёму потрапилось, толковали парни.

Мало-по-малу къ нему привыкли. Иногда онъ бралъ скрипку у мѣстнаго виртуоза, игралъ имъ какой-нибудь танецъ, гопака или горлицю, начиналъ его варіировать, и толпа приходила въ восторгъ.

Совершенно своеобразная прелесть малороссійскихъ пѣсенъ — двѣ, три нотки, повторяющіяся въ самомъ плясовомъ ритмѣ. Въ нихъ отзывается подавленная грусть-тоска, такъ ярко выступающая въ заунывной *Лучинушкѣ* ипропадающая въ разгульныхъ, въ родѣ знаменитаго *комаринскаго штукаря* и своенравной *барыни*. Русановъ улавливалъ эти немногія нотки, останавливался на нихъ, и смычокъ почти самъ собой выводилъ мелодію. Сперва звуки только сладко щекотали больную душу, потомъ они сливались въ тихую жалобу, выступали горячими слезами, росли и неслись непрерывнымъ потокомъ скорби, и замирали на сдержанномъ рыданіи...

Пляска прекращалась, слушатели тѣснились въ кружокъ, робко переглядываясь и боясь проронить нотку, и пѣсня лилась въ тихомъ вечеряемъ воздухѣ, надрывая душу слушателей, сопровождаемая всхлипываньемъ и покачиваньемъ головы какой-нибудь не выдержавшей старушонки, или урывчатымъ поцѣлуемъ, подаркомъ дѣвчины обнявшему ее сзади паробку. А потомъ, когда Русановъ, замѣтивъ свою продѣлку, удалялся, жители Нечуй-вѣтера начинали задирать своего виртуоза, *щобъ и винъ зыгралъ якъ панычъ.*

Однажды зашелъ къ Русанову Іоська и, увидавъ его сидящимъ у окна, пригласилъ его на чердакъ посмотришь что онъ тамъ приготовилъ ему для развлечения.

Русановъ пошелъ съ нимъ на чердакъ; тамъ расхаживала молодая, вѣроятно отставшая отъ своей стаи, дрофа, которую Іоська притащилъ изъ степи. Іоська глупо улыбался, надѣясь утѣшить паныча, котораго полюбилъ за то что тотъ не укорялъ его пьянствомъ. Но Русанова заняло совсѣмъ другое; въ углу, въ огромномъ ящикѣ, на порыжѣвшемъ мундирѣ и заржавленной саблѣ, валялось

нѣсколько пыльныхъ книгъ. Онъ сталъ раз-
бирать ихъ... "Эмилія или увлеченіе молодой
дѣвушки", "Полное практическое руководство
къ приготовленію философскаго камня,"
сочиненіе Цицеро Ренато, члена братства
Гульденъ- и Розенъ-Крейцеровъ, печатанное
въ 1714 году готическими нѣмецкими буква-
ми; "О познаніи себя," Михаила Масона и
"Опытъ о человѣкѣ господина Попія," переве-
денный съ французскаго языка Академіи На-
укъ конректоромъ Николаемъ Поповскимъ.
Заглавіе послѣдней книги было до того дико,
что Русановъ расхохотался, и Іоська счель
долгомъ обрадоваться; въ ней же попалась
Владиміру пожелтѣвшая бумажка, хитро сло-
женная въ форму старосвѣтской цидулки.

"Возлюбленный гвоздикъ, писала женская
рука, летите въ покинутый вертоградъ: лилея
безъ васъ совсѣмъ завяла. 1793 г., декабря 5."

Русановъ забралъ книги, и оставилъ Іось-
ку съ дрофою на чердакѣ.

Нѣсколько дней спустя съ почты принесли
мужики объявленіе о посылкѣ изъ Москвы и
денежномъ письмѣ на имя Владиміра Ивано-
вича; онъ самъ поѣхалъ за ними въ городъ на

другой же день съ утра. Деньги были присланы управляющимъ домою Русанова. Посылку онъ взялъ домой, не развертывая. Проѣзжая мимо Горобцовскаго хутора и увидавъ пожелтѣвшій садъ, Русановъ отвернулся и ударилъ лошадь плеткой; живо катился онъ по знакомой тропинкѣ, хлѣбъ давно былъ убранъ, грязно-желтыя жнивья глядѣли бритымъ затылкомъ негоднаго рекрута, въ сѣренькомъ небѣ бѣлесоватымъ пятномъ сквозило солнце, раздавалось унылое курлыканье журавлей; они, чуя холода, тянули въ вирей; вѣтеръ гналъ по степи шаръ перекасти-поле.... Въ небольшомъ болотцѣ жалобно укали лягушки. Русанову пришла въ голову народная легенда, рассказанная ему когда-то Инной; онъ придержалъ лошадь, прислушиваясь къ однообразнымъ стонамъ. "Де твій кумъ? — на Дону; — а твій? — потонулъ! — Нумъ {Давай} плакати? — Нумъ! — Нумъ! — Нумъ!"

Холодна и непривѣтлива показалась эта сторона Русанову; онъ еще чаще сталъ погонять лошадь вплоть до самаго хутора. Приютъ стараго майора глядѣлъ какою-то калмыцкою

юртой, — до того обложили его сверху до низу соломой. Окна выглядывали, какъ мыши изъ норокъ, люди возились около него со снопами.

— Что это дяденька? вскрикнулъ Русановъ.

— А, то-то! значить знаешь, да не все еще! Обставляемъ на зиму соломой. Вотъ какъ завалить снѣгомъ подъ самую крышу, поднимется метель, пойдутъ морозы, и мы забьемся сюда, зароемся въ содому, не найдутъ насъ.

И пошли ненастные дни за днями, недѣли за недѣлями. Нигдѣ осень не лишена въ такой мѣрѣ поэзіи, какъ на югѣ Россія. Тучный черноземъ, выпиравшій богатую растительность, раскисаетъ въ невылазную грязь, и всякое сообщеніе съ сосѣдними хуторами прерывается; проливные дожди цѣлый день однообразно барабанятъ въ стекла, переполняютъ пруды; вода съ ревомъ и пѣною мчится по ярамъ, прорываетъ гребли, промываетъ туннели въ берегахъ. Вѣтеръ, не стѣсняемый листвою, гуляетъ на просторѣ и поднимаетъ съ земли вихри бурныхъ листьевъ. Немногія зимующія птицы прячутся по дупламъ; одни

только черные крюки проносятся въ воздухѣ, шумя тяжелыми крыльями, и отрывистымъ карканьемъ будто радуются общей невзгодѣ.

Что же дѣлалъ Русановъ въ такіе дни? Знаете ли вы, читатель, чѣмъ топятъ въ Малороссіи даже богатые помѣщики? Соломой, — и самый процессъ топки довольно занимателенъ для новичка. Вотъ Владиміръ Ивановичъ сидитъ передъ узенькою голландскою, съ зелеными муравленными изразцами, и протискиваетъ въ нее огромный снопъ соломы; по мѣрѣ того какъ конецъ его стараетъ, онъ суетъ въ печь выходящій изъ нея конецъ; догорѣлъ снопъ, другой занимаетъ его мѣсто. Это продолжается полчаса, часъ, и печи натоплены, въ комнатахъ тепло.

Русановъ ложится на диванъ и начинаетъ рыться въ старыхъ книгахъ, а новые журналы валяются неразрѣзанными. Иногда онъ просматривалъ *Губернскія Вѣдомости*, и съ усмѣшкой откладывалъ ихъ въ сторону. Когда Стеха приходила просить у него бумажекъ на пирожки и печенье, онъ ихъ отдавалъ ключницѣ съ замѣчаніемъ, что это литература.

Хороша была обличительная литература и въ столицахъ, — но до какихъ геркулесовскихъ столбовъ дошла она въ провинціи, этого, не читавъ, и представить себѣ невозможно. Въ этомъ отношеніи *Губернскія Вѣдомости*, съ извѣстной точки зрѣнія, далеко оставили за собой столичную печать на пути прогресса. Обличали безграмотные мальчишки, обличали разучившіеся старики, обличали дамы, все наперегонки обличало другъ друга. Въ чемъ? Въ какихъ общественныхъ язвахъ? Одну женщину, которая надолго оставляла отрадное впечатлѣніе во всѣхъ кому удавалось хоть на короткое время сблизиться съ ней, въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ обличили въ выходѣ замужъ за паренька безъ роду и племени; одного актера обличили въ томъ, что онъ сушиль своя помочи, вязанья изъ англійской бумаги (фабрика Арчибальда Мерилиза) на заборѣ сосѣда; какой-то кружокъ мирныхъ гражданъ обличали въ игръ въ стуколку; однихъ обличали въ горячности, другихъ въ холодности.

Авторъ очень хорошо помнитъ, какъ однажды, коротая осенній вечеръ съ однимъ изъ

юныхъ литераторовъ подобнаго рода, они по-
ложительно не знали, чѣмъ бы дошибить
время.

— А знаете что, обличимъ кого-нибудь,
хватилъ литераторъ-обыватель.

— Пожалуй, согласился авторъ, заинтере-
сованный такомъ экспромптомъ. Какъ хоти-
те, отъ скуки очень интересно видѣть процесъ
обличенія *ex abrupto*.

— Только я не разборчиво пишу, а
хотѣлось бы прямо набѣло, чтобы завтра и
отослать въ редакцію... Дебютируйте-ка! ска-
заль литераторъ.

— Нѣтъ, ужъ обличайте вы, а я позабочусь
о синтаксисѣ и каллиграфіи.

Ну и обличили они дохлую собаку, валяв-
шуюся на городской пощади. Конечно, тутъ
главную роль играла химія, собака была на
второмъ планѣ; разсуждали о вредномъ
вліяніи аммонія и сѣрнистаго водорода на об-
щественное здоровье.

Значительную часть статьи занялъ либе-
рализмъ: обругали будочника, который рав-
нодушно глядя на подобные безпорядки, за-
нимался издѣліемъ нюхательнаго табаку.

Статья была отправлена и принята редакціей съ благодарностью.

VIII. Портретъ

Семейство Горобцовъ купно засѣдало въ гостиной. Анна Михайловна раскладывала грань-пасьянсъ, любуясь первымъ снѣжкомъ; Авениръ передѣлалъ печку въ каминъ и, развалясь передъ экраномъ, наслаждался плодами трудовъ; у Юліи гостила Вѣрочка; онѣ обѣ сидѣли у окна, наклонивъ головы надъ огромнымъ узоромъ въ пальцахъ; изъ подражанія ли или по другой какой причинѣ, обѣ были въ черныхъ платьяхъ, наглухо застегнутыхъ до самаго воротничка шемизетки.

— Юленька! протянула на распѣвъ Анна Михайловна.

Юлія подняла голову. Она похудѣла, глаза ея рѣзче отѣнились, губы опустились, на лицѣ застыло выраженіе какой-то заботы.

— Юленька, я все о тебѣ... Не сходится. Ужъ я чего-чего не дѣлала, и плутовала, и карточки подмѣняла... Не сходится....

— Не трудитесь, маменька, не сойдется... —

И она еще ниже наклонила голову къ пьльцамъ.

— Вотъ никѣмъ же не мучими, сами ся мучяху, вмѣшался Авениръ: — кто жь карта- мь вѣритъ?

— Да развѣ это гаданье... Гаданью, пожа- луй, не вѣрь, а это пасьянсъ! пасьянсъ!

— Владиміръ Иванычъ пріѣхалъ, сказала Юлія, выглянувъ въ окно.

— Вотъ тебѣ на! вскочилъ Авениръ:— три мѣсяца глазъ не казалъ, ни слуху, ни духу, да вдругъ и надумался въ этакую стужу....

Вошелъ Русановъ; лицо румяно, только какъ будто сдало немного въ цвѣтъ, глаза немного потускли, волосы отросли почти до плечъ, борода опустилась на грудь, и самъ онъ какъ будто опустился.

Одна Юлія замѣтила это немногое...

— Что вы съ того свѣта, что ли?

— Хуже, отвѣтилъ онъ съ обыкновенною усмѣшкой.

— Вотъ вы на какихъ нынче проѣзжаетесь!

— А на какихъ? Все на шершавкѣ.

— Тото я и говорю, вонъ ее какъ снѣгомъ-

то отдѣлало, сказала Юлія, глядя въ окно.

— Ничего, обсохнетъ, кончилъ онъ.

Анна Михайловна держала себя немного чопорно. Вѣрочка едва отвѣтила на поклонъ Русанова. Юлія не могла отдѣлаться отъ мысли, чего онъ пріѣхалъ, что ему нужно. Авениръ, не долго думая, вывелъ всѣхъ изъ натянутости. Омъ заговорилъ о своемъ заводѣ, жалуюсь на безсовѣстный обманъ Полозова.

— Желѣзо никуда не годится; ну да авось какъ-нибудь сойдетъ; я разчелъ силу пара, которую оно можетъ выдержать... — И онъ сталъ излагать теорію котловъ и предохранительныхъ клапановъ.

Русановъ подошелъ къ пяльцамъ; онъ успѣлъ разглядѣть только громадныя буквы, шитыя золотомъ по голубому атласу: *свобод...* Швеи тотчасъ закрыли холстомъ пяльцы.

— Развѣ секретъ? спросилъ Русановъ.

— Какъ всякій сюрпризъ, отвѣтила Вѣрочка.

— Имѣете вы извѣстія о Тонинѣ?

— Его, кажется, выпустили, оказала она съ пренебреженіемъ:— какое мнѣ дѣло до

человѣка совершенно противоположныхъ политическихъ убѣжденій!

— Конечно, сказалъ Русановъ, отходя къ Юліи. — Что жь это вы въ траурѣ, обратился онъ къ ней.

— Я думаю теперь всѣ должны видѣть трауръ, вмѣшалась Вѣрочка.

— По комъ же?

— По отечеству, убѣдительно проговорила она.

— А! сказалъ Русановъ, и опять подсѣлъ къ Авениру.

Юлія время отъ времени взглядывала на него, прислушивалась къ его отвѣтамъ, часто поражавшимъ Авенира: до того они были не впопадъ.

"Нѣтъ, думалось ей, не за свекловицей онъ пріѣхалъ." Послѣ обѣда Анна Михайловна, слѣдуя прадѣдовской привычкѣ, удалялась въ опочивальню; Авениръ поливалъ скороспѣлый салатъ въ маленькой тепличкѣ, пристроенной къ залѣ. Сквозь стеклянную дверь Русановъ видѣлъ, что Вѣрочка, сиди на кадучкѣ съ большимъ померанцовымъ деревомъ, что-то съ жаромъ объясняла полити-

ко-эконому.

Владиміръ Иванычъ брался за шапку, когда Юлія погрозила ему съ лукавою улыбкой.

— Нуте, чего вы пріѣхали? говорила она полушутливо, вводя его въ свою комнату.

— А что жь мнѣ дѣлать, когда дядя покою не даетъ; то и дѣло слышишь отъ него: что ты все сидишь дома, поѣхаль бы куда-нибудь, поразсѣлся....

— Спасибо за откровенность, полно такъ ли? Не сами ли вы поѣхали куда-нибудь?

Русановъ вертѣлъ пуговку на своемъ пальто....

— Дѣтка, дѣтка! видно и васъ надо по головкѣ гладить...

Она вынула изъ комода какой-то рисунокъ и провела передъ глазами Русанова, тотъ такъ и дрогнулъ....

— Ну, не буду дразнить, нате, утѣшайтесь....

Это была большая фотографическая группа заграничной работы. Съ балкона, увѣшаннаго коврами, уставленнаго тропическими растеніями, открывалась панорама города. Облокотясь на перилы, стояла Инна во

весь ростъ въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ съ маленькимъ стилетомъ на золотой цѣпочкѣ. У ногъ ея сидѣлъ статный мужчина среднихъ лѣтъ, драпируясь плащомъ и обнявъ за шею Лару.

— Счастливицы, говорила Юленька, — у нихъ тамъ весна, смотрите — померанцы въ цвѣту....

— Откуда вы это подучили?

— Не знаю, на посылкѣ былъ варшавскій штемпель. Какія чудныя матеріи, кружева прислала....

— А письма есть?

— Въ письмѣ ни слова, гдѣ она, что она....

— Это Венеція. Видите: каналъ вмѣсто улицы, гондолы, дворцы... Вонъ Piazzetta.... Довольна ли она по крайней мѣрѣ? задумчиво говорилъ Русановъ, — нѣтъ! Вглядитесь, та же самая загадочная, скорбная дума въ глазахъ, та же насмѣшливая улыбка... Она не нашла, чего искала... Смотрите, она даже курить начала, съ папироской въ рукѣ. Кто жь это съ ней?

— Это братъ Леонъ....

— Они должно быть принадлежать къ ка-

кому-нибудь тайному обществу....

— Это съ чего вы взяли?

— А этотъ крестикъ на шапочкѣ, видите....

И у него на шляпѣ такой же... Такихъ политическихъ сектъ въ Италиі гибель...

Юлія задумалась на минуту.

— Не знаю, къ чему она тамъ принадлежитъ, а что связи у нея должны быть огромныя... Черезъ мѣсяць по отъѣздѣ ея, Аня получила довѣренность; а всѣ ея крестьяне данную на даровой видѣль, и дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ шли какъ на парахъ, такъ что когда Аня пробовалъ возражать или справки наводить, такъ на него только съ усмѣшкой посматривали...

Русановъ снова разсматривалъ портретъ. Долго сдерживаемая грусть такъ ярко проступила на лицѣ, въ опущенной головѣ, въ разбитой позѣ чужлось такое живучее горе; оно было такъ близко самой Юліи, что она не выдержала....

— Ну полно жъ, полно! говорила она, глотая слезы, приподнимая его голову за подбородокъ:- что жъ съ этимъ дѣлать? Мы оба.... — Она зарыдала, и Русанову въ свою очередь

пришлось утѣшать ее.

— Зачѣмъ отчаиваться? говорилъ онъ: — онъ любилъ... Онъ вернется... Она никогда ничего не любила....

— Какой вы, несмысленочекъ! говорила Юленька, улыбаясь сквозь слезы. — Ну поѣзжайте туда, добивайтесь, чтобъ она полюбила... Что-нибудь...

— Скакать на тридевять земель, унижаться? Это любовь?

— А это любовь? Я бы пошла пѣшкомъ за тридевять земель, потому что онъ стоитъ этого, потому что мать погубила меня животнымъ воспитаньемъ....

— Она горда, перебилъ Русановъ, — она до того горда, что себя унижала, лишь бы показать мнѣ, какъ я недостоинъ ея....

И они сама того не замѣчая, рассказывали другъ другу прошлыя и настоящія огорченія; имъ было такъ нужно облегчить себя отъ гнета одиноко накипѣвшихъ чувствъ...

Юленька одѣлась въ горностаевую шубку, накинула теплую шаль на голову и вышла въ садъ, опираясь на руку Русанова. День стоялъ

морозный, ясный; на голыхъ вѣткахъ искрился иней; застывшая грязь ломалась подъ ногами, снѣжокъ только опушилъ землю. Коегдѣ скрипѣли санигири....

— Каковъ плуть! шутила Юленька: — говори ему нее объ ней, да о ней.... Онъ цѣлый день радъ слушать....

Они подошли къ пруду; вода затянулась гладкимъ блестящимъ льдомъ. На берегу стояла дѣвушка, пуская по льду рикошеты. Камень, вырвавшись изъ руки жужжалъ, кружился и мчался далеко, далеко, на другой конецъ пруда, Дѣвушка наклонялась, прислушивалась къ затихавшему шуму, услыжавъ шаги, обернулась, окинула подошедшихъ пугливымъ взглядомъ, улыбнулась, и ловко скользя по льду, укатилась на середину пруда. Это была Посмитюха.

— Бѣдная, бѣдная! говорила Юленька, слѣдя за рѣзвившеюся Посмитюхой:— можетъ-быть на счастье сошла съ ума... А что если...

Юленька конвульсивно сжала руку Русанова; тотъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Что если?...

— Я говорю, многимъ дѣтямъ некуда дѣваться, нечего ѣсть.... Нѣтъ, прибавила она, заглянувъ ему въ лицо, — вы еще не знали горя...

"Да что съ ней? она ли это?" думалось ему.

Авениръ подбѣжалъ къ нимъ съ коньками.

— Ну-ка, Юдя! Кто лучше свой вензель вырѣжетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Не надо вензелей, заговорила та, вспыхнувъ.

— Ты жь такъ любила!

— Нѣтъ... Еще поскользнешься.

— Вотъ велика важность!

— Не хочу... Гдѣжь Вѣра?

— Разсердилась... Вообрази, развивать меня вздумала, говорилъ политико-экономъ. — Такъ, говоритъ, жить нельзя; надо задать себѣ задачу...

— Ну, что жь вы? спросилъ Русановъ.

— Я спросилъ какую, изъ ариѳметики, что ли? Она и разсердилась; выходитъ, она разумѣла задачу жизни, какую-нибудь цѣль... Я ей сказалъ, что на фокусы не способенъ. Она, говоритъ, надо васъ побороть... Я гово-

рю, ничего изъ этого не выйдеть. Да и ктожь ей сказалъ, что у меня нѣтъ дѣла, настоящаго, своего... Задача жизни, говоритъ несчастная; я ее чуть душой не назвалъ.

— Зачѣмъ это? возразила Юленька и пошли домой; Русановъ за ней; Авениръ подвѣзаль коньки, пустился за Посмитюхой.

— Развѣ еще порадовать? говорила Юленька. — Нарочно къ концу приберегла, а то вѣдь вы опять забьетесь на три мѣсяца.

— Ну? говорилъ Русановъ, какъ балованное дитя.

— То-то ну! Ключъ вамъ присланъ отъ ея стола, позволено разобрать ея бумаги, прочесть ихъ и опять на мѣсто положить, не пачкая, не дѣлая изъ нихъ пѣтушковъ, смѣялась Юленька.

— Когда же?

— Когда приѣдете; нынче поздно; да за разъ и не прочесть всего.... Тамъ переписка за нѣсколько лѣтъ, и дневникъ; сперва надо переписку читать...

— Надо? улыбнулся Русановъ.

— Такова инструкція....

Когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, Юлія вышла

проводить Русанова.

— Нечего и думать объ этомъ, говорилъ онъ, пряча въ портъ-сигаръ фотографическую карточку Инны, махнулъ рукой и погналъ лошадь. Юлія тоскливо смотрѣла вслѣдъ, пока его фигура не слилась съ темнотой осенняго вечера, вѣтеръ не осилилъ глухаго топота копытъ.

— Всѣ они эгоисты, подумала Юленька:— я вотъ поняла, что у него на душѣ... А онъ? Дальше носу ничего не видитъ.

Цѣлый ураганъ мыслей забушевалъ въ головѣ Русанова, когда онъ очутился въ полѣ.

"Она обо мнѣ вспомнила... Что за нѣжности? Къ чему это мнѣ ея дневникъ? переписка? Не хочетъ ли она меня тоже развивать?" думалось ему въ первое время. Потомъ онъ вспомнилъ, что она не дѣлала ни шагу безъ крайней надобности, безъ особеннаго смысла: "Что-нибудь сознательно дурное въ ней не мыслимо," думалось ему.

"Не мыслимо," рѣшилъ онъ, подѣвжая къ дому.

IX. Переписка

Дня черезъ два Русановъ опять пріѣхалъ къ Горобцамъ.

— Не терпится? улыбнулась Юленька, когда они остались вдвоемъ.

— Давайте ключъ.

— Я вамъ сама принесу, въ свою комнату; а то тамъ Вѣрочка поселилась, она васъ не долюбливаетъ...

— Прошу покорно, честь какая! сказалъ Русановъ, отправляясь въ комнату Юліи.

Она принесла зеленый сафьянный портфель и толстую тетрадку.

— По порядку, сказала она, подавая ему портфель:— это переписка отца; она хочетъ, чтобы вы съ нимъ познакомились...

Онъ былъ биткомъ набитъ письмами, безъ всякой послѣдовательности, безъ сортировки; многія письма были въ клочкахъ, многія безъ чисель.

— Мѣшать не стану, уйду; только вы сидите тише; я васъ запру.

Первое попало Русанову письмо на голубоватой почтовой бумагѣ; чернила

пожелтѣли и почти совершенно выцвѣли....

"18.... года. Lago Coto.

"Пишу тебѣ, великій Магадева, изъ прелестнаго уголка Италіи. Здоровьѣ мое изъ рукъ вонъ плохо; кажется, скоро придется мнѣ погаснуть незамѣченнымъ въ общей суетѣ, какъ бывало догорали свѣчи въ жару философскихъ споровъ нашего кружка; вспоминаются мнѣ ваши оживленныя бесѣды въ Старой Конюшенной, и какъ-то мирно, покойно становится на душѣ; нѣтъ у меня даже сожалѣнія о безплодно потраченныхъ силахъ, и не тяготитъ меня горькая дѣйствительность. Вспоминается мнѣ, какъ ты еще тогда сравнивалъ наши стремленія съ труднымъ восхожденіемъ на высокую гору. Муки Тантала и Сизифа! Работа Данаидъ!...

"Помнишь: *Als er einst sein Kaste getrunken, kommt ein Jüngling in der Noth: Vater, sagt, du hast mich zur Glückseligkeit geschaffen, und ich bin unglücklich. - Geh nach Berlin und studire drei Jahre! Er ging nach Berlin, studirte and kehrte unglücklich zurück...* Зачѣмъ ты меня создалъ, Магадева? Помнишь,

чѣмъ мы утѣшались: идеализмъ, дескать, относится къ жизни, какъ колоритъ къ гравюрѣ. А теперь, глядя на этихъ дышащихъ здоровьемъ pescatori, contadini, operanti, на всю веселую, когда-то столь презираемую толпу, какъ я завидую имъ порой! Правъ былъ отецъ, когда не соглашаясь на мою женитьбу, желалъ видѣть меня сперва чѣмъ-нибудь: хоть чиновникомъ, хоть офицеромъ, хоть откупщикомъ...

"А я мечталъ тогда объ основаніи училища, въ которомъ мы были бы преподавателями. Чему бы мы научили дѣтей?"

"Ты отшатнулся отъ вашего кружка; это вѣчное копанье въ самомъ себѣ, вѣчное гамлетство, доискиваніе цѣди бытія въ Гегелевской феноменологіи опротивѣло твоей живой натурѣ; ты не захотѣлъ провести жизни въ головномъ міркѣ. Честъ и мѣсто тебѣ, *Morituri, Caesar, te salutant!*"

"Прости, если я даю тебѣ нѣсколько горькихъ минутъ. Рано или поздно ты узнаешь о моей смерти. *Marie* приѣхала ко мнѣ; добра, какъ ангелъ; ухаживаетъ за мной, какъ сестра; иногда вос-

крешаетъ надежду... жить! Все это и грустно, и сладко, сладко... Докторъ запрещаетъ много писать; буду ждать отвѣта.

"Твой С."

Помѣтка на письмѣ карандашомъ: "получено черезъ недѣлю послѣ смерти. Цѣлую жизнь сіялъ намъ свѣтлымъ ореоломъ науки, искусства, философіи и завидовалъ блудящимъ огонькамъ."

Записка, писанная на клочкѣ:

"Неужели же вы не придете поспѣтить заключеннаго? Вообразите себѣ самую мрачную каморку Крутицкихъ казармъ съ часовымъ вмѣсто маятника; ни одного человѣческаго лица и очень много солдатъ и таракановъ, состязающихся въ красотѣ усомъ; квартира казенная, но безъ освѣщенія. Вамъ легко получить доступъ ко мнѣ, вы слывете благонамѣреннымъ. Посылаю на удачу съ несовратимымъ стражемъ.
"Г."

Письмо довольно не разборчиваго почерка:

"3 октября, С.-Петербургъ.

"Если я обращаюсь къ тебѣ, любезный Николай Терентьевичъ, значитъ: солоно пришлось. Я тебя люблю и уважаю, какъ бывшаго учителя; но, согласись самъ, бросить оба кружка въ такое тяжелое для насъ время, забиться въ глушь и не подавать живаго голоса — въ высшей степени двусмысленно. Мы думали, что у тебя, по крайней мѣрѣ, уважительныя причины, какъ вдругъ узнаемъ о твоей свадьбѣ и сибаритской жизни водъ тѣнью хохлацкихъ садовъ. Я не баронъ, а понимаю, что у бароновъ бываютъ свои фантазиі.

"Все это очень хорошо, но все это ты могъ продѣлать въ Петербургъ не покидая общаго дѣла и неизмѣняя современному движенію. Право я иногда такъ золъ на тебя, что пугаюсь мысли объ вашей встрѣчѣ.

"Перехожу къ просьбѣ. Каковы мои обстоятельства, можешь заключить изъ того, что я рѣшаюсь просить у тебя денегъ. Скотина *** эксплуатируетъ меня хуже любого пропріетера. Жена осаждаетъ домашними дрязгами. С*** продолжаетъ отпускать своя

остроты, встрѣчаясь со мною на Невскомъ: когда же къ вамъ-то? къ вамъ-то? говоритъ, приготовилъ ужь и даровую квартиру. Въ довершеніе удовольствій — кровь горломъ.

"Если ты мнѣ пришлешь рублей двѣсти, надѣюсь черезъ мѣсяцъ кончить статью о Пушкинѣ и возвратить тебѣ долгъ. Если самъ пріѣдешь, прошу и расцѣлюю.

"Б."

Приписка карандашомъ: "исполнено 4 октября".

Русановъ пробѣгалъ отрывками:

"Другъ мой, сердце мое облилось кровью прочтеніи вашего письма. Итакъ Аделины нѣтъ болѣе на свѣтѣ, нѣтъ болѣе тихаго ангела, посланнаго вамъ въ подруги жизни небомъ благодатной Германіи. Потеря велика, но у васъ достанетъ силы перенести ее. Мысль осыпать покойницу розами на смертной постелѣ, не выставя мертваго тѣла на позорище праздной толпы, и не допускать постороннихъ лицъ до самага выноса — показываетъ всю несокрушимость вашего духа и нахо-

дитъ полное сочувствіе въ поэтиче-
скихъ натурахъ...

"...Помните, что на рукахъ вашихъ
остается малютка Инночка, развитіе
которой есть ваша священная обязан-
ность...

"...Посылаю вамъ *Emile Rousseau*,
классическую книгу по вопросу о
воспитаніи: *tout est bien, tout est grand
sortant des mains de l'auteur des choses...*

"...У меня премиленькая квартирка,
много уроковъ; надѣюсь занять мѣсто
въ корпусѣ...

"...Боже мой! Боже мой! Какъ судьба
разбросала нашъ кружокъ!...

"...Пусть неизмѣненъ жизни новой,
Приду къ таинственнымъ вратамъ.
"Горячо жмуцій вашу руку, В. К."

Помѣтка: "на сумасбродныя весьма нечего
отвѣчать".

Письмо со штемпелемъ Рима:

"Письмо ваше чрезвычайно огорчило
меня и оскорбило всѣ христіанскія чув-
ства. Развѣ можно нападать на одно
изъ священнѣйшихъ установленій, по-
тому только, что у васъ дурная жена;

вспомните свой первый бракъ...."

Русановъ не дочиталъ письма, и торопливо взглянулъ на окончаніе.

"Вы сами пишете, что увлеклись простотой Анны Михайловны; вы мушкетеръ, заставьте ее, укажите ей истинное значеніе женщины.

"Поручаю васъ милости Божіей.

"Соболъзнующій о васъ Н. Г."

Приписка: "помѣшался!"

"Вѣна. 1847 г.

*"Я не писалъ бы къ тебѣ, еслибы до меня не доходили олухи, что ты непокоенъ духомъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь озлобленъ омутомъ жизни, раскаиваешься въ постылой слабости и страстно желаешь пострадать за правое дѣло. *Vaut mieux tard que jamais!* Настала минута искутить прошлое. Народы пробуждаются. Кошутъ и Гергей подняли знамя возстанія въ Венгріи. Франція Ледрю-Роллена, Ламартина, Викторъ Гюго готова отозваться грознымъ эхомъ на первый пушечный выстрѣлъ. Въ Италіи глухое броженіе. Пріѣзжай, ты найдешь меня во главѣ движенія. Снова твой*

"М. Б."

"Р. S. Посланецъ передастъ тебѣ всѣ подробности..."

— А это отъ отца, подумалъ Русановъ, взявъ слѣдующее письмо:- его рука! Такъ и есть!

"Москва. 1853, іюля 30.

"Любезный другъ,
Николай Терентьевичъ!

"Письмо твое получилъ и нахожусь въ крайнемъ недоумѣніи. Если ты меня не морочишь, такъ у тебя сильно разстроена нервная система. Это очень понятно; огорченія, потеря, пятилѣтняя ссылка и всѣ испытанія, какія выпали тебѣ на долю, не могли не подѣйствовать на твою слабую комплекцію. Посылаю тебѣ рецептъ:
R. Tincturae Valeriana. ʒ β.

Aq. Laurocerae. ʒj.

MDS. По 30 капель во время припадка.

"Очень, очень радъ, старый дружище, что ты наконецъ дома; а что до семьи, такъ плюнь ты на эти дразги. Извѣстно не слѣдъ было жениться въ другой разъ, или ужь въ рукахъ держать бабу, коли вздорная. Радуюсь,

что Инночка тебя любитъ; только я боюсь за нее; раннее развитіе губитъ дѣтей, а ты теперь вѣроятно поддаешь пару. Все что ты пишешь о воспитаніи на какихъ-то новыхъ началахъ, мнѣ не понятно; это ваше дѣло, мыслителя. Я изъ своего Володьки ничего не хочу выдѣлывать, и пусть онъ будетъ честный работникъ и счастливый семьянинъ en dépit de tout."

Русановъ улыбнулся на эту ошибку добряка, забытые образы прошли передъ нимъ, странное чувство охватило его...

"Пиши, да пожалуста не подсыпай того... попроще; оно не хуже, а то и до бѣды недолго. Эхъ, братъ, до сѣдыхъ волосъ дожиль, а чего надо не нажилъ! Ну, скажи по совѣсти, не сумашедшее твое письмо? Скажи брату, чтобы прислалъ сала, да наливокъ.

"Иванъ Русановъ."

Владиміръ Ивановичъ сталъ перебирать письма, проглядывая ихъ мелькомъ; всего бы не перечестъ въ недѣлю: письма были и шести европейскихъ языкахъ; встрѣчалась фамиліи болѣе или менѣе извѣстныя въ то

время, болѣе или менѣе игравшія роль. Изъ этого онъ заключилъ, что отецъ его, въ простотѣ сердечной, и не понималъ значенія своего стараго дружища; вѣроятно, и причина ссылки этого дружища, въ 1848 г., оставалась для него необъяснимою загадкой. Ясно было, что отецъ Инны былъ центромъ, около котораго группировалось сначала все мыслящее въ Россіи, а потомъ, когда онъ отшатнулся отъ этого кружка, вокругъ него стали собираться всевозможные элементы революціи 1848 года.

На одномъ изъ писемъ Русановъ нашелъ подпись Льва Горобца, и съ новымъ любопытствомъ принялся за чтеніе:

"Батюшка, смѣю ли я хоть разъ еще назвать васъ этимъ именемъ? Я не стою даже гнѣва вашего, но если я вамъ не сынъ больше, выслушайте челоѵка въ отчаяніи. Я — одинъ, безъ средствъ, безъ имени, преступникъ, убійца. На нѣсколько дней я присталъ у раскольниковъ: что будетъ дальше — страшно подумать. Я не умѣю красно говорить, вы меня упрекали въ скрытности, не оттолкните же моей

исповѣди.... можетъ-быть скоро меня не будетъ въ живыхъ.

"Да, Леонъ былъ скрытенъ, Леонъ былъ негодяемъ, мотомъ, развратникомъ.... Многихъ огорченій, многихъ бессонныхъ ночей стоилъ я вамъ.... Кто же виноватъ? Батюшка, не для оправданія себя пишу, я былъ бы послѣднимъ изъ подлецовъ, еслибы вздумалъ упрекнуть васъ. Вы не отдали меня въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ гибнутъ тысячи подобныхъ мнѣ; вы не бросили меня, какъ лишняго щенка, на произволъ судьбы; вы открыто говорили: это мой сынъ, и я росъ наравнѣ съ меньшими братьями, привыкъ называть домъ вашъ — нашимъ домомъ, садился за свой столъ, разѣзжалъ верхомъ по отцовскимъ помѣстьямъ, и гордо подписывалъ вашу фамилію на запискахъ къ пріятелямъ. А васъ-то какъ любилъ, съ какою жадностію прислушивался къ каждому слову на урокахъ! Я старался отличиться передъ братьями, я хотѣлъ быть достойнымъ васъ. Что же перевернуло дѣтскую голову? Одно слово. Кто-то изъ хуторскихъ въ сердцахъ назвалъ

меня: байстрюкомъ {Незаконнорожденный.}. Меня поразило новое слово, какъ сейчасъ помню ваше смущеніе при моемъ вопросѣ! Вы наказали сгоряча неосторожнаго паробка, но слово мнѣ запало и я допытался значенія. Оно стало моею *bête noire*, я росъ, и оно росло со мною; я развивался, и оно развивалось до полного сознанія моей безправности во всѣхъ отношеніяхъ.... Наступило юношество; идеалистъ и романтикъ по воспитанію, я думалъ найти чистую женскую душу, которая замѣнила бы мнѣ все; я отдался со всѣмъ жаромъ молодости.... Что жъ отвѣтилъ мой идеалъ? Батюшка, еслибы вы слышали, какимъ горькимъ смѣхомъ смѣюсь я теперь, вспоминая прошлое.... Она соглашалась выйти на меня, когда я буду генераломъ.... "Я сталъ скрытенъ. Каждая улыбка чужаго человѣка ври моемъ появленіи колода меня, въ каждомъ словѣ мнѣ чуялось оскорбленіе; я сталъ чуждаться людей, семья, васъ, себя наконецъ. А молодость брала свое, жить хотѣлось, кровь играла.... Тутъ-то и принесло дядю съ его философіей. Съ

какимъ восторгомъ услышалъ я, что всѣ люди равны, что незаконное рожденіе — абсурдъ, что ранги и привилегіи — безсмысленные выродки кастъ, что теперь всѣми силами надо разрушать отжившіе предрасудки.... Все это въ отвлеченіи слышалъ я и отъ васъ, но мнѣ въ голову не приходило примѣнить это къ себѣ.... А дядя ударялъ прямо по больному мѣсту. Какъ мнѣ весело стало вѣрить въ одного себя, въ свою силу! Какъ я гордился передъ товарищами прозвищемъ удалаго паренька безъ роду и племени!... Я все думалъ, что завоюю себѣ свое право и съ беспощадною послѣдовательностію жилъ навыворотъ въ отношеніи къ обществу. Оно презирало пьяницъ, я сталъ пить; оно преслѣдовало развратъ, я связался съ женщиной, о которой теперь не могу вспомнить безъ омерзѣнія; оно въ лицѣ мужа хотѣло наказатъ меня по тогдашнему обычаю — я сдѣлался убійцей. Я вижу всю ложь этой жизни; я сознаю, что не по влеченію, не изъ служенія идеи, а изъ гордости, изъ ложнаго самолюбія, жилъ такъ, да ужь поздно. Назадъ нельзя,

а между тѣмъ и привычка беретъ свое, тянетъ меня дальше и дальше; я боюсь, мучусь больше чѣмъ прежде, и кто знаетъ до чего я дойду.... А отдаться въ руки правосудія, — нѣтъ, живой я никому въ руки не дамся.... "Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ, вотъ на что, къ несчастію, у меня ни разу не хватило духа, пока я жилъ съ вами.... Забудьте же, дорогой мой, если не можете простить вашего сына Льва Горобца."

— Это живой человѣкъ писалъ, подумаль Русановъ, еще разъ перечитывая письмо; это не сфабрикованный взглядъ на жизнь, не теоріи, долбней вбитыя въ голову: это живая мысль, живое слово.

Еще нѣсколько писемъ перебралъ онъ, пока не добрался до послѣдняго. Съ первыхъ же строкъ оно совершенно завладѣло его вниманіемъ.

"Безцѣнное дитя мое, единственное утѣшеніе послѣднихъ дней надломленной моей жизни, тебѣ пишу я, Инна, чтобы не пропади даромъ труды мои. Мнѣ ужь не долго маяться по свѣту, не

доживу я до полного развитія твоихъ физическихъ и нравственныхъ силъ, а это самая страшная эпоха въ жизни человѣка; тутъ онъ стоитъ у трехъ сказочныхъ дорогъ съ извѣстными тебѣ надписями, стоитъ межъ двухъ потоковъ, которые борются отъ вѣка, увлекая за собой все что живетъ; къ одному изъ нихъ надо пристать, надо идти направо или налево; на средней тропинкѣ и съ конемъ пропадаютъ. Ты понимаешь эти мысли; но большая разница понимать жизнь, и стать съ ней лицомъ къ лицу; задрожитъ и поблѣднѣетъ молодое существо, когда поднимется передъ нимъ занавѣсъ той обширной сцены, на которую придется ему выступить; вотъ въ эту-то минуту обѣщай мнѣ, дитя мое, перечитать это письмо. И задай себѣ вопросъ прямо, безъ лживыхъ увертокъ: по какому пути ты пойдешь? И почему ты пойдешь именно по этому пути?

"Если ты пойдешь по пути, завѣщанному тебѣ отцомъ, ты будешь его мстителемъ, потому что въ тебя вложены великія силы... если ты пойдешь противъ отца, я не сужу тебя;

*свобода прежде всего; но неужели моя
Инна пойдетъ противъ отца?*

"Николай Горобецъ."

*Приписка рукой Инны: "прочтено 27
юля 1859 г."*

Юлія нашла Русанова въ глубокомъ раздумьи; онъ не слыхаль ея прихода, пока она не затормошила его; она было засмѣялась, но невольно замолкла, пораженная серіознымъ выраженіемъ его лица.

— Это отецъ, говорилъ Русановъ:- это отецъ! Смущаетъ невинную дѣвочку; для чего? Чтобъ она отомстила за его неудачи, за его озлобленіе! Ха, ха, ха! Это какой-то сумашедшій домъ!

— Что жъ лучше было бы, еслибъ она осталась на всю жизнь съ завязанными глазами?

— И вы? И вы? сказалъ Русановъ, окончательно пораженный.

— Натѣ дневникъ, сказала Юленька, подавая тетрадку.

— На что мнѣ его? Развѣ я не знаю, что она благоговѣла передъ однимъ именемъ отца....

— Я ничего не знаю, а все-таки она желала, чтобы вы прочли и его.

— Ну, такъ я возьму его съ собой; я и такъ битыхъ три часа читалъ, надо освѣжиться....

Дверь распахнулась, и вбѣжала Вѣрочка съ письмомъ въ рукѣ.

— Къ тебѣ, моя милая, отъ Горобца; читай, читай скорѣй!

— Что жъ тутъ особенно интереснаго? говорила Юлія, распечатывая письмо и прочла вслухъ.

"Милая кузина, увѣдомьте моего почтеннѣйшаго дядюшку, что меня исключили изъ гимназіи...." У Юліи руки опустились.

— Въ самомъ дѣлѣ, какая радость! усмѣхнулся Русановъ.

"Скажите чтобы не заботился обо мнѣ. Ни по примѣтамъ, ни по паспорту, отыскать меня нельзя, а документы пусть возьметъ на память изъ гимназіи. Мнѣ надоѣли наши учителя дуботолки, и я отправляюсь за границу доканчивать образованіе. Здѣсь чортъ знаетъ о чемъ спорять, а писать не выучили (,.!?:") разставьте по усмотрѣнію.

— Что жъ? сказалъ Русановъ:- присоедините къ фамильной перепискѣ....

— Васъ это такъ радуеть? язвительно проговорила Вѣрочка.

— Вы извините меня пожалуста, если я не отвѣчу; мнѣ пора.

Русановъ пожалъ руку Юленькѣ и уѣхалъ.

Х. Дневникъ

"С.-Петербургъ. 3 іюля 1861 г.

"Я никогда не думала о дневникахъ; а чѣмъ прикажете заняться, когда нельзя отойти отъ больнаго? Читать? Но немногіе знакомые наши разѣхались на лѣто; книгъ привезти не кому, а общедоступныхъ я не читаю; шить не умнѣю; а музыки и помину не можетъ быть — до того разстроены нервы отца. Писать дневникъ отъ скуки — это я еще допускаю. Всякій другой — глупость.

"Выяснимъ себѣ эту мысль.

"Полезно ли писать дневникъ въ видахъ образованія слога? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до той пользы, которую извлекаетъ пансіонерка изъ своихъ ежедневныхъ упражненій. По моему, слога не должно быть; пришла мысль, ну и напиши ее такъ, чтобы другой могъ разобрать; больше не треба!

"Можетъ-быть имѣеть значеніе записыва-
нъе мыслей, наблюденій, тирадъ для памяти?
Вздоръ! если мысль, фактъ или сентенція на-
шли дѣйствительный отзывъ въ васъ самихъ,
такъ времени не изгладить того что вошло въ
плоть и кровь; а не вошло, значить не надо.

"Или интересно записывать свои взгляды,
чтобы потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ огля-
нуться, какъ дескать я тогда-то, о томъ-то,
мыслила? Это ужъ напоминаетъ того отца,
что каждый годъ взвѣшивалъ своего сына и
утѣшался тѣмъ, что выростилъ его повѣсу....
Лучшее мѣрило развитія — книга; читайте
Евангеліе, иди можетъ-быть это не понравит-
ся нѣкоторымъ прогрессистамъ, ну хоть Фа-
уста; черезъ каждыя пять лѣтъ — огромная
разница въ пониманіи, точно новыя строки
растутъ....

"А вѣдь пріятно, когда молодой человекъ
изящной наружности заглянетъ въ вашу
дневникъ и скажетъ: ого! да какая она!...

"4 Юля. Что съ отцомъ? Ясно, что ему день
ото дня хуже. Но что съ его головой? Я пере-
стаю понимать его; жила ли она усиленною
жизнью на счетъ бездѣйствія и упадка тѣла и

опередила мою, или это... Я не хочу писать этого слова; что такое сумашествіе? Какъ легко сказать: человекъ, воображающій себя на лунѣ, сумашедшій; но кто жь ихъ увѣрилъ, что онъ только воображаетъ... Мнѣ скажутъ: да вѣдь онъ стоитъ посреди васъ, не на лунѣ, а здѣсь въ гостиной... Продолжайте, господа, продолжайте; ваши возраженія очень солидны.

"А я пока запишу его послѣдній припадокъ для доктора. Когда я подошла къ его постели, онъ взялъ мою руку и пристально поглядѣлъ въ глаза; я не замѣтила въ немъ обыкновенной нѣжности.

"- Инна, мы теперь очень далеко другъ отъ друга, а все-таки можемъ разговаривать....

"- Да, да, отвѣтила я, — полно бредить, выпей лучше лимонаду...

"Онъ отвелъ руку.

"- Ты все не то говоришь; ты думаешь, что ты моя дочь, что я обязанъ былъ баловать тебя, выдавать замужъ?

"Я поправила на немъ одѣяло.

"- Слушай же, сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ, — ты дочь Са-

турна, а онъ пожираль дѣтей.... Но Юпитерьъ выросъ, ему ужъ двѣнадцать лѣтъ...

"Больше я ничего не могла разобрать. Бѣдный отецъ!

"Пульсъ бьетъ 115 въ минуту; жаръ; глаза мутные.

"6 *юля*. цѣлый день мученій! еслибъ это былъ даже посторонній человекъ, одного сидѣнья при немъ достаточно чтобы подучить воспаленье въ мозгу; почти на минуту нельзя отлучиться; скоро мнѣ придется задать какую-нибудь механическую работу головѣ, чтобъ...

"12 *ноября*. Занесло нашъ домикъ подъ самую стреху снѣгомъ; стала перебирать бумаги, попался дневникъ; прощай, добрый старичокъ Идеализмъ Романовичъ; куда все это дѣвалось? И какъ скоро прошло время? Nouvelle maxime: время у совершеннолѣтнихъ проходитъ быстрѣй.

"15 *декабря*. Сегодня привезли 3. съ товарищами. Бѣдные молодые люди! Чего они хотѣли? Кого они хотѣли разбудить? Будить ничего нельзя.

О юность, юность, гдѣ же ты,

*Гдѣ эта пылкая отвага,
И гдѣ высокія мечты!*

"28 декабря. Чего бы я желала? Я желала бы, чтобы выросли вокругъ нашего хутора горы, загородили бы его совершенно даже отъ снѣга, даже отъ вѣтра....

"3 февраля. Ктожъ имъ сказалъ, что я чего-нибудь жду? ждать? Какая глупость! Что можетъ одѣлать горсть людей? Что сдѣлала та горсть? Такъ и приходитъ на память хорошенькая и глупенькая Лиза, какъ она вбѣжала ко мнѣ въ ложу съ бонбоньеркой въ рукахъ, послушала Тамберлика, полорнировала кого-то, и вдругъ воскликнула:

"- Ахъ душка! Какъ я рада, что сдѣлалась нигилисткой!

"Oh trop heurese enfant!

"9 февраля. Заѣзжалъ***; какъ онъ доволенъ своимъ произведеніемъ. Что ты такое писатель? — ты муха, которая у Крылова помогала тащить на гору рыдванъ. Лети же дальше, рѣзвый мотылекъ, здѣсь нѣтъ небесной амврозіи; если ты долго у насъ пробу-дешь, тебѣ придется вынуть изъ кармана раздушенный платокъ и зажать онимъ свой

греческій носъ.

"15 февраля. Стремиться, когда нѣтъ подъ ногами почвы — безумно. Ваниль растеть на воздухъ, во она запускаеть корни въ стебли другихъ растений; разумное существо не имѣеть права быть чужеяднымъ.

"10 марта. Обратиться къ нему? Здѣсь? на этомъ свѣтѣ, гдѣ люди рѣжутся, грабятъ, лгутъ? это все къ лучшему, не правда ли? Или его нѣтъ, или онъ слѣпой, глухой, беззубый старикашка.

"15 июня. Станный человекъ этотъ Русановъ; съ перваго дня мнѣ показалось, будто онъ второй я; та же спокойная иронія, та же апатія въ движеніяхъ, та же непринужденная свобода, и вдругъ такія дикія понятія... Какъ объ немъ думать?

"17 июня. И вдругъ такія честныя, славныя понятія... Чтожъ это такое?

"19 июня. А, онъ хочеть служить и насимъ и васимъ!... Я перестаю подавать ему руку.

"29 июня. Опять не то. Рѣшительно этотъ человекъ загадка.

"10 июля. Понятно, служить вашимъ для пользы нашихъ.

"24 іюля. Это непостижимо, не дается въ руки, какъ кладъ; я даже готова считать его ребенкомъ, болтающимъ все что ни услышитъ. Что меня удерживаетъ? Надо будетъ поискать цвѣтка репейника. Какъ жаль, что Иванъ Купала прошелъ...

"29 іюля. Хоть бы Русановъ пріѣхалъ! Я бы желала знать его взглядъ на это дѣло. Только какъ ему поискуснѣй изложить? Надо будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи. Довѣриться ему боюсь. Знаю я, какъ люди умѣютъ прикидываться; есть просто хамелеоны.

"15 августа. Что я сдѣлала! Впрочемъ, что же я сдѣлала? Развѣ порядочный человѣкъ могъ оскорбиться капризомъ? Да и наконецъ... Да и наконецъ вотъ что, Инна Николаевна; вотъ полтора мѣсяца, какъ здѣсь графъ и братъ, а въ дневникъ только и видится Русановъ, да Русановъ. Ужь не ощущаете ли вы зародыши нѣжной страсти? Въ такомъ случаѣ проворнѣй въ ходъ специфическое средство: мѣткую эпиграмму, да такую, чтобы вамъ послѣ и взглянуть на него было смѣшно!

"31 августа. Они всѣ трое стоятъ другъ друга; и братъ, и графъ, я... Да, поди-ка напиши

на него эпиграмму....

"1 сентября. Что со мной дѣлается? Что на странное состояніе ума? Отецъ говаривалъ, что чувствуя въ головѣ сумятицу, надо сейчасъ же повѣрить ее бумагѣ; черезъ день, черезъ часъ иногда, мы уже можемъ хладнокровно обсудить ваши мысли.

"Неужели мнѣ жалъ разстаться съ вашимъ затхлымъ житьемъ? Неужели мнѣ жалъ людей, съ которыми у меня ничего нѣтъ общаго? Неужели такъ велика сила привычки, что передъ ней меркнетъ великое дѣло, которому я должна служить? Неужели пошленькое себялюбіе перетянетъ обѣщанный сознательно и обдуманно?

"Только ли этого мнѣ жалъ?

"12 часовъ ночи. Безсмыслица! оставляю мои бумаги, кому угодно; теперь уже онѣ во всякихъ рукахъ безопасны. Летучія мыши вылетаютъ на свѣтъ! Viens, Satan, viens mon bien-aimé! Такъ говоритъ мой любимый писатель; иначе говоритъ — нечестно!

Нѣтъ, она не ребенокъ, думалъ Русановъ, расхаживая изъ угла въ уголъ; дѣти такъ не

пишуть.... Ясно, что чувство въ ней готово было проснуться, если не проснулось... За что же, за что такъ безжалостно погубить возможное счастье?...

Русановъ опять раскрылъ тетрадку, которую прочель далеко не всю, стараясь поскорѣй добраться до интересовавшихъ его обстоятельствъ. Опять нѣкоторыя мѣста остановили на себѣ его вниманіе.

"...Бываютъ дни, когда я такъ озлоблена противъ всего, что у меня дѣлается головокруженіе; тоска меня давить такъ, какъ не давила даже во дни болѣзни и смерти отца; въ такія минуты съ особенною силой тянетъ меня въ какое-то неизвѣстное будущее; въ это время я не сомнѣваюсь въ его существованіи, и раскройся оно передо мною, я кинулась бы, не оглядываясь; проходитъ припадокъ, разсудокъ беретъ свое, и я пробуждаюсь будто послѣ приѣма опиума"...

"...Я увѣрена, что онъ безкорыстно служить; но что онъ сдѣлаеть одинъ въ подавляющей массѣ, какую пользу принесетъ одинъ муравей въ гнѣздѣ термитовъ? Нѣтъ, министръ Карла I не шель противъ общаго потока;

онъ старался даже превзойдти его подвиги, и тѣмъ только и вызвалъ Кромвеля....

"...Онъ разсмѣшилъ меня этимъ выводомъ; Развѣ потому я не вышла, что женихи были плохи? Какъ можно выходить замужъ, когда все еще отзывается иногда заснувшая надежда? Ну, а если призывъ послѣдуетъ? Что тогда? Куда я посю моего благовѣрнаго?...."

Русановъ читалъ вплоть до ужина съ небольшими промежутками, во время которыхъ то разсѣяннo ходилъ по комнатѣ, то прижималъ лобъ къ холоднымъ, разрисованнымъ морозомъ стекламъ окна.

Майоръ сталъ замѣчать, что племяннику очень не по себѣ; это безпокоило его до такой степени, что когда, лежа уже въ постели, онъ долго видѣлъ въ его комнатѣ огонь, хотѣлъ было пойдти къ нему, почему-то отдумалъ, и заснулъ съ тревожными мыслями. Часа въ два ночи, онъ проснулся, потянулся къ ночному столику за графиномъ, и опять увидалъ свѣтлую волосу въ щели двери...

— Володя, ты не спишь?

Послышался глухой, сдавленный отвѣтъ.

Майоръ накинулъ халатъ и вошелъ къ

племяннику. Тотъ сидѣлъ за столомъ, подпирая голову рукой надъ тетрадкой; со щекамъ катились слезы...

— Что ты, голубчикъ? Что у тебя, болитъ, что ли, что?

— Ничего, отвѣчалъ тотъ, проворно сморкаясь:— скажите, дяденька, случилось вамъ переживать внутреннюю борьбу?

XI. Поколебался

Дни все тянулись на хуторкѣ стараго майора, одинъ другаго скучнѣй, одинъ другаго однообразнѣй. Съ каждымъ днемъ сталъ замѣчать дядя большія и большія странности въ племянникѣ; ходитъ цѣлый день изъ угла въ уголь, слова отъ него не добьешься, опросишь что-нибудь — часто я этого не слышитъ. А по ночамъ огонь въ его комнатѣ дольше и дольше не гаснетъ....

— Да что ты сочиняешь что ли что? спросилъ однажды майоръ, выведенный изъ терпѣнія разсѣянностью племянника....

— Сочиняю, дяденька, отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

— Что жъ такое? Ну-ка прочти!

— Да теперь что жь читать, уклончиво отвѣтилъ Русановъ, еще не кончено; всего листомъ сто написано....

— Всего? А сколько жь коего-то будетъ?

— А кто его знаетъ: сколько напишется...

— Да, что жь это? стихотворенія?

— Нѣтъ, дяденька, это серьезная статья...

"Взглядъ на современное состояніе Россіи."

— Чей же это взглядъ-то?

— Что жь это за вопросъ, дяденька? Кто пишетъ, того и взглядъ....

— А, ну, пиши, пиши....

Наступили Рождественскіе праздники. Старый майоръ все время хлопоталъ о приготовленіяхъ, лично присутствовалъ при паленіи огромнаго кабана, совѣщался со Стехой объ окорокахъ и колбасахъ; къ обѣдни снаряжали она вмѣстѣ съ Юськой парадный выѣздной экипажъ. Это было нѣчто въ родѣ тарантаса-колымаги на стоячихъ рессорахъ, или, ближе къ истинѣ, на ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ столбикамъ, — произведеніе глубокой древности, прочностью превосходившее новѣйшія издѣлія; во время поѣзда оно имѣло

обыкновеніе раскланиваться на обѣ стороны — привычка, занятая вѣроятно у старосвѣтскихъ сильныхъ міра. Попасть въ сей экипажъ было еще труднѣе чѣмъ сломать его; надо было одною рукой ухватиться за верхъ, а другою за козлы, и потомъ, согнувшись въ три погибели, шагнуть въ него лицомъ къ задку; затѣмъ пассажиръ оборачивался и предпринималъ какое угодно путешествіе. Сначала подвергшись качкѣ, не уступавшей самому сильному морскому волненію, онъ кричалъ: "Стой, вывалишь! Ай, батюшки!" Но потомъ убѣждался въ невозможности катастрофы и позволялъ кучеру распоряжаться по своему усмотрѣнію...

Дѣдъ майора строилъ его съ тѣмъ чтобъ и дѣти въ немъ ѣздили, но немного ошибся въ расчетѣ. Тарантасъ преспокойно отвозилъ четыре поколѣнія и ничуть не просился на покой....

Вмѣстѣ съ племянникомъ пріѣхалъ майоръ въ приходскую церковь на Горобцовскомъ хуторѣ и сталъ на клиросѣ въ ожиданіи апостола; онъ очень любилъ читать его въ торжественные дни и славился въ околodкѣ

своимъ басомъ; Русановъ остался позади у колонки. Тонкія восковыя свѣчи въ паникадилахъ освѣщали бѣдную внутренность церкви; впереди стояли разодѣтыя, раздушенныя дамы съ дѣтьми, за ними помѣщики и густая толпа народа. Русановъ увидалъ Горобцовъ передъ амвономъ: ихъ было двое, Анна Михайловна и Авениръ. Кононъ Терентьевичъ усердно молился на видномъ мѣстѣ...

"Каковъ? подумалъ Русановъ: я этого на немъ не звалъ еще." Онъ отвернулся и увидалъ въ заднемъ уголкѣ пару, поразившую его среди общаго самодовольства. Горпина, стоя на колѣняхъ, молилась со слезами на глазахъ; рядомъ съ ней стоялъ Грицько и только безсмысленно глядѣлъ на нее, утираясь рукавомъ...

Долго шла служба, Русановъ увидалъ дядю и Конона Терентьевича, пробиравшихся межъ народа къ выходу, и тоже подошелъ къ нимъ.

— Ты, дружочекъ, заѣзжай за мной. Мнѣ къ Конону Терентьевичу нужно, сказалъ майоръ, и уѣхалъ съ нимъ въ небольшомъ возкѣ. Юська совѣтовалъ переждать небольшую метель, начинавшуюся мелкими хлопьями.

Русановъ хотѣлъ заѣхать къ выходящимъ на паперть Горобцамъ; но Авениръ почему-то сконфузился, когда Русановъ спросилъ о Юліи, пробормоталъ, что она не совсѣмъ здорова, и торопливо посадилъ мать въ карету.

Русановъ, не зная куда дѣваться, распросилъ про Грицькову хату и пошелъ къ нему. Тамъ за столомъ сидѣли батяко, старик и любимое ихъ дѣтище Гриць. Они принялись угощать гостя ковбасами, саломъ, горѣлкой...

— Что жъ ты не весело глядишь? спрашивалъ Русановъ у Грицька.

Тотъ объяснилъ, что въ народѣ прошелъ слухъ о наборѣ, а онъ на очереди....

— Какой же наборъ? зачѣмъ? спрашивалъ Русановъ.

— Та балакають люди, що Ляхи бунтують... Кто е знае! говорилъ старикъ-отець, — извѣстно, всяке балакають, чога и нема....

Русановъ разговорился съ нимъ и узналъ, что они ищутъ охотника за сына.

— Вѣдь это дорого, сказалъ онъ.

— Багацько грошей треба, согласился старикъ, почесываясь: — ще милость якъ триста

карбованцевъ...

— А столько есть?

Старикъ лукаво поглядѣлъ на него.

— Може и бильше е у скрыни.

— Откуда жь у тебя такіе гроши?

— Чи по свѣту и грошей немає?

Русановъ, почуявъ холодный вѣтеръ, наклонился къ окну; оно было въ одну раму.

— Что жь ты, богатырь, другой рамы-то не вставишь?

— Ге, отвѣчала старуха, — и дѣдки наши такъ робили, и батьки такъ робили...

Русановъ невесело задумался. Въ молодости еще затронетъ его дѣвчина, онъ ходитъ на досвѣтки, тянетъ горѣлку, пожалуй подерется съ другимъ паробкомъ, а тамъ женился и все кончено... благословенная страна родитъ ему хлѣбъ, безъ унаваживанія, лицо обрюзгло, лѣнь, нечистота... мертвящая неподвижность... Была бъ ему печка да каша, и не знаетъ, и не хочетъ знать никакихъ нуждъ... Да и куда сбывать этотъ хлѣбъ, когда нѣтъ желѣзныхъ дорогъ; на подводахъ въ годъ не доѣдешь до рынка....

Дверь распахнулась, вошелъ священникъ

съ причтомъ, хозяева засуетились...

Прославивъ Христа, священникъ снялъ ризы и присѣлъ на давку. Совершенно съдой старикъ съ добрымъ лицомъ, онъ держалъ себя очень просто, въ маленькихъ глазахъ его свѣтился умъ и пронизательность, густая, серебристая борода скрывала добрую улыбку...

— Я у тебя посижу тутъ, сказалъ онъ хозяину:- ишь метель-то какъ разыгралась? Надо обождать, неравно заплутаешься.... Чей же это у тебя панычъ такой?

Русановъ назвался.

— Позвольте познакомиться... Много наслышанъ, много наслышанъ, говорилъ священникъ, подвигаясь къ нему. — Много я о васъ слышалъ, продолжалъ онъ послѣ обыкновенныхъ фразъ;- хоть и не хвалили мнѣ васъ, ну да вѣдь мы тоже кое-что понимаемъ... И въ порицаніи умѣй хвалу сыскать, наставительно произнесъ онъ и прибавилъ:- а что же вы, Владиміръ Ивановичъ, ко кресту-то ни подходили?

Русановъ молчалъ.

— Служба долга показалась? не дождались? А знаете ли вы почему нынѣ такая дол-

гая служба?

— Василя Великаго, отвѣтилъ Русановъ.

— Такъ-съ! А то вотъ одна барышня сегодня послѣ обѣдни подходитъ ко мнѣ и проситъ отслужить панихиду... Каково это вамъ покажется, въ первый день великаго праздника-то?

— Можетъ-быть огорчена очень? Забыла?

— Очень ужъ видно... И добро бы по родному какому, а то по убійннымъ въ Польшѣ; я только руками развелъ на такія ея слова....

— Кто жь это? спросилъ Русановъ.

— Да вотъ докторская дочка-то, Вѣра Павловна...

— Что такое? скажите вы мнѣ, что это такое? говорилъ Русановъ: — я начинаю улавливать нить этого кошмара... Неужели Поляки....

Старикъ понурилъ голову.

— Не вамъ объ этомъ разсуждать, сказалъ онъ, — очень намъ, Владиміръ Ивановичъ, приходится плохо; надѣмся, что Богъ пронесетъ тучи и исчезнетъ всякъ золь глаголь... А теперь боязно и говорить, вотъ хоть бы и вы... я давно къ вамъ собирался... что, думаю

за человекъ такой? Обуздайте-ка лучше гордыню вашу, блаженъ претерпѣвый до конца....

— Да гдѣ конецъ то? возражалъ Русановъ, чувствуя внезапный приливъ довѣрія къ старику.

— Что жъ это вы говорите? какой конецъ разумѣете? Обратитесь къ Евангельскому ученію: вотъ истинное просвѣтлѣніе... Мечъ подъявшіе мечомъ и погибнуть, продолжалъ онъ:- нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, не такъ проводится благая мысль... Сыны вѣка пока еще сильнѣе сыновъ свѣта...

— Да помилуйте, вскрикнулъ Русановъ, — какіе жъ это сыны вѣка? Послѣ этого и жулики сыны вѣка. вѣдь тоже только о своихъ выгодахъ и пекутся. Этихъ сыновъ вѣка надо на казенные прогоны....

— Не хорошо, не хорошо! что толку по пушту кипятиться?

— Но если все попытки напрасны?

— Да въ чемъ попытки-то, говорилъ священникъ: — мы вотъ терпимъ всевозможныя притѣсненія отъ ксендзовъ, утвари церковной лишены, книгами бѣдствуемъ, и чѣмъ вы

насъ порадовали? Сдѣлали ли хоть одинъ шагъ для утѣшенія нашего? Вышила ли намъ хоть одна помѣщица какой ни на есть эпитрахиль?

Метель утихла; священникъ пошелъ дальше по хутору, а Русановъ велѣлъ себя вести къ Конону Терентьевичу.

ХІІ. Последній порывъ

— Что, батенька, не знаю, что мнѣ съ племянникомъ дѣлать; насчетъ этого и заѣхалъ, говорилъ майоръ, сидя у Конона Терентьевича.

— Что съ нимъ?

— Тоскуеть, ничѣмъ его не развеселишь. Скажите вы мнѣ, ученый вы человекъ, что за притча такая? Какъ бы помочь? а? Кононъ Терентьевичъ?

— Да, какъ тутъ поможешь, умилоствовался Кононъ Терентьевичъ:— въ наше время тоже грустили, такъ вѣдь наше поколѣніе было ученое; тосковали, что толпа насъ не понимаетъ, давить насъ за то что не хотимъ по-вольчьи выть; ну тогда легко было, мы имъ просто сказали: молчи безсмысленный народъ! и

отрясли прахъ съ ногъ... А вѣдь это что жъ такое? Сами въ грязь лѣзутъ, да и стонутъ: "ай, батюшки, грязно! ой, отцы, увязь!" точно комары въ садѣ...

— Нѣтъ, говорилъ майоръ:- тутъ что-то не то! тутъ любвишка замѣшалась...

— Ну.

— Ну вотъ и сохнетъ... Я было думалъ, дѣятельный человекъ, въ бездѣльи скучаетъ; хочешь, говорю въ Петербургъ напишу, тамъ у меня пріятель есть, можетъ многое для тебя сдѣлать... Чтобы вы думали онъ на это; а можетъ онъ, говоритъ, пиковаго валета сдѣлать червонною дамой? Нѣтъ. Ну такъ не пишите, говорятъ... А самъ пишетъ...

— Что жъ онъ пишетъ?

— Какой-то взглядъ...

— Да, "взглядъ и нѣчто..." — Кононъ Терентьевичъ раохохотался. — Просто вашъ племянникъ спятилъ... Что за Тогенбургъ такой!.. Мало ихъ юбочекъ-то, поди да и поживись... Попробуйте ему сказать: погляди, молъ, на Конона Терентьевича. Онъ когда-то и служилъ, и молодъ былъ, не оцѣнили, онъ наплевалъ на все, и живъ, и здоровъ, и зависти у

него никакой нѣтъ... Да, такъ и скажите: можетъ послушаетъ...

— Кто кого послушаетъ? сказалъ Русановъ, входя къ нимъ.

Старики приняли его какъ ни въ чемъ не бывало. Кононъ Терентьичъ подхватилъ со стола газету и заговорилъ о только-что начавшихся демонстраціяхъ въ Варшавѣ...

— Вы въ политику пустились, Кононъ Терентьевичъ, сказалъ Русановъ, взявъ листокъ;— что жъ тутъ? все пренія въ нижней палатѣ, да Травсильванскій сеймъ?

Онъ сталъ пробѣгать газеты, которыхъ мѣсяца три въ руки не бралъ. Старики занялись было толками о наборѣ; Кононъ Терентьевичъ прочилъ въ ряды отечественнаго войска Хвелька, майоръ — Юську. Очевидно обычай сдавать въ солдаты за пьянство и буйство держался и на міру, какъ прежде у помѣщика. Никому въ голову не приходило, что армія, защищающая государство, не есть яма для стока всевозможныхъ нечистотъ.

— Такъ вотъ оно, вскрикнулъ Русановъ, — вотъ что все это значило!

— Что такое? вскочилъ майоръ.

— Что вы такъ волнуетесь? подтрунивалъ Кононъ Терентьевичъ:— провалилась Америка?

— Да вѣдь это открытый мятежъ! Тутъ всѣ признаки давнишняго заговора...

— Ну, что жь? Что васъ это такъ поражаетъ? Что тутъ небывалаго? Ante marem et terram, помните, fuit chaos.... Въ тридцатомъ году мы съ Пушкинымъ....

— Да, вы съ Пушкинымъ! передразнилъ Русановъ, выходя изъ границъ приличія:- эти господа развращаютъ молодежь, губятъ ваши сады, наполняютъ вашъ край разлагающими реактивами, плодятся, какъ моль, а вы тутъ, сидя на хуторѣ, философствовать будете....

— А вы въ самомъ дѣлѣ почитаете Россію чѣмъ-то цѣлымъ? возразилъ Кононъ Терентьевичъ. — Протрите стеклышки-то! Окажется всякій сбродъ, связанный гнилыми нѣмецкими витками, да затянутый сенатскимъ узелкомъ....

— Однакожь, послушайте, сказалъ Русановъ, вставая и откладывая газету:- если революція проберется сюда.... Вы и тогда тоже запоете?

— А мнѣ наплевать....

— Нѣтъ, вы меня на эту штуку не поддѣнете, горячился Русановъ, — это просто недобросовѣстно! Это тотъ жидъ, что, на картинѣ Иванова, не знаетъ къ кому пристать, къ Христу или къ фарисеямъ.... Это подлая трусость!

— Да кто жъ вамъ сказалъ, что я колеблюсь?

— Ну, такъ къ какой же сторонѣ вы пристанете? Впрочемъ объ этомъ и вопроса не можетъ быть....

— Разумѣется не можетъ быть: какая будетъ сильнѣй, къ той и пристану....

Русановъ схватилъ дядю за руку такъ быстро, что Кононъ Терентьевичъ, струхнувъ, шарахнулся отъ него въ сторону.

— Пойдемте, говорилъ Русановъ, задыхаясь:— пойдѣмъ! Вонъ изъ дому предателей....

Старый майоръ безсознательно повиновался ему и далъ себя увести. Кононъ Терентьевичъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ.

— Фанатикъ! процѣдилъ онъ, опускаясь въ свое вольтеровское кресло.

Нѣсколько времени майоръ съ племянникомъ ъхали молча.

— Нѣтъ, проговорилъ Русановъ:- жить нельзя!

— Что такое?

— Нельзя жить, повторилъ Русановъ:- народъ спитъ, общество тѣшится бирюльками, лучшіе люди въ разладѣ.... Спасенья не откуда ждать....

— Богъ съ тобой, что ты говоришь, перебилъ майоръ, — эка важность, что тамъ поляки бунтуютъ.... Не въ первой....

— Прежде того не было....

— Чего?

— Дяденька, вы просмотрѣли; оно прошло мимо васъ; долго рассказывать....

"Что съ нимъ такое, думалъ майоръ.... что жъ я такое просмотрѣлъ?"

"Зачѣмъ жить, думалъ Русановъ, зачѣмъ мучиться? Что у меня есть какая-нибудь радость на свѣтѣ, выкупающая легионы обидъ, толчковъ, лишеній? Лежитъ на мнѣ какой-нибудь долгъ? Послѣ того какъ мои дѣйствія такъ поняты? Идти противъ общаго настроенія умовъ? Сражаться съ вѣтрянными

мельницами? Ну, прекрасно; я не такъ развить, какъ они, не въ ту сторону.... За ними сила, масса; мнѣ какое дѣло, я хочу оставаться самимъ собой.... Нельзя этого? И объ этомъ не тужимъ, но ужь передѣлывать себя, мое почтенье! Сумѣемъ обойдтись безъ этого.... Э, стоитъ ли такъ долго размышлять, когда золотникъ пороху, пять золотниковъ свинцу въ одну секунду рѣшаются дѣло совершенно удовлетворительно...."

— Володя, почему мы свалили Полозову гирку, не помнишь ты? вдругъ спросилъ майоръ.

— Право не помню... По четыре съ полтиной, кажется....

"Да, его это огорчитъ, думалъ Русановъ: надо устроить такъ чтобъ онъ ничего не зналъ. Я поѣду въ городъ, напишу ему оттуда, что очень важная телеграмма зоветъ меня въ Москву, что уѣзжаю не на долго.... Да, именно такъ...."

— Что ты сталъ? крикнулъ майоръ Юськъ....

— Та треба фартукъ опустить.... Бачите, якъ завывае, отвѣчалъ тотъ, опуская кожа-

ный фартукъ экипажа.

— Пошелъ скорѣй, помилуй Богъ, пурга будетъ....

— Хай ей лихо! сказалъ Юська, погоня лошадей....

"Тамъ отличная криничка, думалъ Русановъ: привязать къ ногамъ пудовикъ, ухватиться за край, и.... Или даже просто, продолжалъ фантазировать Владиміръ Иванычъ: еще лучше, все будетъ приписано случаю...."

Лошади стали.

Русановъ выскочилъ изъ экипажа; цѣлый ураганъ бѣлыхъ хлопьевъ охватилъ его, вѣтеръ дулъ ему въ лицо мелкою снѣжною пылью; около тарантаса, видимо глазу, наметало сугробы; далѣе двухъ шаговъ ничего не было видно....

— Ой, лишенько, раздавался гдѣ-то по близости голосъ Юськи, — змерзнемъ....

— Гдѣ ты, Володя, гдѣ ты? слышался съ другой стороны голосъ майора.

Русановъ чувствовалъ, что его съ неодолимою силой несетъ вихремъ въ сторону: онъ повернулся къ нему лицомъ а, нагнувшись, сталъ лѣзть на прорѣзь, прислушиваясь къ

крикамъ спутниковъ....

— Что тутъ дѣлать? отчаянно говорилъ майоръ, хватая его за рукавъ.

— Экой морозъ! пробормоталъ племянникъ:- всѣ пальцы отнялись....

— Жинка моя, дѣтки мои, причиталъ Юська, вертясь около лошадей; тѣ стояли, какъ вкопанья, вздрагивая всѣмъ тѣломъ....

— Что жь? сказалъ Русановъ, съ неприятнымъ смѣхомъ:- такая ужь видно наша доля!

И, завернувшись въ шубу, сѣлъ въ экипажъ....

— Что жь ты это дѣлаешь? кричалъ майоръ:- помилуй, спать нельзя.... Нельзя спать, тормозилъ онъ племянника....

— Тутъ теплѣй. Что жь за пріятность, когда въ лицо летятъ ледяныя иголки?...

Майоръ сталъ толковать съ Юськой; ѣхать не было ни какой возможности; дорогу замело окончательно; не много погода и они присоединились къ Русанову, опустили фартукъ и жались другъ къ другу, стараясь согрѣться....

Прошло съ четверть часа.

— Экій дьявольскій морозъ, ругался майоръ.

— Непріятный, согласился племянникъ.

Еще прошло нѣсколько времени.

— Собаки лають, встрепенулся Русановъ.

— Гдѣ? Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ майоръ:— теперь должно быть не далеко до хутора....

— Отпрягай лошадей, крикнулъ Владиміръ, — не мерзнуть же тутъ въ самомъ дѣлѣ,- и выскочилъ изъ тарантаса.

— Та якъ ихъ отпрягти? Рука мре....

— А, чортъ, давай сюда ножъ....

Русановъ обрѣзалъ гужи и постромки, спуталъ лошадей вожжами....

— Двигайся, пошевеливайся, трупъ! толкалъ онъ Іоську.

Воѣ усѣлись верхомъ, и поѣхали на лай; лошади вязли по колѣна; то та, то другая проваливалась въ снѣгъ. Владиміръ нещадно хлесталъ ихъ концами вожжей....

Еще нѣсколько времени, и лошадь Русанова остановилась у какой-то бѣлой горы; онъ слѣзъ и разглядѣлъ огонь, свѣтившійся въ окнѣ; почти оцупью отыскали они дверь, и вошли въ хату, освѣщенную каганцомъ. Толь-

ко тутъ, обогрѣвшись и отдохнувши, сознали они вполнѣ опасность, которой подвергались....

Утомленные ѣздой, холодомъ и волненіями, паны улеглись и проспали вплоть до вечера....

— Что это такое? спрашивалъ Русановъ, протирая глаза:- гдѣ это поютъ....

— То хлопцы съ дѣвчатами колядуютъ....

Подъ окномъ раздавались веселые голоса.

Русановъ взглянулъ въ окно; пурга совершенно прошла, на темноглубомъ небѣ сверкали рои звѣздъ, на чистомъ, свѣжемъ снѣгу гомозилась толпа дѣвчатъ и паробковъ; освѣщенные окна хатъ приподнимались, и въ нихъ летѣли ковбасы, поляницы... Толпа съ криками и хохотомъ подбирала ихъ, и еще веселѣй подхватывала пѣсню....

Чи дома, дома?

Хома, Ярема?

Ой я знаю що винъ дома

Сидить же винъ на покутѣ

На немъ шуба соболина.....

Весело пробирался Русановъ съ дядей къ дому, и какъ вошелъ, кинулся къ письменно-

му столу, схватилъ въ охапку разбросанныя тетради своего "взгляда" и понесъ ихъ въ залу....

— Кончилъ? оказалъ майоръ, — совсѣмъ?

— Кончилъ, совсѣмъ! отвѣчалъ племянникъ, и станъ отправлять тетрадки одну на другую въ печь....

— Что жь ты это дѣлаешь? кричалъ майоръ.

— Печатаю, отвѣчалъ Русановъ, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ....

Пѣсня раздалась подъ окнами панскаго дома.

*Колядую! Колядуу...ююю!
Ковбасу чу...ю!*

Тетрадки запылали, обдавая бѣлыя стѣны розовымъ свѣтомъ....

— Горѣлка е? спросилъ племянникъ у дяди....

— Е, отвѣчалъ тотъ, радуясь внезапному веселью племянника. "Прахъ ихъ побери, думаль онъ о погибшихъ тетрадкахъ, можетъ и вправду ледащо!"

— Ведите, дяденька, выкатить бочонокъ

хлопцамъ, — я влачу!

— Ге, Стеха! кричалъ майоръ, и самъ сталъ
напѣвать:

*Ай, что кому до насъ,
Когда праздникъ у насъ?
Мы зароемся въ соломку,
Не найдутъ насъ!*

— Колядую! коляду....ю! раздавалось подъ
окнами.

Ой рано, рано

*Куры запѣли,
Да ранѣй же того
Володя вставъ
Володя вставъ
Три свѣчки зсукавъ,
Одну запаливъ умываючись,
Другу запаливъ утираючись,
Третью запаливъ,
Лучкомъ позвонивъ,
Братъевъ побудивъ,
Вставайте братья,
Поидемъ на село
Въ зелены дубровы.*

XIII. Чего никто не ожидалъ

На другой день Русановъ поѣхалъ въ городъ, взявъ съ собой свои бумаги; вернулся поздно вечеромъ, привезъ какую-то книжечку; всѣ слѣдующіе дни читалъ ее, чертилъ что-то, изучалъ....

Майоръ давно ужъ порѣшилъ про себя, что ученые люди странны; что какъ ты тамъ ни старайся, а у нихъ все какъ-то наизусть выходитъ, и потому болѣе не тревожилъ племянника....

Съ конца января пошли оттепели, въ воздухѣ потянуло весеннею сыростью, потекли ручьи съ покатоостей, запестрѣли пѣжины чернозема по грязносинему насту....

Въ Горобцовскомъ хуторѣ и окрестныхъ селеніяхъ стоялъ кавалерійскій полкъ. Чернобровыя красавицы напропалую кохались съ ловкими Москалями; суровые домовладыки куликади съ ними на перепой; хозяйки угощали книшами, товчениками, варениками, всякою сдобой. Общему веселью не мало содѣйствовало то, что между новобранцами много было своихъ. Почти всѣ стоявшіе на

очереді угодили въ кавалерію. Извѣстно, что Малороссы искони считаются лучшими наѣздниками; анекдотъ о хохлѣ, ѣздившемъ на ординарцы, должно-быть не выдумка.

Въ день выступленія, Іоська пріѣхаль проститься съ женой. Его тотчасъ окружили бывшіе товарищи съ благими пожеланіями... жена его разливалась и причитала на всю улицу.

Но каково жъ было изумленіе майора, когда племянникъ вошелъ къ нему въ полной походной солдатской формѣ.

— Что жъ это такое, Володичка, что это такое? едва могъ онъ выговорить...

— Я былъ увѣренъ, дяденька, что это васъ поразить, а потому и молчалъ до времени...

— То-есть какъ же это поразить?

— Ну да вотъ, что, дескать, кандидатъ университета и хочетъ затереть свою карьеру солдатскою лямкой...

— Нѣтъ, я не про то... что жъ тутъ такого?

— Вы согласны? Хорошо, кабы всѣ такъ думали! Пора бросить предрасудки, какого бы свойства они ни были.

— Да я не то... Какъ же это такъ?.. Богъ съ

тобой!

— Дядеевка, въ такое время нельзя удерживать, не слѣдуетъ, не честно...

— Экой ты какой! Отчего жь не сказать-то? Я бы самъ пошелъ; хлопоталь бы въ тотъ же полкъ...

— Это и не ушло, дяденька, а теперь проводите меня, ъдемъ...

— Кавуръ! вспомнилъ дядя, развеселившись:- ну, что жь, молодая косточка, потѣшься, потѣшься!

Поѣхали, взяли и Юську съ собой.

— Смотри, Юська-то молодецъ какой! удивлялся майоръ: — бравый солдатъ будетъ!

— Рады стараться, ваше благородіе! хватиль тотъ.

— Слышишь? молодцы, право молодцы.

У Горобцовъ всѣ удивились несказанно; усадили новобранца чай пить, только Юлія не показывалась.

Анна Михайловна принесла маленькій образокъ Св. Александра Невскаго, благословила имъ Русанова, повѣсила ему на шею, и сама расплакалась.

— Ну, прощай, Володичка, заговорилъ май-

орь:- хотѣли мы съ тобой пожить, да видно не судилъ Богъ...

Русановъ торопливо всталъ, отзываясь, что забылъ кое-что приказать Юськѣ, и вышелъ на крыльцо; на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ дохнуть свѣжимъ воздухомъ, ему было тяжело...

Тамъ его встрѣтила Горпина, веселая, радостная, и сперва объявила, что за Грицько пошелъ охотникъ, а потомъ, что панночка Юлія требуетъ его.

Юлія покоилась въ длинномъ креслѣ, и съ принужденною улыбкой протянула ему руку.

— Скажите, что это на фантазія? спросила она послѣ первыхъ объясненій.

— Тоска, отвѣтилъ тотъ, слегка отворачиваясь.

— Неужели одно только и есть средство?

— Только... На народѣ умирать веселѣй.

— И никакой надежды?

— У меня? — Русановъ горько улыбнулся: нѣтъ есть; я думаю, что умирать на такомъ народѣ какъ нашъ — все-таки веселѣй чѣмъ жить съ такъ называемымъ обществомъ.... Прощайте, перервалъ онъ вдругъ, — дайте

ключъ, надо положить на мѣсто...

Русановъ досталъ изъ-за пазухи свернутую тетрадку и пошелъ въ комнату Инны; дверь скрипнула, уступивъ его рукѣ, видно давно не отворялась... Все было на мѣстѣ, какъ будто ничего особеннаго не случилось, какъ будто хозяйка пошла куда-нибудь и скоро вернется. Необыкновенный порядокъ рѣзко бросился въ глаза Русанову: полъ чисто выметенъ, постель старательно оправлена, разбросанныя на столѣ вещи подчинились законамъ симметріи. Русановъ грустно оглядывалъ бѣлыя стѣны, и вдругъ мускулы лица дрогнули; старинная висѣвшая на стѣнѣ сабля исчезла; осталась только черная шляпка гвоздя, сиротливо торчавшая на бѣломъ фонѣ....

И онъ, крѣпившійся до нельзя, не вынесъ этого мелочнаго намека на свою потерю; глубокое чувство вытѣснило все условное... Онъ зарыдалъ; грудь конвульсивно сжималась, слезы лились солеными ручьями въ ротъ; въ головѣ смутно вертѣлась мысль: "Ея правда... Намъ нельзя... сойдтись...."

Подъ окномъ грянули трубы, и полкъ потянулся черезъ улицу ровною стѣной лошадей

и людей... Русановъ сунуль тетрадку въ столъ, выбѣжалъ на крыльцо; тамъ всѣ уже собрались; майоръ, Богъ знаетъ для чего, держалъ въ полѣ поводья его лошади.

— Прощайте, дяденька, прощайте. Авениръ, прощайте, не держите меня.

Онъ ужъ сидѣлъ въ сѣдлѣ и разбиралъ поводья, а они глядѣли на него въ послѣдній разъ....

— Ну, смотри жъ, не давай имъ спуску, заговорилъ майоръ.

У Юліи стукнула форточка, она выставила голову и крикнула:- Берегите себя!

Онъ махнулъ рукой и поскакалъ. Всѣ словно замерли, глядя ему вслѣдъ; вотъ онъ примчался къ своей шеренгѣ, примкнулъ къ Іоськѣ, ѣдетъ рядомъ съ нимъ; мѣрно вторятъ копыта маршу на трубахъ....

Русановъ глядитъ вокругъ себя: все знакомья мѣста; вотъ у этой березы они сидѣли на душистомъ сѣнѣ и толковали о новой жизни, закипавшей по селамъ; передъ ними или передъ нимъ по крайней мѣрѣ открывалась свѣтлая будущность.... Вонъ тамъ, заплетая вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, она въ пер-

вый разъ пожала ему руку въ отвѣтъ на мечты о труженичествѣ въ пользу народа... Вонъ въ той чащѣ рассказывала ему свою исторію... Все это скоро вернется, и листья зашумятъ, и цвѣты запестрѣютъ по лугамъ, и сѣно будетъ также мягко, также душисто... Стоявшіе на крыльцѣ видѣли какъ онъ оглядѣлъ всю окрестность жаднымъ взглядомъ, будто хотѣлъ унести ее съ собою, и махнулъ имъ фуражкой; они отвѣчали платками; вотъ передовые повернули за церковь, вотъ и онъ за ними; они все еще смотрѣли на задніе ряды, точно они составляли часть его; наконецъ и тѣ скрылись... Маршъ все слабѣе и слабѣе... Замокля музыка, а стоявшимъ на крыльцѣ все чудились тихіе, отрывистые звуки.

(До слѣд. Но.)

В. Ключниковъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПЕРЕЛОМЪ [3]

I. Въ морѣ

Въ одной изъ каютъ парохода, державшаго на Венецію, мужская компанія шумно ужинала à la fourchette. Въ концѣ стола сидѣлъ Бронскій съ двумя Поляками въ національныхъ костюмахъ. Подлѣ него развалился Леонъ, лѣниво помѣшивая свой грогъ. Молодой гарибальдіецъ, въ красной рубахѣ, съ жаромъ объяснялъ отставному зуаву позицію Аспромонте, разставляя по скатерти стаканы и обдавая собесѣдника залпами сигарнаго дыму. Французъ разсѣянно слушалъ, положи локти на столъ и насвистывая марсельзу. Полная беззащитность выражалась на лицахъ собутыльникомъ, несмотря на то что, обращаясь къ Бронскому, всѣ они звали его генераломъ. Какъ только вино пошло въ круговую и разговоръ сталъ общимъ, графъ оставилъ свое мѣсто и поднялся на палубу.

Темная ночь. Волны хлещутъ о бокъ паро-

хода; бѣлая пѣна съ глухимъ гудомъ дробится въ колесѣ. Инна стоитъ, облокотясь на борть и глядя на воду; въ ушахъ смутно проносятся крики капитана, возня матросовъ. У ней на умѣ какая-то безпредметная дума.

— Что жъ вы ушли отъ насъ? сказалъ графъ, насилу разглядѣвъ ее при тускломъ свѣтѣ мѣсяца въ бѣлесоватыхъ краяхъ черныхъ облаковъ.

— Что жъ мнѣ-то? Я тамъ лишняя, только мѣшала бы.

Графъ оперся на борть возлѣ нея, спиной къ морю.

— Право, какъ посмотрю я, какъ имъ весело, какія они всѣ беззаботныя головы, даже страшно становится.... вѣдь этимъ шутить нельзя, дѣло затѣяно громадное.... Неужели намъ на такихъ только разсчитывать?

— Вотъ ужъ и на такихъ! отвѣтилъ Бронскій:- это такъ, для обстановки; чтобы видѣли, что наше дѣло — дѣло всѣхъ національностей.... Шли бы вы себѣ въ каюту, ночью будетъ безпокойно, да надо жъ и отдохнуть.

— Немногимъ приходитъ въ голову, что

тамъ, на твердой землѣ, за крѣпкими затворами, скоро будетъ также ненадежно, какъ здѣсь, задумчиво проговорила она.

— Нѣтъ, многимъ; вы что-то ужъ слишкомъ свысока на людей нынче глядите.

— Отчего жъ этого никто не высказываетъ?

— Я думаю оттого что въ азбукѣ есть.

— Знаете, я сама очень люблю этотъ тонъ, а сегодня онъ мнѣ почему-то непріятенъ.

— Можетъ-быть вы въ морѣ перерождаетесь?

— Нѣтъ, рѣшительно никакой глупости не могу возразить.... Покойной ночи!

— Завтра Пасха, вспомнилъ ей Бронскій.

Она кликнула Лару, прошла въ свою каюту и взлѣзла въ койку.

Полгода перелетной, заграничной жизни, со всѣми раздражающими впечатлѣніями новизны, пролетѣли для нея какъ одна недѣля. Она прожила ихъ, какъ во снѣ, ловя на лету блескъ и роскошь утонченной цивилизаціи городовъ, которыми проѣзжала, мнѣнія новыхъ людей, съ которыми сталкивалась.... Все это на досугѣ поднялось въ головѣ хаотиче-

скою массой воспоминаній; разгоряченный мозгъ боролся съ дремотой, рисуя безсвязныя картины.

То входитъ она съ графомъ въ засѣданіе польскихъ эмигрантовъ, то раздается барабанная дробь, и красноногій батальйонъ, сверкая штыками, идетъ по улицамъ Рима, а тутъ же на площади народъ тѣшится полетомъ голубей изъ-подъ кринолина восковой иммакулаты.... Вдругъ она вздрагиваетъ и поднимается въ койкѣ, такъ четко ей кинулось въ глаза свирѣпое лицо голоднаго ладзарона въ Неаполѣ.... И опять сквозитъ въ дремотной истомѣ: Эльба и Капрера! Два воспоминанія, два человекa: одинъ задавилъ свободу, и, зажмуря глаза, пошелъ къ тому крайнему абсолютизму, для котораго лошади дороже людей, другой вызвалъ революцію и сталъ орудіемъ чужой мысли. Награда? Одинъ томился на Эльбѣ, другой хромаетъ на Капрерѣ. Результатъ? Гегелевскій нуль? Полипъ, что теперь беззаботно шевелитъ щупальцами у самага колеса парохода, которое въ пыль его сотретъ?... Она стала забываться въ болѣе или менѣе всѣмъ знакомой

галлюцинаціи: какъ будто свѣтлый шарикъ выдѣлился изъ колеблющейся массы, то, зеленатаго, то лиловаго цвѣта, и все росъ да росъ, охватывая ее, и она качалась въ какомъ-то вихрѣ изъ стороны въ сторону.... Она проснулась.... Шумъ, возня какая-то.... что-то грохнуло наверху.... Она выскочила изъ койки, не удержалась на ногахъ и упала.... Подсвѣчникъ прозвенѣлъ въ темнотѣ.... Стулъ съ шумомъ проѣхалъ мимо.... Лара скользила по паркету, съ воемъ бросаясь именно туда, гдѣ полъ поднимался. Она съ трудомъ добралась до дивана, привинченнаго къ стѣнѣ, и ухватилась за него.

— Инна! крикнулъ Бронскій, вбѣгая опрометью и натыкаясь на нее:— вы не боитесь?

Она молчала.

— Вы не испугались, Инна?

Онъ взялъ ея руку.

— Что это, буря? старалась она придать голосу спокойный тонъ.

— Шкваль.... Я не хотѣлъ беспокоить васъ. Этого ждали съ утра.

— Вы напрасно не сказали мнѣ.... Неужели вы меня считаете трусихой?

— Простите.... только проснулся и бросился къ вамъ.... Я буду съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не трушу, а такъ.... Ну, да, трушу немножко.... Пойдемте на верхъ, вы тамъ нужны.... А я буду бодрить другихъ.... Видите, у меня и страхъ-то особенный, добавила она, улыбнувшись.

Сильный толчокъ кинулъ ее къ Бронскому; онъ схватилъ ее и прижалъ къ груди. Она тотчасъ освободилась и съ неудовольствіемъ проговорила:- Пойдемте же.

Они взялись за руки и взбѣжали на падабу. Вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ; волны изрѣдка хлестали черезъ бортъ, и разсыпаясь пѣной и брызгами, обдавали доски, вѣяли въ лицо мокрою пылью.... Люди копошились въ полутьмѣ, капитанъ отрывисто покрикивалъ въ рупоръ.

— E pericolo? крикнула ему Инна, уцѣпившись за канатъ.

— No, no signora, nullo! спокойно отвѣтилъ онъ. — Венеція передъ вами, только пристать нельзя, будемъ лавировать до утра.

— Братъ! братъ гдѣ? обратилась она къ французу, перебиравшемуся къ ней по сна-

СТЯМЪ.

— Спать; онъ немножко перехватилъ, усмѣхнулся тотъ.

"Спать!" подумала она; "нѣтъ, хватитъ ли силы иначе, а только безсознательно умирать скверно."

Она простояла у каната все время, пока вѣтеръ замѣтно не стихъ и не далъ вздохнуть матросамъ. Обрывки тучъ плавно неслись по небу. На сѣренькомъ фонѣ начинавшася утра узенькою полоской бѣлѣла Венеція; по водѣ чуть слышно гудѣли колокола.

Бронскій вылѣзъ изъ трюма на палубу, задыхаясь отъ усталости. Куртка распахнулась, мокрая кудри спускались на лобъ, покрытый крупными каплями пота; глаза смотрѣли весело, самодовольно.... Онъ былъ очень красивъ.

— Прошло? обратился онъ къ капитану:- я славно поработалъ помпами; въ трюмѣ маленькая течь.

Инна выпустила канатъ и подошла къ нему.

— Христось воскресе! По вашему, по-русски! Поцѣлуемтесь же! сказалъ графъ, весело

глянувъ ей въ лицо.

— *Во истину*, серьезно проговорила она, вытерла ему лобъ платкомъ и поцѣловала.

Въ полдень, измученная бессонницей, истомленная ночью тревогой, она вышла изъ гондолы на Рива-ди-Шіавони. Леонъ донесъ ее на рукахъ по мраморной лѣстницѣ отеля въ отдѣльную комнату, гдѣ она и проспала до утра.

II. Революціонная сорока

— **К**акая встрѣча! говорилъ на другой день Бронскій входя съ Леономъ къ Иннѣ: — черезъ нумеръ стоитъ русское семейство, давнишніе мои знакомые, мать съ дочерью.... Онѣ хотятъ съ вами познакомиться.

— Очень нужно, сказала Инна.

— Нѣтъ, это стоитъ посмотрѣть, вмѣшался Леонъ, — отмѣннаго сорта особы.

— Ну, просите ихъ. Отдѣлаться, да и конецъ.

Немного спустя Бронскій ввелъ двухъ дамъ, одѣтыхъ *à la mode du jour*. Старшая такъ и кинулась къ Иннѣ, овладѣла ея рукой и зататорила:

— Мы объ васъ такъ много слышали въ Парижѣ, что какъ только услышали о вашемъ прїѣздѣ, сейчасъ же хотѣли видѣться съ вами... Баронесса Штейнфельсъ, рекомендовалась она, причесть весь корпусъ ея тонко перехваченной талии и руки такъ и работали, такъ и вертѣлись во всѣ стороны... — Ma fille, Мальвина, представила она дочь, остановившуюся поодаль. Та слегка поклонилась Иннѣ.

— Pardon, неизвѣстно для чего заговорила мать, — она у меня такая неживая, цѣлый день въ студіяхъ или за мольбертомъ!

И съ этимъ словомъ плюхнула на диванъ, но и тутъ не могла успокоиться, ѣздила на пружинахъ, клала нога на ногу, и затрещала пуще прежняго.

"Чего ей нейметса?" думала Инна, слѣдя въ то же время за дочерью. Та медленно перешла комнату ровною походкой и также плавно опустилась въ кресло у окна. Лицо, слегка подернутое загаромъ, отѣнявшимъ нѣжный румянецъ, почти пугало строгою правильностью очертаній. Густые каштановые волосы, зачесанные à la reine Margot падали на спину толстымъ шиньйономъ. Инна готова была

окрестить ее надутою аристократкой, но глаза новой знакомой смотрѣли такъ умно, просто и покойно, что она невольно подумала: "Задается же такая красота!"

— Какія ужасныя новости изъ Россіи! восклицала матушка:- ужасно! ужасно! Тамъ нисколько не сочувствуютъ національностямъ... Ахъ, Боже мой, что это за люди! У нихъ головы вотъ какъ.... — И съ нарочитымъ проворствомъ она вывернула перчатку наизнанку. — Въ Парижѣ никто не хотѣлъ вѣрить; я говорю: М. Grirardin, да развѣ много такихъ, какъ мы съ Мальвиной. Вы не вѣрьте! насъ въ Россіи очень небольшая кучка.

— Это вы Эмилю Жирардену говорили? спросилъ Бронскій.

— Да, да; какой славный господинъ! Помните, какъ обругалъ Луи Филиппа?

— Къ чему же вы это говорили-то? Онъ и безъ того противъ насъ....

— Какъ, неужели онъ противъ насъ? Я и не знала... Dites je vous en prie! Какъ это можно! Это вопросъ давно порѣшенный Европой, что Польша должна быть свободною! Какъ

это можно, не сочувствовать такому движению! — Мы объ этомъ говорили съ Пьеромъ....

— Съ какимъ Пьеромъ? перебилъ Бронскій.

— А въ Бельгии съ Прудономъ?

— Ну, что же, какъ вы его нашли? спросила Инна, замѣтно оживлялась.

— О, старѣтъ! почти сѣдой! съ необычайною горестью отозвалась та. — Я говорю: M. Proudhon, Россія — это такая колода, что сорока волами не сдвинешь съ мѣста, а онъ улыбается.

— Я думаю! замѣтила Инна.

— Какъ подумаешь, что скоро надо возвратиться въ это варварское государство, какая скука! Ну, сами посудите, что тамъ дѣлать? Какое мы найдемъ себѣ занятіе?

— Ужь и не придумаю, говорила Инна.

— Одно только — распространять новое ученіе, но вѣдь это почти и не дѣло; это просто долгъ cadaго мыслящаго челоуѣка.

— Графъ, заговорила Мальвина, — имѣете вы извѣстія о Русановѣ?

— Вы его знаете? вскрикнула Инна.

— Кого? переспросила та, остановивъ на ней глаза.

Инна смѣшалась и вспыхнула. Нѣсколько секундъ обѣ пристально глядѣли другъ на друга.

— Мы съ нимъ росли, продолжала Мальвина:- гдѣ онъ? обернулась она къ Бронскому.

— Служтъ въ уланахъ, сказала Инна.

Чуть примѣтное удивленіе блеснуло въ глазахъ М-ле Штейнфельсъ.

— Пойдемте къ Ponte dei Sospiri, подбивала матушка, — взглянемъ на темницы нашихъ мучениковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, согласилась Инна, которую заинтересовала молодая дѣвушка:- пройдемтесь, погода отличная...

— Да вѣдь и намъ пора въ путь! сказалъ Бронскій:- Вы, Леонъ, ждите насъ на желѣзной дорогѣ.

— Я все принесу сейчасъ, тапан, поднялась Мальвина, и вышла. А тапан пустилась толковать о томъ, что современное общество пришло въ такой упадокъ, какъ въ древнемъ Римѣ; доказывала необходимость круто повернуть все человѣчество назадъ къ золотому

въку, и при этомъ, для большей наглядности метода, дѣйствительно поворачивалась всѣмъ корпусомъ. Бронскому наконецъ надоѣло слушать. Онъ сталъ упрекать патриотку за то, что она тратитъ время за границей, тогда какъ дома могла бы принести гораздо большую пользу. Инна пріостановила свои сборы и взглянула на графа: ни въ голосъ, ни въ лицѣ ни тѣни насмѣшки... Вернулась Мальвина въ соломенной шляпкѣ, закутанная широкою гаваной, и подала такую же своей маман. Бронскій поспѣшилъ предложить той свою руку; дѣвицы пошли впередъ. У самага крыльца окружили ихъ нищіе.

"- *La charità! Signore! Piccola moneta!*" кричали разные голоса. Баронесса кидала имъ серебряную мелочь; голоса подхватывали пуще: "*Esceienza! Eviva la principessa!*" Полетѣли скуди, и наконецъ, опорожнивъ кошелекъ, она бросила въ толпу золотую монету. Поднялся гамъ и драка.

— Вамъ должно-быть очень весело съ маман? заговорила Инна, опережая ихъ съ Мальвиной.

Та посмотрѣла ей въ глаза съ холоднымъ

достоинствомъ и ловко дала другое направленіе разговору, спросивъ Инну, не Малороссіянка ли она?

— А что? сказала Инна.

— Такъ, замѣтно по выговору. Вы не сосѣдка ли Русанову по имѣнію?

"Вотъ заладила сорока Якова", подумала Инна, чувствуя новый прилими смущенія, и едва отвѣтивъ на вопросъ, сама бросилась въ сторону.

— Что жъ вы такъ скоро возвращаетесь въ Россію? Теперь лучшая пора для туристомъ.

— Что жъ пріятнаго оставаться тамъ, гдѣ Русскихъ на каждомъ шагу оскорбляютъ. Впрочемъ винить некого, кромѣ себя, прибавила Мальвина, косясь назадъ.

— Вы стало-быть расходитесь съ татанъ въ политикъ?

— Въ политикъ? Нѣтъ это не при мнѣ писано... равнодушно отвѣтила та.

Очевидно разговоръ не вязался. Полюбовавшись Мостомъ Вздоховъ съ Понте делла-Палліа, они разстались за Піяцеттой у морской таможни, гдѣ Инна сѣла съ Бронскимъ въ гондолу.

— Куда вы такъ спѣшите? говорила баронесса графу, нетерпѣливо поглядывавшему на часы.

— Куда, къ величайшему моему прискорбію, я не могу доставить вамъ доступа ни за какія деньги, отвѣтилъ онъ.

— Въ комитетъ? вскрикнула та, сложивъ ладони. Тотъ кивнулъ головой. — Счастливицы! Мы вамъ такъ сочувствуемъ! продолжала она. — Прощайте до лучшихъ дней!

Молодые дѣвушки холодно простились, оставшись одна для другой полузагадкой.

— Просто опротивѣли, сказала Инна, когда они отчалили. — Кто жъ ей далъ право сыпать трудовыя деньги?.. Свои крестьяне, можетъ-быть, въ пухъ раззорены, а они за границей благодѣтельствуютъ.

Бронскій усмѣхнулся.

— Я матушку-то нашпиговаль; онъ теперь въ Россію поѣдутъ.

— Bon voyage!

— Нѣтъ не шутя, она лучше всякой газеты; цѣлый день станеть по салонамъ молотъ; женщинѣ все простительно, а имѣяй уши слышать, да слышитъ! Такъ, кажется, по сла-

ВЯНСКИ-ТО.

— Ну, и дочка хороша! Діана какая-то мраморная!

— Только не Діана де-Ли! остриль графъ.

Баронесса все стояла на берегу, пока гондола не скрылась изъ виду, точно разставалась съ милыми сердцу. Пронзительный пискъ заставилъ ее обернуться. Изъ-за походной ширмочки выскакивали куклы. Pulcinello и сбиръ потѣшали публику...

— Маріонетки! Маріонетки!закричала она, растаявъ отъ восторга.

— Да, тапан, знаешь что...

— Вѣдь это, Мальвина, вещь революціонная!

— Да, это она! задумчиво проговорила Мальвина.

— Кто она?

— Инна эта, она тотъ алмазъ, что писалъ Voldemar...

— Смотри! Смотри! перебила матушка съ сіяющими глазами.

— Точно ты ихъ подъ Новинскимъ не видывала! замѣтила дочь.

Потерявъ изъ виду минутныхъ знакомы-

хъ, Инна глядѣла на громадныя дворцы, которые, казалось, плыли вмѣстѣ съ берегами; весеннее солнце обдавало ослѣпительными блестками мутныя волны, бѣлые мундиры австрійскихъ солдатъ, попадавшихся на каждомъ шагу и мокрыя весла гондольера.

— Эй, Верро! обратился къ гондольеру Бронскій:- ты ненавидишь Австрійцевъ? Хочешь съ ними драться?

— Ohime, signore! я взялъ два билета въ лотерею, они непременно выиграють.... Я такъ много проигралъ, что эти навѣрное выиграють....

— А что лучше: выиграть десять тысячъ гульденовъ или освободить Венецію?

— О, signore, какое же сравненіе?

— Венеція? Да? вступилась Инна.

Гондольеръ поглядѣлъ на нее съ безсмысленною улыбкой простака.

— Какъ Венеція? Что жъ я съ ней буду дѣлать? Опять вертѣть веслами....

— Тогда не запретятъ пѣть баркаролы, острить графъ....

— She benì! засмѣялся лодочникъ.

— До такой степени развратить народъ! съ

негодованіемъ проговорила Инна.

— Ужь и весь народъ? переспросилъ Бронскій.

Мысли Инны были далеко... Стали ей представляться низенькія хатки, запахъ моченой пеньки, котораго прежде она переносить не могла, звуки очеретяной сопилки, блюдо вареной пшенички; раскинулся старый, заглохшій садъ, заскрипѣли старинные часы...

"Скоро ли? скоро ли?" думала она, безсознательно глядя на катившуюся подъ ногами воду, и казалось ей, что она замерла на мѣстѣ, а берега быстро мчатся мимо....

III. Самый новый складъ ума

Глухо стучать вагоны, подпрыгивая на связяхъ рельсовъ Венеціанско-Вѣнской желѣзной дороги, окрестности такъ и мелькаютъ мимо окна, застилаемаго иногда густою струей пара. Инна читаетъ газеты, протянувъ ноги на незанятую скамью. Леонъ смотритъ въ окно, изрѣдка взглядываетъ на сестру, словно собирается заговорить; лицо ея спокойно, только брови иногда сдвигаются, да глаза начинаютъ смотрѣть непривѣтливо, а тамъ опять серіозная сосредоточенность.

— Вотъ мы скоро и кончимъ наши странствія, началъ онъ.

— Да и пора! Надоѣло ужъ....

Леонъ пытливо поглядѣлъ на нее.

— Тебѣ не хотѣлось бы остаться гдѣ-нибудь? Ни одинъ городъ не нравится?

— Вездѣ одно и то же, махнула она рукой.

— Да развѣ можетъ что-нибудь занять меня, кромѣ нашего дѣла?

— Будто оно одно на свѣтѣ?

— Одно; безъ него ничто не въ прокъ. Ну, совсѣмъ теперь?

— Совсѣмъ, сказалъ Леонъ, отворачиваясь къ окну.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ и остановился на дебаркадерѣ. Леонъ отошелъ къ локомотиву; глядѣлъ какъ воду качаютъ; машинально закурилъ сигару, а самъ думалъ: "Ничего не сдѣлаешь.... Ее спасетъ развѣ чудо какое...."

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ графомъ, говорила она, вернувшемуся Леону, какъ только поѣздъ двинулся.

— А что?

— Онъ.... Ты не смѣйся, онъ не на шутку за мной ухаживаетъ....

— Ну, такъ что же? проговорилъ Леонъ, хмурясь,

— Помилуй! Онъ — влюбленный, это ни на что не похоже.

— Что жъ онъ, не человекъ?

— Почти что нѣтъ; есть ли въ немъ хоть капля эгоизма? Всѣ его дни, большая часть ночей — безконечный трудъ; малѣйшую бездѣлицу онъ умѣетъ обратить въ пользу дѣла....

Леонъ нѣсколько времени колебался, потомъ будто ухватился за какую-то мысль.

— Инночка, если ты его такъ высоко ставишь, почему не отвѣчать на признаніе? Не вѣкъ же ты проживешь такъ.

— Я не ручаюсь за это; но видишь, Леня, если мнѣ ужъ не убережешься отъ этой бѣды, такъ я отдамся такому человѣку, который бы понялъ меня вполнѣ, чтобы мы шли совершенно объ руку.... Я этимъ шутить не намѣрена....

— Ну, а съ графомъ ты не рука объ руку идешь теперь? сказалъ онъ, наблюдая за выраженіемъ ея лица.

— До извѣстной черты только, а тамъ мы круто разойдемся; я пока дѣйствую съ нимъ заодно, потому что такъ нужно.

— Зачѣмъ?

— Скажи мнѣ твою давешнюю мысль, и я тебѣ скажу...

— Инна! Инна! Что это? Даже между нами недовѣріе?

— А! Не хочешь? И я не могу... Прости меня; мнѣ горько, я тебѣ не вѣрю...

— Я сомнѣваюсь въ успѣхѣ нашего дѣла... Довольно этого?

— И я тоже.... Но ужъ и сомнѣнія нѣтъ, что мы съ тобою въ разныя стороны глядимъ....

Всю дорогу тянулось принужденное, тяжелое молчаніе; Инна уткнулась въ газеты; Леонъ глядѣль въ окно.

— Что ты дѣлаешь? вскрикнула она вдругъ:- развѣ можно высовывать голову? Ну, встрѣчный поѣздъ?

— Ты ли это говоришь? отвѣтилъ онъ съ грустною улыбкой:- сама почти на вѣрную смерть идетъ, а за другихъ боится....

— Такъ не изъ любопытства же, что тамъ будетъ... Не изъ ухорства....

На станціи Бронскій былъ пораженъ блѣдностью и разстроеннымъ видомъ Леона.

— Вы нездоровы? спросилъ онъ.

— Случалось вамъ, графъ, лѣчить больнаго друга, и только больше вредить ему? можетъ-быть, убивать лѣкарствомъ?

— Вы рѣшительно нездоровы, проговорилъ графъ, безпокойно осматривая его.

— Нѣтъ, значить не случалось, проговорилъ Леонъ, отходя къ буфету.

— Что съ нимъ? Онъ бредитъ на яву, говорилъ Бронскій Иннѣ. — Да вы съ нимъ по-вздорили?

— О, нѣтъ! во всемъ, что мы ни говорили,

удивительное согласіе, проговорила она съ усмѣшкой, и пошла въ вагонъ, напѣвая въ полголоса:

Sola, furtiva al tempio....

Пріѣхали на Вѣнскую станцію. Инна прыгнула на платформу прямо въ объѣтыя Коли, поздоровалась съ нимъ, при чемъ онъ не утерпѣлъ, чтобы не похвастаться подстриженными усами, и протянула руку Езинскому. Стоявшая съ нимъ подъ руку дама въ мантильѣ сверхъ желтаго платья и голубой шапочкѣ, подошла къ ней.

— Здравствуй, Инна! Узнала?

— Вѣрочка!

— Постой, дай на тебя поглядѣть! Перемѣнилась, очень перемѣнилась! Joseph, поди сюда, посмотри, какъ она перемѣнилась!

— Я? Чѣмъ же? говорила Инна, здороваясь съ Езинскимъ.

— Умѣрьте ваши восторги, сказалъ Бронскій, — тутъ не оберешься соглядатаевъ.

— Напротивъ, сказалъ Езинскій, — пойдемъ по улицѣ и будемъ говорить по-русски:

никто не обратитъ вниманія.

Коля предложилъ руку дамамъ.

— Извините, не нуждаюсь въ поддержкѣ!
Будеть, поводили на помочахъ.

— Ты съ Езинскимъ? спрашивала Инна
Върочку.

— Да, egli e il mio amante.... Ахъ, Инна, какое сравненіе съ прошлою нашею гнилью! Точно изъ-подъ колокола воздушнаго насоса мы выбрались.

— Продолжаешь свои занятія?

— Нѣтъ, когда жъ теперь! Уморительные Нѣмцы! Слушала нѣсколько лекцій.... Joseph въдъ на казенный счетъ за границей.... Чего они не выдумаютъ.... Вотъ ужъ словечка-то въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.... Читалъ одинъ астрономію, изображалъ планетную систему: солнце, говоритъ — арбузъ, меркурій — маковое зернышко, венера — горошина и т. д. А другой о фотографіи говорилъ, какъ приготовить коллодій, чтобъ онъ былъ sonnen-klar, и вотъ все такія прелести! Шлейдена видѣла, онъ къ вамъ собирается.... читала ты его этюды?

— Нѣтъ еще.

— И прекрасно: такой сумбуръ въ фризовой шинели.... Зафилософствовались до слѣпоты!

— Ну-съ, въ вашихъ краяхъ какъ идетъ агитація? спрашивалъ Бронскій у Езинскаго.

— Какъ нельзя лучше! Военныя экзекуціи совершенно повернули дѣло: быдло колеблется, не знаетъ кому вѣрить. Это разъ, а второе — нашъ манифестъ о даровомъ надѣлѣ уже готовъ.

— Ну, а пожары?

— Потѣха! Наняли мы въ Тебенькахъ дѣвку, подожгла она хуторъ, поймали ее съ пукомъ соломы, со спичками, ну словомъ — съ поличнымъ. Пріѣхалъ судебный слѣдователь, начался допросъ.... Я какъ взглянулъ на него — либераль. Сажаетъ ее въ кресло. "Не бойтесь, говоритъ, не бойтесь," а самъ ее яблоками угощаетъ; и та оправилась, смѣется.... "Да развѣ можно такъ?" Это другіе-то члены комиссіи говорятъ, а онъ какъ вскочить: "Пожалуста, говоритъ, не мѣшайте; я свое дѣло знаю. Вамъ бы только запугать ребенка; эти допотопные канцелярскіе порядки пора тбросить, говоритъ." Я и слушаю даль-

ше не сталь; вотъ, думаю, на вашу бѣдность Богъ олушка послалъ. И дѣйствительно, такъ ничего и не открыли.

— Ну, и прекрасно, коли зѣваютъ, переби-
ль Бронскій, — такъ мы вотъ какъ распоря-
димся: вы отправитесь въ Галицію, и тамъ
присоединитесь къ корпусу волонтеровъ и
мнѣ нужно только человекъ сто самыхъ отча-
янныхъ. Они поѣдутъ въ мое имѣніе какъ вы-
писанные изъ-за границы земледѣльцы; эта
штука теперь въ ходу, стало-быть и тѣни
подозрѣнія не можетъ быть.

— Осторожнѣй только выбирайте людей, а
то, помните, былъ поручикъ отставной,
извѣстный шулеръ; какъ узнали его, переста-
ли съ нимъ играть, обнищаль совсѣмъ; такъ,
Христа-ради, проживаль кое-гдѣ.... Сжалился
я валъ нимъ, поручилъ ему прокламаціи рас-
кидывать, — такъ что жъ? — чуть деньги въ
карманѣ завелись, онъ и носъ поднялъ, ку-
тить сталь; а тутъ и поговаривать стали, от-
куда у человека деньги взялись? Такъ ужъ на-
до было пригрозить.

— Да, это очень досадно, что приходится
такую шушеру набирать, а безъ нихъ нельзя.

— Нельзя, согласился Бзинскій.

— Ну, молодежь что?

— А что? Большая часть еще не знаетъ въ чемъ дѣло. А ужь можно голову прозакладывать, что на первый свистокъ сбѣгутся. Наши работаютъ неутомимо.

— Что жь нашъ Володенька? Не знаешь, прочелъ онъ мои бумаги? спрашивала Инна у Вѣрочки понизивъ голосъ.

— Зачѣмъ ты это дѣлала? вѣдь это только профанація, больше ничего, говорила Вѣрочка. — Такія головы хотъ въ ступѣ толки; онъ все свое.

— Ты не поняла меня.... Ну, какъ онъ теперь? Не тоскуетъ?

— Какая тоска! Онъ, кажется, попалъ въ свою колею, повеселѣлъ даже, а тутъ ему еще медаль дали.

— Медаль? Это за какія провинности?

— За спасеніе погибавшихъ, съ хохотомъ отвѣтила Вѣрочка:— какъ же! Патріоты подожгли земскій судъ, вѣтеръ былъ сильный, перекинуло на сосѣдніе дома; въ одномъ крики! шумъ! бѣготня! Какая картина, ты себѣ представить не можешь! Цѣлая масса огня гуляетъ

по городу...

— Ну, ну! дальше!

— Ну, онъ вдругъ откуда ни возьмись и къ дому.... Давайте лѣстницу, кричить.... А мы тутъ же стоимъ; дали ему лѣстницу, полѣзь, тащить оттуда ребенка; подставили коверъ, спустилъ; ну, думаю, опомнится.... Нѣтъ, опять въ огонь, совсѣмъ помѣшался....

Инна молчала.

— А мнѣ-то что? говорилъ между тѣмъ Езинскій съ усмѣшкой, въ отвѣтъ, на какое-то замѣчаніе Бронскаго:- я ни копѣйки не трачу, напротивъ, еще выигрываю. Вонъ меня за границу послали.... Что жъ, думаю, посылайте, други милые, посылайте! Кабы въ другое время, я бы преспокойно вернулся просвѣщать юношество россійское, а теперь — не время! Будемъ писать въ Часъ, прокламаціи, декреты.....

— Ну, это пожалуй назовутъ.... перебилъ Леонъ, и замялся.

— Что назовутъ? Какъ назовутъ?

— Да то, что вы поучаете жалованье отъ русскаго правительства.

— Такъ что жъ? Я этимъ наношу ему двой-

ной вредъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаю полную свободу дѣйствовать, возразилъ тотъ, глядя прямо въ глаза Леону.

Тотъ не вынесъ взгляда и смѣшался.

— Нашъ другъ еще не привыкъ къ военнымъ хитростямъ, снисходительно сказалъ графъ:— но гдѣ нуженъ нахрапъ, тамъ съ нимъ не кому тягаться.

— Да что вы такъ удивляетесь, продолжалъ Езинскій, — вы поглядите на русскихъ прогрессистовъ! Я по крайней мѣрѣ за родину стою, а тѣ-то! Ни гроша за душой у канальи нѣтъ, только жалованьемъ и дышитъ, а ругаетъ правительство на чѣмъ свѣтъ стоитъ; подтруниваетъ валь всякимъ честнымъ чиновникомъ, а самъ въ глаза-то прямо вамъ взглянуть не смѣетъ, все куда-то въ сторону смотреть. Чортъ знаетъ чѣмъ занимаются; какое-то Никодимово Евангеліе откопали, Герценомъ изъ кармана кукишъ кажутъ. Конечно, мы этому только радоваться можемъ; но говоря безпристрастно, какое это вамъ подспорье въ будущемъ? Можемъ ли мы хоть одного такого господина терпѣть межъ нами?

— Да, послушайте, перебилъ графъ, —

кстати о чиновникахъ: чѣмъ кончились эти глупѣйшія исторіи что вы писали? Я ничего не разобралъ.

— Этотъ идіотъ, Русановъ, всю бурю поднялъ, а тутъ еще стряпчій вступился; я счелъ долгомъ погасить это дѣло.

— Ну, и помину нѣтъ?

Вѣрочка взяла Бронскаго подъ руку и удержала немного позади.

— Собственно васъ касается, проговорила она.

— Вотъ какъ! отвѣтилъ тотъ, насупясь.

— Вы скоро будете отцомъ.

— Скажите, какая пріятная неожиданность! Вы пожалуста не хватите чего-нибудь при Леонѣ или той; они ничего не знаютъ....

Онъ выпустилъ руку Вѣрочки и, засвидавъ, отошелъ къ прочимъ.

Собрались въ гостиницѣ, заказали обѣдъ. Вѣрочка все время была весела, спѣла какую-то гривуазную пѣсню, пила вино, прислонялась къ плечу Езинскаго, хохотала, рассказывала анекдоты сомнительнаго свойства.

— Какъ ей весело! шепнула Инна Леону: вотъ тебѣ еще примѣръ развитія! Хорошо

еще, что такъ случилось:

*Ходитъ птичка весела
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій...*

Вечеромъ, Вѣрочка показывала превосходно вышитое знамя съ золотыми словами: *Свобода, Равенство, Независимость.*

— Почему жь не *Братство*? спросила Инна.

— Такъ Joseph велѣлъ мнѣ вышить.

— А это ты вышивала?

— Да, съ твоею сестрой.

Инна хотѣла въ послѣдній разъ послушать музыки, и стала собираться въ оперу, Бронскій вдругъ объявилъ желаніе ей сопутствовать.

Инна поглядѣла на него и стала отговаривать; тотъ стоялъ на своемъ, говоря, что ей неловко поѣхать одной ночью.

— Да вѣдь вы же оставите меня, улыбнулась Инна, — все равно придется ѣхать еще позднѣй.

— Позвольте мнѣ ѣхать съ вами, сказалъ графъ, съ оттѣнкомъ настойчивости.

— Извольте, серьезно проговорила Инна.

— Что это тебѣ вздумалось? вступилась Вѣрочка:- въ наше время и философія-то, да и политическая экономія даже отжили свое, а ты вдругъ интересуешься такимъ ребячествомъ, какъ искусство....

— Это роскошь! сказалъ Коля, съ обыкновенною безапелляціонностью.

— Для того, кто въ этомъ дѣдѣ не смыслить на уха, ни рыла, вспыхнула Инна и, подавъ руку Бронскому, вышла изъ комнаты, озадачивъ юнаго реалиста.

IV. I Ugonotti

Ужъ начался второй актъ, когда Инна съ Бронскимъ вошли въ дожу. Передъ ними раскинулась огромная зала, вся въ газовомъ свѣтѣ, дробившемся въ хрусталь и позолотѣ, стянутая въ нѣсколько ярусовъ живыми поясами нарядной, волнующейся толпы. Со сцены звенѣли пѣвучія нотки кватуора "королевы и фрейлинъ" съ аккомпанементомъ арфы. Все это сразу хлынуло на впечатлительную натуру Инны. Она прислонилась къ пиластру, и не трогаясь съ мѣста, не замѣчая поднину-

таго графомъ стула, скрестивъ руки, глядѣла на сцену. Ея высокая, стройная фигура въ черномъ платьѣ съ серебряными плерезами, строгое, задумчивое лицо, обрамленное густыми локонами безъ всякой заколки, обратили на себя вниманіе всего партера; всѣ бинокли направились на ея ложу...

— Я бы на вашемъ мѣстѣ ушелъ въ темную комнату и опустилъ портьеру, сказалъ Бронскій, указывая глазами внизъ.

— Зачѣмъ? Пусть тѣшатся... Они мнѣ не мѣшаютъ, нетерпѣливо отвѣтила Инна.

— Знаете ли, какія у нихъ грязныя желанія въ моментъ поклоненія вамъ?

— Тѣмъ хуже для нихъ! Видитъ око, да зубъ нейметъ... Несноснѣй этого я ничего не знаю.

— Вы это испытали?

— Да не мѣшайте же слушать. И такъ цѣлый актъ прозѣвали съ вашими переторжками!

Робкое призваніе Валентины передъ королевой въ ея любви къ Радую, ея просьба о посредничествѣ, смѣнились кокетливымъ дуэтомъ свахи-королевы и ревнивца-гутенота;

игривые звуки натѣшились переливчатой игрой руладъ и трелей, перешли въ торжественную клятву мира между католическими вельможами и гугенотомъ Радуемъ, разлились ликующимъ привѣтомъ невѣстѣ, энергически прогремѣли въ отказѣ Рауля, отозвались рыданіемъ оскорбленной Валентины и разрастись въ грозное tutti вызова на поединокъ въ хорѣ раздраженныхъ католиковъ. Вся отдавшись вдохновенной мысли маэстро, Инна жила сценой, сливалась съ каждымъ пѣвцомъ, и пришла въ себя только тогда, какъ вслѣдъ за упавшимъ занавѣсомъ загремѣла послѣдняя нота финала.

— Какая законченность! Какая полнота! громко проговорила она, обертываясь къ Бронскому:— тутъ ферматы не прибавишь, послѣдней речитативной фразы не выкинешь!

— Васъ, кажется, очень занимаютъ *Гугеноты*? проворчалъ тотъ съ досадой.

— Еще бы! Проводите меня въ фойе.

Бронскій, нехотя, подалъ ей руку. Онъ все время глядѣлъ на восторженное лицо своей спутницы, проклиная всевозможныхъ гугено-

товъ, маэстро, капельмейстера и пѣвцовъ.

Въ залѣ они повелъ разговоръ на тему любви, будто по поводу оперы; Инна поспѣшила заговорить о движеніи въ Галиціи и надеждахъ венгерскихъ патріотовъ....

Весь третій актъ графъ просидѣлъ нахму- рясь въ углу.

— Поѣзжайте, коли скучно, сказала она въ антрактѣ:- васъ ждуть....

— Вы наконецъ гоните меня? язвительно проговорилъ онъ.

— И не думаю, отвернулась она къ сценѣ.

Съ самага поднятія занавѣса, въ тоскли- вомъ романсѣ Валентины, насильно обвѣнчанной съ графомъ де-Неверъ, чуялось что-то тревожное. Безысходная скорбь, страхъ за жизнь любимаго человѣка вылились дуэ- томъ ея и Рауля, тайно пробравшагося въ домъ врага. Едва Валентина, слышавъ приближеніе отца, мужа и придворныхъ, успѣла укрыть его за драпировкой, начался Варѳоломеевскій заговоръ. Затаенная нена- висть къ гугенотамъ росла и крѣпла въ го- лосѣ старика отца и отрывистыхъ бравадахъ

хора. Словно тучи осенней ночью сгустились мрачные звуки, раза два мелькнула въ нихъ послѣднюю звѣздочкой грустная пѣснь Валентины, и покрылась злобѣщимъ ропотомъ хора. Явились монахи, возбуждая восторженными жестами толпу народа, засверкали ножи въ красноватомъ свѣтѣ факеловъ и потрясающіе аккорды духовнаго хора, сливаясь съ ревомъ раздраженной толпы, разрослись въ грозную бурю звуковъ.

Инна безсознательно поднялась съ мѣста, выпрямилась во весь ростъ, и протянувъ руку на барьеръ ложи, дрожала отъ лихорадочнаго напряженія нервъ. Когда толпа, благословенная на рѣзню, очистила сцену, она обернула къ Бронскому блѣдное безъ кровинки лицо, и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Я смѣялась, когда вы въ Римѣ запасались индульгенціями для нашихъ; только теперь понимаю, что можетъ сдѣлать религіозный фанатизмъ, проговорила она, глядя на него.

— Вольно жъ вамъ было ни разу не сходить въ костель... Слушайте, слушайте!

На сценѣ шель дуэтъ Рауля и Валентины.

Примадонна, артистка одной изъ русскихъ столицъ, пѣвшая въ Вѣнѣ проездомъ, казалось, была рождена для этой роли. Не поражая блестящею вокализацией первоклассной знаменитости, она дѣйствовала на публику всѣмъ ансамблемъ художественной натуры, — и сильнымъ голосомъ, и драматизмомъ игры, и симпатичностью мимики, и необыкновенно пластичною граціей движеній. Въ грозной позѣ загородила она дверь Раулю, спѣшившему на помощь къ гугенотамъ, со слезами въ голосъ умоляла его не подвергаться опасности; эти звуки плакали, тонули въ скорби, жгучею болью ныли въ груди дилеттантовъ, истощили всю силу мольбы, и вдругъ, въ ропотъ басовой суматохи оркестра, отчаяннымъ порывомъ прозвучало признаніе въ любви.... Бронскій не выдержалъ.

— Смотрите, шепталъ онъ, наклонясь къ Иннѣ:— ни милости двора, ни сила вѣры, ни страхъ смерти не устояли противъ одного слова любви... Онъ все забылъ, онъ у ногъ ея...

Инна не обращала на него вниманія.

Раздались дальніе удары набата, отчаянная арія Рауля у окна при видѣ окровавленныхъ труповъ, безумный крикъ и обморокъ Валентины, минута борьбы гугенота съ самимъ собой, прыжокъ съ балкона, два, три выстрѣла и громъ аплодисментовъ при падающемъ занавѣсѣ....

— Это музыка! вскрикнула Инна, обращаясь къ Бронскому:- это я понимаю....

— Благо тому, кого еще тѣшатъ иллюзіи, проворчалъ онъ, взявъ шляпу.

— Вы думаете нѣтъ такихъ женщинъ? перебила она.

— Есть, да надо быть чортомъ, чтобы добиться отъ нихъ хоть тѣни чувства, отвѣтилъ графъ, и вышелъ, хлопнувъ дверью. Инна улыбнулась этой выходкѣ и стала водить биноклемъ по партеру, какъ вдругъ постучали въ дверь ея ложи.

— Willkommen, сказала она, оборачиваясь.

Вошелъ молодой человекъ съ тревожнымъ выраженіемъ лица.

— А графа нѣтъ? проговорилъ онъ по-польски, озираясь.

— Онъ къ вамъ поѣхалъ.... Что случилось?

отвѣчала Инна по-французски.

— Вы не пугайтесь, отвѣтилъ тотъ шепотомъ:- вы что-нибудь неосторожное сказали, за вами слѣдятъ.... Я долженъ посидѣть у васъ немного, чтобы не возбудить подозрѣнія....

— Что же дѣлать? перебила Инна.

— Вы не дожидайтесь конца спектакля, идите смѣлѣй и скорѣе къ подъѣзду, тамъ помогутъ....

Онъ показаль ей *sortie-du-bal*.

— Со мной есть стiletъ, сказала она.

— Дайте его мнѣ. Если васъ съ нимъ арестуютъ, — бѣда! Смотрите жъ, не робѣть....

— Я такъ наэлектризована сегодня, что, право, почти не вѣрится.... Неужели же? Идите, пора! рѣшилась она.

Спустя немного послѣ его ухода, Инна вышла изъ ложи, и собравшись съ духомъ, стала спускаться съ лѣстницы; сердце у ней сильно забилося когда она замѣтила двухъ полицейскихъ, слѣдовавшихъ за ней въ нѣкоторомъ разстояніи.

Полицейскіе дали ей выйдти на перистиль. Какъ только она сошла съ послѣдней ступеньки, одинъ изъ нихъ положилъ ей ру-

ку на плечо, но тотчасъ вскрикнулъ и упалъ навзничъ отъ сильнаго удара въ лицо. Другой потерявшись, бросился его поднимать, а между тѣмъ Инна пропала въ толпѣ. Произошла суматоха. Полицейскіе, оправясь, погнались за бѣжавшими тѣ звали ихъ, показывая руками вдоль по улицѣ....

— Смѣлѣе, говорили молодые люди, обступая Инну и сажая ее въ карету. Двое помѣстились съ ней, третій на козлы. Лошади понеслись въ галопъ. Оконный фонарь слабо освѣщаль выразительныя лица.

V. Дома

Тѣни теплаго, майскаго вечера пропадали въ сумракъ, облежавшемъ помѣстья Бронскихъ; только готическія окна стараго замка, глядя съ высокаго берега рѣчонки, отливали послѣднимъ золотомъ заката. Дорожный дормезъ, прогремѣвъ на деревянномъ мосту, потянулся въ гору по извилинамъ дороги, обсаженной тополями. Ямщикъ весело посвистывалъ на истомленныхъ лошадей; Леонъ, привставъ на козлахъ, указывалъ ему подъѣздъ, гдѣ ужъ толпилась дворня, со дня на день

ждавшая молодого пана. Самъ старикъ Бронскій сидѣлъ на крыльцѣ, въ длинномъ креслѣ на колесахъ и еще издали кивалъ головой, высунувшемуся изъ кареты сыну. Владиславъ проворно соскочилъ съ подножки, подбѣжалъ и нѣсколько времени молча обнимался съ обрадованнымъ отцомъ; потомъ перешелъ въ объятія своего бывшего дядьки, Слубня, сѣдаго, коренастаго человѣчка, управлявшаго теперь всею вотчиной. Тотъ слезливо моргалъ красными вѣками и ловилъ руку своего выкормка. Дворня въ свою очередь окружила вернувшагося странника...

Потрепавъ по плечу подошедшаго Леона, старый графъ вопросительно взглянулъ на кудряваго мальчика въ чамаркѣ и лаковыхъ ботфортахъ. Забытый въ общей суматохѣ, онъ выльзъ изъ кареты и остановился въ нерѣшительности на первой ступенькѣ крыльца, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ...

— Это мой новый камеръ-юнкеръ, сказалъ Владиславъ, подводя его къ отцу:— изъ Италіи.

Инна поклонилась графу со всею почтительностью своего новаго званія и пошла за Леономъ на лѣстницу.

— Вотъ вамъ опочивальня, beau rage, шутилъ тотъ, отворяя ей замаскированную шкапомъ дверь изъ кабинета Бронскаго.

— Постой немного, сказала она, остановясь на порогѣ:- такъ это его комната? Здѣсь онъ обдумывалъ свои планы, на этой жесткой кушеткѣ спалъ... какъ тутъ убрано! Какъ его встрѣтили свои! Намъ-то кто порадуется, Лена?

Онъ молча подалъ ей свѣчу.

— Обойдемся и такъ, сказала она, тряхнувъ кудрями:- покойной ночи! что-то мнѣ привидится на новомъ мѣстѣ!

И затворивъ за собой дверь, она защелкнула задвижку. Опочивальня оказалась складочною стараго хлама. Отъ единственнаго окна, завѣшеннаго лохмотьями знамени барскихъ конфедератистовъ, пахнуло сыростью нежилыхъ покоевъ. Между прочею, какъ попало нагроможденною, мебелью, на двухъ бархатныхъ стульяхъ, съ позолоченными спинками, стояла большая масляная картина изображающая битву при Мацейовицѣ. Инна поставила подсвѣчникъ на столъ розоваго дерева, и передвигая его по запыленной пер-

ламутровой инкрустаціи, насилу нашла надлежащій пунктъ освѣщенія. На первомъ планѣ, подлѣ убитой лошади, раненый Костюшко бросаль саблю передъ солдатами Ферзена. Отчаянное лицо патріота, измученное физическою болью и нравственною пыткой, казалось, говорило историческую фразу: *finis Poloniae*. Кругомъ, въ батальномъ дымѣ, бѣжали остатки польской арміи. Подавивъ непріятное впечатлѣніе, Инна подошла къ двумъ гравюрамъ на стѣнѣ. Рядомъ съ Вернетовской смертью Понятовскаго висѣль портретъ Наполеона I, въ рамкѣ съ разбитымъ стекломъ, весь залитый чѣмъ-то краснымъ. Она вспомнила, рассказъ Бронскаго, какъ отецъ его, получивъ за столомъ вѣсть о паденіи Герцогства Варшавскаго, пустиль бутылкой въ основателя. Увидавъ въ углу кожаный диванъ, Инна положила себѣ подъ голову сакъ и раздѣлась. Въ кабинетѣ отдавались шаги Бронскаго; она задула свѣчу.

— Хорошо ли вамъ? послышался голосъ графа.

— Могло бѣ быть лучше, отвѣтила она.

— Можно взглянуть?

— Нѣтъ ужъ это лишнее, не извольте беспокоиться...

— Довольны ли вы своимъ сосѣдомъ? Что же вы не отвѣчаете? смѣялся онъ.

— Не довольна, безпокойной націи; спать не даетъ...

— Ah! Crudele!

Поутру, всѣ еще спали въ замкѣ. Инна осторожно отперла дверь и заглянула въ кабинетъ графа; постель его была пуста. Она вышла на крыльцо, сбѣжала къ рѣкѣ, умылась и сѣла на берегу. Замокъ открылся какъ на ладони. Уцѣлѣвшія по угламъ башни съ флюгерами на коническихъ верхушкахъ, съ выбоинами въ кирпичахъ и отверстіями для стрѣльбы, неуклюже лѣпились къ выбѣленному фасаду съ зеленою крышей, громоотводами и опущенными по окнамъ маркизами.

По мосту загрохотали копыта. Инна обернулась; къ ней скакалъ Бронскій въ аломъ кунтушѣ, сдерживая на ровномъ галопѣ своего любимца.

— Откуда вы? крикнула она.

— Съ фольварка; поклонъ вамъ отъ Лары,

весело отвѣтилъ онъ, поставивъ почти у ногъ ея отлично выѣзженнаго коня:- смотрѣлъ, какъ размѣстили моихъ сорванцовъ; а вы что подѣльваете?

— Вотъ, люблюсь набѣленной старушкой, показала она на замокъ.

— Реставрируемъ! Воскреснетъ, какъ фениксъ изъ пепла!

— А какъ, не спросясь васъ, да съ землей сравниють?

— По крайней мѣрѣ глазъ не будетъ мозолить... Садитесь!

Инна прыгнула на крупъ, уцѣпилась за кушакъ Бронскаго, и оба съ хохотомъ помчались къ замку.

Послѣ обѣда, только что графъ занялся съ Леономъ составленіемъ новой прокламаціи, она потребовала у нихъ крестьянскаго вплата.

— На что? удивился Бронскій.

— Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше...

Леонъ поднялъ брови.

— Я только посмотрѣть что тамъ дѣлается, виляла она.

— Да вѣдь ты начудишь тамъ?

— Не начу...дю, пристала она:- мнѣ по нашему говорить не учиться стать; придется же говорить народу, надо попытать силы...

Платье достали. Она прособиралась до вечера, выпачкала себѣ лицо и руки, надвинула на глаза войлочный колпакъ, накинула свитку. Бронскій велѣлъ осѣдлатъ простенькую лошадь.

Чуть смерклось, она подѣзжала къ хутору. Какой-то сладкій трепеть охватилъ ее, какъ она миновала околицу и засвѣтлѣлись по обѣ стороны окна низенькихъ хатъ. Съ замирающимъ сердцемъ остановила она лошадь у крыльца своего дома; окно въ гостиную было отворено, на столѣ горѣла свѣча, но лица она не могла разсмотрѣть, въ глазахъ зарябило, и она чуть не крикнула, когда старый Бровка съ хриплымъ лаемъ кинулся подъ ноги лошади.

"Иль войдти?" тянуло ее; но вотъ отворилъ дверь незнакомый паробокъ и тупо глядитъ на нее чужое лицо, вмѣсто глупо-улыбающейся рожи Грицька. Она тотчасъ вошла въ свою роль.

— Чи панычъ у собѣ? спросила она горловымъ голосомъ, похлестывая пугой сапогъ.

— У собѣ, протянулъ хлопецъ, оглядывая ее.

— Кажи ему, що мирожникъ въ Ильцовъ приславъ...

Хлопецъ пошелъ. Инна подѣхала къ окну.

У стола дремала Анна Михайловна, наклонясь надъ чулкомъ. Старый майоръ покуривалъ свою пѣнку. Возлѣ дяди, задомъ къ свѣчкѣ, сидѣлъ Русановъ, читая вслухъ газету. Въ орнжереѣ свѣтился огонь и чуть мелькала фигура Авенира.

— Да кто такой? Пусть войдетъ! сказала Анна Михайловна, обернувшись къ передней.

— Поди позови барина... Вотъ шляются по ночамъ! Ну-те, Владиміръ Ивановичъ, надоѣли эти Поляки; хоть бы ужъ ихъ переловили скорѣй...

"Точно таракановъ! Ого, зашевелилась старая партія!" подумала Инна и у ней уже жолчь начала волноваться, какъ вдругъ Авениръ распахнулъ дверь.

— Что тебѣ? сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Чи нема въ васъ жита? Четвертей два-

дцать? Та батька просивъ, щобъ вы ему пису-
лечку дали, яке воно у васъ, сколько грошей
треба....

— Хорошо, сейчасъ, проворчалъ онъ, ухо-
дя.

Инна взялась за гриву, не совладавъ съ на-
плывомъ чувствъ. Такъ бы и кинулась она на
шею брата! Давно ли она могла войдти спо-
койно въ гостиную, сѣсть за этотъ столъ, по-
трунить надъ добряками... Хоть какое бы то
ни было, все-таки она имѣла для нихъ
значеніе, а теперь?

— Пойдти, поглядѣть, что Юленька, забот-
ливо проговорила Анна Михайловна, вставая
изъ-за стола.

"Что съ ней?" подумала Инна, подвига-
ясь къ окну. Она глядѣла на Русанова
сидѣвшаго къ ней спиной и продолжавшаго
чтеніе ровнымъ голосомъ.

"Неужели забылъ?" встрепенулась незна-
ная мысль, и ей захотѣлось видѣть его лицо.
Она вспомнила парижскіе опыты магнетиз-
ма, стала упорно глядѣть на него, съ тверды-
мъ намѣреніемъ заставить его обернуться, и
сама вздрогнула, когда онъ, вдругъ подняв-

шись съ мѣста, направился къ окну.

— Что ты? спросилъ майоръ.

— Затворить, вѣтеръ дуетъ на свѣчку, глазамъ больно...

— Оставь такъ; будетъ читать, потолкуемъ лучше... Такъ плохо въ Варшавѣ?

— Да, отвѣтилъ тотъ, облокотясь на столъ, и опуская голову на руки:- дѣлать нечего, бывало, терпишь....

— Ну, а Польки что? Бывало мы съ ними задавали выкрутасовъ...

— Онѣ-то и поджигаютъ...

— Ну, а жидаы? То-то, я думаю, вертится, ховай Бозе!

Русановъ не слыхаль вопроса, и перебирая пальцами, барабанилъ по столу.

"Неужели?" заныло у Инны.

— На, вотъ! сказалъ Авениръ, подавая ей записку:- да скажи твоему пану графу, что я ему, ракальѣ, всѣ бока перелломаю!

Это было такъ неожиданно, что Инна чуть не выдала себя.

— Такъ и скажи! Чуешь?

— Чую, поберегить свои! отвѣтила она наконецъ и погнала лошадь.

"Було колись, — минулося!" подумала она, оглядывая дворъ, на которомъ ужъ поднямался хлоповникъ, и темный садъ, еще не совсѣмъ распустившійся. Мѣсяцъ такъ и сіялъ, какъ мѣдный гвоздикъ, ровно и мягко обдавая дымчатымъ отливомъ молодую траву. Гдѣ-то бляела овца. Звѣздочка прокатилась по небу...

VI. Травленный волкъ

Въ покояхъ стараго графа, какъ звала его дворяня, шла прежняя, обычная жизнь. Поутру въ спальнѣ раздавался звонокъ; два лакея, въ сѣрыхъ фракахъ съ гербовыми пуговицами, входили въ темную комнату, отворяли рѣзныя нутрянныя ставни, ставили жалузи, откидывали шелковыя занавѣски кровати, выводили подъ руки тучнаго старика и усаживали въ кресло-самокатъ. Одинъ одѣвалъ его въ бархатный шлафрокъ, другой обувалъ одну ногу въ желтую туфлю, а другую куталь фланелью. Старикъ, закинувъ голову на спинку кресла, освѣдомлялся, какой нынче день, которое число, который часъ, посылалъ повѣрить свой хронометръ по солнечнымъ

часамъ, вытиралъ себѣ лицо одеколономъ съ водой. Лакей осыпалъ его пудрой, чернилъ кисточкой брови и усы... Графъ приказывалъ себя катить въ молельню и проводилъ тамъ часъ или полтора. Потомъ приходилъ управитель съ докладомъ, потомъ старикъ катался по саду до обѣденнаго колокола...

Разъ управитель, переговоривъ все дѣловое, заложилъ руки за спину, переминаясь на мѣстѣ.

— Осмѣлюсь доложить, ясневельможный, на что намъ теперь эти колонисты? началъ онъ:— теперь народъ и безъ того отбился отъ рукъ; чѣмъ бы намъ ближе къ нему, а мы на сторонѣ...

— Ну, про это ужъ ты съ молодымъ баринномъ толкуй! перебилъ графъ. — Его воля; мы съ тобой, Слубень, въ могилу глядимъ; ему лучше знать, какъ онъ жить будетъ...

— Оно точно, возразилъ тотъ, запинаясь: — только вотъ въ народѣ ропоть; толкуютъ, что люди-то эти ничего не смыслятъ, и до земли-то приступить не умѣютъ... Опять, зачѣмъ же ихъ прятать на фольваркѣ!

— Народъ глупъ, нетерпѣливо сорвалъ гра-

фѣ.

— Народъ, ясновельможный пане, попусту болтать не станетъ, а ужъ на молодаго графа очень недовольны...

— Что такое?

— Боятся, чтобы... — И Слубень понизилъ голосъ:- боятся измѣны... Говорятъ, видѣли въ возахъ-то, что намедни привезли... оружіе...

— Какой вздоръ! Машины! Все врешь, старый хрычъ! разгорячился графъ.

— Нѣтъ, не вру... заговорилъ было управитель,

— Вонъ! крикнулъ почти съ бѣшенствомъ графъ.

Управитель стушевался. Графъ задумался и сталъ передвигать ручныя колеса кресла; все тревожнѣй дѣлалось важное лицо; онъ вынулъ платокъ, утеръ себѣ лобъ, и позвонилъ.

— Попроси ко мнѣ Владислава, приказывалъ онъ вошедшему лакею, взялъ со стола газету, повертѣлъ въ рукахъ и опять положить.

Скоро вошелъ Владиславъ, позвякивая шпорами.

— Запри дверь, да стуль возьми, сказалъ старикъ.

Бронскій поглядѣлъ на отца, и притворивъ дверь, сѣлъ противъ него.

— Какое торжественное начало! Въ чемъ дѣло?

— Вотъ видишь ли... Не хотѣлось бы говорить, да время такое пришло... Тѣ-то, читалъ?... На Волыни ужь...

— Тѣ? переспросилъ сынъ.

— Да, наши красные...

— Красные! повторилъ Владиславъ и усмѣхнулся; старикъ продолжалъ на него серьезно смотрѣть.

— Что ты думаешь объ этой новой попыткѣ? спросилъ онъ.

— Я думаю, что она послѣдняя, отвѣчалъ сынъ.

Что-то въ родѣ презрительной усмѣшки пробѣжало по губамъ стараго графа.

— Интересно знать, на что они надѣются, проговорилъ онъ.

— А на что вы надѣялись? спросилъ сынъ явно уже смѣшливымъ тономъ.

Лицо старика побагровѣло: но онъ сдер-

жалъ себя.

— У насъ, началъ онъ съ разстановкой довольно тихимъ голосомъ:- была армія, мы опирались на Корсиканца, мы....

— А за нихъ народъ, перебилъ молодой Бронскій.

— Народъ толпа барановъ, которая обыкновенно вѣту сторону и бѣжитъ, въ которую его пугнуть.

— Шляхта за нихъ, продолжалъ сынъ.

— Шляхта — голодные псы, которые до тѣхъ поръ не кусаютъ тебя, покуда ты ихъ кормишь. Тутъ нужны люди, готовые всѣмъ жертвовать...

— Мы всѣмъ и жертвуемъ, не стерпѣлъ Бронскій:- все на карту, либо панъ, либо пропаль!

— Мы?... значитъ и ты? спросилъ пораженный старикъ.

— Давно ли Бронскіе перестали откликаться на призывъ отечества? гордо вытянулся Владиславъ, поднимаясь съ мѣста.

— Да вѣдь ты губишь его! вскрикнулъ старикъ:- губишь и себя! Пристать къ полдюжинѣ шаекъ!

— Я еще ни за кѣмъ не ходилъ; ко мнѣ кому угодно, милости просимъ!

— Какъ? Въ моемъ-замкѣ? — И графъ приподнялся съ кресла...

— Батюшка, ваше здоровье... бросился молодой Бронскій къ отцу.

— Такъ эти колонисты?..

— Мои солдаты, а черезъ два дня здѣсь будетъ двухтысячный корпусъ.... къ услугамъ патріотовъ, помнящихъ 31 годъ, добавилъ онъ, улыбаясь, и хотѣлъ поцѣловать руку графа.

Въ лицѣ старика появились судорожное движеніе, и на глазахъ навернулись слезы.

— Прочь отъ меня! проговорилъ онъ болѣе грустнымъ голосомъ.

— Батюшка, это послѣднее слово? спросилъ Владиславъ.

Старикъ, въ припадкѣ одышки, махалъ рукой.

— Графъ, это ваше послѣднее слово? холодно повторилъ Бронскій.

Старикъ топнулъ ногой, едва переводя духъ.

— Время насъ разсудить, сказалъ Влади-

славъ и вышелъ изъ комнаты.

Старикъ остался съ поникшею головой: въ душѣ его въ одно и то же время бушевали гнѣвъ и какая-то темная, непонятная радость, отчаяніе и надежда... Въ старомъ травленомъ волкѣ невольно проснулся бывшій патриотъ.

"А что если они всѣ такіе?" шевельнулось у него въ головѣ: "такъ дѣйствуетъ только сила.... Я стариковъ наперечетъ знаю.... А молодежь, чортъ ее знаетъ, что въ ней такое сидитъ...."

Часъ спустя Вдалиславъ приказывалъ уже сѣдлатъ лошадей, когда лакей передалъ ему просьбу его сіятельства пожаловать въ модельню....

— Гнется, подумалъ Бронскій, отправляясь на зовъ. Отворивъ дверь домашней капицы, онъ увидалъ отца передъ самою каедрой; откормленный ксендзъ зажигалъ свѣчи передъ образами.

— Что это, заклинаніе? проговорилъ Владиславъ, подходя къ отцу.

— Забудь нашъ разговоръ, отвѣтилъ старикъ, протягивая руку:- помолимся вмѣстѣ.... И.... буль осторожень.... Вотъ все о чемъ я про-

шу....

Бронскій поцѣловаль руку и сталь за кресломъ. Они прослушали Те Деиm; потомъ ксендзъ окропилъ водой большой ящикъ чернаго дерева, и передалъ его старому графу....

— Дай мнѣ благословить тебя, проговоришь тотъ, взволнованнымъ голосомъ, протягивая къ сыну дрожавшія руки. Бронскій опустился на колѣно и наклонилъ голову на сложенные руки.

— Ну, теперь возьми это, они твои по праву спора, сказалъ графъ, открывъ ящикъ съ дорогими пистолетами работы старика Лепажка:- осмотри ихъ хорошенько, тутъ кое-что еще есть. Дай Богъ, чтобъ они тебѣ лучше служили!

Бронскій обнялъ отца, и взявъ ящикъ, ждалъ длиннаго напутствія.

— Больше ничего, кончилъ графъ:- распоряжайся всѣмъ что будетъ нужно; только не забудь, что я остаюсь здѣсь съ людьми.... Ну, прощай! Мы долго не увидимся....

Еще разъ обнялъ Владиславъ отца и понесъ подарокъ на свою половину.

"Чудакъ, думалось ему дорогой, ничего-то

онъ просто не можетъ сдѣлать...."

— Смотрите, Леонъ, обратился онъ къ нему въ кабинетъ;— отецъ снарядилъ въ битву; куда это годится противъ нашихъ револьверовъ?

И онъ сталъ выкладывать пистолеты, пороховницу и прочія принадлежности. Въ ящичкѣ для пуль нашелся толстый пакетъ съ краснорѣчивою надписью: 500.000 злотыхъ.

— Ай да отецъ! вскрикнулъ графъ:- вотъ что дѣльно, то дѣльно!

Вечеромъ, вернувшись съ фольварка, Бронскій хотѣлъ зайти къ отцу поблагодарить его. Дежурный лакей объявилъ ему, что графъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ, и не велѣлъ никого пускать къ себѣ.

То же самое повторилось на другой день поутру. Владиславъ наконецъ догадался.

VII. Пропаганда

Послѣдніе дни въ замкѣ кипѣла лихорадочная дѣятельность. То тамъ, то сямъ мелькали озабоченныя лица Леона, Бронскаго, пріѣзжей шляхты. По нѣскольку разъ на дню пріѣзжали посылались верховые гонцы. Дворня таинственно шепталась по закоулкамъ. Ночью, въ комнатѣ Инны, печаталась прокламація къ народу. Несмотря на протестъ Инны, рѣшено было печатать ее русскими буквами, такъ какъ всѣ грамотные крестьяне учились русской азбукѣ. За то ужъ никто не могъ отбить у ней охоты самой развезти вышедшіе изъ-подъ станка листки.

Съ самага утра Бронскій погрузился въ тревожное раздумье, едва отвѣчалъ своимъ общникамъ, и даже чуть взглянулъ на Инну, когда она пришла показаться ему въ костюмѣ чумака. Разсѣянно назначивъ ей вернуться къ полночи, онъ сѣлъ къ письменному столу.

Цѣлый вечеръ ѣздила Инна по окрестнымъ хуторамъ, заходя подъ разными предлогами въ хаты, и удаливъ хозяевъ, или будто безъ цѣли подходя къ пологу, совала подъ из-

головѣ возмутительный листокъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда она подѣхала къ сборному хутору, которымъ, между прочими, владѣль и Кононъ Терентьевичъ. Въ сторонѣ отъ селенія, къ отвѣсному обрыву надъ прудомъ прильпился шинокъ. Инна задѣла поводья за плетень и осмотрѣла револьверъ. Въ освѣщенное окно неслись шумный говоръ, пѣсни, скрипка; по случаю субботы народу набралось порядочно. Она бойко вошла въ хату и поклонилась шинкарю съ гостями.

— Добры вечеръ, добры люди! А ну, шинкарю, меду! молодцовато крикнула она и сѣла на край лавки.

— Чій се такій гарный паробокъ? Видкиля! раздались голоса.

— Издалека, чумакую, отвѣтила Инна.

— А ну горѣлки.

— Кварту, шинкарю! Хай добры люди гуляють, та ушкваримо пѣсню, щобъ лука пійшла, ось якъ! бодрилась она.

— Ось якій паробокъ! отозвались крестьяне: — еще и усъ не закрутивсь, а вже и смакъ знае...

Шинкарь принесъ вино; низенькій

человѣчекъ въ истасканномъ казакинѣ запилилъ на скрипкѣ, и сталъ подпѣвать, шамкая беззубымъ ртомъ:

Доля моя, доля!

Инна подхватила, да еще парня два. Съдой какъ лунь атаманъ хутора сидѣлъ за столомъ, понутивъ голову и притопывалъ ногами...

— Ось такъ хлопецъ, якъ спѣвае! не вытерпѣлъ шинкаръ.

— Винъ еще и танцуватиметь!.... Щобъ ми ни книша ни ѣсти, тавцуватиметь....

— Чого жъ Петро не пье? замѣтилъ дюжій молодець въ овчинной свиткѣ;- пій Петро! обратился онъ къ старику въ изодранной сермягѣ.

— Та звѣстно, отвѣтилъ тотъ:- що пити, що не пити, усе умирати треба... Тилько й у доли, що горѣлка; дома вже усе потягали... жинка плаче, дѣтки сковчать.

— А чомъ такъ? вступилась Инна.

— Отъ ще, сказалъ шинкаръ, разливая вино, — абы були живы та здоровы... А то ще а покосимо, погребемо и у копици покладемо!...

— Та вамъ и байдуже, отвѣтилъ стари-

къ, — въ васъ паны не таки, а насъ якъ разруиновали.....

— То ще не шкода, якъ одинъ панъ... А якъ оренда, або вправлящій, то вже цей не помилуе...

— Отъ хдопци е панъ що усимъ паномъ панъ.... Чули про графа Броньскаго? перебила Инна.

— Эге, хай ему пранци! отозвался старикъ:— се жъ винъ и е! жидивска собака!

— Якъ же?

— Та тилько слава що графъ! А винъ копѣйку зостальную тягнетъ, шкуру дере съ челоуѣка...

Инна потупилась въ свою кружку; ее и прежде поражала нищета крестьянъ Бронскаго; она нѣсколько разъ вызывала его на разговоръ, но онъ ссылался на недостатокъ времени заняться ими. Она впрочемъ никакъ не ожидала встрѣтить такого раздраженія въ народѣ; а надо было готовить его къ будущему, надо быдо говорить за графа.... Она колебалась нѣсколько времени...

— Чого хлопецъ сумуе? сказалъ дѣтина въ свиткѣ, ударивъ ее по плечу.

— То якъ не сумовати, отвѣтила Инна, роричи стогнуть, нема имъ ни доли, ни воли... Чомъ воны на свѣтъ породилась?... А за вищо? Хиба се не насъка землл? Чули, яке було побоище?

— Эге! вступился одинъ паробокъ:- якъ Бобырецкій бугай та зъ нашимъ бугаемъ бились? Бачивъ! Усѣмъ хуторомъ ледве, ледве розняли.

— Не, я кажу про казацькое побоище, якъ сѣчь руиновали! А мы що? Хиба не вольны казаки?

— Ни, хлопци, проговорилъ старикъ, поднимая голову, — вже нема казацкаго рода... Отъ дѣдъ мій, чтой ще бачилъ якъ воны пановляли... ще я совсѣмъ малесенькій бувъ, то винъ, було, сидить у пасицѣ та расказуе, якъ воны Ляхивъ били...

— Ото, хлопци, перебила Инна: — казаки ихъ били, а воны казакамъ волю дають...

— Тю на тебе! отозвался другой дѣтина: — щобъ Ляхи намъ волю дали? Воны бунтують...

— Що жъ? воны собѣ воли шукають... А хотѣлось бы вамъ въ вольные казаки, хлоп-

ци? говорила Инна.

— Що винъ балакае!

— И земля бъ у васъ своя була, и подушны не платити... Е таки люде, що й помогутъ вамъ....

— Та дежъ воны? яки таки?

— Гадаю я, пидемъ зъ Ляхами, добудемо собѣ воли, тады и Ляхи не управятся въ вами...

— Та брешишь ты, перебилъ старикъ:- воны не русски дюде, нехрещены, на царя бунтують, и мы зъ ними?

— Такъ щожъ царь? Е таки земли що нема въ нихъ ни царя, ни круля... сами люде! Чуете?

— Хе! Якое жъ и царство, що й царя нема? Якъ хата безъ стрихи! размѣялся одинъ.

— Яки жъ таки ледащи люде, що й царя собѣ не зшукають?

— Геть, хловци! Що се таке? заговорилъ старикъ, указывая на Инну:- то вже мы чули, якъ тїи люде до насъ приходидл, що грамотки дали.... а описля що паны говорили?

— Та звѣстно, що говорили! Намъ казали, що ти царьски слуги, що его воля така, щобъ

у насъ земли не було; а Москадямъ кажуть, що мы бунтуемъ.... Дежь тутъ правда?

— Та щира правда вже дуба дала, {Умерла.} перебила Инна, робѣя передъ недовѣріемъ крестьянъ, и стараясь отшутиться; на этотъ разъ выходка не подѣйствовала; люди сидѣли молча и пристально глядѣли на нее; она поняла, что выйдти изъ такого положенія можно было только рѣшительнымъ объясненіемъ, и рѣшилась, разчитавъ на неповоротливость Малороссовъ.

— Чуєте, хлопци, держитесь за графа Бронского: може винъ замъ и лихо робивъ, та не намъ ёго судити, бо винъ за васъ ратувавъ, та царьскимъ людемъ очи отводилъ.... Не зіукати вамъ такого атамана, якъ винъ; винъ самъ не зѣсть, ни спочиветъ, а усе сумуе та гадае, якъ вамъ волю дать. Вже у ёго и люде подибраны, и ружья у нихъ е, таки якъ у Москалей....

— Не слухайте его, хкопци! вмѣшался шинкаръ, — кто е знае, виткиля воно? Якій се чумакъ? Се ка-зна-що!

— Та и справды.... Бачите, яки у его руки бѣлы.... Ей же Богу, се лядащо! Хай минѣ Богъ

убье!

— Та якій се Богъ? проговорила Инна, вставая изъ-за стола и, засунувъ руку за пазуху, взвела курокъ: — яке воно? Кто ёго бачиль? чи воно сѣринькое, чи яке?

— Эге, вражій сынку, держить его хлопци! раздались раздраженные голоса.

Въ одну секунду Инна задула свѣчу и бросилась къ двери; кто-то схватилъ ее за полу; она рванула съ себя свитку, и выпаливъ кверху, захлопнула дверь. Озадаченные минутнымъ блескомъ и громомъ выстрѣла, крестьяне такъ и замерли на мѣстѣ.

— Трясця ёго матерь! проговорилъ кто-то въ потемкахъ, шаря въ печи.

— Ахримъ, чи ты живъ?

— Чортяка! чортяка! басиль другой, забившись подъ столъ.

Шинкаръ засвѣтилъ свѣчку; перепуганные крестьяне стали приходить въ себя.

— Де жь воно? выговорилъ одинъ, крестьясь: — се воно й було? Бачите и двирь не витчиняль!

— Може вѣдьма? отозвался другой.

— Эге! ото и свитка! вскрикнулъ третій,

поднимая съ полу валявшуюся свитку;- ни, се не вѣдьма!

Стали обыскивать платье, нашли цѣлый ворохъ прокламацій.

А Инна, сломя голову, прискакала на графскій дворъ, и, бросивъ лошадь, взбѣжала на лѣстницу, оттуда въ кабинетъ графа и кинулась, запыхавшись, въ кресло. Леонъ подбѣжалъ къ ней, она оттолкнула его и, какъ потерянная, проговорила:

— Все пропало! Они намъ не вѣрятъ! они ненавидятъ насъ! они подняли на меня руку!

— Что такое? что такое? спокойно спросилъ Бронскій, вставая изъ-за стола и бросая перо.

— Какая ошибка! Я всегда была противъ этихъ лживыхъ средствъ! Вотъ и добились — озлобили народъ и только! Теперь чиновникамъ скорѣй повѣрятъ чѣмъ намъ, волновалась Инна, и принялась рассказывать....

Бронскій совершенно спокойно выслушалъ ее.

— А вы и упали духомъ? Они хитрѣй чѣмъ вы думаете.... Успокойтесь! Какъ только увидятъ нашу силу, сейчасъ и примкнутъ.... Они

и уставныхъ грамотъ не подписывали до прихода солдатъ.

Ровный и холодный тонъ сразу подѣйствовалъ на разгоряченный мозгъ Инны. А Бронскій опять сѣлъ къ столу съ озабоченнымъ лицомъ, провелъ рукой по лбу, запечаталъ нѣсколько писемъ, надписалъ адреса и позвонилъ.

Вошелъ Квитницкій.

— Развезите это по сосѣднымъ хуторамъ, сказалъ графъ, передавая ему пачку, — и не дожидайтесь, чтобы при васъ распечатывали; какъ въ руки отдашь, налѣво кругомъ, въ карьеръ и дальше.... Да велите давать лошадей, крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему, всталъ изъ-за стола, потянулся, прошелся раза два по комнатѣ и подошелъ къ развѣшенному на стѣнѣ оружію.

Инна встала съ мѣста и словно похолодѣла въ ожиданіи рѣшительной минуты.

Владиславъ снялъ со стѣны саблю и опоясался:— Пора! обратился онъ къ Иннѣ, и надвинувъ на бекрень конфедератку, пошелъ изъ комнаты.

Леонъ, блѣдный какъ мертвецъ, подалъ

Иннѣ чамарку и шапочку; онѣ не могъ даже заговорить, и только болѣзненная улыбка скривила ему губы. Инна ничего не замѣчала; она торопливо накинула верхнее платье, и схвативъ брата за руку, потащила его на крыльцо, перескакивая по нѣскольку ступенекъ заразъ. Нѣскольکو конюховъ держали засѣдланнхъ лошадей; она прыгнула въ сѣдло, отвязала отъ арчака отцовскую саблю и опоясалась. Вокругъ толпилась дворня.

— Панове, сказалъ Бронскій, принявъ поводья:- Кто хочетъ быть вольнымъ, бери моихъ лошадей, ступай въ оружейную, выбирай любое.... Кто меня любитъ, за мной!

Человѣкъ пять бросились къ конюшнямъ.

— Куда? куда? кричалъ растерянный Службень, подбѣгая къ Бронскому:- отца пожалѣй! отца!

— Пусти, старикъ, перебилъ графъ.

— Не пущу, завылъ дядька, повиснувъ на поводьяхъ:- не пущу! бейте меня, не пущу!

— Возьмите стараго дурака! крикнулъ Бронскій, поднимая лошадь на дыбы:- поди прочь! дорогу... А! когда такъ, тащите его стараго съ собою!

Два-три челоѡка оттащили обезпамятѡвшаго Слубня и съ хохотомъ подняли на сѡдло. Графъ далъ шпоры и выѡхаль со двора крупною рысью, покачиваясь на сѡдлѡ; два всадника, пустивше съ мѡста вскачь, едва поспѡвали за нимъ. Примкнули къ нимъ и Леонъ съ Инной, они скакали рядомъ, взявшись за руки. Мърно брякало оружіе; глухо разносился по степи топотъ. Инна вглядывалась въ серебристый блескъ травы, прислушивалась къ ночнымъ звукамъ, пожимала руку брату и взглядывала на него безумно страстными глазами. Бронскій оглянулся на нихъ и запѡлъ: *Jeszcze Polska nie zginęła.*

VIII. Земля об♦тованная

• Всадники спустились къ рѣкѣ, переѣхали мостъ, и свернувъ съ большой дороги, направились къ уединенному фольварку, когда-то сборному мѣсту званыхъ охотъ. Не переводя духу проскакали они три версты, отдѣлявшіе его отъ селенія, и пустили взмыленныхъ лошадей шагомъ у самой фермы. Пять, шесть хатокъ чернѣлись въ кустахъ; огни погашены, на улицѣ ни души. За ними раскинулся старый, дремучій лѣсъ, тянувшійся верстъ на пять, и съ боку нѣсколькими перелѣсками примыкавшій къ рощѣ Горобцевскаго хутора. Богъ вѣсть какими судьбами уцѣлѣвъ отъ истребленія свободными винокурами, онъ перешелъ въ руки богатаго магната, который хранилъ его почти такъ какъ хранятъ зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ. Подъѣзжая къ нему, Инна вспомнила, какъ еще въ дѣтствѣ заблудилась она здѣсь въ непроходной чащѣ, какъ ее отыскивали цѣлымъ хуторомъ и на силу нашли ужъ ночью подъ столѣтнимъ дубомъ....

Графъ первый въѣхалъ на опушку; передъ нимъ посторонился часовой съ двустволкой на плечъ; другой, лежа на овчинномъ тулупѣ, высъкалъ огня въ коротенькую люльку. Невдалекѣ трещалъ хворостъ и стелящееся по вѣтру пламя освѣщало пятнами пеструю кучку вооруженныхъ людей, переливаясь фантастическими колерами въ темной листьѣ. Дюжій повстанецъ, сидя на срубленномъ деревѣ, точилъ косу; блестящее лезвее съ визгомъ звенѣло по камню. Двѣ стреноженные лошади щипали траву, фыркая и отдуваясь. На просѣкѣ бѣлѣли палатки; голубоватыя тѣни деревьевъ волновались на полотнѣ; кое-гдѣ виднѣлись наскоро сложенные шалаши. Рои комаровъ вились вокругъ огней съ дымившимися котелками. Подлѣ нихъ кучками копошились люди; тамъ и сямъ сновали разноцвѣтныя чамарки. Огнистыя блестки мелькали по связкамъ косъ, по стволамъ ружей и пистолетовъ. Смутный говоръ, смѣхъ, пѣсни, стояли въ толпѣ. Толпа разступалась, пропуская графа со свитой, валила за нимъ, волнуясь и бросая шапки; крики сливались въ непрерывный гудъ виватовъ; испуганные

грачи, хлопая крыльями во сучьямъ, тучей поднялись съ деревьевъ.

Графъ слѣзъ съ лошади, и раскланиваясь на обѣ стороны, прошелъ въ палатку съ трехцвѣтнымъ знаменемъ у входа.

— Чего ты хмуришься? крикнула Инна брату, снимавшему ее съ сѣдла:- поди! Видѣть не могу такого лица! Я живу, живу изо всей силы.

Она пошла по лагерю и наткнулась на Колю, обнимавшагося съ какимъ-то гимназистомъ.

— Какое время переживаемъ мы! Видѣль Горбуна-то? Какимъ сталъ молодцомъ!

— Это, братъ, хоть кого расправить! восхищался Коля, обнаживъ саблю.

Въ другой кучкѣ шелъ шумный разговоръ.

— Тащи все что подъ руку попало! училъ отставной поручикъ Кондачковъ: — будетъ, попиروвали! Пора и намъ! Кабы къ самому старику забратъся! Говорять въ замкъ птичьего молока только нѣтъ!

— Нѣтъ, ты вотъ что скажи: сердце-то сорвать! хрипѣль горбатый Бирюлевъ:- за всю жизнь расплатиться! Да и наболѣло жь оно у

меня!

— Зальемъ! Утро вечера мудренѣе, утѣшалъ поручикъ подавая ему флягу.

— На гибель врагамъ народа! оказала Инна, подойдя къ пьющимъ.

— Amen! торжественно проговорилъ домо-
вый ксендзъ Бронскихъ.

Инна подсъла къ ближнему котелку и попросила себѣ ложку.

— Проголодалась, паненка? улыбнулся Квитницкій, гордо покручивая усъ.

— Цѣлый день съ лошади не сходила, весело отвѣтила она, принимаясь за кашицу.

— Весело намъ, говорилъ другой шляхтичъ:- мы своего дождались.

— И мнѣ весело, перебили Инна:- я такая же дочь революціи, какъ и всѣ вы.

— Пей, пани! крикнулъ тотъ, протягивая ей стаканъ водки.

— Горѣлка? Дай! — Она насильно заставила себя выпить полстакана, и, поперхнувшись, со слезами на глазахъ, опрокинула его въ траву.

— Графъ зоветъ васъ всѣхъ къ себѣ, сказала подошедшій къ нимъ Леонъ.

Въ палаткѣ Бронскаго собрались назначенные имъ офицеры. У входа стояла простая одноколка въ одну лошадь. Пани Лисевичъ привезла графу письмо инсургентовъ съ извѣстіемъ о стоянкѣ въ пятидесяти верстахъ дальше, и о предстоящемъ походѣ болотами и лѣсомъ на уѣздный городокъ.

Инна съ удивленіемъ глядѣла на Бронскаго.

Онъ сидѣлъ на кучѣ дорогихъ ковровъ въ гордой, повелительной позѣ, и едва кивнулъ головой вошедшимъ: Ова пошла знакомиться съ Полькой.

— Привѣтъ вамъ, сказала она, пожавъ ей руку:- женщины вступаютъ въ свои права!

— Что вы дѣлаете, шепнулъ ей Коля:- знаете ли вы кто эта дама? Это.... камелія.

— Здѣсь всѣ равны! отвѣтила Инна:- тѣмъ хуже для патріотокъ, если падшія женщины подають имъ примѣръ.

— Панове! заговорилъ Бронскій:- мы должны расчистить мѣсто товарищамъ; они придутъ съ похода, имъ въ пору будетъ только съ гарнизономъ управиться; наше дѣло отрѣзать расквартированный по хуторамъ эскад-

ронъ.... Я думаю....

— Графъ, это военный совѣтъ? перебила Инна.

Тотъ кивнулъ головой.

— Мнѣнія подають младшіе, замѣтила она съ удареніемъ.

— Что тамъ такое? вступился Квитницкій:— насъ двѣсти родовитыхъ Поляковъ. Идти прямо и побить Москалей.

Завязался споръ. Одни предлагали идти двумя отрядами, чтобы заманить Русскихъ въ засаду. Другіе совѣтовали держаться къ лѣсу, чтобъ обезпечить отступленіе; третьи хотѣли ждать прибытія главнаго корпуса повстанцевъ.

— Надо поджечь коновязи, сказалъ Квитвицкій, — и тогда въ сумятицѣ ихъ легко перерѣзать.

— Рѣзать сонныхъ? вскрикнула Инна.

— А еслибъ ихъ отрядъ наткнулся на насъ теперь? возразилъ Бронскій:— что бъ это было? Нападеніе въ распахъ?

— Всѣ средства хороши, если вредять врагу, вступился ксендзъ:— можно расположиться въ виду ихъ бивакомъ, отравить котлы и от-

ступить въ разсыпную.... Пресвятая Марія, королева Польши, отпуститъ вамъ по грѣху за каждую каплю наѣзжей крови!...

— A la guerre comme à la guerre! сказалъ графъ:- я принимаю планъ Квитницкаго. Друзья мои, Польша воскресаетъ въ насъ; здѣсь, подъ открытымъ небомъ собрался нашъ первый сеймъ, какъ предстоитъ рѣшить судьбу отечества.

Всѣ единодушно подтвердили рѣшеніе, обнаживъ сабли, и начавъ шумно подавать голоса.

— А если я крикну: не позволяю? обратилась Инна къ Бронскому.

— Вспомните, что это для народа! сказалъ тотъ, подходя къ ней.

— Согласна! твердо проговорила она.

Когда всѣ разошлись, Бронскій отдалъ Иннѣ инструкцію на завтра и пошелъ проводить ее до палатки. Она немного пошатывалась; водка ее ошеломила.

— Что ни говорите, но этотъ образъ дѣйствій противенъ мнѣ, сказала Инна.

— А вы все съ своею идеальной честностью! отвѣтилъ онъ:- знаете ли вы, что я разъ

обнесъ Русанова передъ губернаторомъ, какъ вреднаго челоуѣка? Да, и правъ: онъ вредилъ намъ въ общественномъ мнѣнїи; будь онъ близокъ старику, и знай хоть половину нашихъ плановъ, развѣ онъ не сдѣлалъ бы того же?

— Будеть; у меня и безъ того голова кружится!

— Надо такъ закружить разъ навсегда, чтобъ ужъ больше ни отчего не кружилась.

Ночная темнота стала сдавать; розовые блики ложились по стволамъ березъ, покраснѣлись пни осинъ и дубовъ. По землѣ спали повстанцы, кто положивъ сѣдло подъ голову, кто на рукѣ. Сѣдые старики лежали въ перемежку съ молодежью.... Бронскій останоуился надъ ними.

— Здѣсь все такъ полно, сказалъ онъ, кладя руку на грудь:- завѣтная мечта сбылась.... Я веду ихъ въ бой, за святую свободу.... Польша! Польша! Вырвалось у него неподдѣльнымъ порывомъ:- это все сыны твои; отовсюду сошлись они на мой голосъ; а вотъ иностранка, обернулся онъ къ Иннѣ,- достойная польской короны.

— Короны? перебила Инна.

— Вы не вѣрите? Долго ли же еще колебаться Инна? Что вамъ стоитъ сказать одно слово? вѣдь вы любите меня? говорилъ онъ, положивъ ей руку на плечо, и заглядывая въ глаза:— я вѣрю въ себя, пусть будетъ что будетъ! Раздѣлимъ будущность!

— Я не ошиблась давеча, отшатнулась она.

— Что вы?

— И еще спрашиваетъ! Подите! Отъ меня водкой пахнетъ! Я пьяна сегодня.... А вы нѣтъ, вы не пьяны! захохотала она и оставила озадаченнаго графа у входа своей оддатки.

Она подозвала водолаза и начала дразнить его: кинулась прочь, онъ за ней; она увернулась, и съ хохотомъ бросилась въ сторону; собака съ лаемъ металась за ней и сбивала ее съ ногъ....

— Ты еще не спишь? вошелъ Леонъ: — что это?

— Не сплю.... Не буду спать.... И ты не пьянъ? Леня, поѣдемъ кататься....

— Въ самомъ дѣлѣ ты видно хватила!

— Слушай, что это?

По лѣсу гудѣлъ дальній благовѣсть заутре-

ни.

— Леня, они тамъ ничего не знаютъ, они молятся по привычкѣ, и не чувуютъ, что молитва услышана.... Услышана! крикнула она, обнимая брата:- плачь со мной! Смѣйся! Пляши! Не хочешь? Лара! Рви его!

— Сумашедшая!

Леонъ поднялъ ее на руки и перенесъ на сваленное въ углу сѣно.

— Это насиліе! кричала она, вырываясь:- не хочу спать.... Я тебѣ сказки казатиму!...

— Ну, хорошо! Хорошо! успокоивалъ тотъ, садясь къ изголовью.

— Завтра, Леня, завтра къ намъ! Всѣ кому тяжело на свѣтѣ! Лара долой ошейникъ! Сними съ него, Леня, сними!

Она попробовала приподняться и расхохоталась.

Леонъ положилъ ее голову къ себѣ на колѣни и началъ укачивать какъ ребенка. По временамъ она еще лепетала чуть слышно:- Хлопцы.... Не треба ихъ.... Сами.... Сама....

Братъ глядѣлъ на нее со слезами на глазахъ.

IX. Завялый букетъ

Проспавъ до полудня, Бронскій почувствовалъ, что его кто-то теребитъ за плечо, потянулся, вздохнулъ.

— Минуточку, пробормоталъ онъ, повертываясь на другой бокъ.

— Вставайте, рѣзко крикнуло ему въ уши. Онъ вскочилъ, протеръ глаза.

Передъ нимъ стояла Инна, раскраснѣвшись отъ жара, запыхавшись, словно за ней гнались.

— Русскіе, крикнулъ онъ, хватаясь за саблю.

— Идите, смотрите что у васъ дѣлается! Да, идите же! торопила она, таща его за рукавъ. Онъ побѣжалъ за ней на опушку. У сухой березы стояли два крестьянскіе воза; толпа окружила ихъ хозяевъ, связанныхъ по рукамъ, съ веревками на шеѣ; въ одномъ изъ нихъ графъ узналъ Грыцька.... Они отбивались и увертывались, толпа осыпала ихъ насмѣшками и бранью; тутъ же расхаживалъ Квитницкій, поджигая товарищей.

— Пανε, кричалъ Грыцько, завидѣвъ Брон-

скаго:- що жь се за напасть така? Що вони кажуть? И шкапу {Лошадь.} имъ треба и возъ? Якъ же такъ?

— Стой, крикнулъ Бронскій, — что это за люди? Гдѣ вы ихъ взяли?

— Та въ шляху, пане, заговорилъ другой крестьянинъ, кланяясь:- разсудьте, якъ же то можно?

— Это измѣнники, перебилъ Квитницкій, — они не давали намъ подводъ; намъ нужны лошади.

— Такъ и душисть ихъ? вмѣшалась въ толпу Инна, отталкивая державшихъ крестьянъ:- что они, обязаны раззориться для васъ?

— Та се жь, панночка! закричалъ Грыцко, не помня себя отъ радости: чи не вмерли? и въ шаблюкой? чи вы охвицирь, чи що?

— Вотъ погоди, будетъ тебѣ офицеръ, пся кровь, какъ запляшешь на веревкѣ! грубо проговорилъ шляхтичъ, отсунувъ Инну:- бери его, вѣшай!

— Якъ? Мини? Та за вѣйщо?

— А за шею, послышалось въ толпѣ, снова окружившей своихъ плѣнниковъ. Инна вы-

рвалась изъ рукъ Квитвицкаго и опять кинулась на выручку.

— Кто не съ нами, сказалъ Бронскій, останавливая ея руку, — тотъ противъ насъ.

— А! теперь вотъ какъ! крикнула она, выдергивая руку:— теперь видно не въ гостиныхъ? Зачѣмъ было проклинать правительства? какая это свобода?

— Инна, говорилъ Бронскій ей на ухо:— опомнитесь? Что вы дѣлаете?

— Прочь! взвизгнула она, обнажая саблю, и бросилась въ толпу съ крикомъ: — назадъ! не трогать ихъ.

— Взмируйтесь, завопилъ Грыцько, повалился въ ноги Бронскому и ухватился на платье:— возмите усе!... Боже мій милый?... Горпино моя!... Та у мене ще и жито не продано!

Другой мужикъ стоялъ со скрученными назади руками, свирѣпо потупясь въ землю и глядя изъ подлобья. Онъ попробовалъ рвануться локтями: веревки только кожу ссадили на мускулистыхъ рукахъ. Толпа захохотала.

— Пустить ихъ! сказалъ Бронскій, отвертываясь. Въ толпѣ пронесся ропоть; всѣ

кричали разомъ, размахивали руками. Квитницкій читалъ имъ какую-то бумагу, слышно было только самыхъ ближайшимъ.

— Какой онъ намъ начальникъ? заговорилъ онъ, выходя изъ кружка и показывая на Бронскаго:- онъ Москалей руку держитъ! Онъ съ ними жилъ.... онъ имъ радѣеть.

Толпа заволновалась, ропотъ усилился; лица становились грознѣе, свирѣпѣй.

— Это что? крикнулъ графъ, сдвигая брови, и пошелъ на толпу.

— Не слушайте! кричалъ шляхтичъ.

— Смирно! сказалъ Бронскій, скрестивъ руки:- кто здѣсь смѣетъ распоряжаться? Кто бросилъ свои помѣстья? Кто мерзнетъ съ вами въ лѣсу? Кто поведетъ васъ въ огонь?

— Панъ графъ! пронеслось общимъ говоромъ.

Бронскій оперся на саблю и кусалъ кончики усовъ, глядя въ упоръ на присмирѣвшихъ мятежниковъ. Въ судорожномъ подергиваніи стиснутыхъ челюстей, въ жилахъ на лбу сквозила борьба противоположныхъ чувствъ. Лицо то блѣднѣло, то вспыхивало и обливалось краской.

— А коли панъ графъ, кого еще вамъ слушать? Почему вы знаете, что я не пытаю вашу вѣрность?

— Не вѣрьте ему! И безъ него обойдемся! вопилъ Квитницкій: — сами себѣ паны, да и все тутъ! — И вынувъ револьверъ, взвелъ курокъ.

— Связать бунтовщика! грозно сказалъ графъ.

Инна инстинктивно стала къ нему съ саблей наголо. Человѣкъ шесть кинулись на шляхтича, повалили его, несмотря на отчаянное сопротивленіе; одинъ сталъ колѣномъ на грудь, другіе перевязали ему руки и ноги.

Съ минуту Бронскій молча наслаждался торжествомъ; потомъ лицо стало хмуриться, хмуриться; глаза злобѣще осматривали толпу.

— Берите ихъ! Дѣлайте что хотите! проговорилъ онъ, и пошелъ въ чащу.

Инна остолбенѣла.

Грыцько безъ сопротивленія позволилъ себя вести, только дико озирался, пытаясь что-то сказать. Другой крестьянинъ стоялъ, не шевелясь, не выказывая никакой попытки къ

бѣгству; у него стали поправлять веревку на шеѣ; онъ вдругъ опустилъ голову и вцѣпился зубами въ горло перваго попавшагося; брызнула кровь, захрустѣли хрящи.... Онъ повалился на опрокинувшагося врага, и оба покатились по землѣ съ глухимъ ревомъ.... Остервенившаяся толпа бросилась на нихъ съ ножами.

Инна медленно вложила саблю въ ножны, заткнула уши и пошла къ лагерю.

"Ну-ка вернись!" ходило у ней въ головѣ. — "Что? струсилa? Нѣтъ, вернись, смотри до конца, пей до дна."

Инна въ самомъ дѣлѣ вернулась было, но тутъ изъ-за гама толпы вылетѣлъ такой крикъ, что она задрожала всѣмъ тѣломъ, зашаталась и едва добѣжала до палатки.... Какъ потерянная прошла она мимо брата и ткнулась лицомъ въ подушку.

— Инна! крикнулъ тотъ, перепугавшись ея блѣдности.

— Помнишь ты, какъ дядя кричалъ въ бреду, когда ему жандармы представлялись? сказала онъ какимъ-то бѣшено-сдержаннымъ голосомъ.

— Ну?

— То еще можно было слушать!

Она вскочила, сорвала съ себя саблю, обнажила,дохнула на чистую, свѣтлую сталь, дождалась неподвижнымъ взглядомъ, пока сошелъ съ нея туманный налетъ, и нажала изо всей силы въ камень: клинокъ треснулъ, и со звономъ отлетѣлъ въ сторону.

— Лучше бы ей не бывать у меня въ рукахъ.... Отецъ проклялъ бы меня, еслибы зналъ на какое дѣло она пошла.

— Инна, что у васъ случилось? Гдѣ графъ?

— Не говори мнѣ про него. Поди, ты тамъ все разузнаешь.... Оставь меня.

Она вернулась на постель, заложила руки подъ голову и пролежала такъ до вечера; мучительныя думы не давала ея покою; по лагерю раздавались шумныя приготовленія, она не выходила изъ палатки. Коля принесъ ей букетъ ландышей; она поручила ему вычистить ей лошадь, убавила свѣтъ лампы, подозвала Лару, задумчиво погладила его волнистую шерсть; потомъ подошла къ букету, наклонилась надъ нимъ и принялась втягивать въ себя пряный запахъ пожелтѣвшихъ

цвѣтовъ.

"Вѣнчики, вѣнчики!" думалось ей: "гдѣ ваша бѣлизна? Гдѣ же та чистая, какъ ландышъ, душа? Или ея нѣтъ и въ самомъ дѣлѣ? Или мои мечты вѣнчики? такъ и засохнутъ?"

По лагерю зажглись костры; тѣнь часоваго заходила по бѣлому полотну палатки. Чувствуя усталость, Инна раздѣлась, прилегла на сѣно и покрылась плащомъ; но воздухъ такъ накалился за день, въ ней самой кровь была такъ разгорячена, что она тотчасъ же разметалась, и все еще не могла заснуть; а тѣнь все двигалась съ правильностью маятника; она стала смотрѣть на нее, чтобы заставить глаза слипаться.... Вдругъ тѣнь раздвоилась. Водолазъ сорвался съ мѣста и кинулся подъ ноги вошедшему; но обнюхавъ, тотчасъ завилялъ хвостомъ.

— Я раздѣта! съ неудовольствіемъ проговорила Инна, закрываясь плащомъ:— что жъ вы вычистили лошадь? Такъ скоро?

— Это я, сказалъ Бронскій.

— Это вы? Что вамъ нужно? холодно проговорила она.

— Инна, выслушайте, я несчастнѣйшій

человѣкъ, я цѣлый день протаскался въ лѣсу. — Онъ опустился возлѣ нея на сѣно.

— Вы пришли упражняться въ ораторско-мъ искусствѣ? Напрасно! Мнѣ давно извѣстно ваше краснорѣчіе, презрительно проговорила она.

— Вы хотите оскорблять меня?

— Нѣтъ, я боюсь васъ.... Зачѣмъ вы пришли? Что вамъ надо? Или еще не кончено между нами?

Она приподнялась и взглянула ему прямо въ лицо.

— Не отталкивай меня, говорилъ Бронскій, наклоняясь къ ней. — Дай мнѣ поплакать съ тобой; я мучусь, мнѣ тяжело.

— Я! я! мнѣ! говорила Инна, ѣдко усмѣхаясь:— а тѣмъ какво было? О нихъ ни слова?

— Инна, могъ ли я поступить иначе? Что я такого сдѣлалъ, за что меня такъ-то ужъ презирать?

— А, у васъ достаетъ еще лицемѣрія? Отчего жъ это вы сперва-то ихъ отпускали? Вы сволочь свою задабриваете!

Графъ молчалъ.

— Вы продали кровь! Вы продали ее за власть! Не отвирайтесь.... Вы злѣйшій изъ всѣхъ деспотовъ. Первый опытъ удался.... Идите!

— Какъ ты хороша! Еслибы ты только видѣть себя могла! заговорилъ Бронскій въ страстномъ порывѣ.

— Идите же!... вѣдь я не любовница вамъ, что вы такъ со мной сидите....

— Не пойду, отрѣзалъ онъ, придвигаясь къ ней.

Она толкнула его въ грудь и отскочила въ уголъ палатки.

— Если вы потеряли даже уваженіе къ женщинѣ, такъ вотъ Лара вамъ напомнить. Онъ также хорошо сумѣетъ схватить за горло, какъ и ваши доблестные воины.

— Понимаю, сказалъ Бронскій вставая, — я слишкомъ низокъ для синьоры, я недостоинъ.... чего бишь?

Онъ запахнулъ плащъ и вышелъ изъ палатки, напѣвая что-то себѣ подъ носъ. Не успѣлъ онъ отойти ста шаговъ, какъ лагерь пришелъ въ движеніе.

— Сигналь! Сигналь! Зарево! раздавались

голоса.

Бронскій обернулся: красная полоса раз-
росталась и трепетала за лѣсомъ, темныя фи-
гуры пѣшихъ и всадниковъ неслись мимо
него на опушку; знамя колыхалось чернымъ
пятномъ на аломъ небѣ; гуще и гуще валила
за нимъ толпа, Коля подскочилъ къ палаткѣ
съ осѣдланною лошадыю. Гулъ постепенно
стихаль, раздались голоса командующихъ,
всѣхъ ихъ покрылъ голосъ графа. Онъ
обѣзжалъ своихъ людей и каждому отда-
валъ какой-нибудь приказъ; масса тронулась.
Пройдя форсированнымъ маршемъ два-три
перелѣска, они остановились въ полуверстѣ
отъ задворковъ, освѣщенныхъ съ одного кон-
ца хутора ярко краснымъ свѣтомъ; огня еще
не было видно за деревьями садовъ. Тутъ
Бронскій раздѣлилъ пѣшихъ на двѣ банды.
Самъ графъ съ конницей долженъ былъ ожи-
дать рѣшительной минуты для нападенія съ
свѣжими силами, о чемъ его увѣдомить на-
рочный. Шайки пошли въ разныя стороны, и
скоро скрылись въ темнотѣ.

— А вѣдь это мой хуторъ горитъ, сказала
Инна, подѣхавъ къ Бронскому:— не слишкомъ

мъ ли ужъ это безцеремонно?

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ, осаживая лошадь:- еслибъ уланы стояли въ моемъ замкѣ, тамъ еще свѣтлѣе было бы.

Х. Что-то тамъ?

А что тамъ? Съ тѣхъ поръ какъ Русановъ Аушелъ въ походъ, на хуторѣ дни пошли еще однообразнѣе. Старый майоръ раза два на недѣлѣ ъздилъ къ Горобцамъ, но это мало способствовало оживленію. Онъ сталъ молчаливѣе, о веселыхъ разказахъ не было и помину. Юлія по цѣлымъ днямъ не показывалась.

— Дѣвичье дѣло, догадывалась Анна Михайловна:- груститъ со миломъ дружкѣ. Богъ ему судья! Ни за что покрылъ чернотой молодость.

— Конечно-съ! поддакивалъ майоръ, со вздохомъ затягиваясь изъ черешневаго:- привычка дѣло великое! вѣдь вотъ не было же прежде, жилъ и такъ! А теперь безъ Володи-то и трудно.

— И поспорить-то, побраниться не съ кѣмъ, чуть не проговорила Анна Михайлов-

на, вспомнивъ еще что-то.

Не унывалъ одинъ Авениръ, усердно занимающаяся механикой, послѣ несчастнаго опыта надъ заводомъ.

Такъ и шла день за день обычная жизнь, какъ вдругъ случился казусъ, перебурлившій весь домъ. Мѣсяца два о Кононѣ Терентьевичѣ не было ни слуху, ни духу. Авениръ какъ-то заѣхалъ проведать его. Каково жъ было изумленіе заводчика, когда онъ засталъ дядю въ какомъ-то балахонѣ, сидѣвшаго на полу, окруженнаго цѣлымъ ворохомъ книгъ! Всѣ шкафы растворены, вся библіотека разбросана по комнатѣ. Кононъ Терентьевичъ глубокомысленно разглядывалъ переплеты, складывалъ книги на подобіе кирпичей въ пирамиды, башни и прочія архитектурныя созданія. Замѣтивъ племянника, онъ подошелъ къ нему, и оглядываясь на свои издѣлія, таинственно прошепталъ: "фундаментъ готовъ!"

Авениръ только руками развелъ, кликнулъ мальчика, прислуживавшаго дядѣ.

— Давно ли это съ нимъ?

— Та кто е знаетъ?

— Что это будетъ, дяденька? обратился Авениръ къ строителю, порѣшивъ увезти его къ себѣ.

— Крѣпость, сообщилъ тотъ подъ величайшимъ секретомъ, — только не та, понимаешь? Защита! Гдѣ бы мнѣ Армстронга повидать? Не читалъ ли ты въ газетахъ?

— Да онъ теперь у насъ; хотите? Поѣдемте!

— Поѣдемте, повторилъ старикъ.

Авениръ почти на рукахъ донесъ его въ экипажъ. И страшно, и жалко было смотрѣть на его испитое лицо, блуждающіе глаза и сторбившееся тѣло.

— Отчего жъ это на него опять нашло? всхлопоталась Анна Михайловна.

— Оттого что у дѣтей

*Послѣ старости прошедшей
Былъ фундаментъ сумашедшій,*

припомнилъ ей Авениръ.

— Ахъ, матушки! Куда жъ его помѣстить? Надо подальше, въ Юленькину спальню, а ужъ она пусть въ пустую перейдетъ....

Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ Анна Михайловна употребляла этотъ терминъ.

Пошли къ Юліи. Та выслушала рѣшеніе, мѣняясь въ лицѣ съ каждымъ словомъ; нѣсколько разъ порывалась заговорить и не могла; губы у ней дрожали.

— Я не могу отдать этой комнаты, выговорила она вдругъ съ храбростію отчаянія:— она мнѣ нужна.

— Для чего же? перебила Анна Михайловна.

— Моему ребенку.... Я....- и Юлія залилась слезами.

— Ахъ! Ахъ! истерически вскрикнула Анна Михайловна и ужъ была готова упасть въ обморокъ.

— Маменька, крикомъ горю не поможете, а ее убьете, вступался Авениръ, уводя мать.

Онъ давно звалъ сестрину тайну.

Ипохондра помѣстили въ пустой комнатѣ. Уныніе охватило весь домъ.

Справивъ два мѣсяца трудной, полевой службы, уланскій полкъ вернулся на прежнюю стоянку. Майоръ прискакалъ на свиданіе и не узналъ племянника. Вмѣсто прежняго вахлака, передъ нимъ стоялъ бравый молодець, грудью впередъ, съ громкимъ

голосомъ, вольными, размашистыми манерами; только въ бойкомъ пошибѣ рѣчи, обрывавшейся подѣ-часъ грустною шуткой, да еще въ пѣсенкѣ, которую Владиміръ Ивановичъ иногда ни съ того, ни съ сего замурлыкаетъ ходя по комнатѣ, отзывалось прошлое; но не майору было разбирать эти тонкости. Онъ почти не отходилъ отъ своего любимца, по цѣлымъ часамъ слушалъ его рассказы, и другихъ заставлялъ любоваться племянникомъ. На хуторѣ тоже повеселѣли.

Наступило воскресенье. Съ полудня разсѣянные по небу облака собирались тѣснѣе, и къ вечеру сплотнились въ темную тучу. Горобцы по обыкновенію пили чай въ задѣ, толкуя о польскихъ событіяхъ. вошелъ Авениръ, отвелъ Русанова съ майоромъ въ сторону, и показалъ только что полученный пакетъ.

Русановъ прочелъ прокламацію, въ которой заявлялись притязанія на весь южно-русскій край, и все населеніе призывалось къ оружію.

— Это не шутки, проговорилъ онъ:— обыкновенно вслѣдъ за такими документами по-

являлись и гости; надо увѣдомить эскадроннаго командира.

— Успѣете еще, перебилъ майоръ, — вотъ есть чего пугаться!

— Ну, нѣтъ, теперь на авось не время рассчитывать, сказалъ Русановъ:- насъ слишкомъ мало, и притомъ все кавалеристы. Не забудьте, что въ десяти губерніяхъ уже разгуливаютъ шайки!

Онъ взялъ со стола кепи и ушелъ, оставивъ нетронутымъ свой стаканъ.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ пожалуютъ! посмѣивался Авениръ:- мы съ вами, майоръ, въ авангардъ? Такъ что ли?

— Почему жъ нѣтъ? Погрѣться можно! Давненько таки не расправлялъ старыхъ косточекъ.

— А мы-то какже? Куда дѣнемся? говорила Анна Михайловна:- не поѣхать ли въ старый хуторъ?

— Да вѣдь придутъ, такъ ужъ и туда придутъ, возражалъ Авениръ:- лучше ужъ тутъ укрѣпиться.

И оба, подмигнувъ другъ другу, стали лукаво потѣшаться надъ струсившею барыней. Къ

ужину вернулся Русановъ съ озабоченнымъ лицомъ, въ боевой формѣ.

— Вова! Ты ужъ и принарядился! крикнулъ майоръ племяннику.

— Дѣло дрянъ, отвѣтилъ тотъ:- того мельника, что пріѣзжалъ къ намъ, видѣли въ кабакъ; онъ насилу ушелъ отъ народа.... Графскіе волнуются; говорятъ, Бронскій куда-то пропалъ со всѣмъ своимъ штатомъ.... Ну, ужъ только попадись онъ мнѣ!

— Да ужъ и я спуску не дамъ! отозвался Авениръ.

— Солдатамъ отданъ приказъ спать въ полевой формѣ.

— Ахъ, страсти какія! говорила Анна Михайловна:- ты, Анюшка, никуда не ходи сегодня; я тутъ одна не останусь.

— Да нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ развѣ что? спросилъ майоръ.

Русановъ отвелъ ихъ въ сторону и сообщилъ, что ротмистра увѣдомили безыменнымъ письмомъ о предполагаемомъ нападеніи на отрядъ сегодня въ ночь.

— Вотъ какъ! сказалъ Авениръ:- надо зарядить ружья на всякій случай.... Вы не пугайте

маменьку-то.

— Да что жь это? Уморить что ли вы меня хотите? затараторила Анна Михайловна:- что такое? Истомили вы меня. Ужъ лучше скажите, чѣмъ ждать-то невѣсть чего.

— Полноте, Анна Михайловна, я говорю только странно, всѣ помѣщики получили такія же посланія. Вотъ и все.

Сѣли за столъ, но разговоръ не вязался; мушцины переглядывались украдкой; майоръ курить трубку за трубкой. Авениръ вышелъ въ свою комнату; немного спустя, тамъ что-тобрякнуло. Русановъ поспѣшилъ закашляться.

Но тутъ ужъ явственно донеслись удары молотка и стукъ объ подѣ.

— Что жь это Аня тамъ дѣлаетъ? засуетилась Анна Михайловна и пошла къ сыну.

Русановъ съ майоромъ за ней. Она отворили дверь и остановились на порогѣ. Авениръ преспокойно загонялъ другую пулю въ двустволку. Они молча поглядѣли другъ другу въ глаза.

— Тихонько ты, Аничка, проговорила она совсѣмъ ужъ другимъ голосомъ:- смотри, чтобы не сорвалось какъ.... Я къ Юленькѣ пой-

ду....

— Маменька, вы не беспокойтесь.

— Будь Его святая воля, тихо проговорила Анна Михайловна:- будь Его святая вода.

И ровною походкой вышла изъ комнаты.

— Ну, вотъ и отлично! безпечно выразился Авениръ:- а то пойдутъ эти обмороки да истерики, хотъ изъ дому бѣги.

— А, что это словно свѣтлѣеть на дворѣ-то?

— Гдѣ свѣтлѣеть? Что жь это такое въ самомъ дѣлѣ? который часъ?

— Да, двѣнадцатый ужъ, вынулъ часы Авениръ.

Русановъ вышелъ на крыльцо. Два столба пламени поднимались съ конца селенія, гдѣ была полковая конюшня; вѣтеръ доносилъ топоть и ржанье по стойламъ.... Онъ вбѣжалъ въ рабочую, схватилъ со стѣны топоръ, и съ крикомъ: "пожаръ! пожаръ! Конюязи горять!" пустился по деревнѣ.

Авениръ за нимъ; майоръ сторяча было тоже, но, вспомнивъ о женщинахъ, вернулся. На крикъ ихъ одинъ за другимъ изъ хатъ выскакивали солдаты, и наскоро подтянувшись; опрометью бѣжали къ конюшнѣ Вся деревня

высыпала на улицу.

XI. Пожаръ

— Э, да это, братцы не конюшни горять, а заводъ! крикнулъ бѣжавшій впереди солдатъ.

— Заводъ! мелькнуло въ головѣ Авенира, и онъ почувствовалъ, будто разомъ навязали ему пудовики на ноги.

— Конюшня-то рядомъ, кричали другіе: живѣй, ребята!

Не добѣжали они шаговъ пятнадцати до пылавшаго зданія, какъ изъ дверей его выскочилъ человекъ съ пукомъ соломы, затопталъ его, и вскочилъ на лошадь.

— Это не нашъ ребята, у насъ такихъ лошадей нѣтъ.

— Пали! крикнулъ Русивонъ.

Изъ толпы грохнулъ выстрѣлъ, лошадь дала отчаянный скачокъ и пропала въ темнотѣ.

— Чортъ съ нимъ, крикнулъ Русановъ, врываясь въ конюшню, — спасай лошадей!

Солдаты гурьбой вломились на нимъ. Владиміръ бѣгалъ по стойламъ, рубя топоромъ повода; солдаты помогали саблями; но

когда пришлось выгонять лошадей, они не шли; выведенные силой, отбивались и лѣзли въ конюшню; зацелкали арапники, поднялась ожесточенная борьба между людьми и животными. Первый нашелся трубачъ, смекнулъ затрубить сборъ; слышавъ знакомые звуки, лошади одна за другой перескакивали порогъ, и съ распущенными гривами, хвостъ трубой, цѣлымъ табуномъ мчались при свѣтѣ пожара на сборное мѣсто; drobный топотъ гудѣлъ по окрестности.

А пламя все разливалось съ ужасающею скоростью; огромные языки ослѣпительнаго огня поднимались наискось, переходя въ багровый отсвѣтъ темнаго дыма; тысячи искръ и головней вились въ воздухъ; на колокольнѣ гудѣлъ набатъ, заглушаемый гамомъ сбѣжавшагося народа. Лѣвый уголъ завода съ громомъ рухнулъ, запылала соломенная кровля сушильни, служившей конюшнею; вѣтеръ потянулъ на деревню.

— Помогите, отчаянно вопилъ Авениръ: заводъ! ничего не пожалѣю! воды! воды!

Онъ бѣгалъ отъ одного къ другому, толкалъ крестьянъ, кинулся въ огонь, и не пом-

ня что дѣлаеть, поотворилъ краны аппарата-
въ, схватилъ обгорѣлое стропило, взвалилъ
на плечо и вытащилъ на улицу.

Ротмистръ прискакалъ во весь опоръ и об-
нялъ закопченаго Русанова; солдаты начали
было тушить, какъ вдругъ неподалеку слы-
шались выстрѣлы; на воздухъ поднялась ра-
кета, другая, третья; казачій пикетъ мчался
по улицѣ; за нимъ валилъ народъ съ крика-
ми: "Поляки! Поляки!" Сумятица стала общею.

Солдаты бѣжали къ лошадямъ и сталкива-
лись съ народомъ; офицеры скакали сломя го-
лову, ободряя растерявшихся; загремѣли тру-
бы. Съ другаго конца улицы надвигалась тем-
ная масса людей.

Ротмистръ послалъ Русанова въ объѣздъ.
Но вдругъ передніе ряды мятежниковъ
освѣтились мгновеннымъ блескомъ и разра-
зился оглушительный залпъ. Кавалеристы
отвѣтили не менѣе оглушительнымъ: ура! И
понеслись на толпу въ пики. Толчокъ разнес-
ся глухимъ гудомъ по деревнѣ.

Мятежники дрогнули, передніе ряды
смѣшались и обратили тылъ; съ фланга посы-
пались выстрѣлы штуцерныхъ; по толпѣ про-

несся глухой говоръ; "пѣхота! пѣхота идетъ!" слышались голоса; банда стала отступать къ лѣсу, отстрѣливаясь рѣдкимъ огнемъ. Кавалеристы, заложивъ пики, рубились саблями; все смѣшалось въ безпорядкѣ, Коля наскочилъ на одного солдата; и сабля тотчасъ вылетѣла у него изъ его руки, повиснувъ на темлякѣ; онъ видѣлъ какъ его товарищъ упалъ головой на шею лошади, приподнялся и опять упалъ подъ саблями; поручикъ выпалилъ ему черезъ плечо надъ самымъ ухомъ; кто-то застоналъ у него подъ ногами; что-то сильно обожгло руку. Панической страхъ овладѣлъ имъ; онъ безсознательно пятилъ лошадь назадъ, выѣхалъ за ряды, и безъ оглядки поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Бронскій.

Ротмистръ продолжалъ преслѣдованіе; солдаты видѣли его хладнокровно разѣзжавшаго съ коротенькою трубочкой въ зубахъ; онъ все отрывисто покрикивалъ: "впередъ, ребята! впередъ!" Какъ вдругъ у конюшни раздался новый залпъ: то другая шайка стрѣляла по народу... положеніе отряда стало опасно; ротмистръ приказалъ трубить

отбой, и построилъ разрозненные шеренги.

Вѣтеръ, всегда сопровождающій пожары, разогналъ облака; на востокъ показалась розовая лента, стало примѣтно свѣтать. Мятежники могли видѣть незначительность отряда, ротмистръ сталъ кликать охотниковъ доставить свѣдѣнiе въ хуторъ Оьшнаницы, гдѣ стояла рота пѣхоты. Вызвался Русановъ и еще три человѣка, увязали сабли соломой и пустили лошадей во весь духъ по опушкѣ. Ротмистръ напряженно смотрѣлъ въ сѣроватую даль; вотъ они поравнялись съ вражьей цѣпью; по темному фону лѣса засверкали выстрѣлы; передовой на всемъ скаку свернулся съ лошади, среднiй рухнулъ вмѣстѣ съ конемъ, вскочилъ на ноги, взвалилъ раненаго или убитаго на остановившуюся лошадь и ужъ мчался за прочими; все это такъ быстро прошло одно за другимъ, что солдаты еще крестились, когда посланные уже пропали изъ виду.

Ротмистръ повелъ свой отрядъ изъ селенiя, отступая межъ двухъ огней. Пули то и дѣло съ пѣньемъ жужжали мимо ушей.

— Бачь, якъ жалибне спѣвае, острился

Юська, — ма будь Ёсти просить....

— Ишь хохоль! Братцы, хохоль заговорилъ, проняло знать! поддразнивалъ вах-мистръ.

— Небось не скажешь: холя, а все хволя! или фоля!

Вторая шайка, подойдя съ задворковъ, разсыпалась по домамъ и открыла пальбу изъ оконъ.

Первая, ободрившись, тоже вернулась на хуторъ съ косикерами впереди.

— Побѣда! кричалъ длинноусый шляхтичъ, подбѣгая къ ксендзу, — побѣда! На панскій дворъ, панове! Бери, грабъ, рѣжь все, что ни попало!

Напрасно ксендзъ пытался удержать толпу; съ гиканьемъ и неистовыми криками понеслась она на усадьбу; цѣлое море шапокъ и головъ волновалось въ живомъ ураганѣ... Шумно ворвались они въ маленькій домикъ и разбрелись по двору; одни выводили лошадей изъ конюшни, дергая ихъ за арканы, наскоро сѣдлая чѣмъ попало; другіе спустились въ погребъ: выкатили боченокъ водки, втащили его въ залу, пили фуражками, руками,

припадали губами. Третьи бѣжали по всему дому, доискиваясь мѣста гдѣ спрятаны деньги.... Въ гостиной человекъ пять остановились передъ кіотою и дали во ней залпъ.... Пронзительные крики донеслись въ отвѣтъ на выстрѣлы изъ дальнихъ комнатъ. Толпа кинулась на голосъ, а между тѣмъ нѣсколько человекъ тащили растрепанную посмитюху, сорвали съ нея послѣднее платье и потѣшались ея переполохомъ.

— Сюда! Сюда! кричалъ горбунъ, ломясь въ комнату Юліи, — тутъ они всѣ засѣли, голубчики! Сюда, панове....

Горбунъ работалъ впереди всѣхъ, молотя тумбой отъ часовъ въ дубовую дверь, прочіе помогали прикладами. За дверью слышались истерическіе крики женщинъ; дверь трещала, и вдругъ, сорвавшись съ петель, рухнула внутрь комнаты. Въ ту же минуту грохнулъ выстрѣлъ, горбунъ опрокинулся, не пикнувъ, съ раздробленною головою... Въ дыму стоялъ Авениръ, страшно поводя глазами и грозя поднятымъ прикладомъ; майоръ держалъ наготовѣ ружье....

Толпа попятилась.... Отставной поручикъ

бросился на Авенира и ловко уклонился отъ удара; прикладъ разлетѣлся въ дребезги о притолку, противники схватились бороться... Майоръ наудачу пустиль зарядъ въ толпу и тотчасъ же былъ окружень....

Вбѣжалъ Бронскій съ саблей въ рукѣ, блѣдный отъ ярости.

— По мѣстамъ! Въ ряды! крикнулъ онъ, замахиваясь.

Толпа бросилась къ двери, тискааясь и давя другъ друга.

— Помогите! хрипѣль Авениръ, барахтаясь подъ освирѣпѣвшимъ противникомъ; тотъ, не замѣчая Бронскаго, не слыша ничего, душиль его, приговаривая шипящамъ голосомъ:

— Деньги! Гдѣ деньги? Подавай деньги!

Бронскій схватилъ его за волосы, оторвалъ отъ задыхавшейся жертвы и отбросилъ головой въ стѣну.

Тутъ только разглядѣль онъ женщинъ. На постелѣ, возлѣ полумертвой Юленьки, сидѣла Анна Михайловна; губы у ней посянѣли, но все еще двигались и шептали что-то; рука нѣсколько разъ поднималась... Исхудалое,

желтое, какъ воскъ, лицо больной рѣзко бросилось въ глаза графа; онъ отвернулся... Горпина, стоя на колѣняхъ у постели, протягивала къ нему краснаго, недвижавшагося ребенка....

— Ось, дивиться! дивиться! кричала она какъ помѣшанная.

Бронскій стиснулъ зубы и молча опустилъ руку на сердце малютки: оно не билось.....

— Не живій, не живій, бормотала Горпина. Графъ наклонился къ Юліи; она поглядѣла на него, не узнала, и повернулась къ стѣнѣ.... Авениръ ухаживалъ за матерью.

Бронскій кинулъ имъ вызывающій взглядъ. Никто не сказалъ слова. Онъ опустилъ голову и тихо вышелъ на крыльцо.

— Графъ! кричали ему всадники:- пѣхота идетъ! Со всѣхъ сторонъ окружаетъ....

Онъ чертилъ саблей по песку.

— Русскіе! Русскіе! кричали возлѣ него.

Онъ поднялъ голову, вздрогнулъ, вскочилъ на лошадь, вырвалъ знамя изъ рукъ одного мятежника и съ крикомъ: "до брони!" помчался впереди конницы.

Страшная, волнующаяся картина зарябила

у него въ глазахъ, какъ только онъ высказалъ за ворота: на улицѣ шла рѣзня; разнообразныя мундиры солдатъ перемѣшались въ дыму съ пестрымъ платьемъ повстанцевъ; то тамъ, то сямъ мелькали верховые; пальба, крики, стукъ оружія, музыка, стоны.... сливались въ дикій ревъ. Стрѣлки выбивали штыками засѣвшихъ по домамъ мятежниковъ; тѣ палили изъ оконъ, бросались въ рукопашную. Эскадронъ гналъ другую шайку; она остановилась, зашумѣла, передніе ряды падали на колѣни, протягивая солдатамъ ружья.

— Взмилуйся! Взмилуйся! вопили мятежники.

Бронскій вышибъ изъ сѣдла древкомъ знамени перваго подвернувшася кавалериста и пошелъ косить саблей; толпа, просившая пощады, поднялась на ноги и дала залпъ въ упоръ; схватка закипѣла....

На опушкѣ рощи паслись три осѣдланныя лошади. На пригоркѣ Коля и Леонъ лежали въ растяжку. Инна, мрачная, убитая, сидѣла возлѣ.

— Я совсѣмъ измучился, говорилъ Коля:-

рука не держитъ сабли, и вотъ — смотрите! онъ засучилъ рукавъ и гордо показалъ ссадину пулей.

— Что жъ вы такъ скоро вернулись-то? подтрунивалъ Леонъ.

— Да вы бы посмотрѣли, что тамъ дѣлалось! Развѣ можно было устоять? Лѣзутъ на продомъ безъ всякихъ правилъ! И свои ряды разстроили, да и васъ только спутали!

— Вотъ какъ! усмѣхнулась Инна. — Гдѣ жъ вашъ товарищъ?

— Конрадъ? Его убили.... Варварски, безчеловѣчно убили! разгорячился Коля.

— Ну, а сами-то вы шли на ночную рѣзню въ самомъ гуманномъ расположеніи духа?

— Но, послушайте, кузина... Чу! Это пушечные выстрѣлы! вскочилъ Коля.

— Пусть ихъ! остановила она его за руку: — не бойтесь! Побойтесь вы себя самого.... Поглядите вы въ какую яму вы попади....

— Поглядите, мы разбиы...

Она вскочила на лошадь и выскакала на опушку; вдоль по полю въ разсыпную бѣжали мятежники, за ними ровно подвигалась пѣхота. Бронскій первый прискакалъ съ

остатками конницы и поставилъ ихъ около Инны; лицо его было выпачкано въ пороховой копоти, голова повязана платкомъ.

— Намъ измѣнили! еслибъ я звалъ кто, шкуру содраль бы съ живаго, говорилъ онъ бѣшеннымъ голосомъ и кинулся въ толпу.

— Трусы! Негодяи! махаль онъ знаменемъ, — назадъ! Стройся! голосъ его терялся въ сотнѣ другихъ. Онъ съ размаху повалилъ одного сабельнымъ ударомъ, даль два выстрѣла по бѣглецамъ изъ револьвера.... Одинъ только наддалъ, другой вздрогнулъ и упалъ головой впередъ.... Прочіе бросали оружіе и бѣжали безъ оглядки, взяли въ болотѣ, падали въ изнеможеніи.

— Чортъ ихъ остановитъ! проворчалъ Бронскій, поворачивая лошадь къ хутору.

Пѣхота, преслѣдуя шайку по пятамъ, прошла почти мимо небольшой кучки конныхъ, очевидно пренебрегая ими; но два полевые орудія замѣтили ихъ изъ хутора, и картечь завизжала, ломая сучья.

Вдругъ раздался крикъ. Инна едва успѣла отскочить въ сторону и закрыла лицо руками, узнавъ Русанова. На встрѣчу ему разомъ уда-

рило пять, шесть выстрѣловъ, съ него слетѣла шапка, онъ покачнулся назадъ, но ничто не могло удержать бѣшеной скачки; привставъ на стременахъ, съ поднятою саблей наскочилъ онъ на графа, сталь звякнула, лошади сшиблись; одна повалилась на бокъ; другая, заржавъ, взвилась на дыбы и опрокинулась, обѣ исчезли въ клубахъ пыли.

Русановъ поднялся на ноги, и первый, подбѣжавшій къ нему, покотился съ разрубленнымъ плечомъ; другой свалилъ его самого выстрѣломъ почти въ упоръ; водолазъ кинулся ему на грудь, онъ схватилъ собаку за горло.... Теряя сознание Инна бросилась возлѣ него на колѣна, обвила его одной рукой, и отталкивая другой острымъ лезвіемъ кось, не чувствуя боли кричала въ изступленіи:- Пощадите! меня бейте! меня!

В. Ключниковъ.

Часть четвертая ГОЛАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.[4]

I. Проблескъ сознанія

"Что жь это я въ самомъ дѣлѣ? Куда это я забѣжалъ?" спохватился Коля, приходя понемногу въ себя. Вода холодною лентой обвивала ему грудь, нервная дрожь охватила все тѣло, зубы частили; вокругъ непроглядною стѣной поднимался очеретъ, а надъ головою синѣла чистая, далекая высь. Перепалка стихала, чуть слышно доносились тревожные голоса, глухо задробили по лѣсу копыта и стали постепенно затихать....

"Уѣхали!" встрепенулся Коля и рванулся было за ними; съ хутора неслась другая волна конскаго топота. Кавалеристы въ разсыпную перекликались на опушкѣ. Человѣкъ пять спускались къ самому пруду, поили лошадей, переговаривались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣглеца, а онъ не двигался съ мѣста, вздрагивая при каждомъ шорохѣ, и ожидая:

вотъ-вотъ раздвинутся камыши, увидятъ его солдаты... и тогда прощай! Страхъ отнималъ ноги, а самого что-то тянуло выглянуть изъ убѣжища. Онъ пробрался на конецъ очерета, осторожно выставилъ голову, и проворно спрятался, ничего не разобравъ; ему померещилась кровавая рѣзня, истребленіе, бойня... направленное на него дуло!... Однако все было тихо; ободрившись, онъ рѣшился еще разъ полюбопытствовать: двое уланъ уносили съ поля Русанова, голова его свѣсилась на бокъ, руки качались будто плети, съ мертвенною уступчивостью... Въ другой кучкѣ солдатъ, прихрамывая, упираясь и бранясь, шелъ отставной поручикъ Кондачковъ. Скоро кони скрылись за садомъ. Въ безразличномъ отупѣніи простоялъ Коля еще съ полчаса въ водѣ. Почти подлѣ него, со дна пруда, поднималась высокая ракита; вокругъ ея пня весенніе наносы образовали пловучій островъ; волна плескала подъ его окраины и разсыпалась мелкою рябью; на свѣтломъ днѣ льниво поварачивались караси, мелкіе жучки вертѣлись по верху, водяные пауки сигнажили во всѣ стороны...

"Пускай ее живетъ," разсуждалъ Коля, снимая съ платья прицѣпившуюся улитку: "ступай, наслаждайся жизнью... Никого не надо трогать..." Меланхолическое настроеніе болѣе и болѣе овладѣвало имъ, онъ вспомнилъ стихи изъ Лермонтова *Валерика*:

*...Жалкій человекъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно
Подъ небомъ мѣста много
всѣмъ;
Но непрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ —
зачѣмъ?*

И, повторивъ нѣсколько разъ послѣдній вопросъ вслухъ, онъ вскарабкался на берегъ островка, снялъ сапоги, вылилъ изъ нихъ воду, хотѣлъ было повѣсить ихъ на солнце и остановился...

"Зачѣмъ? Куда я теперь пойду? Что мнѣ дѣлать? Гдѣ преклонить голову? Лисы имѣютъ вору..."

Мысли его не замѣтно перешли къ житію пустынниковъ, какъ они уходили изъ городовъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, питались акридами, дикимъ медомъ, и враны приноси-

ли имъ пищу; положимъ, въ этой странѣ не было ничего подобнаго, а враны могли только глаза выклевать, да вѣдь ухитряются же бѣглые солдаты проживать по лѣсамъ... можно поститься на шелковицѣ, глодѣ, грибахъ... А зима? "Господи, спаси меня, спаси," зашепталь онъ вдругъ, ставъ на колѣни и крестя себѣ грудь быстрыми движеніями правой руки, въ родѣ того какъ на балалайкѣ играютъ: "я раскаюсь въ прошлыхъ заблужденіяхъ." Но тутъ стало ему совѣстно передъ самимъ собой: пришло на память, какъ онъ, ярый атеистъ, давалъ точно такіе же обѣты, собираясь на экзамень и запрятывая въ рукавъ клочокъ ваты отъ святой иконы, чтобъ этою самою рукой вынуть легкій билетъ.... "Будь они прокляты!" вырвалось у него новымъ порывомъ: "чему они научили меня? Какое это воспитаніе? Что я умѣю дѣлать? На что я гожусь? Въ писцы никто не возьметъ.... Ни на что не похоже, какъ ѣсть хочется," заключилъ онъ мысленно, подтянулъ кушакъ, и легъ на траву, надѣясь до ночи подкрѣпить себя хоть сномъ. Островокъ качался подъ нимъ, онъ старался еще бодрить себя, и съ какою-то без-

печностью отчаянья принялся раскачивать под собой берегъ....

"Больше всѣхъ дяденька виновать," думалось ему противъ воли: "вотъ онѣ фразы-то! Мысли свободно, вѣдь ты не рабъ, ты свободный человѣкъ! Хорошо ему тамъ на пуховикахъ-то!" Онѣ обернулся въ ту сторону, гдѣ въ зелени сада виднѣлась соломенная крыша усадьбы, и прежняя жизнь подъ крыломъ родственниковъ стала развертываться въ воспоминаніи....

"Тоже хороши!" желчно шепталъ онѣ: "радовались не нарадовались бойкимъ мальчикомъ, вотъ тебѣ и бойкость... Посадить бы ихъ въ мою кожу..."

Настроивъ еще цѣлую кучу плановъ побѣга, истомленный нравственною пыткой, онѣ наконецъ уснулъ; мысли, путаясь и безсвязно мелькая въ разгоряченномъ мозгу, перешли въ образы: чудилось ему, что онѣ сидитъ на высокомъ креслѣ, за столомъ, крытымъ краснымъ сукномъ, подписываетъ проекты реформъ, судитъ, рядитъ и управляетъ дѣлами всей Россіи, а на другой столъ подаютъ ему жареныхъ фазановъ, куропатокъ,

всевозможныя блюда, съ такими тонкими, ароматическими приправами, съ такимъ аппетитнымъ запахомъ, что такъ бы и поглоталъ все цѣликомъ... Но вотъ холодноватая сырость пронизываетъ его насквозь; отлежанный бокъ будто одеревенѣлъ, голодъ все сильнѣй да сильнѣй. Довольно, господа, идемте обѣдать! Онъ открылъ глаза: темное небо все въ звѣздахъ, и вѣтеръ заунывно шелеститъ въ камышахъ.....

Безцѣльно побрелъ онъ берегомъ пруда къ рощѣ. Налѣво отъ него двигалась по песку собственная тѣнь, направо по водѣ лунный столбъ. Кожаны не слышнымъ полетомъ съ пискомъ кружились вокругъ него, мелькали надъ золотистою рябью воды, вились въ тепломъ воздухѣ; на берегъ слабо плескалъ прибой. На мокромъ пескѣ четко вдавились чьи-то слѣды и темноватые пятна. Коля наклонился и разглядѣлъ кровь.

"Кто-нибудь изъ нашихъ шелъ этою дорогой," подумалъ онъ, направляясь по слѣдамъ. Они привели его въ чащу орѣшника, Тамъ, полузадернутый горными тѣнями, лежалъ навзничь окоченѣлый трупъ.

Бѣлый снѣгъ мѣсяца обдавалъ блѣдное лицо матовою синевою, на губахъ запеклась кровь, открытые глаза остановились на скошенномъ взглядѣ... что-то маленькое, черное побѣжало съ лица въ траву... Коля бросился въ сторону и пошелъ въ чащу, озираясь по сторонамъ.

"Чортъ ихъ побери совсѣмъ!" думалъ онъ, все чаще и чаще оглядываясь и ожидая чего-то послѣдняго, не выноσιмага... и вдругъ... подъ ногами звучно топнулъ заяцъ и ровными прыжками зашуршалъ въ кустахъ. У Коли что-то оборвалось внутри; кровь прилила мурашками къ ногамъ; онъ дрогнулъ и пустился бѣжать безъ оглядки... Вѣтки хлестали ему въ лицо, онъ спотыкался на пни, падалъ, вскакивалъ, и все бѣжалъ, задыхаясь отъ усталости, волненья и обливаясь потомъ...

Деревья стали рѣдѣть; пестрымъ, неровнымъ ковромъ потянулась пашня; жутко и чудно отдавались ему собственные шаги. Онъ задержалъ духъ и приударилъ еще шибче, самъ не зная куда....

На разсвѣтъ, оборванный, взмоклый, голодный, наткнулся онъ на казачій пикеть.

Казаки поднялись было отъ разложеннаго огня, защелкали курками винтовокъ, но взглядѣвшись въ храбраго воина съ двухаршинною саблей, встрѣтили его дружнымъ хотомъ. Онъ тотчасъ оправился, закинулъ голову, протянулъ саблю и горделиво проговорилъ: "сдаюсь!"

II. Une réfugiée

"Лондонъ, 15-го августа 1863.

"Не удивляйся, милый Аня, что я пишу тебѣ почти годъ спустя послѣ послѣдняго письма. Ты знаешь по себѣ, какъ всѣ мы лѣнивы безъ крайней надобности... Ну вотъ, по привычкѣ, не обдумывать письма заранѣе, написалось такое слово, что ты пожалуй ужъ мысленно отсчитываешь сумму, которою можешь мнѣ пожертвовать, не стѣсня себя. Нѣтъ, милый, не то: писать, просто писать тебѣ хочется, побесѣдовать съ тобой, оправдаться передъ тобой, Авенпръ. Ты всегда былъ немножко холоденъ и безучастенъ ко всему кромѣ насущныхъ потребностей, а не знаю почему кажется мнѣ, ты лучше другихъ поймешь меня. Я одна, совершенно одна, на

чужой сторонѣ; слова живаго не съ кѣмъ перемолвить, лица симпатичнаго негдѣ встрѣтить. Я знаю, тебя это поражаетъ: она? въ Лондонѣ? и одна? Ты на здѣшнихъ выходцевъ нашихъ мѣтишь; они потеряли въ моихъ глазахъ всякое значеніе, хотъ собственно мнѣ отъ этого далеко не легче. Эти образы, запутанные тогой таинственности, стоявшіе на высокихъ пьедесталахъ, оказались топорною работою, какъ только я разсмотрѣла ихъ поближе. Я не чувствую ни малѣйшей охоты сблизаться съ эмигрантами-соотечественниками. Кто меня не знаетъ, пожалуй увидитъ въ этомъ черту сатанинской гордости; а я не желаю и злѣйшему врагу дойти до той ужасной мысли, которая теперь не даетъ мнѣ покою. Я почти убѣдилась, что я ничто. Если и уцѣлѣла нравственно, я обязана этимъ тому, что не выходила изъ своего головнаго мірка. Прими я хотъ какое-нибудь участіе въ жизни, не поручусь что бѣ изъ меня вышло. Всѣ формы жизни прошли передо мною, всѣ направленія дѣятельности сталкивались во-кругъ меня, ломая и уничтожая другъ друга; я увлекалась то тѣмъ, то другимъ, но присту-

пить не могла ни къ одному. Какъ только я осматривалась въ новомъ положеніи на столько, что затаенная ложь, не чуждая ни одной партіи, начинала мнѣ сквозить чрезъ декоративную внѣшность, я чувствовала себя разбитою, уничтоженною, замирала на время для жизни, замыкаясь въ самой себѣ. Я не проклинала прежнихъ товарищей, я молча удалялась отъ нихъ; они честили меня измѣнницей святому дѣлу и прочими кличками, къ которымъ только теперь я совершенно равнодушна, — только теперь, когда всѣ стремленія мои разбиты дѣйствительностью, когда я разочаровалась въ себѣ и во всемъ, за что жертвовала собою. Годъ тому назадъ, я сошлась съ людьми, которые казались мнѣ поборниками правды, добра, свободы, всего, не потерявшаго для меня и до сихъ поръ своего истиннаго смысла. Теперь я вижу насквозь эту горсть честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга власть, какъ стая коршуновъ тащить другъ у друга изъ клева требуху дохлой скотины. Я видѣла эту знаменитую борьбу, въ которой свобода народовъ — звучный предлогъ для возвышенія однихъ тирановъ на-

счетъ другихъ; я знаю всѣ ихъ средства къ достиженію цѣли самой низкой, прикрытой маскою національности. Я стояла лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ, съ которымъ они заигрывали до поры до времени. Это было послѣднею гирей на колеблющіеся вѣсы.... Нѣтъ словъ выразить презрѣнія, нѣтъ мѣрки для ненависти, которая почувствовала я къ нимъ. Я съ ужасомъ обернулась назадъ.... Тамъ, за мною, осталась Вѣрочка, сперва творившая себѣ потѣху изъ науки, а потомъ заигравшая въ революцію; тамъ былъ Коля, сразу принявшійся за разрушеніе тронъ; тамъ, наконецъ, накопилась мелюзга, тля, въ сравненіи съ которою эти дѣти казались гигантами.... Я осталась одна, на своей призрачной высотѣ, изломанная, искалѣченная, безъ всякой охоты къ жизни, безъ всякой вѣры въ будущность.

"И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ остается? Писать о Россіи въ *вольной русской книгопечатнѣ*? Во-первыхъ, эта вольная книгопечатня не дастъ хода свободному слову, а во-вторыхъ.... Ты очень удивишься, но я все-таки доскажу мысль: писать *правду о Россіи* можно

только въ Россіи, гдѣ она тотчасъ же всѣми обсуживается; только такъ можетъ она быть плодотворною. Всѣ такъ-называемыя запрещенныя изданія не выходятъ изъ очень ограниченного кружка читателей, да и тамъ они остаются чѣмъ-то въ родѣ рѣдкаго попугая или какого-нибудь *magot chinois*. На глазахъ нашихъ они довели нѣсколько смѣльчаковъ до Сибири, — вотъ и весь результатъ. Нашлись еще, впрочемъ, господа, которые переписали рукописныя творенія этой несчастной молодежи красными чернилами, да и любятъ по праздникамъ своею коллекціей. Какая себялюбивая, кровавая, отвратительная игра въ сочувствіе! Каковы бы ни были заблужденія писавшихъ, тѣ не лицемѣрили, тѣ потерпѣли кару закона, которая должна примирить ихъ съ оставшимися спокойно по домамъ...

"Я устала въ этой путаницѣ гадостей, низостей, встрѣчавшихся на каждомъ шагу. Я шла бодро, пока впереди мелькало что-то неясное, но радужное, переливчатое, какъ марево нашихъ родныхъ степей; вихрь, охватившій ихъ въ послѣднее время, разогналъ миражъ;

за нимъ бурлитъ безсмысленное, вздутое, свирѣпое море, грозящее всеобщимъ потопомъ.... Я сижу, какъ подстрѣленная чайка на берегу, и голоса моего не слышать за общимъ воемъ....

"Хотѣлось бы яснѣе высказаться, да не хватаетъ духу. Вы всѣ теперь такъ настроены, что даже братъ способенъ возненавидѣть сестру, если узнаетъ противъ чего и за что она шла. Если ты понялъ меня, успокойся на томъ, что чувства ваши вполнѣ раздѣляетъ любящая тебя И-а.

"P. S. Перечитавъ мое посланіе, я нахожу, что это какая-то импровизація безъ всякой послѣдовательности: тѣмъ больше правды; посылаю, чтобы не передумать. Не показывай..."

III. Толки

— Дальше зачеркнуто, сказалъ Авениръ, откладывая письмо на столъ и, желая скрыть свои ощущенія, торопливо наклонился къ своей тарелкѣ.

— И хорошо, перебила Анна Михайловна, наливъ майору вишневки. — Что за чепуха! Ничего не поймешь.... Какъ была голова безшабашная, такъ и осталась!

Юленька, сидѣвшая съ краю стола, подняла голову, грустно поглядѣла на мать и снова потупилась.

— Много зачеркнуто? вмѣшался Владиміръ Ивановичъ.

Обычный тонъ Анны Михайловны покорибилъ его, какъ визгъ грифеля по аспидной доскѣ.

Авениръ потянулся къ нему съ письмомъ. Русановъ взялъ его лѣвою рукой и поднесъ къ правому глазу. Майоръ съ улыбкою слѣдилъ за этимъ, какъ онъ выражался, *непроизвольнымъ аллюромъ*. Мѣсяца два уже, какъ племянникъ оправился отъ ранъ; только рука оставалась на шарфѣ, да головная перевяз-

ка закрывала глазъ. Юленька подошла къ Владиміру Ивановичу, и облокотясь на стулъ, глядѣла ему черезъ плечо. Онъ держалъ письмо транспарантомъ почти у самой свѣчи; сквозь широкія черты чернилъ темнѣли чуть видно буквы.... Оба чтеца разобрали только: "...этого письма Русанову. Онъ долженъ забыть меня. Я долго не могла понять, какъ родилось въ немъ чувство къ женщинѣ, не имѣвшей съ нимъ ничего общаго въ характерѣ; теперь, когда я видѣла его на землѣ, въ крови, безъ движенія, — весь напускной стоицизмъ мой...." Они переглянулись изумленнымъ взглядомъ.

— Дальше, сказала Юленька вполголоса (съ нѣкоторыхъ поръ она стала очень тихо говорить, и въ домѣ ея почти не слышать).

— Дальше не дописано, отвѣтилъ Русановъ, — внизу адресъ ея въ Лондонѣ.

— Чудное дѣло, заговорилъ вдругъ майоръ, выколачивая погасшую трубку:— я вотъ тоже не совсѣмъ возьму въ толкъ, про что это она пишетъ, а какъ-то оно.... того.... за сердце хватаетъ!... Марши такіе похоронные бываютъ.

— Нѣтъ, она не вынесетъ этого состоянія,

перебилъ Авениръ, обращаясь къ Русанову, и тому показалось, что все лицо говорившаго преобразилось: никогда еще не было оно такъ симпатично. — Это не такая натура! это у ней временно: или она пойдетъ дальше или умретъ.... она не будетъ оставаться въ этомъ.... въ этой.... объективности, что ли? жалко дяденьки нѣтъ, а то интересно было бѣ послушать, что онъ скажетъ.

— Ничего не скажетъ, замѣтила Юленька: съ тѣхъ поръ, какъ его увѣдомили, что Коля въ острогъ, онъ и говорить боится....

— А хандра прошла? спросилъ Русановъ.

— Прошла. Вѣдь это у него тоже временно бываетъ.

— А я думаю, что она съ ума сойдетъ, начала было Анна Михайловна, задумалась и прибавила:— Будетъ объ этомъ, право! Только тоска одна! Хоть бы она скорѣе ѣхала сюда, что ли!

Молодежь переглянулась съ улыбкой. Даже Русановъ помирился съ Анной Михайловной за эту фразу, въ которой природная доброта, Богъ вѣсть, изъ какого уголка ея нравственнаго міра, прорвалась сквозь цѣлый хаосъ.

съ всякой всячины. Онъ воспользовался какимъ-то хозяйственнымъ разговоромъ между стариками и вышелъ въ гостиную. Скоро къ нему присоединились Авениръ и Юленька.

— Поняли, гдѣ она могла меня видѣть? прямо спросилъ ихъ Русановъ.

— Брату я недавно сказала, отвѣтила Юленька;— я и сама не знала, что это будетъ отъ васъ такъ близко.

— Кто Богу не грѣшенъ, царю не виновать, проговорилъ Авениръ. — Вся ея вина въ томъ, что она была послѣдовательнѣе насъ всѣхъ; она свои сумазбродства довела до послѣдняго конца.... Вотъ хоть бы я.... когда опомнился? когда затѣями-то въ конецъ разорилъ имѣніе.... Теперь поѣзжай въ степь, да принимайся попросту за косулю; и то еще врядъ ли поправимся! Все потеряно, кромѣ чести, насильно улыбнулся онъ.

Юленька поблѣднѣла такъ замѣтно, что Русановъ поспѣшилъ пожать ей руку и проститься.

— Ну, ужъ мамзель, говорилъ майоръ, выѣзжая съ племянникомъ изъ воротъ и направляя бѣговья дрожки къ Нечуй-Вѣтру:— и

туда и сюда виляетъ, и изъ воды суха выходитъ.... Нѣтъ, въ старину, такихъ не бывало, или мы ужь, Богъ милостивъ, на нихъ не натыкались... И вѣдь вся семья почитай такая безпутная, а лежитъ къ нимъ мое сердце, да и полно.... Русская удалъ въ нихъ отзывается....

Русановъ глядѣлъ въ сторону; въ темной перспективѣ ночи, по всей степи, покуда глазъ хватить, горѣли огоньки, малъ-мала-меньше, мигая чуть видными точками.... Это крестьяне жгли въ копнахъ обмолоченную гречаную солому.

— Да ты не слушаешь, Володя? сказалъ майоръ, обернувшись назадъ отъ вожжей.

— Какже, слышу! встрепенулся тотъ: — на что жь это ее истребляютъ?

— Солому-то? А куда жь ее беречь? Ты смотришь, что она рослая, да красивая, а ты спроси, на что она годится? Скоть ее не ѣсть, для топки мала.

Русановъ опустилъ голову; странная параллель развѣртывалась передъ нимъ: "еслибы тою сильною натурой да умѣли воспользоваться," думалось ему.

— Ну, опять пошелъ задумываться! О чемъ

еще? заговорилъ майоръ.

— Да все о томъ же.

— Это чтобы хуторъ-то продать?

— Что жь мнѣ дѣлать, дяденька, не могу съ собой совладать! просто постыли мнѣ эти мѣста. Легче, кажется, не видать ихъ... уѣдемте въ Москву.

— Да по мнѣ что жь? Я старикъ; мнѣ вѣкъ-то доживать, гдѣ хочешь, все едино.

— Ну такъ по рукамъ! Мѣсяца на два я куда-нибудь уѣду, поразсѣюсь.... а тамъ и заживемъ по старому.

— Ну такъ дакъ такъ! порѣшилъ майоръ, и всю дорогу перебиралъ сосѣдей, кому бы повыгоднѣй спустить родимое гнѣздышко.

Русановъ тоже не заговаривалъ болѣе; онъ задумывалъ широкой планъ, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, колебался, соображалъ, и наконецъ, входя въ комнаты, спросилъ дядю, не знаетъ ли онъ, когда ѣдетъ Чижиковъ?

— А вотъ съѣзди завтра, самъ узнаешь.... Ты что-то совсѣмъ забылъ его. Онъ жалуется, что съ тѣхъ поръ какъ онъ сосѣдъ нашъ, и въ глаза тебя не видалъ.

IV. Добрыя души

Поутру Владиміръ Ивановичъ велѣлъ поѣхать свою лошадь и отправился на Ишимовскій хуторъ. Еще дорогой поразила его перемяна прежней, барской обстановки. Не вдалекѣ отъ усадьбы, на мѣстѣ конюшни, заставленной бывало рысаками, бѣлѣла новая крупорушка; въ отворенную дверь виднѣлась пара сытыхъ воловъ, ходившихъ по кругу машины; садъ обнесся прочною, живою изгородью; у воротъ лаяла цѣпная собака; тамъ и сямъ по двору выросли клумбы цвѣтовъ; въ окнахъ сквозили драпри; на крыльцѣ лежала чистая цыновка. Отовсюду вѣяло порядкомъ, домовитостью, женщиной.

— Давно васъ ждемъ, дорогой гость! встрѣтила Русанова Катерина Васильевна: что-й-то какъ заспѣсивились!

— Да какъ же вы пополнѣли, похорошѣли! говорилъ тотъ входя за ней въ уютную гостиную: по лицу видно, что вы и здоровы, и покойны, и счастливы, на сколько это возможно.

— Даже больше, улыбалась она, полвивая

ему мягкое кресло, и сама усълась визави, оправляя плотное шелковое платье.

Вошелъ Чижииковъ. Русанову показалось, что онъ не то выросъ, не то побрился; что-то и въ немъ произошло особенное. Онъ бросилъ соломенную шляпу на старое фортепіано и весело поздоровался съ Русановымъ.

— Остатки прежней роскоши, пояснилъ онъ, замѣтивъ брошенный гостемъ взглядъ на ветхій инструментъ, — должности своей болѣе не исправляетъ, но пользуется почетнымъ угломъ, какъ товарищъ въ годину испытаній, продекламировалъ онъ, переглянувшись съ женою.

— Я слышалъ, вы изъявили желаніе служить въ Царствѣ Польскомъ, заговорилъ Русановъ, — такъ я хочу предложить вамъ ѣхать вмѣстѣ до Варшавы.

— А вы тоже.... служить?

— Нѣтъ, я такъ.... — И Русановъ, немного смутившись, обратился къ Катенькѣ:— вамъ вѣдь скучно будетъ безъ него?

— Нѣтъ, отвѣтила та, — мнѣ такъ пріятно будетъ заняться улучшеніями къ его пріѣзду, а ужъ ждать-то, ждать какъ буду.

— Вотъ и достойный представитель семейнаго счастья, вскрикнулъ Чижиковъ, указывая Русанову на вбѣжавшаго стремглавъ трехлѣтняго пышку. Весь раскраснѣвшись, растрепанный, онъ такъ и кинулся съ звонкимъ смѣхомъ на колѣни къ матери. За нимъ ковыляла старая Ѳедосьевна.

— Мама, няня не пускаетъ гуль-гуль! жаловался мальчуганъ.

— Что такое, Ѳедосьевна? улыбалась Катенька, причесывая крошку.

— На голубятню, барыня, какъ есть на самый верхъ залѣзъ было, шамкала старуха.

— Не надо, упадешь, бо-бо! ласково журила мать.

— Не надо, бо-бо! повторилъ тотъ и занялся деревяннымъ гусаромъ, а потомъ началъ всѣхъ увѣрять, что это дядя.

— Какой дядя? спросилъ Русановъ.

— О! отвѣтилъ тотъ, и уставился на него пальцемъ.

— Какъ его зовутъ?

— Митрій Митричемъ, батюшка, зашамкала няня, — вонъ по дѣду да по отцу; и у самого дѣтки будутъ, все первенькаго-то Митрій

Митричемъ звать будутъ. Да, легко ли всѣхъ выходила! Катенька-то давно ли сама такая была, а вотъ привель Богъ и внучка носить.

— Ну, завралась старуха, сказалъ Чижиковъ, — а и впрямь она намъ почти что родная. Пойдемте-ка, Владиміръ Ивановичъ, до обѣда я вамъ хозяйство наше покажу.

Онъ повель гостя на птичный дворъ; старые знакомцы-корольки терялись въ кучѣ кохининокъ, брамапутръ, индѣекъ; и вся орава съ клохтаньемъ и кудахтаньемъ обсыпала хозяина. Онъ сорилъ имъ хлѣбъ, подалъ ломоть тирольской коровѣ, флегматически смотрѣвшей черезъ загородку; та протянула морду, фыркнула, вернула раза два языкомъ и принялась жевать подачку. Потомъ Чижиковъ провелъ Владиміра Ивановича фруктовымъ садомъ, съ завѣшенными сѣтью деревьями, на крутой обрывъ; подъ нимъ тянулись золотистыя жнивья, пестрѣвшія скирдами. Чуть слышано звенѣли пѣсни крестьянъ, развозившихъ снопы.

— Все вѣдь самъ устроилъ, говорилъ Чижиковъ, потягиваясь на дерновой скамьѣ, — какъ пріѣхали-то мы сюда, ни кола, ни двора

не было.

— Честь и слава! проговорилъ Русановъ, довольно равнодушно.

— Да, великое дѣло — собственность, обезпеченность, продолжалъ Чижиковъ, съ замѣтнымъ самодовольствомъ:— говорятъ челоуѣкъ тупѣетъ отъ нея, жирѣетъ.... Вздоръ! Лучше челоуѣкъ становится, дѣятельнѣй! Есть что защищать, есть о чемъ хлопотать; средства есть, наконецъ, посвятить себя безкорыстной дѣятельности, сознать долгъ гражданина.

"Такими людьми свѣтъ держится", подумалъ Русановъ, и прибавилъ вслухъ:

— Смотрите-ка, кто это идетъ къ намъ. Кажется, Юлія Николаевна.

— Да, вѣдь они съ Катенькой пріятельницы; сосѣди-то всѣ оставили ее, не принимаютъ... ну, да вы челоуѣкъ близкій, сами знаете. А Катенька съ ней по-прежнему.... Она теперь верхомъ ѣздитъ; нѣтъ-нѣтъ, да и завернетъ къ вамъ.

— Здравствуйте, патріоты, какъ статскій, такъ и воинъ, здоровалась Юленька такъ весело, что Русановъ тотчасъ понялъ, какъ ей

легко бываетъ въ этомъ домѣ; понялъ и то, почему она стала уѣзжать изъ своего на прогулки.

— Скоро вы ѣдете, сосѣдъ? освѣдомлялась она,

— Хочется поскорѣй, говорилъ Чижиковъ. Повѣрите, Владиміръ Ивановичъ, я человѣкъ смирный, а до какой степени они меня озлобили своими продѣлками! Даже жалости я къ нимъ никакой не чувствую. Еще денька два и ѣдемте.

— И вы тоже? удивилась Юленька.

Русановъ кивнулъ головой.

Весь обѣдъ Юленькѣ было какъ-то неловко; она то заставляла себя шутить, то, не доканчивая начатой рѣчи, задумывалась, такъ что всѣ наконецъ замѣтили. Выйдя изъ-за стола, она тотчасъ опустила пажи амазонки и стала прощаться. Русановъ вызвался проводить ее, говоря, что ему нужно переговорить съ Авениромъ. Поднимая ее на сѣдло, онъ почувствовалъ легкую дрожь въ ея рукѣ, и положилъ себѣ не тревожить ея неумѣстными разспросами. Но не успѣли они отѣхать полверсты, она пустила лошадь шагомъ и оберну-

лась къ нему.

— Что, небось, завидно? сказала она, указывая хлыстикомъ на скрывавшуюся усадьбу.

— А то незавидно, отвѣтилъ Русановъ.

— Кто жь вамъ мѣшаетъ? проговорила она, замѣтно поддѣльнымъ голосомъ:- взяли бы себѣ жену, стали бы такимъ же семьяниномъ.

Русановъ молчалъ.

— Я понимаю васъ, продолжала она:- еще бы мнѣ васъ не понять! Мы оба надломаны. Говорятъ: "битая посуда два вѣка живетъ"; да что толку? Но вотъ что, Владиміръ Ивановичъ, какой толкъ и мыкаться-то?

— Никакого, отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ же вы ѣдете, живо перебила она.

— А зачѣмъ мнѣ оставаться? Полгода еще, по крайней мѣрѣ, лѣчиться надо; да наконецъ не вѣкъ же и воевать.

Она помолчала, поиграла поводьями, потомъ тихо проговорила, глядя всторону:

— Счастливый путь.... Охъ, да еслибъ вы знали, какъ охотно сама я уѣхала бъ куда-нибудь... только подальше... хоть въ Сибирь, хоть въ Камчатку...

Иной разъ едва слышная рѣчь разить больнѣй всякихъ возгласовъ любого трагика; такимъ дѣйствительнымъ, жизненнымъ отчаяніемъ отдались въ Русановъ эти слова...

— Вы думаете легко мнѣ здѣсь? продолжала она въ порывѣ откровенности:— мать родная косится, бѣгаетъ меня словно зачумленной; братъ... Ну, конечно, онъ такъ благороденъ, что не выказываетъ, какъ ему трудно снести пятно семейной чести развѣ я не чувствую этой обидной снисходительности? А сосѣди? Тѣ ужъ прямо, чуть не въ глаза распутной зовутъ...

Тяжело было Русанову слушать ее, онъ почти обрадовался, когда она завидѣвъ невдалекѣ околицу хутора, подняла лошадь въ галопъ и не сдерживала ее вплоть до самаго крыльца.

Они застали Авенира въ его рабочемъ кабинетѣ; онъ давалъ аудіенцію сѣдому атаману, и въ первый разъ еще, можетъ-быть, болѣе слушалъ чѣмъ самъ говорилъ.... Какъ только тотъ отпустилъ старика и спряталъ счетную книгу, Русановъ обратился къ нему съ вопросомъ: не будетъ ли порученій въ

Лондонъ.

— Я ъду за границу, прибавиль онъ.

Юлія вздрогнула, Авениръ поднялъ на него изумленный взглядъ, прояснился вдругъ, и вдругъ взявъ обѣ руки Русанова, крѣпко стиснулъ ихъ...

— Какъ не быть порученій? заговориль онъ со со слезами на глазахъ;- давно готовы уже... Вотъ.... Онъ отперъ ящикъ письменнаго стола и досталь денежный пакетъ. — тутъ все что можно послать, отвезите ей... Любите ее, Русановъ, любите мою бѣдную, несчастную сестру! Спасите ее! говорилъ онъ, обнимая Русанова. Онъ просидѣлъ съ ними вечеръ, толкуя о предстоящей поѣздкѣ, прося ихъ сохранить ее втайнѣ отъ уѣздныхъ язычковъ. Проходя темную залу, онъ столкнулся съ Юліей, поджидавшей его.

— Возьмите это, проговорила она взволнованнымъ шепотомъ, сунувъ ему въ руку бриллиантовое кольцо: — можно продать... Это его подарокъ... Богъ съ нимъ, я ему зла не желаю.... Прощайте... — И она, едва сдержавъ рыданія, скользнула безъ шума въ свою комнату.

Грустно выѣхалъ Русановъ съ маленькаго хуторка; судьба молодой женщины глубоко запала ему въ душу, теперь только понималъ онъ, какъ женщина можетъ любить и что она можетъ простить...

V. Проводы

У подъѣзда губернской гостиницы позвякивала бубенчиками почтовая тройка. Ямщикъ, стоя въ перекладной тельжкѣ, увязывалъ переплетъ надъ двумя чемоданами. На дворъ собирался народъ, дня два уже ходилъ по городу слухъ о поѣздкѣ Чижикова въ Польшу; всѣмъ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на земляка...

Онъ самъ хлопоталъ въ буфетъ объ угощеніи созванныхъ имъ знакомыхъ; ничуть не подозрѣвая что происходило между ними въ общей залѣ, гдѣ они нежданно, негаданно, столкнулись носъ съ носомъ.

— Ну, братъ, говорилъ Полозовъ зятю, утираясь пестрымъ платкомъ:- тащилъ я теба, уговаривалъ проститься съ Митричемъ-то, а самъ попалъ, какъ куръ во щи...

— Что такое? отвѣтилъ Доминовъ, не под-

нимая глазъ съ полу.

— Вотъ онъ, пріятель-то! подмигиваль тесть на забившагося въ противоположный уголъ Авенира: — эхъ, кабы зналъ гдѣ упасть, такъ соломки бѣ подослалъ! Ажно потъ прошибаетъ, какъ вспомню, какъ я его желѣзомъ-то погрѣлъ.

"Кому первому подойдти?" думаль Русавовъ, расхаживая вдоль по залѣ и поглядывая на бывшаго начальника: "кто изъ васъ больше виновать другъ передъ другомъ?"

Старичокъ священникъ одиноко сидѣлъ у окна, и степенно сложивъ руки, избѣгалъ взгляда другаго купца, раскольника, переминавшаго въ рукахъ картузь.

Положеніе стало еще затруднительнѣе, когда старый докторъ, отецъ Вѣрочки, влетѣлъ мелкимъ бѣсомъ и началъ со всѣми здороваться...

— Завидный характеръ, шепнулъ Авениръ подсѣвшему Русанову: — дочь-то гдѣ? А ему и горяшка мало....

— Я уйду, отвѣтилъ тотъ. — Каково видѣть эту рознь даже между своими?...

И въ самомъ дѣлѣ онъ взялся было за кепи,

какъ вдругъ вошелъ Чижиковъ; за нимъ по-
ловой съ виномъ и бокалами. Всѣ поднялись
на встрѣчу хозяина....

— Ну, господа, заговорилъ онъ не совсѣмъ
твердымъ голосомъ, — прошу не взыскать на
угощеніи... Больно ужъ спѣшно собрались...
Коли въ чемъ виновать передъ вами, про-
стите... Богъ знаетъ, придется ли когда
свидѣться? Придется если положить за васъ
голову, жену мою не забудьте... — голосъ у
него дрогнулъ, и онъ торопливо взялъ свой
бокаль. — Не оставьте, Богъ васъ не оставитъ,
а я служить готовъ... За матушку Русь! крик-
нулъ онъ, поднимая бокаль...

— Ура! отвѣтили всѣ, обступивъ его:- ка-
чать его! качать!

И подхвативъ на руки, подняли вверхъ...

— Шампанскаго! кричалъ онъ, задыхаясь
отъ дружныхъ подхватываній:- наливай
проворнѣй!

— Ваше здорье! проговорилъ Полозовъ
подходя къ Авениру:- прости и ты меня, ба-
ринъ; дѣло коммерческое... сочтемся!

— Не то время теперь, чтобы старыми дол-
гами считаться, отвѣтилъ тотъ, чокаясь, — а

я не сержусь: за ученаго, говорятъ, двухъ даютъ.... А понадобятся деньги, къ тебѣ же приду.

— Это онъ вретъ, шепталъ Русановъ Доминову, пожимая въ общемъ говорѣ его руку, — не легко ему, да и къ тому попробуй приди за деньгами, пожалуй и не дастъ... А вотъ за что люблю Русь — незлопамятна! прибавилъ онъ вслухъ.

— Именно незлопамятна, подхватилъ докторъ, — вотъ вамъ теперь на дѣлѣ это придется доказать... несчастной этой націи, которая только своего хочетъ, — и онъ взялъ было Русанова за пуговицу.

— Какъ такъ? отшатнулся тотъ.

— Вы вѣдь тоже въ Польшу....

— Нѣтъ, за границу, холодно отвѣтилъ Русановъ.

— А за коимъ шутомъ тебя за границу несеть, баровъ? вступился, начинавшій хмельтъ, Полозовъ, уставясь противъ него руки въ боки...

— Да вамъ-то какое дѣло?

— Не дѣло ты говоришь, вотъ что! Какого Русака теперь понесеть за границу? чего онъ

тамъ не видалъ? какого добра?

— Опомнись, глаза-то пропишь что ли? ты погляди на барина-то, въ какомъ онъ уборѣ, перебилъ раскольникъ, указывая на перевязки Русанова.

— Вотъ это такъ, заговорилъ священникъ, — этого барина и я знаю; за дурнымъ не поѣдетъ... а вотъ вамъ докторъ не слѣдь такія рѣчи держать... да еще и не въ первый разъ.

— Да, нѣтъ, что же! оправдывался тотъ, оробѣвъ:- я такъ только насчетъ гуманности вообще... я самъ немножко прогрессистъ... матеріалистъ, путался онъ:- вотъ на молодежь сошлюсь.

— А по вашему, по просту, сказалъ раскольникъ, — ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.

— И ты туда же, разгорячился было докторъ, — самъ-то отщепенецъ, молчалъ бы ужь.

— Отщепенецъ? повторилъ раскольникъ глухимъ тономъ и глаза его засверкали изъ-подъ сдвинутыхъ бровей:- да хотъ и отщепенецъ, а все ближе къ нимъ чѣмъ ты; мы вотъ съ батюшкой-то споримъ о двуперстномъ, да еще кой-какіе счетишки есть, а вѣдь вы — эва

куда махнули! поднялъ онъ руку къ потолку.

— Каковы мы ни на есть, отозвался Полозовъ, — да вотъ всѣ вмѣстѣ, а переметчиковъ намъ не надоть... Вотъ тебѣ Богъ, вотъ тебѣ и дверь.

— Посошокъ, господа, посошокъ на дорогу! подоспѣлъ Чижиковъ съ бокалами.

Докторъ не сталъ, однако, дожидаться, и уѣхалъ безъ посошка, сопровождаемый очень не двусмысленными взглядами.

— Есть ли у тебя деньги-то, а то вотъ за одно ужъ, заговорилъ Полозовъ сильно навеселѣ, и доставая бумажникъ изъ дутаго сапога:— Полозовъ двадцать тысячъ солдатушкамъ отсыпалъ, прибавилъ онъ не безъ гордости, — такъ за двадцать первой не постоитъ!

— Ничего, раскошеливайся, поддакнулъ раскольникъ.

— Спасибо на чести, перебилъ Чижиковъ, — а отъ убытка избавимъ; теперь присядемте.

Присѣли; священникъ помолился; наступила минута того молчанія, что всегда странно сжимаетъ сердце на разставаньи.

— Ну, теперь съ Богомъ! поднялся Чижико-

въ, слегка поблѣднѣвъ.

Всѣ поочередно обнимались, и всѣ гурьбой вышли на крыльцо; въ собравшейся толпѣ пронесся говоръ, десятка два знакомыхъ лицъ мелькнуло передъ взволнованными спутниками. Они торопливо усаживались въ телѣгу, откланиваясь провожатымъ; затѣкали бубеньчики, загудѣлъ колокольчикъ сначала рѣдко, и пристяжныя закрутивъ шею, ровною рысцой повезли ихъ по улицѣ. Громче и громче частилъ колокольчикъ, трясче подпрыгивала телѣжка, лошади пошли вскачь... Вотъ и почтовая станція пронеслась мимо, потянулось шоссе, городъ плавно уходилъ изъ глаз.... На всѣ стороны зеленѣла даль равнины съ бѣлыми точками хатъ, ручными зеркальцами прудовъ, темными полосками яровъ и рощицъ; высоко, высоко ныряя въ безоблачной синевѣ;, замирала трель жаворонка, перехватываемая гудѣньемъ поддужнаго колокольчика.

— Прощайте степи! заговорилъ Русановъ, обращаясь къ товарищу, задумчиво глядѣвшему назадъ:- два раза наѣзжалъ я сюда, не рука мнѣ здѣсь. По крайней мѣрѣ

окрѣпъ, и лиха за собой не оставилъ.

Чижиговъ заглянулъ ему въ лицо съ чуть примѣтнымъ удивленіемъ.

— Вамъ странно, что я такъ легко покидаю ихъ, говорилъ Русановъ, словно угадавъ его мысль:- у васъ тутъ жена, дѣти, домъ... Мнѣ нечего жалѣть, пережитое со мной, а то что недавно проснулось, встрѣтимъ на каждомъ шагу... Да, проснулось оно, русское чувство, заваленное, замусоренное, опрокинуло весь наплывъ; ходу просить, говорить хочетъ....

Чижиговъ уже слушалъ его съ жадностью.

— Къ чорту напускную хандру! Бодръ и молодъ я, жить хочу, любить... да только теперь и люблю настоящею, живою любовью... И вотъ она вся... — И Русановъ закрылъ на минуту глаза:- какъ живая стоитъ передъ мной!

— Да, освѣжило, перебилъ Чижиговъ, не понявъ Русанова:- постоимъ за себя, сила есть, русскимъ духомъ пахнуло.

VI. Немезида

Нѣсколько дней спустя Русановъ разстался съ Чижиковымъ на варшавской станціи. Бѣдучи городомъ, онъ почти не узнавалъ недавняго поприща террора; тамъ и сямъ по угламъ улицъ стояли дозорцы, дамы смиренно волочили по тротуарамъ цвѣтныя платья; патріоты словно въ воду канули; чаще стали попадаться русскія лица. На торговой площади собирались жители, войска становились по бокамъ пестрыми шпалерами; въ толпѣ раздавалось сдержанное жужжанье нѣсколькихъ сотенъ голосовъ.

Русановъ вспомнилъ своего извозчика, и завидѣвъ русскую фізіономію, съ бородкой и въ поддевкѣ, обратился съ вопросомъ.

— Мятежника казнятъ, флегматически отвѣтилъ тотъ:— слышь, почты грабилъ, что народу перевѣшалъ: а тамъ какъ накрыли ихъ, забралъ казну, да въ чужіе края тягу хотѣлъ задать; тутъ въ корчмѣ и попался.... Пробратъся надо загодя, а то народъ-отъ на-претъ и поглядѣть не достанется....

Русановъ замѣшался въ толпу. Скоро потя-

нулась процессія: впереди шель ксендзь со крестомъ, сумрачно оглядывая зрителей; на нимъ двое солдатъ веди подъ руки Езинскаго. Онъ былъ блѣденъ и едва передвигаль ноги. Взводъ солдатъ съ барабанщикомъ передъ фронтомъ конвоироваль его до позорнаго столба; на него надѣли бѣлый балахонъ, скрутили руки назадъ и привязали къ столбу. Ксендзь подошелъ къ нему; Езинскій глянулъ изъ подлобья и отвернулся.

— Отказывается, сообщилъ ксендзь офицеру.

Непріятное чувство сдавило Русанова при видѣ закутанной фигуры преступника, которому подняли на голову капюшонъ. Шесть человекъ вытянулась въ линію, глядя на командующаго. Барабанщикъ ударилъ безостановочную дробь. Зрители замерли въ ожиданіи, почти не слыша рѣзкаго разската барабана, заглушавшаго взводы курковъ. Офицеръ махнулъ платкомъ, бухнулъ оглушительный залпъ, бѣлая масса дрогнула на столбъ и осѣлась, опустивъ голову. Отвязанный трупъ пошелъ къ землѣ, словно куль муки; солдаты обходили его церемоніальнымъ

маршемъ....

— Мученикъ! зарыдала какая-то Польшка возлѣ Русанова. Что жъ радуйтесь, злобно проговорила она истерически, обращаясь къ Русанову, и колотя себя въ грудь;- кровью вѣдь пахнетъ....

— Нечему радоваться, не о чемъ и жалѣть, холодно отвѣтилъ Русановъ, пробираясь черезъ толпу къ станціи желѣзной дороги. Невдалекѣ отъ дебаркадера ему попался вооруженный отрядъ, сопровождавшій партію мятежниковъ, выселяемыхъ въ дальнія губерніи Россіи. Всѣ они шли межъ двумя рядами штыковъ въ сѣрыхъ арестантскихъ зипунахъ, съ холстинными мѣшками на плечахъ. Небольшое число пожилыхъ, непріятно поражавшихъ почти звѣрскими фізіономіями, терялось въ живомъ потокѣ цвѣтущихъ, румяныхъ лицъ молодежи, которая замѣтно бодрилась на глазахъ любопытной толпы прохожихъ. За пѣшими потянулись наемные экипажи болѣе зажиточныхъ пановъ и семействъ ихъ. Въ одномъ одиноко сидѣла молодая женщина, показавшаяся знакомою Русанову. Онъ протѣснился къ ней и

узналъ Вѣрочку; та быстро опустила вуаль и понурила голову....

"Сколько силъ сгублено, сколько жизни убито!" думалъ Русановъ, грустно глядя на остававшую толпу: "изъ-за чего? изъ-за призрака, изъ-за марева...."

Онъ не хотѣлъ ни на минуту оставаться въ опальномъ городѣ и взялъ билеты перваго отходившаго поѣзда. На дебаркадерѣ спали въ растяжку, не раздѣваясь, измученные, истомленные тяжелою службой солдаты; кое-гдѣ сновали жида-факторы, робко предлагавшіе свои услуги.

Русановъ сѣлъ въ вагонъ, прислонилъ голову къ стѣнѣ и заснулъ подъ тряскій гулъ поѣзда, безъ всякой мысли, безъ тревожныхъ видѣній....

Когда рѣзкій свистъ машины разбудилъ его, вагонъ былъ уже освѣщенъ. Передъ нимъ стоялъ молодой человекъ съ нѣмецкою фізіономіей, протянувъ ему пачку газетъ. Русановъ прочелъ, между прочимъ, крупныя литеры: *Колоколъ*....

— Не опасайтесь, заговорилъ Нѣмецъ, перетолковывая во своему молчаніе Русанова:-

русская граница за вами далеко уже....

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣтилъ Русановъ, улыбаясь ему въ глаза. — Только на этотъ товаръ едва ли ужъ найдутся охотники; кажется попріѣлось....

Нѣмецъ отошелъ съ вытянутымъ лицомъ.

"Въ такое время возбуждать несбыточные надежды", думалъ Русановъ: "спокойно подускивать юношей на штыки и картечь, да это хуже убійства и грабежа...."

Онъ выглянулъ въ окно, надѣясь освѣжить себя впечатлѣніями чуждой природы, о которой когда-то мечталъ на школьной скамьѣ. Утреннія сумерки понемногу расплывались; машина тихо двигалась по мосту; внизу темнѣли тѣ же дубы и сосны; какая-то рѣчонка вилась бѣлою тесемочкой; чуть примѣтною кучкой мурашекъ паслось стало.... съ шумомъ пронесся встрѣчный поѣздъ....

VII. Неизбѣжное слѣдствіе

Ненастный, осенній день вечерѣль на улицахъ Лондона; сплошная, ровная, какъ запыленный пологъ, сѣрая туча висѣла почти надъ крышами кирпичныхъ домовъ. словно сквозь сито моросилъ мелкій дождикъ. По блестящимъ, взмоклымъ плитамъ, сновали пѣшеходы подъ зонтиками; у крыльца большаго отеля остановился наемный кэбъ; Русановъ проворно соскочилъ на земь и взялся за молотокъ.

Робко спросилъ онъ отворившаго слугу о миссъ Иннѣ, словно со страхомъ ожидая неприятнаго извѣстія.

Тотъ окинулъ его недоумѣвающимъ взглядомъ.

— The Russian miss? пояснилъ онъ настойчивѣй.

— Upstairs, равнодушно отвѣтилъ слуга, показывая вверхъ по лѣстницѣ.

Русановъ проворно миновалъ еще три этажа; отъ усталости или отъ волненія колѣни его дрожали, когда онъ остановился противъ низенькой клеенчатой двери, съ надписью

мѣломъ: Ногобетъ. Сильно заколотилось въ немъ сердце; онъ, толкнулъ дверь и очутился въ тѣсной каморкѣ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, среднихъ лѣтъ на видъ, съ раскраснѣвшимъ лицомъ, включенною бородой, лежавшимъ на кушеткѣ безъ сюртука. На поду валялась пустая бутылка.

— Дома Инна Николаевна? спросилъ удивленный Русановъ.

— Я за нее, отвѣтилъ тотъ съ пьяною улыбкой, приподнимаясь на локоть и посмотрѣвъ пристально на гостя:— стало-быть Русскій? прибавилъ онъ полувопросомъ.

— Гдѣ жъ она? перебилъ Русановъ.

— Что дашь? скажу! нагло отвѣтилъ хозяинъ:— здѣсь, братъ, ничего даромъ не дѣлаютъ.

— Что хотите скажите ей только, что я пріѣхалъ.

— Поди самъ сыщи, пробурчалъ хозяинъ и выразительно свиснулъ, махнувъ рукой. — Она меня посѣяла тутъ.... На что братъ? Братъ — обуза.... Леонъ негодяй.

— Ея нѣтъ? Вы Леонъ? говорилъ Русановъ, сбитый съ толку, измученный поисками и

неудачей, и опустился на желѣзный стулъ: какъ у васъ тутъ холодно, сыро! Боже мой! Неужели она тутъ жила? Гдѣжь она?

— Поставишь полдюжины портеру? лаконически освѣдомился хозяинъ.

— Хорошо, идетъ.... Тамъ расскажете.... Пойдемте же, пойдемте, торопиль Русановъ, вставая.

— Пойдемте, говорилъ Леонъ, надѣвая сильно поношенное пальто и войлочную шляпу, носящую несомнѣнные слѣды жизни владѣльца, — я васъ сведу.... я тутъ всѣ теплыя мѣста знаю.

Онъ заперъ на ключъ дверь, написалъ мѣломъ на клеенкѣ: *is now at Bull's tavern*, и сталъ спускаться, придерживаясь за рампу.

"Въ какомъ положеніи!" думалъ Русановъ, слѣдуя за нимъ: "что она должна была вытерпѣть, она рѣшилась оставить его?"

— Правда, что пьянымъ по колѣно море, ворчалъ Леонъ, шлепая по лужамъ, и направляясь къ простонародной тавернѣ:- смерть хотѣлось опохмелиться, вотъ вы и.... того... Да кто жъ вы такой? остановился онъ вдругъ.

— Я.... встрѣчался съ вашею сестрой за гра-

ницей, рассудилъ Русановъ сохранить инкогнито.

— Сюда! сюда! радостно сообщилъ путешественникъ, схватилъ стеклянную дверь и не безъ достоинства усѣлся къ столику, — two bottles stout, waiter! скомандовалъ онъ: — вы не повѣрите, какъ скоро учатся чужому языку въ моемъ положеніи, прибавилъ онъ, наполняя стаканы дрожащими руками, съ сіяющимъ взглядомъ.

— Ну, такъ какже? началъ Русановъ, когда Леонъ утолилъ немного жажду.

— Да что, уѣхала въ *** (онъ назвалъ одинъ изъ приморскихъ городковъ), оставила меня.... презираетъ. Это хорошо, что презираетъ.... дрянъ я, и больше ничего! Ну, дрянъ такъ дрянъ!.. А за что? продолжалъ Леонъ, устремивъ на Русанова туманный взглядъ: — почему я не развязался съ ними? Да очень просто.... Какъ съ голоду умирать приходится, такъ развяжешься.

Русановъ узналъ все, что ему было нужно, и собирался уйдти, размышляя только: дать ли денегъ Леону и какой прокъ отъ того будетъ.

— А отчего это все? заговорилъ Леонъ, ни къ кому уже не обращаясь и повѣсивъ голову:- вольно жь отцу было жениться на ней, когда мнѣ ужь два года стукнуло.... Мать моя Нѣмка, онъ съ ней въ Геттингенъ познакомился, вотъ какъ я здѣсь съ Lusy....

Совсѣмъ отуманенный, закинувъ голову на спинку стула, протянувъ ноги и засунувъ руки въ карманы, онъ сталъ напѣвать какую-то пѣсню.

Волей-неволей, Русанову проходило сидѣть до расплаты; кромѣ того, исповѣдь начинала интересоватъ его.

— Онъ въ Германіи философіей занимался, ворчалъ Леонъ, хвативъ залпомъ рюмку и словно оживъ на минуту, — что на каша это... философія съ революціей... бррррр! хуже чѣмъ виски на портеръ.... Онъ Инну погубилъ.... У ней права были, она законная, послѣ меня родилась.... Дай-ка мнѣ права тогда! договорилъ онъ, обративъ къ Русанову поблѣднѣвшее отъ питья лицо, съ безсмысленнымъ, животнымъ взглядомъ. Русановъ самъ чувствовалъ какую-то истому въ головѣ, точно ему буравили ее винтомъ....

— А имъ это не удастся, безсвязно лепеталь Леонъ: я ихъ замыслы выведу... на свѣжую воду.... Онъ не смѣетъ со мною такъ обходиться.

Онъ ударилъ по столу кулакомъ такъ что посуда задрезжала.

— Что жъ онъ дѣлаетъ? вторилъ ему въ тонъ Русановъ, не зная о комъ идетъ рѣчь, но предугадывая что-то серьезное.

— Онъ меня подозрѣваетъ, что я русскій шпіонъ. А ты думалъ не Русскій? Онъ меня поилъ кормилъ, я ему служилъ.... А своихъ рѣзать не дамъ.... Я на него два раза доносилъ.... Доштался я съ ними.... Вотъ каково двумъ господамъ служить.

"До чего можетъ упасть человѣкъ!" думалъ Русановъ, глядя на пьянаго; ужасъ, отвращеніе, жалость кипѣли въ немъ сложнымъ, подавляющимъ чувствомъ.

— Что мнѣ теперь? Все тринь-трава! Издохну гдѣ-нибудь на улицѣ, какъ собака, кондрашка хватить.... А ему не спущу обиды.... Я ему покажу, бурчалъ Леонъ, вдругъ съ минутною энергіей поднявшись на ноги и направляясь къ двери.

Русановъ бросилъ деньги на столъ и послѣдовалъ за нимъ.

"Оставить его, послѣднее съ него снимутъ," думалъ онъ, едва поспѣвая за порывистыми шагами спутника. Ему самому стало неловко въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ улицъ ужасающаго своею громадностью города.

"Дорогу помнитъ," улыбнулся Русановъ, подходя съ нимъ къ отелю.

Взобравшись на крыльцо, Леонъ отворилъ первую дверь въ бельэтажъ и сунулся въ нее, но не попавъ, толкнулся въ стѣну.

— Куда вы? схватилъ его за руку Русановъ.

— Не трогай, здѣсь! крикнулъ Леонъ и вломился въ просторную переднюю. Русанову едва успѣла мелькнуть, въ отворенную дверь, комната, освѣщенная какъ день, полная народа и суетившихся слугъ, какъ двое изъ нихъ, подхвативъ Леона подъ руки, силились вытолкать его; тотъ сталъ упираться и забурчалъ неистовымъ голосомъ; Русановъ не зналъ что дѣлать и окончательно потерялся, видя, что гости толпятся на шумъ у двери, окидывая всю сцену любопытными взглядами; они раздались на обѣ стороны и пропу-

стили хозяина.

— Отведите его на верхъ, крикнулъ тотъ, кивнувъ бровями на Леона, и вдругъ запнулся, увидавъ Вдадшара Ивановича.

— Русановъ!

— Бронскій!

VIII. Столкновение

Трудно было узнать прежняго красавца Бронскаго, въ этомъ, все еще молодомъ, но страшно осунувшемся желтомъ лицѣ, окаймленномъ синевою небритой бороды.

— Еще разъ неожиданная встрѣча, нашелся онъ первый, съ принужденною улыбкой.

— Я не искалъ ея, отвѣтилъ Русановъ оправясь, — я не зналъ.

— Вы ни чуть не помѣшали, здѣсь все свои, проговорилъ Бронскій, приглашая его войдти въ залу. Между присутствующими на разныхъ языкахъ пробѣжало слово "Русскій."

Не желая казаться смѣшнымъ, онъ сбросилъ пальто и послѣдовалъ за графомъ. Около двадцати джентльменовъ спорили въ кружкахъ, курили, читали газеты.

— Господа, сказалъ Бронскій по-француз-

ски, — рекомендую вамъ нашего грознаго усмирителя. Онъ можетъ сообщить намъ самыя свѣжія новости.

Неудержимая злоба закипѣла въ Русановѣ при этой выходкѣ; онъ понялъ, что отступать поздно и гордо выпрямился.

— Я готовъ удовлетворить любопытство этихъ господъ, отвѣтилъ онъ холодною ироніей, слегка наклонивъ голову, — если только новости придутся имъ по вкусу.

— *Tiens, le drôle joue serré*, шепнулъ сосѣду юркій господинъ съ козлиною бородкой.

— Я могу кое-что рассказать, продолжалъ Русановъ, глядя въ упоръ на Бронскаго, — какъ одинъ, положимъ графъ, опозорилъ дѣвушку, которая имѣла наивность счесть его за честнаго челоуѣка....

— Милостивый государь, вспыхнулъ Бронскій, — я ни на кѣмъ не признаю права судить мои поступки.

— Еще бы, перебилъ Русановъ:— это обыкновенная уловка тѣхъ господъ, у которыхъ честь только на языкѣ....

— О! о! отозвался господинъ въ сѣромъ пиджакѣ.

— Il y a là quelque chose comme l'odeur de la poudre, обратился къ прочимъ французъ.

Бронскій поблѣднѣлъ какъ бумага.

— Благодарите случай, что вы мой гость, бѣшено проговорилъ онъ, судорожно сжимая кулаки.

— Ничего, старые счета всегда можно свести, спокойно отвѣтилъ Русановъ, и подавъ Бронскому карточку гостиницы, гдѣ стоялъ, поклонился какъ-то всѣмъ заразъ.

У двери онъ еще разъ окинулъ взглядомъ пестрое сборище, выбирая, кого бы изъ нихъ позвать въ секунданты на случай дуэли, — ни одного доброжелательнаго взгляда... Онъ вспомнилъ о Леонѣ и вышелъ при общемъ говорѣ.

"Чортъ знаетъ что такое: — запутывается, да и запутывается", думалъ Русановъ, придя къ себѣ: "съ чѣмъ я теперь къ ней приѣду?!"

Поутру онъ отправилъ деньги и посылку въ *** съ коротенькимъ письмомъ, въ которомъ увѣдомлялъ Инну о своемъ приѣздѣ и выражалъ надежду, что она не откажется повидаться съ нимъ, если позволятъ обстоятельства. Все же, прибавилъ онъ въ концѣ,

старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Немного спустя къ нему постучались, и вошелъ господинъ весьма нахальнаго вида со вздернутымъ носикамъ на румяномъ лицѣ и какою-то дергающею улыбкой.

— Господинъ Дзѣдзицкій, если не ошибаюсь, проговорилъ Русановъ, узнавъ въ немъ одного изъ своихъ товарищей по университету.

— Я къ вамъ въ качествѣ секунданта и привезъ вызовъ, началъ тотъ усѣвшись. — Вы недостойно обошли, господинъ Русановъ, съ человѣкомъ въ совершенномъ отчаяніи.... Какъ старый товарищъ вашъ, я обязанъ употребить всѣ усилія къ примиренію, заговорилъ Дзѣдзицкій, до приторности смягчая голосъ.

— Что же вамъ угодно?

— Можетъ-быть, вы желаете извиниться?

— Да въ умѣ ли вы, господинъ Дзѣдзицкій? Угодно Бронскому драться, я готовъ, я не искалъ этого и не навязываюсь....

Рѣшено было сойдтись на квартирѣ Бронскаго, во избѣжаніе всякихъ неудобствъ, и стрѣлять по данному знаку. Русановъ на все

согласился.

— Васъ, однако, не очень измѣнило отчаяніе, вы пользуетесь цвѣтущимъ здоровьемъ, замѣтилъ Русановъ, видя, что гость не уходитъ.

— Это Бронскій хандрить, а мнѣ что? Я космополитъ, отвѣтилъ тотъ съ самодовольною откровенностью.

— А! скажите! сроду не видывалъ улыбнулся Русановъ.

— Вы, кажется, расположены шутить, обидѣлся космополитъ, взявъ шляпу: мы еще потягаемся съ вами, вы еще не знаете, что это за сила.... Это тотъ *никто* что циклопу глазъ выкололъ, помните, въ Одиссеѣ?

— Какъ не помнить? вмѣстѣ вѣдь переводили... Вамъ, кажется, тогда стипендію дали, а отказали въ ней бѣдному семинаристу, который изъ Симбирска пѣшкомъ пришелъ, говорилъ Русановъ, затворяя на немъ дверь.

Зайдя къ Леону, онъ нашелъ его совершенно протрезвившимся, и безъ особеннаго труда уговорилъ присутствовать на дуэли. Пока тотъ собирался, Русановъ нетерпѣливо ходилъ изъ угла въ уголъ, а в головѣ толпились

одинъ за другимъ образы, одинъ другаго неопредѣленнѣй, туманнѣй: то представлялась ему Инна, только что получившая его письмо, то дядя ждетъ его его Москвр3;, коротая осенніе вечера съ старымъ Псоичемъ. И сквозь нихъ неотступно пробивается мысль: "Черезъ полчаса одного изъ насъ не будетъ.... Можетъ быть, меня... меня не будетъ?" Это какъ-то странно и дико отдавалось въ немъ.

— Пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.

У Бронскаго его встрѣтилъ, Дзѣдзицкій, расхаживавшій по залѣ въ ожиданіи поединка. Пожелавъ ему добраго дня, Русановъ отошелъ къ овальному столику съ валявшеюся на немъ золотообрѣзною книгой, и машинально заглянулъ въ нее: Байронъ развернутый на *Марино Фальеро*. Онъ перелистовалъ нѣсколько страницъ, все та же мысль: смерть! Умереть у самой цѣли? Образъ Инны чуть мелькалъ ужъ на второмъ планѣ. Портъера въ кабинетъ распахнулась, вышелъ Бронскій съ Дзѣдзицкимъ, и отдавъ поклонъ противнику, отперъ отцовскій ящикъ съ пистолетами. Пока секунданты заряжали ихъ,

Русановъ присѣлъ на окно и глядѣлъ на вывѣску сосѣдняго магазина; прошло нѣсколько минутъ, онъ видѣлъ все тѣ же пять буквъ, на которыя сразу упалъ его взглядъ, и все та же мысль, поглотившая всѣ остальные. Бронскій, стоя у камина началъ что-то насвистывать.

Разомъ заколотили оба молотка по шомполамъ. Русанову представлено было выбрать пистолеть, и противники разошлись по угламъ залы.

— Мы готовы, нетерпѣливо сорвалъ Бронскій.

Дзѣдзицкій отошелъ съ Леономъ и подаль условный знакъ. В ту же минуту Русановъ встрѣтилъ взглядъ и прицѣлъ графа, — бухнулъ глухой ударъ, и что-то съ трескомъ разлетелось по комнатѣ. Онъ видѣлъ сквозь дымное облако, какъ Бронскій; держась за високъ, выпустилъ ручку разорваннаго пистолета, зашатался и упалъ на руки подбѣжавшихъ секундантовъ. Ошеломленный Русановъ долго не могъ ничего понять.

— Осколокъ! Осколокъ! бормоталъ Дзѣдзицкій, помогая Леону перенести ранена-

го на диванъ: — онъ безъ памяти; проворный за докторомъ.

— Въдъ я спрашиваль, дошла ли пуля? упрекаль Леонъ:- а впрочемъ, можетъ-быть, оружіе старое.

Русановъ подошелъ и положилъ на столъ пистолеть.

— Выстрѣль за вами, сказалъ ему Дзѣдзицкій.

— На что онъ мнѣ? отвѣтилъ Русановъ;- еслибъ я могъ поправить зло, которое онъ надѣлалъ.

— Бронскій этого такъ не оставить, настаиваль Дзѣдзицкій, — дайте ему только оправиться.

— Я всегда готовъ къ его услугамъ; адресъ мой въ ***, если онъ только нуженъ будетъ вамъ или полиціи.

— Что до полиціи, та вы можете быть покойны, сказалъ тотъ:- слуги отпущены, все выдастся на собственную его неосторожность.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ Русановъ, и поклонясь отправился брать билетъ на парходъ.

IX. Старые знакомцы

На краю ***, въ сторонѣ отъ большаго загороднаго дома, весь въ зелени деревьевъ, словно игрушка, глядитъ уютный коттеджъ, раздѣленный на двѣ половины. На одной изъ нихъ раздается голосъ хозяйки мистриссъ Джонсовъ, покрикивающей на старую Дженъ; стучать ножи, тарелки, стаканы.... Въ открытомъ окнѣ другой половины слабо звучитъ разбитое дребезжащее фортепиано; кто-то далеко не мастерски, но что называется съ душою наигрываетъ *la dernière pensée de Weber*.

Причудливо ритмованная вальсомъ, предсмертная жалоба превосходно передавалась заунывными *vibrato* стараго инструмента, точно и самъ онъ, забытый и брошенный, тихо ропталъ на свою долю. Безъ сомнѣнiя, чувство покорной грусти, изливавшееся въ слабыхъ звукахъ, только скользило по дѣтской душѣ бѣлокурого малютки, катавшагося подъ окномъ на спаленной травѣ. Нечаянно поднявъ глаза, онъ такъ и дрогнулъ, увидавъ словно изъ земли выросшаго передъ нимъ

Русанова въ дорожномъ платьѣ, съ дорожны-
мъ мѣшкомъ черезъ плечо.

Неподвижно вытянувшись къ окну, съ
каждымъ звукомъ мѣняясь въ лицѣ, онъ все
прислушивался къ звенящимъ флажолетамъ
lusingando до тѣхъ поръ, пока тихое гудѣнье,
постепенно расплываясь, незамѣтно сошло
на нѣтъ.

Малютка пролепетала что-то, но Русановъ,
не слушая, кинулся къ окну.

— Инна Николаевна! крикнулъ онъ, едва
совладавъ съ голосомъ: — Инна Николаевна!

Въ отвѣтъ ему послышался слабый крикъ,
и что-то темное мелькнуло по комнатѣ.

Онъ разомъ очутился въ сѣняхъ и брался
за ручку первой попавшейся двери.

— Куда! куда! какъ варомъ обдалъ его зна-
комый, съ лишкомъ годъ неслыханный голо-
съ.

На порогъ, распахнувъ дверь настежь, сто-
яла Инна въ сѣренькомъ платьѣ, съ принуж-
денно-насмѣшливою улыбкой, а глаза такъ и
ласкали, такъ и манили. Русановъ взялъ у
ней руку, и глядѣлъ въ лицо дуракъ-дурако-
мъ.

— На порогъ не здороваются, оправилась она и привела его въ маленькую комнатку, повторяя взволнованно:- я не хотѣла вѣрить письму.... Какъ же такъ?... Зачѣмъ вы здѣсь?...

— Въ Лондонъ. По дѣламъ.... запинался Русановъ, и оба покраснѣли, прочитавъ на глазахъ обоюдную ложь вопроса и отвѣта.... Они стояли въ замѣшательствѣ у столика, Инна потупившись, Русановъ глядя на нее.

— Очень рада видѣть васъ, проговорила она такъ сдержанно, что Русанова покорибило. — Ну, садитесь, гость будете, размѣялась она вдругъ, откидываясь на диванъ:- давно ли пріѣхали?

— Сейчасъ только, отвѣтилъ онъ, усѣвшись.

— Что? И не скажетъ? Все такой же тихоня! захопотала она, и ужъ тащила на столъ кофейникъ, зажгла голубое пламя въ спиртовой комфоркѣ и засновала по комнатѣ съ чашками и посудой. Русанова это не то чтобы шокировало, а какъ-то неприятно было ему видѣть ее такою, именно въ первое время свиданія; онъ не того совсѣмъ ожидалъ.

— А это помните? говорила она, грѣя надъ

горячимъ паромъ булку:- нужда научить калачи ъсть.

— Но что жь вы себѣ не наливаете? спросилъ онъ, не зная что сказать.

— Докторъ запретилъ, говоритъ: сердце и безъ того шалить.... Ну да ужь нынче куда не шло!

— Нѣтъ ужь въ такомъ случаѣ позвольте не позволить, остановилъ онъ ея руку; она загоразивала чашку, смѣясь и наклоняясь къ нему. Русановъ только теперь вглядѣлся въ матовый цвѣтъ ея лица, прозрачно восковой, какъ лежалыя церковныя свѣчи; глаза будто усилили блескъ, щеки то обдавались легко-мъ налетомъ румянца, то блѣднѣли еще внезапнѣе; нѣжныя жилки просвѣчивали на вискахъ, въ кистяхъ и тонкихъ пальцахъ аристократической бѣлизны.... Русановымъ овладѣло что-то щемящее, тоскливое. Онъ началъ говорить безъ умолку, рассказывалъ ей про Горобцовъ, про сосѣдей, про свою походную жизнь; она положила локти на столъ, оперлась подбородкомъ на руку, и уставилась на него мягкимъ взглядомъ.

— Не скучно вамъ по Украйнѣ? спросилъ

онъ вдругъ.

— Ну, что напоминать о потерянномъ раѣ, грустно улыбнулась она.

— Какъ же вы время проводите? освѣдомился онъ, когда они кончили полдникъ.

— А по цѣлымъ днямъ гуляю.... Хотите пройтись, сказала она, взявъ накидку; онъ подалъ ей руку; она оперлась на нее, слегка вспыхнувъ и оправивъ рукава; словно чего-то робѣя, спустились они съ крыльца. Они шли мимо рѣшетки парка, живописно распланированного по холмистой мѣстности; влѣво мелькнула темная аллея, обсаженная высокими частоколомъ хвойныхъ деревьевъ, все ниже и ниже, почти у самой земли въ дальней перспективѣ; тамъ и сямъ стелется плавный извивъ широкой песчаной дорожки, а сбоку, словно прилизанная къ ней, пошла отлогимъ спускомъ лужайка съ тонкоствольнымъ деревцомъ посрединѣ, и такъ до сплошной купы вѣковыхъ липъ; дальше, зеркало пруда, съ опрокинутыми силуэтами вѣтвей, глубоко вдавленное въ крутые берега газона; за нимъ опять валъ, съ тѣнистымъ боскетомъ

пожелтѣвшей листвы; по низу, въ чащѣ отводо-
довъ, почти у самыхъ корней сквозитъ крас-
ное солнце и блѣдно-золотистое небо съ розо-
вымъ отстоемъ и яхонтовыми полосками об-
лаковъ, какъ ирризація старыхъ стеколъ, ухо-
дитъ въ прозрачную даль изъ темныхъ
вырѣзокъ зелени.... А тамъ опять разбѣгаются
дорожки, словно маня вглубь и обѣщая неис-
тощиму ю роскошь новыхъ видовъ. Ни разу
еще природа не являлась такою красавицей
Русанову, и никогда еще не бывалъ онъ такъ
холоденъ къ ней. Странное настроеніе вкра-
дывалось въ него; онъ какъ-то млѣлъ отъ
прикосновенія любимой женщины, чувствуя
съ какою довѣрчивостью она опиралась на
его руку; но лишь только онъ взглядывалъ
украдкой на худенькое, блѣдное личико, и
жутко ему становилось.... "Нѣтъ, это что-то не
то!" шевельнулось въ немъ.

— Досада какая, сказала Инна:- видишь, а
войдти нельзя, кромѣ хозяина, гостей и садов-
ника никому недоступно...

— Помните, не вытерпѣлъ онъ, точно жа-
луясь, — вотъ такимъ же вечеромъ вы ка-
къ-то....

— Ничего не помню, живо перебила она, — нечего я помнить.... То не я была; то вотъ что....

Она нагнулась къ землѣ, такъ что длинныя пряди волосъ охватили запылавшее лицо, сорвала одуванчикъ и дунула въ бѣлую шапку; пухъ полетѣлъ и разсѣялся въ тихомъ вечернемъ вѣтеркѣ.

— А если я другое напомнимъ? началъ Русановъ вполголоса и остановился; ему почти не хотѣлось договаривать.

— Какъ же! вскрикнула она и, выдернувъ руку, бросилась отъ него вдаль по дорогѣ на поляну, но не пробѣжавъ и половины, остановилась, вся запыхавшись, взялась за бокъ и какъ подкошенная прилегла на верескъ. Въ этомъ просторѣ водянистыхъ бугровъ, усѣянныхъ купами деревьевъ и живыхъ изгородей, охваченная густѣвшимъ сумракомъ, она показалась Русанову такою маленькою, слабою, беззащитною.

"Нѣтъ, не то," бродила неотвязная мысль.

— На что такъ уставать? упрекнулъ онъ уже съ братскимъ участиемъ, присѣвъ у ногъ ея:— надо беречь здоровье, его не вернешь.

— На что его беречь-то? размѣялась было она, да вдругъ оборвалась и взялась за грудь. — Вотъ опять сердце, почти простонала она.

— Укройте, пугливо подалъ онъ ей свое пальто; мысль о возможной потерѣ шевельнулась въ немъ чѣмъ-то ползущимъ, ядовитымъ.

— Ничего, прошло, улыбалась она, откидывая толстый драпъ.

— Извольте слушаться, настойчиво проговорилъ онъ, набросивъ его на плечи Инны; сыро, домой пора, прибавилъ онъ такъ безцвѣтно, что и она замѣтила.

— Пора и вамъ, а то вы что-то раскомандовались.

— А можетъ-быть мнѣ и не пора, схитрилъ онъ, когда они дошли до дому.

— Вотъ это мило! до завтра! развеселилась она, и бросивъ ему на голову пальто, повернула въ дверь.

"Что жь это?" думалъ Русановъ, освобождаясь отъ импровизированнаго покрывала: "гдѣ тѣ восторги что я сулилъ себѣ? Я словно и не радъ.... Чортъ знаетъ что въ голову лѣзетъ,

разозлился онъ самъ на себя, выходя изъ воротъ....

Вернувшись къ себѣ, Инна зажгла ночную лампочку, посидѣла немного въ полузабытьи, раздѣлась и, какъ утомленная, опустилась въ подушки.

"Пристань!" улыбнулась она... во вдругъ словно ее кольнула какая-то мысль; она поднялась на локоть, присѣла на край постели.... лицо приняло строгое выраженіе, потомъ грустное, почти отчаянное.... Она сунула ноги въ туфли, накинула бѣдную блузу и отворила окно.... Все болѣе поддаваясь какому-то тяжелому волненію, начала она ходить по комнатѣ неслышными шагами, скрестивъ руки, опустивъ глаза на широкія складки платья, облитыя голубоватымъ свѣтомъ мѣсяца.... Попробовала вздохнуть, — грудь поднялась тяжело, какъ порванный мѣхъ и опустилась будто придавленная плитой.

Не владѣя собой, бросилась она къ письменному столу, схватила перо, бумагу, и торопливо написала нѣсколько строкъ.

"Леонъ, какъ только подучишь письмо, приѣзжай...."

Х. Карусель

Наступило свѣтлое, осеннее утро; ни облачка въ чистой синевѣ; солнце ослѣпительно играетъ въ осеннихъ краскахъ сада, золотя ярко-желтую листву липъ, просвѣчивая въ совершенно-красномъ кленѣ.... Въ лицо вѣетъ холодкомъ еще не растворившагося утренника.

Русановъ подходилъ къ знакомому коттеджу неторопливою походкой, точно по долгу: вчерашній вечеръ его напугалъ. Вернувшись къ себѣ, онъ крѣпко задумался насчетъ будущихъ отношеній къ Иннѣ; онъ старался дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ чувствѣ, подвергая его безпощадному анализу и заснулъ съ мыслью, что оно далеко не прежнее.

"Полно, такъ ли она дорога мнѣ, что ужъ и жить безъ нея нельзя?"

"Какъ бы то ни было, рѣшилъ онъ, собираясь къ ней, дѣло зашло слишкомъ далеко.... И мнѣ оставить ее здѣсь одну? Ни за что! Кто знаетъ, можетъ-быть прежнюю страсть замѣнить спокойное, дружеское чувство?... Говорятъ, это и нужно въ семейной жизни....

Будь что будеть!..."

Прежняго мальчика, глядѣвшаго въ какую-то розовую даль, готоваго загнать лошадь изъ-за лишней улыбки, какъ не бывало: какъ-то незамѣтно себѣ, сталь онъ человѣкомъ много видѣвшимъ, много потертымъ въ общей толкѣ и теперъ готовившимся отдохнуть немного на одной изъ жизненныхъ станцій, чтобы снова, уже съ подругой, выйдти на новыя испытанія.

Не успѣлъ онъ переступить порогъ, какъ всѣ его разсужденія разлетѣлись дождевикомъ. Инна, его прежняя Инна, какъ нарочно принарядившись въ давнишнее черное платье, лежала на диванѣ въ усталой позѣ, протянувъ ноги на шитую подушку, и запустивъ руку въ черную волну волосъ; лицо немного поблекло, вѣки слегка покраснѣли, но глаза глядѣли гордо, свѣтятся какою-то сдержанною рѣшимостью. Увидавъ Русанова, она немного привстала, оправила платье, и полулежа протянула ему руку.

— Вы не спали ночь? встревожился онъ, подвинувъ къ ней стулъ.

— Напротивъ, очень покойно.

— Отчего жь глаза-то красны? допрашивалъ онъ, немного смущенный промахомъ.

— Должно-быть плотно поужинала, никакъ не могу отвыкнуть, а тутъ, какъ нарочно, такой сочный ростбифъ, объяснила она какъ нельзя проще.

"Эго ужъ и того хуже," подумалъ Русановъ, окончательно озадаченный. Чтобъ не попасть въ неловкое положеніе, онъ вынулъ сигару, закурилъ и положилъ себѣ быть на сторожѣ.

— Ахъ, да! вспомнила она вдругъ:- вы такъ и не сказали мнѣ зачѣмъ пріѣхали въ Англию?

— Жениться, отвѣтилъ Русановъ, чувствуя потребность бравады.

— А! поздравляю, насмѣшливо проговорила она:- только вотъ вамъ совѣтъ стараго друга: не женитесь на умной женщинѣ.

— Это почему? отозвался онъ, точно его холодной водой окатили.

— Да такъ, не управитесь вамъ.... Всѣ онѣ любятъ помучить васъ, покапризничать, на своемъ поставитъ.... Право возьмите-ка лучше простушку.

— Покорно благодарю за совѣтъ, перебилъ Русановъ ужъ съ досадой.

— Право, ужъ на что глупѣй меня, а при-
смотрите-ка... жаль только вотъ, что я ни-
когда не буду замужемъ, а то бы я вамъ пока-
зала, какъ ихъ муштруютъ.... — И она приня-
лась развивать ему эту тему, невольно вспо-
нивъ объ отцѣ.

— Что жъ тутъ хорошаго? остановилъ Ру-
сановъ.

— Тутъ-то? переспросила она съ какимъ-то
злорадствомъ:- помилуйте, да это первѣйшее
удовольствіе.

"Что это такое?" заныло въ Русановѣ. Онъ
ужъ начиналъ бояться этой *силы*, которую
такъ самонадѣянно хотѣлъ спасти.

— Боже мой, Боже мой, неужели жъ вы ни-
когда не видали людей истинно-любящихъ?
заговорилъ онъ тоскливымъ порывомъ:-
бѣдность, униженіе, заботы на каждомъ шагу,
а чувство только крѣпнетъ....

— Ахъ, Владиміръ, вырвалось у ней почти
со слезами, — да многимъ ли дается такое
счастье?

— Однакожь есть, встрепенулся онъ, — бы-

ваеть это счастье?

— Да.... въ сирени, спохватилась она.

Онъ бросилъ сигару и отошелъ къ окну, не замѣчая, какъ она улыбалась, проворно махнувъ платкомъ по глазамъ.

— Хорошо, что моя будущая жена не похожа на васъ, проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Конечно, отъ такой сохрани васъ.... и помилуй, расхохоталась она:- гдѣ жъ ваше сокровище?

— Я за ней пріѣхалъ, грубо отвѣтилъ онъ.

— Такъ это вы за невѣстой въ такую даль перли? Нѣжное же у васъ сердце!

Онъ схватилъ шляпу.

— Куда же вы? Мы еще позавтракаемъ, спокойно предложила она, между тѣмъ какъ лицо стало почти одного цвѣта съ воротничкомъ. — Вотъ я сейчасъ распоряджусь.... винювата, у меня голова что-то закружилась....

Она выбѣжала въ сѣни, оттуда въ садъ, упала въ траву и зарыдала истерическимъ смѣхомъ.

А черезъ полчаса они сидѣли другъ противъ друга, глядя въ тарелки, изрѣдка прося передать то или другое блюдо и насильно за-

ставляя себя Ёсть.

Русановъ почти безсознательно простился съ ней. Онъ шелъ, не разбирая дороги, все прямо, какъ птицы летаютъ, до самой гостиницы, обращая на себя вниманіе прохожихъ, и чуть не попавъ подъ колеса.

"Во что бы то ни стало!" бродило у него въ головѣ.

А Инна заперлась въ своей комнаткѣ на цѣлый день.

Къ ночи пріѣхалъ Леонъ; она вышла къ нему, едва держась на ногахъ; о прошломъ не было слова помянуто.

— Ну, что жъ тутъ у тебя подѣялось? говорилъ онъ, усаживаясь рядомъ на диванъ.

— Владиміръ здѣсь.... Бѣдняжка хитрилъ со мной давеча; развѣ я не вижу, что чѣмъ больше озадачишь его, только масла въ огонь.... Научи ты меня, что дѣлать.... Отказаться отъ него силъ нѣтъ, не могу.

Леонъ конечно только послѣ многихъ разспросовъ понялъ въ чемъ дѣло.

— Зачѣмъ же отказываться? что это, Иночка, ты совсѣмъ не въ своемъ умѣ, не всѣ дома.... ласково журилъ онъ, приглаживая ея

ВОЛОСЫ.

— Леня, да подумай ты, что я ему принесу, чѣмъ отплачу? Мнѣ стыдно подумать о себѣ; да къ тому же видишь какая я надломленная, больная.... вѣдь я не шутя больна, теперь по крайней мѣрѣ.... передъ нимъ цѣлая жизнь еще впереди. Неужели жъ изъ него ничего не выйдетъ? Кто жъ будетъ сидѣть у юпки отжившей почти....

— То-есть не жившей, поправиль онъ;- а ты ужасовъ-то себѣ не рисуй...

— А я-то, какъ онъ пріѣхалъ, до того забылась.... Такъ вотъ даромъ, думала, схвачу счастье.... Ну, жизнь! плыветъ въ руки, бѣжишь ея словно чумы;хватишься.... поздно....

Голосъ у ней оборвался; Леонъ съ испугомъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ; слезы показались градомъ ему на шею.

— Иночка, да ты можетъ-быть напрасно себя мучишь, ухватился Леонъ за новую мысль;- вѣдь эти порывы бывали съ тобой; можетъ-быть ничего этого нѣтъ.... И какъ ты могла такъ скоро полюбить его?

— Чего полюбить? прошептала Инна:- я всегда его любила.... Я насильовала себя.... Пой-

ми, чего мнѣ это стоило!...

И вдругъ откинувшись на спинку дивана, почти задыхаясь, она поднесла къ губамъ платокъ.... Красныя пятна проступили въ тонкомъ батистѣ. Леонъ, растерявшись, бросался по комнатѣ, отыскивая чего-то.

— Не надо, но надо, съ усиліемъ проговорила она, махая рукой:— пройдетъ, а не пройдетъ и того лучше.... Хороша невеста?

XI. Развязка

Русановъ, какъ пришелъ къ себѣ, тотчасъ потребовалъ бумаги, чернилъ и перо. Еще не утомилось въ немъ разнузданное чувство, еще не остыла взбудораженная кровь, онъ ужъ писалъ Иннѣ письмо, присѣвъ у открытаго окна. Нѣсколько строкъ, почти сами собою, выросли подъ перомъ; потомъ онъ сталъ перемарывать, сглаживать шероховатости.... бумага покрывалась золотистымъ налетомъ заходившаго солнца, мало-по-малу его смѣнилъ розовый отсвѣтъ, голубоватая тѣнь сумерекъ, все темнѣй становилось въ комнатѣ, буквы почти слились, когда онъ кончилъ письмо.... Письмо начиналось такъ:

"Съ тѣхъ поръ какъ мы случайно встрѣтились на подмосткахъ, мы не переставали предсказывать другъ другу роль; взаимно электризуясь репликами, мы до такой степени слились въ игръ, что мнѣ трудно представить разлуку между нами до конца спектакля. Неужели вы сомнѣваетесь въ моемъ чувствѣ...."

На этой строчкѣ остановился Русановъ, перечитывая письмо. Онъ поколебался, поколебался, и медленно разорвалъ письмо пополамъ.... еще и еще.... Мелкіе клочья полетѣли въ окно, и трепетными извивами разсѣялись по мостовой.... Онъ взялъ шляпу и пошелъ по улицамъ разгонять тяжелыя думы; бродя безъ цѣли, онъ незамѣтно очутился у гавани; дневная возня стихла; сумракъ охватилъ даль; съ моря дулъ вѣтерокъ, хлестко нагоняя водвы на *beach*; вдали чернѣли остовы кораблей.... На ровной, пустынной, темной поверхности, гдѣ то далеко, далеко свѣтился маякъ....

"Послѣднее средство!" проще и лучше, подумался Русановъ, идя назадъ.

На другой день, убирая комнату, Инна, вся вспыхнувъ, отскочила отъ окна и торопливо

шепнувъ Леону:- Идетъ!... Займи его на минутку, — скользнула въ спальню.

Леонъ пожалъ руку немного удивленному Русанову, и пригласилъ его сѣсть.

— Она сейчасъ выйдетъ, предупредилъ онъ вопросительный взглядъ гостя;- будьте осторожнѣй, она нездорова; ей всякое волненіе вредно.... Вчера ей было очень плохо....

— Я пришелъ проститься, отвѣтилъ Русановъ.

Леонъ хотѣлъ еще что-то сказать, но тутъ вошла Инна, и подавъ Русанову руку съ безпечною улыбкой, подсѣла къ нимъ.

— Онъ собирается, несмѣло сообщилъ ей Леонъ;- онъ уѣзжаетъ, прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Такъ скоро? сказала Инна тономъ офиціального сожалѣнія:- я думаю, вы ничего не успѣли посмотрѣть въ Англіи?

— Не удалось, отвѣтилъ Русановъ, закусивъ губу;- я думалъ остаться надолго, но что дѣлать....

— Ну, добрый путь; вернетесь домой, поклонитесь нашимъ.... Аня пишетъ, что онъ

будетъ каждый годъ высылать мнѣ такую же сумму; передайте ему, что это лишнее.... Если нужно будетъ, я напишу....

Каждое слово, какъ ударъ молотка, отдавалось Русанову; забывъ всякое приличіе, онъ пристально глядѣлъ ей въ лицо, стараясь уловить хоть малѣйшее измѣненіе. Она выдержала взглядъ, потомъ плавно перевела глаза на часы, оправила вязаную салфетку на столъ, и затѣмъ ужъ только мелькомъ взглядывала на Русанова.

— Больше ничего не имѣете сказать мнѣ? сухо спросилъ онъ.

— Кажется нѣтъ.... Да, если вздумаете писать, не забудьте Аниной теплички; мнѣ очень интересно знать, что у него тамъ посажено, хорошо ли принимается....

— И только? произнесъ онъ съ удареніемъ.

— Да что жъ вы на мерсі запрашиваетесь? улыбнулась она черезъ силу:- ну мерсі, что не забыли, что такъ любезно взяли на себя братнино порученіе....

Русановъ придрался къ разговору о Малороссіи, и надѣясь выиграть время, а вмѣстѣ кольнуть и пробудить ее, сталъ раз-

сказывать про Бобырца, какъ онъ просваталъ дочь за очень порядочнаго человѣка, какъ сосѣди подтрунили надъ странною фамиліей жениха и обиженный отецъ отказалъ ему....

Инна не дослушала, вышла въ спальню, стала передъ зеркаломъ, и начала разчесывать волосы.

Русановъ это все видѣлъ, внутренно посылая ко всѣмъ чертямъ Леона; онъ все изобрѣталъ, какъ бы его спровадить.

— Мы сегодня собираемся на представленіе типовъ. Приѣхала миссъ Терри изъ Лондона... Не хотите ли вы вмѣстѣ? вышла Инна. — Ахъ, вѣдь вамъ укладываться надо! будто спохватилась она.

Смутное чувство подсказывало Русанову, что ждать больше нечего.

— Да, пора, поднялся онъ, отыскивая перчатки:- прощайте, Инна Николаевна, дай Богъ вамъ всего лучшаго...

Она подошла къ нему чуть слышно, положила обѣ руки въ его, и посмотрѣла на него почти съ материнскою нѣжностью.

— Прощайте, сурово перебилъ Леонъ, стиснувъ ему руку:- Не забудьте, что я вамъ гово-

рилъ, обнялъ онъ Русанова.

Тому словно туманъ застлалъ глаза; онъ что-то пробормоталъ о томъ, какъ тяжелы всегда такія минуты.

— Да, да, слышалось ему, но кто говорилъ, онъ ужъ не могъ разобрать, и пошелъ. У воротъ онъ обернулся, взглянулъ на окно: никто не показывался....

"Ну, нѣтъ — значитъ нѣтъ," проговорилъ онъ въ отчаяніи.

Ему все мерещилось, что она вернетъ его, или сама выбѣжитъ....

На другой день утромъ паровое судно вышло изъ гавани ***, и какъ обыденное проявленіе приморской жизни, почти никѣмъ не было замѣчено. Въ числѣ пассажировъ, облѣпившихъ бортъ, стоялъ Русановъ съ подзорною трубой, направленною на берегъ. Поодаль отъ немногихъ зрителей, бросилась ему въ глаза группа женщины въ сѣренькомъ платьѣ, опиравшейся на загорѣлаго бородача; онъ успѣлъ разглядѣть вьющіеся по вѣтру черные локоны, но пароходъ шель такъ шибко, что фигура тотчасъ замутилась въ стеклѣ; онъ сталъ усиливать

увеличеніе, второпяхъ не находя фокуса, наконецъ кое-какъ приноровился: на мгновеніе выступило бѣдное лицо съ такою бользненною улыбкой, съ такимъ страдальческимъ взглядомъ.... Судорожно звякнулъ онъ трубой въ бортъ и разбилъ ее въ дребезги....

ХІІ. Домашній очагъ

Есть что-то поразительно грустное въ просторныхъ, запущенныхъ покояхъ вашихъ старыхъ, барскихъ домовъ. Штучный полъ покоробило; углы и линіи карнизовъ замѣтно повело; старинная мебель неуклюже замерла на обычномъ мѣстѣ; плотныя бархатныя драпри гостиной едва даютъ свѣтъ на вышедшую изъ моды бронзу и фарфоръ; массивныя картины въ широкихъ рамахъ, десятки лѣтъ не выдавшія губки, пожухли, потемнѣли.... Тишина изрѣдка нарушается глухимъ боемъ стѣнныхъ часовъ въ длинномъ футлярѣ красного дерева, а какъ затопятъ печи, да начнетъ трескотня по угламъ, что-то именно выживаетъ свѣжаго человѣка. Таковъ былъ домъ, оставленный Русановымъ на попеченіе ста-

раго дядьки. Самъ Псоичъ, высокій, худощавый старикъ съ окладистыми сѣдыми бакенами, вѣчно въ долгополомъ неизносномъ синемъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, какъ будто служилъ необходимымъ дополненіемъ къ дому.

Личность эта не принимала видимаго участія въ ходѣ описываемыхъ происшествій; но если Русановъ въ годы первой молодости имѣлъ возможность не увязнуть въ тинѣ жизни, такъ этимъ онъ обязавъ былъ почти исключительно этому старику. Вывезенный дѣдомъ Русанова для обученія портняжному ремеслу, онъ вмѣстѣ съ нимъ оставилъ Москву въ 1812 году, вернулся камердинеромъ студента Русанова, былъ отпущенъ имъ на волю по окончаніи курса, сталъ дядькой его сына, въ теченіе своей жизни нѣсколько разъ тонулъ, одинъ разъ буквально горѣлъ и какъ-то мимоходомъ успѣлъ жениться и овдовѣть. Ему-то сначала отчасти, а потомъ и вполнѣ одолжены были Русановы сохраненіемъ громаднаго дома въ то время, какъ имѣнія ихъ одно за другимъ продавались съ аукціоннаго торга.

Надъ Москвой крѣпчалъ первый морозъ, солнце искрилось послѣдними блестками въ разрисованныхъ инеемъ стеклахъ; они слегка дрожали отъ вечерняго благовѣста. Псойчъ допивалъ шестую чашку чая, когда у подѣзда звучно проскрипѣли сани. Старикъ выглянулъ изъ-за самовара, поднялъ руку щиткомъ надъ глазами; вглядѣлся въ спрыгнувшаго съ саней мушину, въ дубленкѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ черезъ плечо, всплеснулъ руками и бросился на крыльцо.

— Батюшка Владиміръ Ивановичъ! лепеталъ онъ, обнимаясь съ пріѣзжимъ.

— Здравствуй, старикъ, здравствуй! говорилъ растроганный Русановъ:- ну, веди меня.... пойдѣмъ, пойдѣмъ.

— И не чаялъ, не чаялъ дождаться, говорилъ тотъ, слѣдуя за молодымъ бариномъ:- что, батюшка, смотрите на покои? Все въ порядкѣ, какъ было.... вонъ и фуражка ваша, синенькая-то.... какъ изводили повѣсить на канделябру, такъ и висить.... Выравнились-таки, свѣтикъ, грѣхъ сказать, подросточкомъ отпустилъ-то васъ.

Мирное чувство овладѣвало Русановымъ

по мѣрѣ того какъ старикъ изливаль свою радость. Онъ пошелъ въ кабинетъ и подсѣлъ къ самовару.

— Намаялся, проговорилъ онъ, откладывая на диванъ свой мѣшокъ:- а дяденька еще не пріѣзжалъ?

— Дяденька-то? дрогнулъ старикъ:- пріѣхать-то.... кажется, пріѣхалъ....

— Гдѣ-жь онъ?

— Дяденька-то?... да вотъ онъ.... тутъ.... того.... — Старикъ ударилъ руками объ поды сертука, опустился на стулъ, щеки у него задергались, и слезы заблестѣли по морщинамъ.

— Что ты? что съ тобой? вскочилъ встревоженный Русановъ: — боленъ онъ что ли? умеръ? да не бойся.... очень-то ужъ ты меня ничѣмъ не удивишь.

Старикъ молча показываль рукой на завѣшенное простыней зеркало.

— Мнѣ и не въ домекъ, сказалъ Русановъ опавшимъ голосомъ:- отвыкъ я отъ родного-то, Псоичъ, гдѣ-гдѣ не таскался.... Давно ли же?

— Да вотъ какъ пріѣхалъ, такъ и захво-

раль.... съ дороги что ли, и то сказать старыя кости.... А тутъ сталъ спѣшить деньгами въ опекунскій, за двадцать тысячъ Нечуй-то пошелъ.... еще пуще разнемогся. — въ бреду все васъ поминалъ: "Володя, крикнетъ жалостно такъ, Володя!" Все на свѣтъ, на людей жаловался, что все это хуже становится... Вонъ тамъ на Ваганьковѣ рядомъ съ папенькой и.... — голосъ Псоича оборвался.

— Ну, полно, успокойся, проговорилъ Русановъ:- поди-ка отдохни, да и я прилягу съ дороги-то.

— Прилягте, родной, а мнѣ что за отдыхъ, на радостяхъ! Я къ Мальвинѣ Францовнѣ побѣгу, то-то обрадуется.... Такъ-то оно, и горе и радость и все-то такъ, прибавилъ онъ уходя.

Русановъ отсылалъ его, чтобъ остаться одному; что-то похожее на упрекъ зашевелилось въ немъ; онъ выманилъ дядю изъ роднаго гнѣзда; онъ былъ, можетъ-быть, невинною причиною его смерти; но это не долго длилось.

"Такъ ужъ все одно къ одному, думалъ онъ, осматривая свое прежнее пепелище; бѣдный дядя, добрый старикъ, хорошо онъ сдѣлалъ,

что умеръ; съ его простотой и довѣрчивостью жить въ такое время!"

Старый слуга долго еще стоялъ за дверью, вглядываясь въ грустно-заботливое лицо своего питомца, покачалъ сѣдою головой, и пошелъ въ раздумьи насчетъ такой перемѣны въ прежнемъ веселомъ Володенькѣ.... А Русановъ подошелъ къ окну и глядѣлъ на новоотстроенные дома, на поновленные старые. На одномъ изъ нихъ пестрѣла только что намазанная вывѣска; по улицѣ протянулась фура переноснаго газа; прошелъ какой-то чиновникъ въ неизвѣстной ему формѣ; пьяный фабричный лежалъ на тротуарѣ въ патріархальной простотѣ и невинности....

И это конецъ? Нѣтъ.... Что же будетъ дальше? Кто знаетъ? Мы по крайней мѣрѣ менѣ всѣхъ....

Клюшников В. П.: Биобиблиографическая справка

КЛЮШНИКОВ, Виктор Петрович [10(22).III.1841, с. Алексиановка Гжатского у. Смоленской губ.- 7(19).XI.1892, Петербург; похоронен в Москве на Даниловском кладбище] — прозаик, журналист. По происхождению дворянин. Учился в 4-й Московской гимназии (окончил в 1857 г. с золотой медалью), затем — на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (1857–1861). Кончив курс кандидатом, несколько месяцев прожил в Харьковской губ. (Сумской у.) — в имении дяди, известного в 40 гг. поэта И. П. Клюшникова. Природа, фольклор, бытовой уклад Малороссии и, главное, взволновавшие край политические события, связанные с восстанием в Польше, дали К. богатый материал для его первого произведения — романа "Марево" (Русский вестник.- 1864.- № 1–5; отд. изд.: В 4 ч. — М., 1865), обратившего на себя общее

внимание еще до завершения его публикации <Эдельсон Е. Н.>. Русская литература // Библиотека для чтения.- 1864.- № 4./5.* — С. 19). Остроактуальная проблематика романа (социально-политическая обстановка в пореформенной России, судьба радикально настроенной молодежи) дала основания многим критикам 60–70 гг. ставить "Мареву" в один ряд с крупнейшими произведениями тех лет — "Взбаламученным морем" А. Ф. Писемского, "Некуда" Н. С. Лескова, "Бесами" Ф. М. Достоевского, т. е. с т. н. "антинигилистическими романами", и даже с "Отцами и детьми" И. С. Тургенева, интерпретированными на страницах "Современника" и "Искры" как пародия на молодое поколение. Не усматривая в радикальном движении "ничего, кроме миража, марева" (Скабичевский А. М. Русское недомыслие // Отечественные записки.- 1868.- № 9. — Отд. II. — С. 38), К. вместе с тем стремился быть беспристрастным: сочувствуя героям, искренне преданным революции (в отличие от множества коварных и беспринципных нигилистов), и отнюдь не идеализируя людей уходящей николаевской эпохи, он

противопоставлял этим общественным силам свой вариант "нового человека" — Владимира Русанова, ищущего "дельной" службы (Ч. 1–2. — С. 129), преданного интересам народа, защитника "русского чувства, заваленного, замусоренного" наносными идеалами (Ч. 3–4. — С. 198). Этот "Дон-Кихот консерватизма" (Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Современник.- 1864.- № 3. — Отд. II. — С. 53), идейно и биографически близкий К., при всей расплывчатости высказываний тем не менее вполне определенно тяготел к политической программе М. Н. Каткова, что позволило одному из критиков уподобить Русанова "вешалке, на которой автор развесил просушивать передовые статьи "Московских ведомостей" (Отечественные записки.- 1864.- № 6. — Отд. II. — С. 942). К. действительно был единомышленником Каткова и до конца жизни высоко ценил его "вещий голос" (Некролог М. Н. Каткова // Нива.- 1887.- № 31. — С. 775). Общественная позиция писателя определила во многом судьбу "Марева", вызвавшего массу отрицательных отзывов и многие годы упоминавшегося в радикальной и даже либе-

ральной прессе как пример махровой реакционности. Тем не менее роман принес К. громкий успех. Бойкая манера повествования, динамичная, почти детективная интрига, явная ориентация на тургеневские принципы построения характеров, попытка дать летопись интеллектуальной жизни России, связав 60 гг. с эпохой 40 гг.,- все это создало К. репутацию "человека с настоящим талантом", хотя еще и не зрелым "он им орудует, как акробат" (Письмо А. К. Толстого к С. А. Толстой от 3 июля 1864 г. // Вестник Европы.- 1897.- № 6. — С. 609). Сходную оценку роману дал Тургенев: "...бойко написано и интересно, хотя немного жидко" (Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма. — М.; Л., 1963. — Т. 5. — С. 243).

Литературный дебют К. был самой счастливой страницей его творческой биографии. Человек "впечатлительный, застенчивый, мягкий и даже робкий", после шума вокруг "Марева" он "поспешил зарыться в скромную нору безымянного журнального работника" (<Матвеев П. А.> Письма о литературе // Русский вестник.- 1895.- № 1. — С. 228). В 60 гг. К. много переводил для "Русского вестника" (он

в совершенстве владел французским, немецким, английским языками); с 1868 г., переехав в Петербург, участвовал в редактировании журнала "Заря"; в 1876–1878 гг. издавал журнал "Кругозор", позднее — газету "Собеседник"; в 1878–1882 гг. выпускал "Всенаучный энциклопедический словарь" (Спб. — Ч. 1–3); с 1883 по 1886 г., ненадолго вернувшись в Москву, заведовал редакцией "Русского вестника". Бесспорная заслуга К.-журналиста перед русским читателем — многолетнее (1870–1875, 1887–1892) редактирование "Нивы", одного из самых популярных изданий конца XIX в., формировавшего вкус массовой аудитории. По свидетельству современника, К. отдавался работе в этом журнале с редким "самозабвением" (Авсеенко В. Г. Кружок беллетристов "Нивы" // Нива.- 1904.- № 50. — С. 1006), придиричливо редактировал чужие рукописи, ночами сидел над корректурами.

К. всегда материально нуждался, и на многих его произведениях (в особенности исторических повестях, написанных в соавторстве с П. Петровым и В. Кельсиевым) лежит отпечаток спешной работы. Обилие мелодраматиче-

ских сцен, маловероятных, слабо мотивированных событий портит даже лучшие его произведения, хотя искупается нередко талантом бытописателя, черпавшего обычно материал из собственного прошлого. Так, рисуя в романе "Большие корабли" (1866–1867) нравы сенатских чиновников, он опирался на опыт, приобретенный им в 1862 г., когда около года служил младшим помощником секретаря VIII департамента Сената в Москве. Детальное знакомство с закулисной жизнью петербургской прессы нашло отражение в рассказе К. "Пляска смерти" (Русское обозрение.- 1891.- № 12). Не удивительно, что К. удавались небольшие произведения — рассказы, очерки, позволявшие ограничиться зарисовкой бытового уклада и привычек представителя какого-либо сословия ("Барышня и барыня" // Нива.- 1874.- № 4; "Крепыш" // Русский вестник.- 1885.- № 1). Изредка он выступал с рецензиями и критическими статьями. Однако имя К. еще при его жизни было забыто: "Его литературная карьера была карьера метеора", и после "Марева" он "утонул в пучине неизвестности" (Михневич В. Наши знакомые // Фелье-

тонный словарь современников. — Спб., 1884. — С. 104).

Соч.: Цыгане, Роман: В 3 ч. — Спб., 1871; Не-Марево, Повесть // Заря.- 1871.- № 2, 4; Большие корабли. Роман: В 3 ч — Спб., 1874.

Лит.: Зайцев В. А. Перлы и алмазы русской журналистики // Русское слово.- 1864.- № 6. — Отд. II. — С. 45–50; Писарев Д. И. Сердитое бессилие. — Соч.: В 4 т. — М., 1956. — Т. 3; Салтыков-Щедрин М. Е. Цыгане. Роман: В 3 ч. Соч. В. Ключникова. — Спб., 1871 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1970. — Т. 9; Быков П. В. В. П. Ключников // Всемирная иллюстрация.- 1892.- № 1244. — С. 405–406.

О. Е. Майорова[5]

Примечания

Русскій вѣстникъ", 1864. Том 49. № 1

[^^^]

В. КЛЮШНИКОВЪ.

"Русскій вѣстникъ", 1864. Том 49. № 2

[^^^]

"Русскій вѣстникъ", 1864. Том 50. № 3

[^^^]

"Русскій вѣстникъ", 1864. Том 51. № 4

[^^^]

Источник: "Русские писатели". Биобиблиографический словарь.

Том 1. А-Л. Под редакцией П. А. Николаева.
М., "Просвещение", 1990
OCR Бычков М. Н.

[^^^]